

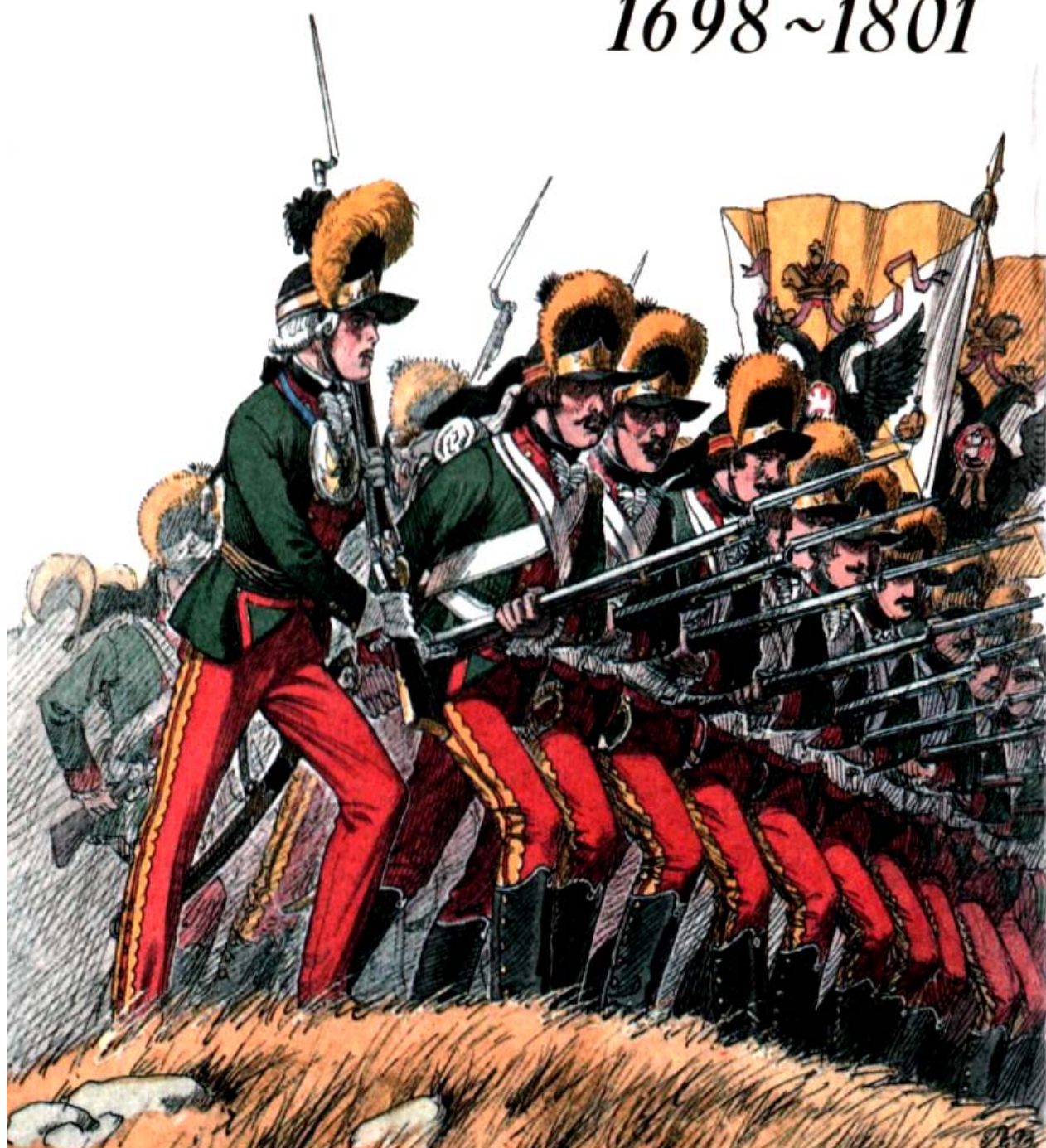
ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ ВОЙСК

О. Леонов, И. Ульянов

РЕГУЛЯРНАЯ ПЕХОТА

1698 ~ 1801

Леонов О. Г., Ульянов И. Э.

Л51 Регулярная пехота: 1698—1801 / История Российских войск. Художник О. К. Пархаев; прилож. Б. Ю. Степанов — М; ТКО «АСТ», 1995, — 296 с, ил.

Предлагаемая читателю книга — дебют молодых авторов, на протяжении нескольких последних лет занимавшихся изучением эволюции отечественной униформы и военного дела. Среди редких изданий на эту тему ее отличают добротность и новизна используемого архивного материала. Особый интерес представляют сопровождающие текст иллюстрации, выполненные профессионально и максимально приближенные к историческим реалиям.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, историков и художников по костюму.

© ТКО "АСТ", 1995

© Текст. Леонов О.Г., Ульянов И.Э. 1995

ISBN-5-88196-477-2
1995

© Иллюстрации и макет. Пархаев О.К.,

ОТ АВТОРОВ

Тема этой книги — развитие русской пехоты XVIII в. Нет, пожалуй, другого рода войск, чей вклад в сокровищницу русской славы был бы более заметен; никакие другие солдаты не перенесли столько лишений, как пехотинцы. Именно в истории пехоты русский национальный характер сказался во всей своей полноте. Даже в ранний период отечественной истории славяно-варяжская пешая фаланга Святослава стойкостью и мощью удара вызывала удивление и восхищение у противостоявших ей византийцев. Шли века, а пешее ополчение по-прежнему являлось основной силой русского войска. О стену русской пехоты разбивались атаки ливонских рыцарей на Чудском озере, тевтонцев при Грюнвальде, ордынцев на Куликовом поле; позже силу новоучрежденных стрелецких полков почувствовали на себе поляки и татары.

Но в задачу авторов не входит рассмотрение всей истории развития древнейшего рода войск, хотя, несомненно, любая веха УГОН истории заслуживает подробнейшего изучения и ждет СВОИХ исследователей. Мы же попытаемся проследить процесс становления и укрепления регулярной русской пехоты, процесс, и короткое время выведший Россию в ряд сильнейших военных держав Европы и Азии.

Процесс этот был далеко не однозначен, в нем перемешались И позитивные, и негативные тенденции. Сама стремительность создания боеспособной армии во многом стала следствием «рос-сийского подхода», при котором не считались ни с какими жертвами (хотя, конечно, цена человеческой жизни в XVII— XVIII вв., вообще, была невысока, и европейских военачальников уже трудно заподозрить в чрезмерной гуманности по отношению к своим подчиненным). Не всегда было необходимо и слишком буквальное копирование западных образцов.

Но так или иначе, к концу XVIII в., по многочисленным свидетельствам очевидцев (в том числе и иностранцев), русским пехотинцам не было равных: «Несокрушимые твердыни или опустошительные потоки, воздержанные, когда надо, дисциплинированные, когда того желают, они подчиняются всему одинаково скоро; одетые или не одетые, накормленные или умирающие с голоду, получающие свое жалование или не получающие, они никогда не ропщут, идут вперед всегда и при одном слове "Россия" и "император" бросаются в огонь» [3 2, кн. LXXXIV, с. 200].

В этой книге мы постараемся в общих чертах разъяснить некоторые вопросы комплектования, обучения, довольствия, боевого применения и повседневной жизни пехотных полков русской армии с конца XVII до начала XIX в. Нужно отметить, что из всего многообразия пехотных формирований, существовавших в России этого периода, основное внимание мы уделим гвардейской и армейской полевой пехоте, лишь коротко упомянем об организации гарнизона и совершенно не затронем вопросы, связанные с иррегулярными и национальными, а также с морскими (флотскими) пехотными частями и подразделениями. Не претендуя на всеобъемлемость и непреложность наших выводов, мы надеемся, что внимательный и любознательный читатель, ознакомившись с книгой, задастся рядом вопросов, которые подвигнут его к дальнейшему изучению военной истории Отечества

Авторы выражают благодарность:

Летину Сергею Альбертовичу за общую консультацию и помощь в создании книги;

Егорову Вадиму Игоревичу за консультацию по I и II главам;

Королеву Виталию Борисовичу за консультацию по IV главе;

Степанову Борису Юрьевичу за консультацию по оружию.

1. ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ К СЛАВЕ

Доставшееся Петру воинство по своим боевым качествам, несомненно, далеко отставало от армий, прошедших суровую школу европейских войн. Стрелецкие полки и разношерстное дворянское ополчение выглядели живым анахронизмом по сравнению с «цесарцами» Евгения Савойского или с французскими войсками Людовика XIV; многочисленные же солдатские полки «иноземного строя» в большинстве своем по уровню подготовки не могли равняться даже и со стрельцами. Весь многосложный процесс обучения военнослужащего зависел лишь от добросовестности иноземных и немногих русских офицеров и от их знаний, чаще всего недостаточных.

Единственным уставным документом того времени можно считать «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», которое играло роль всего лишь справочно-ознакомительного труда, необязательного для исполнения. Являясь несколько переработанным переводом немецкого «Kriegskunst zu Fuss» («Воинское искусство пехоты»), «Учение и хитрость...» было напечатано в Москве в 1647 г. и содержало ряд сведений из боевой практики европейской пехоты первой трети XVII в. Действия пехоты описывались как наисложнейшие комбинации двух основных ее частей — пикинеров и мушкетеров; и здесь воистину требовались чудеса изобретательности, чтобы добиться оптимального построения. Мушкетеры с тяжелыми мушкетами с подсош-ками и без защитного снаряжения представляли собой легкую добычу для вражеской кавалерии и поэтому в нужную минуту укрывались за чостоколом длинных копий пикинеров. В то же время и пикинеры без огневой поддержки не могли рассчитывать на серьезный успех. В боевых порядках пикинеры располагались в центре, а вокруг них выстраивались мушкетеры.

Так появились четырехугольные, восьмиугольные, крестообразные и линейные построения, для четкого выполнения которых требовались постоянные упражнения.

Уже в XVII в. начала зарождаться мода на всевозможные , парадные ухищрения, зачастую вытесняющие боевую подготовку. Так, один из французских офицеров гордился тем, что «мог выписывать на плацу ногами своей части «Vive le roi» («Да здравствует король») [76, с. 150]. Эта мода, имевшая множество сторонников в России конца XVIII в., никак не могла быть перенесена на русские солдатские полки допетровского времени, обучение которых велось лишь один месяц в году. Все остальное время «солдаты» занимались земледелием или ремеслом, ничем не оправдывая своего состояния на военной службе. Да и офицеров русского воинства нельзя было обвинить в чрезмерном усердии на строевом поприще: обычно «учения» ограничивались выпаливанием всего отпущенного пороха. Проверка способностей офицеров перед Северной войной показала, что большинство из них не только не могли командовать людьми, но и сами не умели «взяться за мушкет». Это было допустимо в европейских условиях, где строевым обучением заправляли выдавшие виды унтер-офицеры, но в России подготовленными кадрами обладали лишь немногие полки, такие, как 1-й и 2-й Московские выборные.

Полки эти, собранные в 1642 г. из лучших московских стрельцов и добровольцев, несомненно, являлись лучшей пехотой государства, выгодно отличаясь и от стрелецких, и от других солдатских полков. Кадровый состав выборных полков, живущий в слободах под Москвой, перед походами пополнялся призывавшимися время от времени «городовыми» солдатами. В мирное время обучение «выборных» солдат проводилось регулярно. «Уставное» обучение мушкетера или пикинера требовало поистине титанических усилий, многообразие промежуточных «темпов» (фаз, на которые было разбито исполнение оружейных приемов) поражало. Так, для заряжания мушкета с подсошком предусматривалось 57 «темпов», а для прикладывания перед стрельбой — 37 «темпов». Перекладывание мушкета из одной руки в другую, поворачивание его в воздухе, поднятие или опускание рук сопровождалось поочередным выставлением вперед ног, так что со стороны эти строевые упражнения походили на танец, и было бы странно требовать их выполнения от изредка призываемой основной массы русских солдат.

Тактика русской пехоты до 90-х гг. XVII в. описана довольно слабо. В показательном для допетровского периода сражении при реке Тясьмине в 1678 г. пехота защищалась от турецкой и татарской конницы плотным строем, окружив себя рогатками.

Отбив атаки, русские перешли в наступление, вся тяжесть которого опять-таки легла на пехоту. Полки, по-видимому, были построены в четырехугольники; в интервалах между ними двигалась кавалерия, игравшая совершенно пассивную роль. Полковые орудия передвигались впереди строя полка, а первые шеренги солдат несли заранее собранные рогатки.

Наступление чаще всего велось методом огневого воздействия: мушкетеры, постепенно передвигаясь вперед, вели огонь по противнику и заставляли его отступать. При необходимости более энергичной атаки, что случалось весьма редко, вперед выдвигались пикинеры и с пиками наперевес под барабанный бой двигались на врага.

Мушкетеры могли вести огонь рядами, шеренгами и залпами. Излюбленным в России способом была стрельба шеренгами, или «стрешным ходом» — во всяком случае, петровские «потешные» полки практиковали ее вплоть до 1698 г. При подобной стрельбе прутиками обозначался «огневой рубеж», впереди стоящая шеренга подходила к «рубежу», стреляла и уходила за последнюю шеренгу. То же самое проделывали и остальные шеренги. Применение подобного способа стрельбы предполагало неподвижность противника, но возрастающая маневренность боя делала пехоту, стреляющую шеренгами, крайне уязвимой.

Более удачной была стрельба залпами, которую неоднократно демонстрировал молодому Петру Патрик Гордон со своим 2-м Выборным (Бутырским) полком. Мушкетеры строились в три шеренги, причем первая шеренга опускалась на колено, а вторая «немного наклонялась» [47, т. 1, прил., с. 15]. Стреляли одновременно все три шеренги.

Количество пикинеров в русских частях постепенно сокращалось: в выборных полках, например, большая часть пикинеров набиралась лишь на время боевых действий, для чего и изготавливались тысячи древков для пик. При этом до конца XVII в. в русской армии так и не нашли массового применения багинеты, или штыки, позволяющие мушкетеру эффективно вести рукопашный бой. Если во Франции уже в 1684 г. штыки были введены для всех мушкетерских полков, то в России только десятью годами позже Франц Лефорт в своем 1-м Выборном полку вооружил одну роту «игрушечными» деревянными багине-тами.

Та же Франция, служившая в конце XVII в. законодательницей военной моды, в начале 70-х гг. имела отдельные гренадерские роты, подобные которым появились в выборных, а затем и в других солдатских и стрелецких полках не ранее 1690 г., несмотря на то, что люди, обученные метанию гранат, были в русском войске уже в Чигиринских походах 1676—1678 гг.

Стрельные приемы по Уставу 1698 г.

Мушкет на плече (1); мушкет на караул (2); мушкет к ноге (3); «Полозки мушкет на землю» (4); «Превращенно положи мушкет на плече» (5); «Сохраните замки от дождя» (6); «Ружье на погребение» (7); «Откройте полку» (8); «Порох на полку» (9); «Оберните ружье к заряду» (10); заряд из лядунки (11); заряд в ствол (12); шомполы в стволы (13); шомполы из стволов (14); шомполы на прилежащее место (15); «Приподнимите мушкеты» (16); «Ухватите левою рукою под правою» (17); мушкет с багинетом на караул (18).

«Прикладывайтесь» (1); «Стреляйте» (2). Приемы гренадерские: «Вскрывают и будьте готовы» (3); «Зажигайте и бросайте гранаты свои» (4); «Мушкеты из-за плеча, ставьте перед себя и принимайтесь за багинеты» (5); багинеты кверху (6); «Принесите мушкеты к багинету и принаравливайте» (7); «Ухватите мушкет правою рукою посередине» (8); «Ухватите левою рукою под правою» (9); «Уклони багинет человеку груди» (10).

Для русской армии XVII в. характерна крайне слабая организация тыловых служб. Обозы для перевозки полкового и личного имущества солдат и офицеров назначались лишь на время боевых действий, а количество подвод определялось особо для каждого полка и перед каждым походом. Обоз играл оборонительную роль: армия огораживалась подводами на походе, на отдыхе, а часто и в бою.

Естественно, что при таких условиях армия на походе обладала низкой мобильностью, а в условиях жаркой безводной степи, часто тогда являвшейся театром военных действий русских войск, несла чрезмерные потери.

Реформы, начатые царем Михаилом Федоровичем и продолженные Алексеем Михайловичем, проводились медленно и с ничтожными результатами. Да и в среде служивых людей, призванных, казалось бы, защищать государство, далеко не всегда встречали поддержку нововведения, так что правящей династии все серьезнее приходилось опасаться бунтов.

* * *

Молодой Петр не мог смириться с существованием подобной армии. Его честолюбивые замыслы требовали коренной ломки всех устаревших государственных институтов, тем более что пример Европы стоял у него перед глазами, ослепляя блеском и великолепием. При этом, как бы ни хотелось царю буквально перенести на русскую почву все иностранные новинки, едва ли это было возможно. Нельзя было за несколько лет создать боеспособные в европейском смысле вооруженные силы, а Петр не мог и не хотел ждать: его планы были слишком значительны, а человеческая жизнь — слишком коротка. Изучив российский и европейский опыт, Петр создал невиданную доселе армию — армию, практически свободную от всех ненужных парадных наслоений и способную на действия в любых условиях.

Как основу для создания новой армии Петр рассматривал выборные и организованные им «потешные» полки. Первые молодые люди из дворцовой прислуги были собраны для военных игр Петра еще в 1683 г. Постепенно игры приобретали все более серьезный характер, а количество «потешных» постоянно росло. В 1687 г. число их стало так велико, что часть людей пришлось перевести из села Преображенское в Семеновское, а с начала 90-х гг. все «потешные» были разделены на 2 полка: Преображенский и Семеновский. Сам Петр и большинство его будущих военачальников — Ф. Апраксин, А. Репнин, А. Меншиков, М. Голицын — прошли через солдатские и унтер-офицерские (урядничьи) чины в этих полках, где офицерские должности пока занимали иностранцы.

По требованию Петра в «потешные» неоднократно зачислялись музыканты, урядники и солдаты из выборных полков, а офицеры этих полков принимали живейшее участие в обучении царя и его будущей гвардии.

Нужно заметить, что благодаря разносторонним интересам Петра «потешные» стали своего рода «универсальной» пехотой, способной действовать в пешем и в конном строю, на суше и на море, управляться с топором и лопатой, с холодным и огнестрельным оружием, с артиллерийскими системами. Так, в 1689 г. на трехдневных учениях у Лукьяновой пустыни «потешные» полки действовали сначала в пешем, а затем в конном строю. Как мы увидим, время доказало правильность подобного обучения.

Строевые приемы, в целом взятые из «Учения и хитрости...», с начала 90-х гг. стали всячески упрощаться Петром. Занятия в селе Преображенском проходили трижды в неделю, а вскоре помимо строевых упражнений Петр ввел и неизвестную ранее форму обучения войск — полевые маневры с привлечением больших воинских сил. Учебные бои отличались чрезвычайной жестокостью. Только в 1690 г. П. Гордон был дважды ранен на маневрах, где «потешные» (Преображенский и Семеновский полки), Лефортовский (1-й Выборный) и Бутырский (2-й Выборный) либо делились на две противоборствующие стороны, либо и инстинктивно противостояли стрелецким и солдатским полкам.

Наиболее длительные по времени и значительные по составу участников маневры — Кожуховский поход 1694 г. — прошли под знаком готовящегося Азовского похода.

В этом же году преображенцы и, по-видимому, семеновцы получили постоянную ротную организацию; в Преображенском полку была выделена особая команда бомбардиров, ставшая впоследствии наиболее привилегированным подразделением гвардии.

Азовские походы 1695 и 1696 гг. показали, несмотря на ВЫСОКИЙ моральный дух солдат, общую неготовность армии к серьезным трудностям. Осознав недостаток подготовки как старых, так и недавних «потешных» полков, Петр обратил все силы на изучение зарубежного опыта. 1696—1700 гг. были заполнены заграничными поездками Петра и его приближенных, разработкой новых уставных документов и непрерывным обучением полков.

Стрелецкий бунт 1698 г. окончательно исключил возможность возвращения к прежней армии — жребий был брошен. Русскому войску, давно уже национальному по составу, теперь предстояло стать регулярным. И здесь, как ни странно, не нашлось достойных примеров в войсках Европы, где большую часть армии, как правило, составляли наемники. Система рекрутского набора к началу XVIII в. еще не имела

широкого распространения, хотя попытки создания постоянного национального резерва предпринимались уже давно. Так, во Франции первый набор рекрутов был проведен после указа Ришелье 1636 г. [77, с. 8], но постоянная муниципальная милиция появилась лишь в 1688 г., да и то как дополнение к боевым армейским частям. В Австрии только в 1722 году был введен постоянный рекрутский набор, а в Пруссии к 1740 г. наемные войска составляли не менее двух пятых всей армии.

Единственной страной, имевшей национальную и постоянную армию, была Швеция. Введенная к 1682 г. королем Карлом XI система индельты (поземельной воинской повинности) давала стране хорошо обученную и крепко спаянную армию; немногие наемные полки не нарушали общей картины.

Замысел Петра состоял в том, чтобы, постепенно разрушая кастовость военного сословия, создать всесословную армию, пополнение которой ложилось бы на сельские и городские общины.

Царским Указом от 17 ноября 1699 г.* объявлялся набор «даточных людей» (крепостных крестьян и людей иных сословий, зависимых от землевладельцев) и «вольницы» (добровольцев из неимущих и лично свободных людей) для формирования регулярных полков. Для того чтобы исключить путаницу в терминологии, остановимся на названиях различных видов петровской пехоты.

Так как во время Северной войны сосуществовали воинские части старой и новой организации, то и виды пехоты были чрезвычайно многообразны. Можно выделить солдатские регулярные (полевые и гарнизонные) и иррегулярные (постоянные жилые и временно собираемые) полки, стрелецкие полки и ландмилицию. Основное внимание мы уделим развитию солдатских регулярных полков, которые, в свою очередь, можно разделить на гвардейские, гренадерские, фузелерные и гарнизонные полки.

Название «гренадерские полки» в применении к петровскому времени нужно понимать как обозначающее сводные гренадерские части из отдельных рот фузелерных полков. Но если понятие «гренадер» в армии прижилось сразу, то слова «солдат», «мушкетер» и «фузелер», обозначающие одного и того же военнослужащего, употреблялись параллельно. Подобная путаница происходила и в названии полков, составлявших основную массу армии: пехотные полки назывались «солдатскими», «ин-фантерскими», «мушкетерными» и др. Наиболее полным можно считать название «фузелерные солдатские пехотные», которое и встречается в ряде официальных документов.

* Все даты в книге приведены по старому стилю.

Но для удобства изложения мы будем пользоваться термином «фузелерные полки».

Согласно Указу 1699 г., в солдаты предлагалось направлять по преимуществу «дворовых людей» светских землевладельцев и «служек», «служников» и конюхов монастырей и церквей, «не старых и не увечных». Указ определял количество даточных в зависимости от числа дворов, принадлежащих землевладельцу, и оговаривал особые условия набора для целого ряда владельцев. За каждого недостающего даточного нужно было внести 11 руб. серебром (или натурой) — годовое жалованье «новоприборного» солдата. Воеводы южных и сибирских приграничных областей имели право выбора: либо присылать даточных, либо сдавать деньги. Деньги отдавали митрополиты Сибирский и Астраханский, мелкие монастыри и погосты, некоторые особо оговоренные владельцы, в том числе Ф. Лефорт и П. Гордон. Льготные условия набора — меньшее количество требуемых даточных — предоставлялись дворянам, солдатским начальникам и солдатам, «которым на службе быть», т. е. находящимся на действительной службе.

Тогда же были разосланы и «послушные грамоты» воеводам для сбора «вольницы» (добровольцев) из «детей боярских», недорослей, казачьих и стрелецких детей и родственников и иных людей, исключая, однако, московских стрельцов и тяглых крестьян.

Формирование полков шло в селе Преображенском и в двадцати «низовых» городах (Алатырь, Арзамас, Василь, Нижний Новгород, Казань, Кашпир, Козьмодемьянск, Кокшайск, Курмыш, Пенза, Самара, Саратов, Свияжск, Симбирск, Сызрань, Чебоксары, Царев-Санчурск, Цывильск, Ядрин, Яренск). Два полка были сформированы в Новгороде.

При осмотре людей в особые тетради проставлялись пометки: «глух», «дурак», «стар», «урод»; пометка «солдат» означала годность человека к службе. Возрастные рамки набираемых солдат были чрезвычайно широки — от 15 до 35 лет. Во избежание побегов и всяческих преступлений, каждые 50 новоприборных солдат связывались круговой порукой и «приводились к кресту». Порука заключалась в следующем: «Великому государю служить верно и над казною дурна и хитрости никакой не учинять, ружья и строевого платья не продавать и не терять, из службы не бегать, вином и табаком не торговать, зерною и карты не играть и с воровскими людьми не знаться и никакого дурна или озорничества не чинить и пьяным не напиваться...» [58, Прил., с. 5].

В Устав 1716 г. был внесен новый текст присяги, действовавший без особых изменений весь XVIII в. Офицеры произносили этот текст, положив левую руку на Евангелие и подняв вверх правую руку с двумя

выпрямленными пальцами. Солдаты в строю поднимали правую руку вверх, а после произнесения присяги целовали Евангелие.

Текст был следующий: «Я, ..., обещаюся всемогущим Богом служить Всепресветлейшему Нашему Царю Государю верно и послушно, что в сих постановленных, також и впредь поставляемых, Воинских Артикулах, что оные в себе содержать будут, все исполнять исправно. Его Царского Величества государства и земель Его врагов, телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах, и в прочих воинских случаях, какова оные звания ни есть, храбрее и сильнее чинить противление, и всякими образы оных повреждать потщусь. И ежели что вражеское и предосудительное против персоны Его Величества или Его войск, також де Его государства людей или интереса Государственного что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лучшей моей совести, и сколько мне известно будет, извещать и ничего не утаить, но только паче во всем пользу его и лучшее охранять и исполнять. А командирам моим, поставленным надо мною, во всем, где Его Царского Величества войск, государства и людей благополучия и приращения касается, в караулах, в работах и в прочих случаях, должное чинить послушание и весьма повелению их не против-ляться. От роты и знамени, где надлежу, хотя в поле, обозе и гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, непременно, добровольно и верно так как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду. И во всем так поступать, как честному, верному, послушному, храброму и неторопливому солдату надлежит. В чем поможет мне Господь Бог всемогущий» [61].

С 1721 г. присяга принималась при каждом повышении в чине. Для иностранцев предусматривались некоторые изменения в тексте, а сам текст переписывался для них на русском и на их родном языке.

После прочтения присяги офицеры подписывались на гербовой бумаге; их подпись заверялась священником.

Но вернемся к набору 1699 г.

Деньгами было собрано 51 600 руб., а сам набор дал 10 916 человек даточных и 2 2 317 «вольницы» [75, с. 8]. В начале 1700 г. из них было сформировано 29 полков, названных по фамилиям полковых командиров. Ниже мы приводим список этих первых регулярных полков русской армии. В скобках приводится название полка в 1708 г. Итак, в Москве были организованы полки: Матвея Фливерка (Троицкий), Карла Дев-сона (Тверской), Матвея Трейдена (Азовский), Иоганна Трейдена (Ярославский), Карла Иваницкого (Московский), Иоганна Мевса (Псковский), Тихона Гундертмарка (Смоленский), Астафия Больмана

(Нижегородский), Томаса Юнгера (Владимирский), Ирика фон Вердена (Сибирский), Иоганна фон Дельдина (Казанский), Виллема фон Дельдина (Киевский), Николауса Балка (Новгородский), Виллема фон Швейдена (Черниговский), Фридриха. Балка (Воронежский), Александра Гордона (Астраханский), Саввы Августова (Белгородский), Ирика Левсина (?).

В Казани — полки Кашпара Гулица (Ростовский), Николая фон Вердена (Луцкий), Алексея Дейдута (в 1707 г. расформирован), Иоганна Бернера (Белозерский), Пауля Бернера (Вятский), Иоганна Англера (Пермский), Захария Кро (Архангелого-родский), Петра фон Бонховена (в 1707 г. расформирован), Андрея Митчеля (Ивангородский).

Наконец, в Новгороде — полки Романа Брюса (Вологодский) и Иоганна Кулома (в 1712 г. — Выборгский) [56, 80].

«Новоприборные» (составленные из вновь набираемых людей) полки вместе с двумя выборными (Лефортовским Юрия Лима и Бутырским Якова Гордона) и пятью стрелецкими были разделены на четыре дивизии, или «генеральства»: А. М. Головина, А. А. Вейде, кн. А. И. Репнина и кн. И. Ю. Трубецкого. Преображенский и Семеновский полки, уже к июню 1700 г. получившие почетное наименование лейб-гвардии, не входили в состав дивизий. Помимо этих полков перед Северной войной Петр имел в своем распоряжении по меньшей мере 35 стрелецких и 47 солдатских полков [8], которые задействовались по мере надобности в течение всей Северной войны и служили материалом для организации новых частей. Даже стрелецкие полки, решительное уничтожение которых приписывали Петру, существовали вплоть до второго десятилетия XVIII в. и активно участвовали в боевых действиях. Так, в 1708 г. их насчитывалось не менее 14, а в 1713 — не менее 4. К тому же, существовал целый ряд стрелецких полков, лишь формально называвшихся «солдатскими».

Первый опыт массового комплектования полков показал, что землевладельцы очень неохотно дают людей для нужд армии, предпочитая платить деньги. Не могла служить устойчивым источником пополнения и многочисленная при первом наборе «вольница». Проведя еще ряд наборов даточных, правительство перешло к более общей системе воинской повинности. Появившееся к 1703 г., понятие «рекрут» вскоре стало означать новобранца, избранного на службу сельской или городской общиной. Поначалу рекруты сразу направлялись в действующие полки, но толку от них было мало. В 1706 г. велено было обучать рекрутов на «рекрутских станциях». В 1711 г. комплектование полков формально приняло территориальный характер: полки получали пополнения из той губернии, к которой были приписаны. Такая практика, несомненно, была удачной. Полки, в которых служили выходцы из одной губернии,

становились более спаянными в боевом отношении. И уж конечно, новобранцу, попадавшему в незнакомый, поначалу пугающий армейский быт, было легче среди земляков. Но территориальную систему так и не удалось закрепить в ходе Северной войны, когда полки постоянно находились в движении, а порядок поставки в армию рекрутов не был надежно отработан.

Постоянно проводились попытки обучения пополнения до поступления в полк. Так, в 1716 г. часть рекрутов стали отдавать в гарнизонные полки, а уже обученных солдат этих полков переводить в действующую армию. В 1719г. была предпринята попытка переложить подготовку пополнения для полка на плечи самого полка. С этой целью за рекрутскими партиями посылались офицеры и унтер-офицеры полевой пехоты, которые приводили рекрут к присяге, связывали их круговой порукой и обучали азам военного дела. Но подобный метод отнимал слишком много времени, а изъятие из полков на долгое время командных чинов неблагоприятно сказывалось на боеготовности армии. Поэтому уже с 1720г. служба рекрутов вновь стала начинаться в гарнизонных полках.

Служба в новых полках была бессрочной; только смерть, дряхлость или увечье могли избавить от солдатской лямки.

Не все рекруты могли смириться с вечным отлучением от родных людей и мест. Не все могли выдержать поистине бесчеловечные условия набора и отправки в армию. Несмотря на все увещевания Военной коллегии, беспорядки в этой области были чрезмерны. Изъяны сбора и поставки рекрутов ярко описывались в документах Военной коллегии: «...когда в губерниях рекрутов сберут, то сначала из домов их ведут скованных, и, приведши в города держат в великой тесноте, по тюрьмам и острогам не мало время и таким образом еще на месте изнузив, отправят, не рассуждая по числу людей и далекости пути... при недостаточном пропитании, к тому же поведут, упустив удобное время жестокою распутицею, отчего в дороге приключаются многие болезни и умирают безвременно, а всего хуже, что многие и без покаяния...» [87, с. 487].

Бегство из полков и с рекрутских этапов было широко распространенным явлением. Некомплект в полках из-за побегов иногда достигал пятой части штатной численности. В государственных документах отмечалось, что солдаты и рекруты: «...бегут и пристают к воровским компаниям, из чего злейшее государству приключается разорение, потому что от такого худого распорядка ни крестьяне, ни солдаты, но разорители государства становятся...» [87, с. 488].

К пойманным беглецам применялись различные меры наказания, включая и казнь каждого десятого, напоминающую древнеримскую децимацию.

С 1712 г. для удобства опознания беглых солдат была введена наколка на кисти правой руки в виде креста; раскольники называли ее «печатью антихриста».

Но в то же время для многих крестьян и дворовых людей военная служба была реальным избавлением от крепостной зависимости: 31 марта 1700 г. Петр подписал Указ о невыдаче помещикам беглых крепостных, уже принятых в полки.

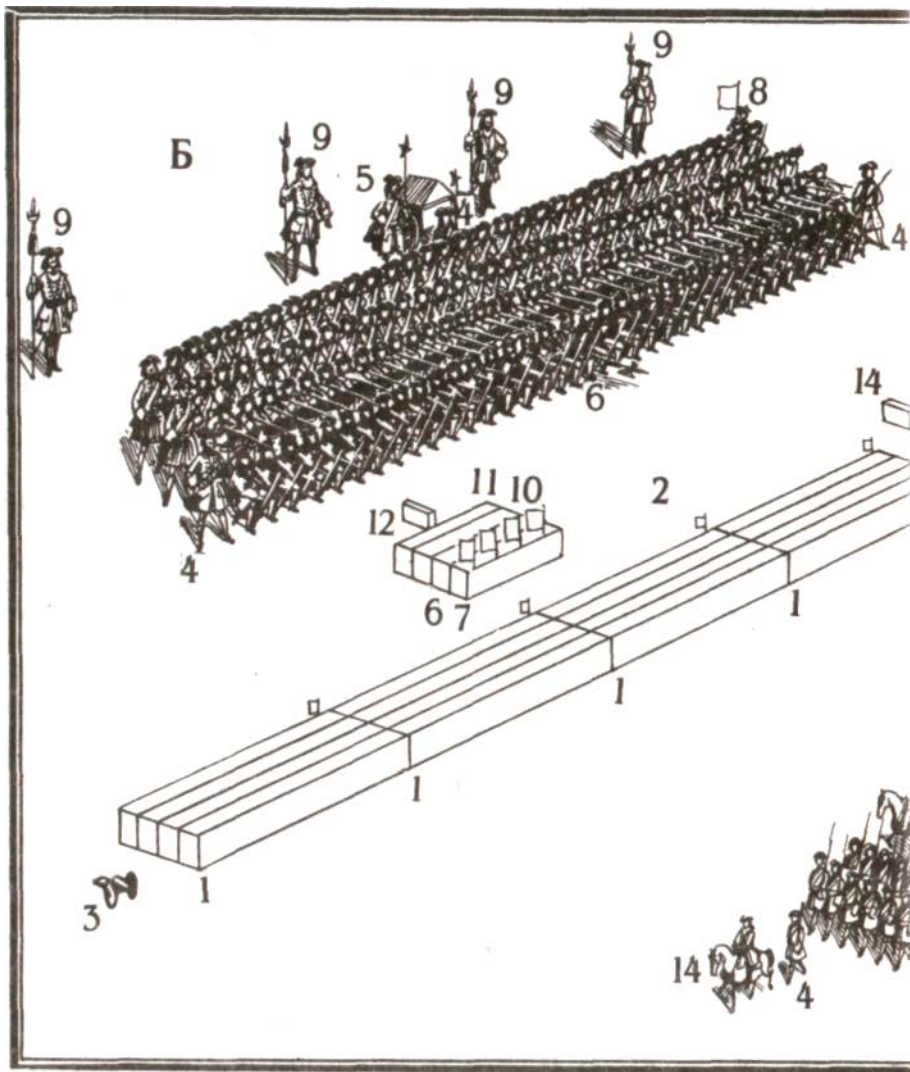
Не были оставлены без внимания и «чаяния» зажиточных горожан и крестьян: в 1717г. рекруту было разрешено нанимать вместо себя человека «доброго поведения» для службы в армии.

Гвардия и выборные полки имели несколько отличную систему пополнения. Большую часть в них составляли «солдатские дети» и родственники, чем поддерживалась определенная кастовость этой отборной пехоты. Гвардия пополнялась целенаправленными наборами дворянских недорослей и «самых видных» рекрутов. Добровольцы же из крепостных людей, принятые в гвардейские полки, тем самым освобождали от крепостной зависимости свои семьи, а детей своих — от рекрутской повинности.

В 1714г. последовал Указ о запрете производства в офицеры дворян, которые не служили рядовыми в гвардии. После этого указа приток дворян в гвардейские полки чрезвычайно усилился. Наконец, экстраординарные боевые потери иногда приводили к необходимости пополнять гвардию переведенными из армии нижними чинами.

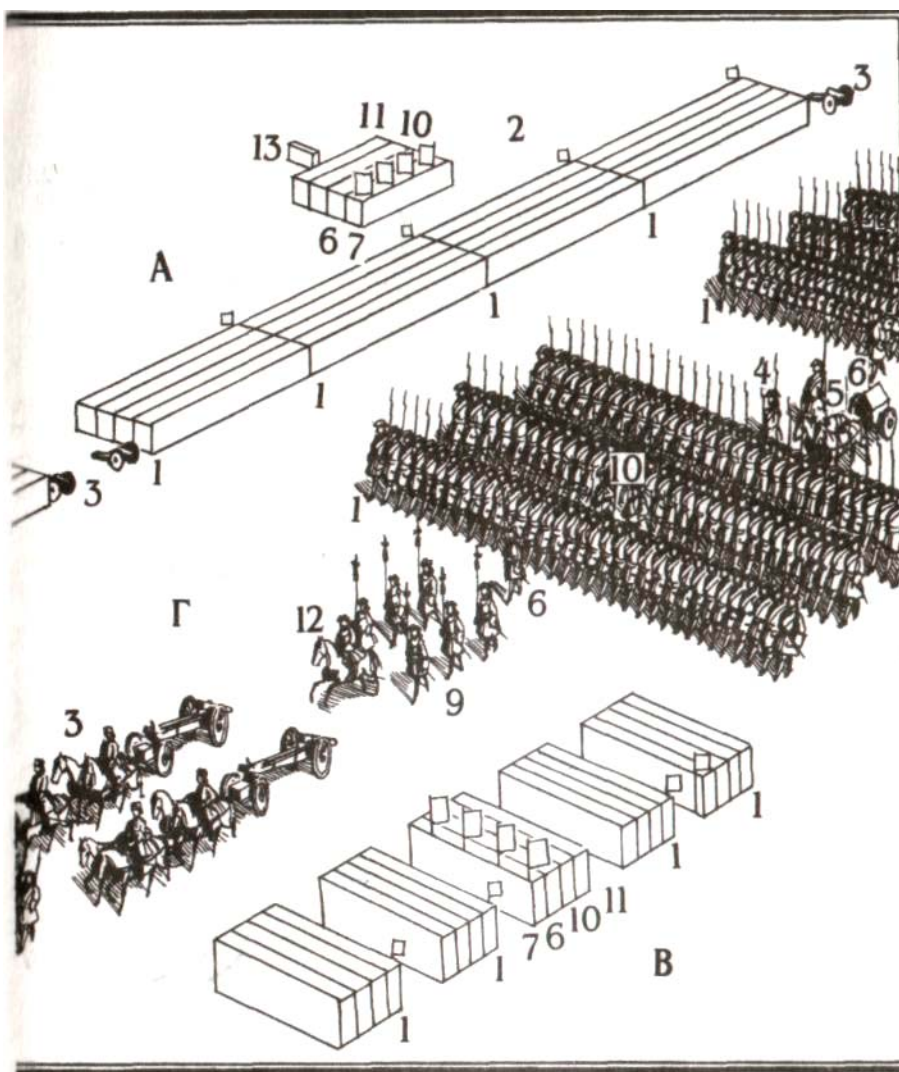
Целый ряд петровских полков был сформирован при особых обстоятельствах. Так, Ингерманландский полк Александра Даниловича Меншикова создан в 1703 г. из «самых добрых и взрачных солдат разных полков» [80, с. 46] и поставлен по жалованию на положение гвардейцев. Интересно, что этот полк включал наибольший в армии процент офицеров, происходивших не из дворянских родов. Почти столь же привилегированным считался и Астраханский пехотный полк.

В 1706 г. в сражении при Фрауштадте потерпела поражение союзная саксонско-русско-французская армия. Вся тяжесть боя легла на русский корпус, состоящий из девяти солдатских и двух стрелецких полков: «Российские 4 полка да гренадерский батальон, которые стояли в первой линии, мест своих не уступили. Все на том же месте побиты, а осталось малое число. Также осталось и в задней линии. И собрався шли... отходом и отстреливались... Мало кто из них был не ранен» [78, с. 285]. Остатки этих полков, пробившиеся к русским войскам, были сведены в особый полк увеличенного состава (три батальона вместо двух), названный Саксонским, или полком Ренцеля.

Устав 1716 г.

Пехотный полк при стрельбе (А), рота при стрельбе (Б), прохождение батальона поротно (В), голова батальонной колонны при прохождении поротно (Г).

Роты (1), батальоны (2), полковая артиллерия (3), капралы (4), каптенармусы (5), сержанты (6), прапорщики (7), фурыеры (8), обер-офицеры (9), барабанщики (10), гобоисты (11), полковник (12), подполковник (13), майор (14).

Зимой 1708/09 г. из гренадерских рот фузелерных полков было сформировано 4 сводно-гренадерских полка (по 1 на дивизию): генерал-майора Буша и полковников Бильса, дю Буа и Ласси. Полки просуществовали как гренадерские части вплоть до середины 20-х гг. XVIII в. Кроме них, в разное время существовал целый ряд сводных гренадерских полков и батальонов, использовавшихся в качестве отборной пехоты в уязвимых местах порядка боевого.

Для поддержания порядка внутри государства Петр создал регулярную гарнизонную пехоту. Первые 2 полка были сформированы в 1704 г. в Дерпте из находившихся в городе стрельцов. В последующие годы количество гарнизонных полков и батальонов постоянно возрастало.

* * *

Но вернемся вновь к 1700 г., к «новоприборным» полкам. Мало собрать людей для формирования полков, нужно придать им правильную организацию, назначить командиров и обучить, причем на все это отводилось лишь несколько месяцев. Конечно, готовые кадры урядников (унтер-офицеров) уже существовали — это были солдаты гвардейских и выборных полков. Казалось, что проще всего было распределить их по новым полкам. Однако Петр не пошел по такому очевидному пути, стремясь сохранить в неприкосновенности все надежные боеспособные части. Он повелел выбирать урядников из самих новоприборных солдат, руководствуясь только «добротой поведения». Такой подход оправдал себя, и в дальнейшем пополнение унтер-офицерского состава происходило за счет отличившихся рядовых.

Обученных офицеров и военных чиновников Петр также не имел под рукой. Но если практически все полковничьи должности заняли иностранцы, то заполнение всех вообще офицерских вакансий наемниками серьезно подорвало бы государственную казну. К тому же, Петр стремился создать национальную армию и видел основной источник пополнения офицерских кадров в многочисленном российском дворянстве. Был издан Указ о личной воинской повинности дворян, служба которых теперь также не ограничивалась временными сроками. Дворянских недорослей сотнями записывали на службу, принимая довольно жесткие меры против уклоняющихся, вплоть до лишения земельных владений. Служба дворян отнюдь не предполагала обязательного производства в офицеры по «Генералитету или табели о полевой армии», изданном в 1720 г., в гвардии, армии и гарнизонах предусматривалось всего лишь 5 506 офицерских должностей [79, с. 136], что намного превосходило число дворян и недорослей. Это позволило проходивших курс обучения в полках или в отдельных дворянских учебных подразделениях подвергать строгой проверке, на предмет отбора наиболее достойных для продолжения службы в офицерских чинах.

Офицеры для новоприборных полков 1699 г. обучались в селе Преображенском под личным наблюдением царя.

Широкое распространение при Петре получила практика производства в офицерские чины за заслуги нижних чинов из недворян. Так, в 1720—1721 гг. в полевой пехоте они составляли около четверти всех офицеров, в то время как дворяне — чуть больше половины. Гораздо меньшее количество (около семи процентов) приходилось на выходцев из «военно-служивых» прежних нерегулярных частей, причем среди этих офицеров практически не было бывших стрельцов. Около тринадцати процентов офицеров были иностранцы [79, с. 138—139]. Нужно заметить, что это количество значительно не достигало установленного штатом 1711 г., допускавшим треть офицеров из иностранцев. Пережив период идеализации иностранных военных, Петр перешел к более жесткому отбору европейских офицеров, пожелавших поступить на русскую службу. Но жалование они, по-прежнему, получали вдвойне против русских.

Образовательный уровень офицерского состава был невысок, хотя свыше девяноста процентов офицеров умели читать и писать. Однако, не получив специального теоретического военного образования, они превращались в хороших практиков, пройдя суровую школу Северной войны.

При формировании новоприборных полков основной хозяйственной и тактической единицей стала рота. Деление полка на батальоны носило временный характер и до середины 10-х гг. XVIII в. использовалось чаще всего только в боевых условиях. При этом количество рот в батальонах было неодинаковым в разных полках.

Гвардейские полки изначально имели отличный от армейских состав. В 1698 г. [46, с. 31] Преображенский полк получил 4-батальонную организацию. В нем насчитывалось 16 фузелерных рот; в состав батальонов не входили 2 роты — гренадерская и бомбардирская. В Семеновском полку 12 фузелерных рот объединялись в 3 батальона; существовали также гренадерская рота и артиллерийская команда. В роту входило от 100 до 120 нижних чинов. Так что под Нарвой в 1700 г. Преображенский полк насчитывал в 18 ротах 2 204 офицера, нижних чинов и нестроевых [46, с. 31]. Только в 1704 г., основываясь на проекте фельдмаршала Г. Огильви, Петр утвердил постоянный штат для гвардии. В Преображенском полку теперь насчитывалось 3 352 человека [87, с. 494], а в Семеновском — 2 767. Гренадерская и бомбардирская (артиллерийская) роты были в 1716 г. причислены к первым батальонам полков.

Новоприборные солдатские полки в 1699 г. не имели единой организации. Полки генеральства кн. А. И. Репнина, собранные в «низовых» городах, были разделены на 8 фузелерных и

1 гренадерскую роты, а численность полка достигала до 1100, не считая «начальных людей». В Москве формировались 12-ротные полки, не имевшие гренадерских рот и насчитывавшие в своем составе около 1 200 человек. Батальон в таком случае состоял из 4 рот. При такой организации, в условиях постоянной недокомплектованности роты состояли не более чем из 60—80 человек, в то время как у шведов — из 150 только нижних чинов. Необходимо пояснить, что в армии Карла XII пехотный полк также насчитывал в своем составе 1 200 человек, и был разделен на 2 батальона по 4 роты в каждом, т. е. по 600 человек. Батальон в 1 2-ротном Петровском полку имел в своем составе лишь 400 человек и был слабее шведского. Поэтому в 1703—1704 гг. 12-ротные полки стали либо переформировывать в 10-ротные, 2-батальонного состава, либо оставлять в них те же 3 батальона из 4 рот, пополняя каждую роту людьми сверх штата и доводя ее численность до шведской.

В 1704 г. были введены штаты для армейских пехотных полков, согласно которым полки должны были состоять из 2 батальонов, включающих 8 фузелерных, и 1 гренадерской роты; общее число чинов достигало 1 364. При этом часть полков (включая и полк фельдмаршала Огильви) имели 3-батальонный состав, выдерживая, однако, штатную численность чинов в роте. Некоторые полки при 2-батальонном составе имели 10 рот.

Около 1707 г. началось переформирование ряда полков в 8-ротные, состоящие из 7 фузелерных и 1 гренадерской рот, объединенных в 2 батальона; в полку насчитывалось 1 348 человек. Подобную организацию подтвердил штат 1711 г., но количество людей в роте увеличилось; в полку стало числиться 1 487 человек. Ингерманландский полк по-прежнему включал

3 батальона. Нужно заметить, что после 1709 г. гренадерские роты остались лишь при двух привилегированных армейских полках — Ингерманландском и Астраханском.

Наконец, по штату 1716 г. в полку стало 2 батальона, разделенных на 8 фузелерных рот; численность полка при этом не изменилась. Гренадерские полки также не имели единой организации и могли состоять из 2 или 3 батальонов.

В 1707 г. часть полков, для быстроты передвижения, предполагалось перевести на драгунское положение. Достоверно известно, что гвардейские, Ингерманландский и Астраханский полки, были «учреждены конными». 10 марта 1708 г. за полками утвердились постоянные наименования, по названию городов и местностей России. Теперь в строю они занимали место по старшинству гербов городов (справа налево).

Помимо ручного огнестрельного оружия при полках состояли артиллерийские орудия, обычно 2 трехфунтовые пушки. На их лафетах могли размещаться 2 ручные мортирцы или 2 мортиры на небольших станках. Артиллерийские заряды перевозились в специальных зарядных ящиках. К орудиям прикомандировывалось 6 пушкарей от артиллерии, вся остальная прислуга выбиралась из чинов полка. Артиллерия гвардейских полков была мощнее.

Организационная структура гарнизонных полков и батальонов схожа с полевой пехотой.

Численный состав полков менялся от штата к штату, но должностные обязанности каждого полкового чина, описанные при Петре, практически не изменялись в течение всего века.

Во главе роты стоял капитан, на которого ложилась вся ответственность за роту. Капитан ежедневно получал отчет о ротных делах от сержанта и делал необходимые распоряжения, занимался строевой подготовкой, и вообще ему надлежало «примечать, чтоб все в его роте свое дело благо и прилежно могли исполнять...»

Помощником капитана был поручик, а позже и подпоручик. Поручик, замещая капитана в его отсутствие, в другое время занимался строевым обучением солдат.

Прапорщик заменял поручика в случае необходимости, но основной его функцией было ношение ротного знамени в бою. Он обязывался не оставлять знамени под страхом смертной казни. Как говорил Устав, «подобает ему лучше при знамени в части дать себя изрубить, нежели оное оставить...» В его обязанности входила и забота о нижних чинах роты.

Унтер-офицерские (поначалу урядничьи) должности в роте занимали сержант, подпрапорщик, фурыер, каптенармус и капралы.

Сержант должен был смотреть за порядком в роте, за исполнением приказов капитана, за действиями солдат в строю. Должность эта была наиболее ответственной, и поэтому требовалось, чтобы сержант «от нижнего чина уже во всех чинах служил, дабы он все поступки и учения благо знати мог».

Подпрапорщик («фенрих») во всем должен был помогать прапорщику. В походе он носил знамя, а в случае ранения или гибели прапорщика в бою брал знамя у него.

Фурыер («форир») выполнял обязанность ротного квартирмейстера, обозначая место расположения роты в лагере.

Каптенармус («капитан армус») ведал приемом и раздачей боевых припасов: свинца и пороха. Он должен был следить за исправностью вооружения и амуниции.

Капрал («карпорал») командовал подразделением роты — капральством, состоявшим из 20—25 человек. Капрал следил за наличием людей, за их поведением и в случае необходимости докладывал о неполадках сержанту.

Кандидатами на унтер-офицерские звания были ефрейторы, которые помогали капралам и следили за несением караульной службы.

Устав 1698 г. определял и обязанности «лейбшица», или «сберегательного стрелка». Стрелки эти сопровождали (соответственно, по два и по одному) капитанов и поручиков и должны были передавать их приказания, а во время боя — защищать начальников.

За состоянием здоровья в роте следил ротный лекарь (затем цирюльник или фельдшер), а письменную часть вел ротный писарь. Писари, как правило, набирались из подьячих.

Управление полком осуществлял «полковой штаб» (полковник, подполковник, майор) и «унтер-штаб» (квартирмейстер, адъютант, обозный, писарь, а с 1711 г. — комиссар, провиантмейстер, фискал, аудитор и лекарь).

Полковник считался старшим офицерским чином в полку. Его функции определялись довольно нечетко; во всяком случае, он, как и капитан в роте, должен был заботиться, чтобы «добрых начальных людей, и благообученных солдат, и иные добрые порядки, и строи иметь». В отсутствие полковника полком командовал подполковник.

Самой ответственной была должность майора. Фактически он и осуществлял полный контроль за жизнью полка. Через сержантов он получал отчеты о состоянии личного состава, оружия и амуниции. В бою и на походе майор следил за действиями полковых чинов.

Полковой квартирмейстер заведовал бивуачным и квартирным расположением полка, а изначально и заготовлением всего полкового имущества и обмундирования. Затем эту последнюю функцию возложили на комиссара.

Полковой адъютант состоял при майоре, передавал его распоряжения сержантам и помогал майору в походе и в бою.

Полковой обозный заведовал обозом и подчинялся квартирмейстеру.

Многосложна должность полкового писаря: он вел переписку с высшим командованием и составлял всевозможные ведомости о состоянии личного состава, вооружения, обмундирования на основании сведений, поступающих из рот.

Провиантмейстер отвечал за продовольственное обеспечение солдат и доброкачественность пищи.

Фискал заботился о сохранении полковой казны, полковой аудитор ведал полковым судом, а лекарь следил за распределением поступающих в полк лекарств и за деятельностью ротных медицинских чинов.

За чистотой бивака наблюдал профос; в его ведении находились также и арестанты.

Штатами предусматривалось наличие в полку и священника.

Строевые и тактические премудрости, на которые в европейских армиях тратились годы, русские солдаты постигали в короткие перерывы между боями.

В период с 1698 по 1700 гг. появилось несколько строевых положений, разработанных на основе доклада майора Вейде, последним из которых было «Краткое обыкновенное учение». Основным построением роты определялся 6-шереножный линейный строй. Рота при этом делилась на 8 плутонгов (взводов), а из ротных перестроений упоминалось лишь «здвигание шерен», т. е. перестроение в 3 шеренги. Стрельбу предлагалось производить «падением» или «нидерфален», плутонгами и залпами.

Для стрельбы «падением» (по саксонскому образцу) рота строилась в 6 или 8 шеренг, передние шеренги опускались на колено, а задняя стреляла. Затем на колено опускалась задняя шеренга, а поднималась и стреляла расположенная перед ней; и так вплоть до первой.

При остальных видах стрельбы рота строилась в 3 шеренги. Во время стрельбы каждый взвод плутонгами стрелял поочередно, так что огонь как бы прокатывался вдоль фронта роты; при стрельбе залпами — одновременно.

Новоприборным полкам, видимо, так и не удалось использовать эти правила в неудачном для русских сражении при Нарве в 1700 г. При первом же ударе суровых протестантских воинов новоиспеченные солдаты большинства полков разбежались, иноземные офицеры сдались в плен, и оставшиеся на позициях гвардейцы и солдаты генеральства А. А. Вейде отбивались от врага без всяких правил, огнем и холодным оружием.

В «Кратком обыкновенном учении» не предусматривалось использование пикинеров в строю, но впервые описывались приемы штыкового боя, в частности, укол багинетом на четыре стороны.

В шведских войсках, противостоявших русским полкам, практиковался комбинированный способ рукопашного боя, когда солдат одновременно пользовался фузеей с багинетом (в левой руке) и шпагой (в правой). Такой способ требовал длительной подготовки, поэтому русские, не обладавшие ни достаточным временем для обучения, ни достойными учителями, применяли более простые приемы. В большинстве случаев одетые в мундиры русские мужики действовали фузеей как рогатиной или вилами. Именно тогда начал формироваться русский стиль штыкового боя, который позже так поражал врагов.

При этом не была забыта и техника владения шпагой. 25 августа 1713 года под Штеттином русский отряд из 100 гренадеров и 300 мушкетеров

захватил отдельно стоящее укрепление Стернишанц. Солдаты атаковали с одними шпагами, без ружей.

Лишь в боях с турецкими янычарами русская пехота не могла еще полностью полагаться на свои штыки; в этих случаях вновь использовались рогатки. Во время Прутского похода 1711 г. русский лагерь атаковала турецкая пехота, выстроенная глубочайшей колонной. Противники с расстояния 30 сажень (64 м) открыли губительный огонь друг в друга. Огонь русской пехоты, ведущийся из-за рогаток и поддержанный артиллерией, как видно, оказался более эффективным, так как к вечеру янычары отступили в свой лагерь и на следующий день отказались возобновлять атаку.

Специальный раздел «Учения» посвящался обучению grenадеров. Единственным отличием в выполнении ружейных приемов grenадерами было то, что в строю они держали «фузеи свои на левой руке». Перед метанием гранат фузея (мушкет) на ремне надевалась через плечо, а из сумы доставалась граната. Grenадер зубами скусывал кончик пороховой трубки гранаты, брал горящий фитиль, отступал правой ногой назад, зажигал фитилем трубку и бросал гранату.

Метание гранат использовалось, как правило, лишь при штурме или при обороне укреплений. 31 января 1713 г. Петр сбил шведов с позиции у Фридрихштадта. Укрепления, возведенные генералом М. Стенбоком на защищенных самой природой местах, сулили большие потери нападавшим русским. Узкая (6—8 человек в шеренге) и глубокая колонна, в голове которой шли гвардейцы и grenадеры, атаковала по перекопанной в нескольких местах дамбе. Стремительность атаки была такова, что шведские батареи не успели еще открыть огонь, как grenадеры через амбразуры закидали их гранатами и таким образом отбросили противника с позиции.

Grenадеры активно действовали в морских сражениях. Так, 6 мая 1702 г. два корабля шведской эскадры были окружены в устье Невы тридцатью лодками с преображенцами и семеновцами. На рассвете, под дождем загрели орудия шведов; раздались разрывы ручных гранат, кидаемых русскими grenадерами... Неприятельские суда были взяты на abordаж, а экипажи их чуть ли не поголовно переколоты.

Стрельба «нидерфален» не оправдала возлагаемых на нее надежд. Уже в 1706 г. в инструкции, данной Гродненскому отряду, указывалось, что подобная стрельба должна применяться лишь тогда, когда отсутствует опасность нападения конницы противника.

В период между 1704 и 1706 гг. произошел переход к 4-шереножному строю, а в 1706—1707 гг. в пехоте вновь вводятся пикинеры.

Эти изменения отразились в изданном в 1708 г. «Учреждении к бою по настоящему времени». Боевой опыт показал, что необходимо постоянно иметь некоторую часть солдат, готовых к стрельбе. Поэтому залповая стрельба всего строя отходила на второй план. Стрельбу «нидерфален» заменила стрельба шеренгами. Три задние шеренги стреляли поочередно, не опускаясь на колено, причем шеренга стреляла только тогда, когда у трех остальных были заряжены ружья. Первая шеренга, состоящая из пикинеров и фузелеров, поставленных через одного, теперь не стреляла, держа ружья с примкнутыми штыками (багинетами) и пики в готовности к штыковому бою. Впервые четко определялись места в строю для офицеров и унтер-офицеров при разных способах стрельбы.

Пики, вновь введенные в обращение, оказались страшным оружием в руках русских солдат. Шведы, участвовавшие в русском походе 1708—1709 гг., вспоминали потом о действиях пикинеров в сражениях при Лесной и под Полтавой; в последнем пики сыграли решающую роль при разгроме и пленении пехотной колонны Росса.

Устав 1716 г. подтвердил 4-шереножный строй и способы стрельбы — шеренгами, плутонгами и залпами. При стрельбе шеренгами первая шеренга с примкнутыми штыками и пиками садилась на колено. Три другие шеренги приступали, две из них садились на колено, стреляла задняя; затем вставала и стреляла третья шеренга, потом вторая. При стрельбе залпами на колено «падали» две первые шеренги; стреляли обычно три задние шеренги, а первая — только при «самой нужде». Плутонги палили всеми четырьмя шеренгами одновременно. Этот последний и наиболее «гибкий» способ стрельбы можно было применять стоя на месте, наступая (наступной бой) и отступая (отступной бой).

Grenадеры по Уставу могли метать гранаты также шеренгами и плутонгами. 4 шеренги могли перестраиваться в 4 небольшие колонны, из 2 капральств каждая. Для отражения кавалерии вводилось новое построение «батальон де каре»; полк строился в квадрат, каждую сторону которого составляла четверть рядов полка (например, 75 рядов для полка из 300 рядов — 1 200 рядовых). Самым слабым местом такого боевого порядка были углы, поэтому их стремились укрепить наиболее надежной пехотой и полковой артиллерией. В передний (обращенный к противнику) и задний правый углы ставились grenадеры, в другие два угла — полковые орудия или пикинеры, если они имелись в составе полка. На протяжении всей войны широко использовалась стрельба «беглым огнем», когда солдаты заряжали и стреляли без команды.

В бою под Головчином (Могилевская губерния) 3 июля 1708 г. русской пехоте пришлось сражаться на болотистой, лесистой равнине, отбиваясь от нападающих шведов. После первых же залпов плутонами полки перешли на беглый огонь, очевидно, вследствие неопытности солдат и офицеров, хотя, по свидетельству очевидцев, противник стрелял таким же образом.

Достаточно эффективным оказалось использование лошадей для быстрого перемещения пехотных полков в нужное место. 28 сентября 1708 г. сформированный Петром Летучий корпус («корволант»), в состав которого, наряду с драгунами, входили Преображенский, Семеновский, Ингерманландский полки и один батальон Астраханского полка, напал на войска генерала Левенгаупта, шедшего с гигантским обозом на соединение с Карлом XII. Бой длился несколько часов, в результате шведы потеряли до 9 000 человек и весь обоз.

С 1714 г. основные действия перешли с суши на море. Пехота, посаженная на корабли, участвовала во многих сражениях, беря на абордаж шведские суда. 25—27 июля 1714 г. при мысе Гангут русская гребная флотилия, с пехотинцами на борту, захватила семь кораблей контр-адмирала Н. Эреншельда. Сам Эреншельд говорил потом, «что русские сражались как львы и что если бы он сам не видел их стойкости в бою, то никогда бы не поверил, что из своих глупых подданных царь сделал таких хороших солдат...» [26, с. 1098]. Оставим на совести адмирала слова о «глупых подданных», однако из недавних рекрутов действительно выковывались отличные солдаты. В 1719 и 1720 гг. эти солдаты побывали, наконец, и в Швеции: галерные десанты разорили побережье возле Стокгольма.

Строевые команды петровских уставов отличались от европейских относительной простотой, но и они едва ли выполнялись во многих полках в условиях военного времени. От солдат не требовалось стоять в строю неподвижно и плотно сдвинув ноги, что неукоснительно соблюдается в современной армии. Единственным условием, за выполнением которого строго следили, — это сохранение тишины, дабы не заглушать офицерские команды.

В той же инструкции 1706 г. говорилось: «Чтоб все, а наипаче офицеры, смотрели того, чтоб отнюдь крику не было во время боя, а тихо и никто кроме офицеров в то время говорить не должен, под наказанием смерти, а ежели в которой роте учинится крик, то без всякого милосердия тех рот офицеры будут повешены. А офицерам такая дается власть, ежели который солдат закричит тотчас заколоть до смерти...» [46, прил., с. 58].

К середине десятих годов окончательно сформировались требования, предъявляемые к солдату. Прежде всего, он должен был без промедления становиться в строй; замеченные в опоздании в третий раз наказывались шпицрутенами и исключались из полка (в гарнизонные полки). Во время

учения солдат должен был быть «смирным», не оставлять оружия, не выходить из строя, выполнять все приказы, содержать ружья в чистоте и исправности; не шуметь и не разговаривать. Вне строя запрещались пьянства, драки («резня»), «гульба», «воровство», игра в карты (зернь) и продажа вина. Солдаты строго наказывались за обиды, причиняемые хозяевам на постое.

На посту часовому запрещалось выпускать из рук мушкет, отдавать его кому бы то ни было, даже генералу, и уходить с поста.

Нижние чины при обращении к ним офицеров снимали головной убор и брали его под левую мышку. Так же поступали и офицеры, принимая приказания от высшего начальства. По всей видимости, существовали приемы для салютования на марше, но достоверно они не известны.

Во всяком случае, гвардия и здесь имела свои привилегии. Описывая парад по случаю тезоименитства императора 29 июня 1720 г., современник так изображает прохождение гвардейских полков: «Офицеры не салютуют никому, не исключая и царя, и наклоняют только немного свои пики вперед и потом снимают шляпы. Гренадерские же офицеры только прикасаются к своим шляпам...» [46, с. 133].

Остановимся теперь на вооружении русских пехотинцев.

Все офицеры были вооружены шпагами с достаточно широкими клинками длиной 70—90 см. Эфес шпаги мог быть позолочен или посеребрён. Гриф изготовлялся из дерева и перевивался проволокой, либо был литым металлическим, также посеребренным или позолоченным. Шпагу носили в ножнах из черной или некрашеной кожи с деревянной вставкой или без таковой и латунными наконечником и устьем с крючком (вставлявшимся в прорезь лопасти портупей). Шпаги могли быть и трофейными. Так, в записках датского посланника Юстуса Юля упоминается раздача шведских офицерских шпаг (мечей), захваченных при Полтаве.

Помимо шпаги, офицеры фузелерных рот и штаб-офицеры имели на вооружении протазаны («партазаны») или пики, а офицеры гренадерских рот — фузеи со штыками (багинетами).

Протазан представлял собой копье с фигурным наконечником, насаженным на длинное древко, и с кистью, крепившейся у основания наконечника. Цвета кистей так же, как и основные параметры древкового оружия, были четко установлены лишь в 1719—1721 гг.: кисть золотая у полковников, серебряная у подполковников, «полосатая» (с чередованием золота и серебра) у майоров, шелковая у обер-офицеров (белая у капитанов, синяя у капитан-поручиков, красная у поручиков, зеленая у подпоручиков).

В качестве холодного оружия офицеры могли применять кортики, которые были шире и короче шпаг. Кортик был достаточно популярным оружием, сам Петр часто отдавал ему предпочтение.

Огнестрельное оружие офицеров отличалось от оружия рядовых более тщательным изготовлением и, как правило, художественным оформлением ряда металлических и деревянных деталей. Подробнее остановимся на системах оружия несколько позже, но скажем, что офицеры чаще, чем нижние чины, применяли нарезное оружие; ружейные ремни офицерских ружей часто обшивались золотым или серебряным галуном. Конные офицеры имели пистолеты в ольстрах (седельных кобурах).

Шпаги и кортики носили на поясных портупеях с фигурными пряжками, посеребренными или позолоченными. Портупеи изготавливались из некрашеной или черной кожи и могли обшиваться золотым или серебряным галуном, цветным сукном или бархатом. Ножны оружия вставлялись в лопасть портупеи, а крючок зацеплялся за прорезь в лопасти, не давая ножнам выпасть.

Вооружение нижних чинов было более разнообразным, тем более что централизованные поставки обычно не удовлетворяли полного спроса на оружие, и полки были вынуждены довооружаться самостоятельно. Все нижние чины также имели на вооружении холодное оружие клинкового типа. Чаще всего это были шпаги, подобные офицерским, но без позолоты и с латунным или железным эфесом. Нередко использовались сабли, особенно в начальный период войны. В частности, сабли мы видим у многих солдат в единственном иллюстрированном документе петровского времени — докладе А. А. Вейде 1698 г. С учреждением в 1707 г. ряда полков «конными», на вооружении этих полков стали появляться кавалерийские палаши. Первым в апреле 1708 г. получил 2 000 палашей Преображенский полк [46, Прил., с. 85]. Семеновцы, видимо, получили палаши только в 1709 г. Шпаги, сабли и палаши также носились на поясной портупее с фигурной металлической пряжкой. Сержанты, каптенармусы, подпрапорщики и капралы изначально были вооружены алебардами или полупиками. По штату 1711 г. на 8-ротный полк полагалось лишь 8 алебард (для сержантов). Впоследствии число древкового оружия у унтер-офицеров возросло. Алебардами были вооружены и некоторые рядовые, по-видимому, сопровождающие знамена. В Преображенском полку в 1705 г. их было 19, в сентябре 1706 г. — 18. 5 мая 1707 г. Петр повелел уничтожить «алебардщиков и прочих бездельных чинов», но неизвестно, скоро ли был выполнен этот приказ и распространялся ли он на гвардию.

По Указу Петра от 5 февраля 1707 г. во всех полках положено было иметь восьмую часть солдат, вооруженных длинными 4—5-метровыми копьями.

До этого времени в обозах продолжали возить рогатки, так как для новых копий было предложено брать наконечники от рогаточных копий. Копья получила и гвардия: в Преображенский полк 300 копий поступили в апреле 1708 г. Помимо копья и шпаги пикинеры носили пистолет, заткнутый за портупею. Пистолетные патроны клали в кожаную лядунку, крепившуюся на пояс поверх портупеи.

Вооружение рядового, а иногда и некоторых унтер-офицеров фузелерных рот, состояло из кремневого ружья со штыком (багинетом) и с кожаным погонным ремнем и шпаги, на поясной портупее. Ружейные патроны — по 25—30 штук — носили в патронной суме из черной кожи на перевязи через левое плечо. Патрон состоял из 4 золотников (17 граммов) пороха и свинцовой пули весом 7,5 золотников (32 грамма) или свинцовой дроби того же веса, помещенных в гильзу в виде бумажной трубки диаметром по калибру ружья. Патроны чаще всего изготавливались в полку, из расчета 50 патронов с пулей и 20 зарядов картечи (дробь) на 1 солдата. Часть запасных патронов возили в полковом обозе, другую часть носил каптенармус, у которого патронная сума была большего размера. Штык или багинет, как и шпагу, носили в ножнах из черной или некрашеной кожи в лопасти портупеи или на особом ремне.

Основным оружием пехоты являлось гладкоствольное ружье, и хотя огромное многообразие ружейных систем петровского времени затрудняет корректное описание этого предмета вооружения, мы попытаемся дать его краткую характеристику.

Изначально на вооружении новоприборных солдат состояли «мушкеты» — кремневые гладкоствольные ружья — с замками англо-голландской или скандинавской системы. С начала XVIII в. широкое распространение получили ружья с французским батарейным замком, просуществовавшим без особых изменений следующие 150 лет. Такие ружья назывались фузеями (от французского «fusil» — «ружье»), они были легче мушкетов и имели меньший калибр. Необходимо заметить, что слово «мушкет» еще долгое время употреблялось для обозначения всех видов ружей.

За годы войны в армии скопилось огромное количество ручного огнестрельного оружия разного калибра, иностранного и отечественного производства, в том числе трофейных шведских ружей и даже стрелецких пищалей. Только в 1715 г. Петр специальным Указом определил основные параметры оружия, производимого в России: калибр 0,78 дюйма (19,8 мм), длина ствола 3 фута 4 дюйма (1 016 мм), общая длина 4 фута 8 дюймов (1 422 мм), вес 12 фунтов 57 золотников (5 162 г).

Русские ружья, как правило, имели деревянный шомпол; цвет ружейных лож не оговаривался (Тульский завод изготавливал коричневые ложи, Петровский — черные, Липецкий — красные). Дальность стрельбы гладкоствольного ружья не превышала 300 шагов, но прицельный выстрел можно было сделать лишь за 80—100 шагов. Обычная скорострельность ружья 1—2 выстрела в минуту, хотя некоторые солдаты умудрялись делать 4—5 выстрелов, правда, без прицеливания.

Как мы уже говорили, багинеты появились в русских войсках не ранее 1694 г. Термин «багинет» мы используем здесь для обозначения холодного клинкового оружия колюще-режущего типа с рукоятью, вставлявшейся в ружейный ствол. В то же время понятие «штык» мы будем относить к колющему оружию, снабженному трубкой, надевающейся на ствол. Такая конструкция позволяла вести огонь из ружья с примкнутым штыком. При этом нужно сказать, что слова «багинет», «штык» или «нож» в начале XVIII в. по сути были синонимами. Уставы конца XVII в. описывали действия солдата, вооруженного ружьем с багинетом. В 1702 г. в гвардии вводятся так называемые «кривые багинеты» с трубкой, насаженной на ствол ружья, а уже к 1708 г. большая часть полков перешла на употребление штыков разных видов и размеров.

Помимо гладкоствольных ружей, некоторое распространение в армии нашли и другие виды ручного огнестрельного оружия.

С 1703 г. в полки поступили мушкетеры — относительно короткие (800—900 мм) ружья большого калибра, предназначенные для стрельбы картечью. Для лучшего разлета картечи ствол у дульного среза мог выполняться расширяющимся. Признавая эффективность этого оружия в ряде случаев, Петр сам принимал участие в разработке новых моделей мушкетеров.

Юстус Юль так описывает испытания, проводившиеся 1 июля 1710 г.: «Царь испытывал за городом особого рода мушкетеры, им самим выдуманные. Они снабжены каморою и стреляют особым картечным зарядом в 32 маленькие пули. Мушкетеров этих при каждой роте Преображенского полка имеется 8—10 штук...» [27, с. 7]. Количество мушкетеров в полках постоянно возрастало. Так, только в 1720—1721 гг. Троицкому полку было передано 140 мушкетеров, Азовскому и Выборгскому — по 144, Архангелогородскому — 107 [66, с. 59].

В войсках находило применение и нарезное огнестрельное оружие: «винтовальные пищали» и штуцеры. При большей дальности и меткости стрельбы оно обладало существенным недостатком — длительным процессом заряжания, и поэтому в основном состояло на вооружении стоящих вне строя военнослужащих — офицеров, «флейщиков» и гобоистов.

Заряжание кремневого дульнозарядного оружия вообще было достаточно длительным процессом. Первым делом солдат открывал полку кремневого замка и из роговой натруски, подвешивавшейся к портупее или к перевязи патронной сумы, насыпал на полку порох. Затем он закрывал полку, ставил ружье прикладом на землю, открывал патронную суму и доставал оттуда патрон. Скусив кончик гильзы бумажного патрона, он высыпал порох в ствол, потом клал туда патрон с бумагой, вынимал шомпол и одним-двумя ударами забивал пулю и бумажный пыж до упора. Вставив шомпол обратно в ложу, солдат поднимал мушкет и взводил курок на боевой взвод. Ружье было готово к стрельбе. Теперь при нажатии спускового крючка боевая пружина заставляла курок с зажатым кремнем с силой ударить по огниву. От удара приподнималась крышка полки, и высеченные кремнем искры попадали на порох. Огонь через затравочное отверстие в стволе воспламенял основной пороховой заряд.

Все строевые чины гренадерских рот имели на вооружении фузеи со штыками (багинетами) или мушкетеры, шпаги и ручные гранаты («гренады»). Ружейные патроны у grenадер помещались в лядунке на 15 патронов. Офицеры носили лядунку на левом боку на перевязи через правое плечо, а нижние чины, как и пикинеры, — спереди, где она пристегивалась к портупее или фиксировалась специальным поясным ремнем. Три гранаты носили в специальной гранатной суме на перевязи через левое плечо. Крышки лядунок и сум украшались металлическими накладками в виде «досок» (широких блях) с царскими вензелями, двуглавыми орлами, пылающими гранатами и пр. Для лучшего предохранения гранат от влаги на сумы надевали специальные чехлы. Так, в 1706 г. Петр приказал сделать для гренадерской роты Преображенского полка «230 покрывшек бобровых на гренадерские сумы, которые сделать лучше чтобы от дождя были защищены» [46, с. 72]. На перевязи гранатной сумы крепилась медная фитильная трубка, в которой тлел фитиль, зажженный от капральского «ночника», специального переносного фонаря, в котором постоянно поддерживался огонь во время боя. Нередко перевязи лядунок и гранатной сумы гренадерских офицеров обшивались золотым или серебряным галуном, а крышки лядунок и сумы богато украшались.

Для увеличения дальности метания ручных гранат применялись ручные мортирки (мортирцы) на ружейных ложах. Ствол гренадерской мортиры имел камору, подобную ружейной, и широкий «котел», в который помещалась граната. Отдача при выстреле такой мортирки была слишком большой, чтобы упирать приклад в плечо, как это изображается на большинстве рисунков. Поэтому перед выстрелом приклад упирался в землю или в какой-либо массивный предмет (например, ствол дерева), либо (позднее) зажимался под мышкой, для чего на правый бок вешалась волосяная подушка.

Дальность полета гранаты, выпущенной из мортирки, достигала 150—170 м [66, с. 63]. Подобное оружие испытывалось в России уже П. Гордоном в 1692 г., а первое упоминание о боевом применении относится к 1704 г., когда при взятии Нарвы гренадерам было велено «непрестанно на бастионы гранаты метать из устроенной к тому новой моды ручных мортиров» [37, с. 181].

Фурьеры для обозначения места стоянки роты в лагере пользовались особыми фурьерскими значками, представлявшими собой прямоугольные цветные флажки из сукна, холста, камки или китайки на длинном древке. На флажке помещалось сокращенное наименование полка и номер роты, зачастую дополненные произвольными изображениями.

Музыканты в полках были представлены барабанщиками, «флейщиками» и гобоистами. Деревянные или медные барабаны носились на кожаных перевязях через правое плечо и украшали всевозможными изображениями, в основном двуглавым орлом и рукой с мечом, выступающей из облаков. Флейты и гобои изготавливали из ценных пород дерева.

Одним из отличительных признаков регулярной армии являлось, и является по сей день, единообразие в обмундировании. Начав в 1698—1699 гг. унификацию военной одежды, Петр только к 20-м гг. добился того, что мундиры всей армии стали выглядеть достаточно однородно как по покрою, так и по цвету.

Описывая обмундирование русской армии 1698—1725 гг., основное внимание мы уделим гвардии, ибо сведения о мундирах армейских полков слишком отрывочны и разноречивы.

К 1700 г. как гвардейские, так и армейские (выборные и новоприборные) полки получили так называемые «венгерские» кафтаны. Кафтан «венгерского» образца был достаточно короток, доходя до колен и сильно раширяясь ниже пояса, причем на боках закладывалось несколько складок. Основным отличием нового типа кафтана от прежнего «русского служилого платья» (изображенного, например, на иллюстрациях к «Уставу Вейде») были сильно расширяющиеся выше локтя рукава с небольшими клапанами и застежками на запястьях. На бортах кафтан имел несколько горизонтальных петлиц из серебряного шнура, которые заканчивались с правого борта петлями, а с левого — пришитыми пуговицами.

Кафтаны урядников имели более богатую серебряную расшивку, а кафтаны офицеров «обкладывались» золотым галуном по всем швам и на груди, причем галунные петлицы на груди заканчивались золотой бахромой. Зимние кафтаны подбивались мехом.

Головным убором служила меховая шапка-колпак, верх которой обшивался цветным (чаще красным) сукном. Офицерские шапки изготавливались из более дорогих материалов.

Солдаты и офицеры носили короткие, чуть ниже колен, штаны. На ноги надевали либо высокие сапоги из мягкой красной кожи, либо башмаки с чулками.

Уже тогда гвардейские полки различались цветом кафтанов: у преображенцев — темно-зеленый, у семеновцев — синий. «Венгерские» кафтаны у Бутырского и Лефортовского полков — малиновые различных оттенков, а у новоприборных полков — из сукна всевозможных цветов, в том числе из серого «крестьянского».

С 1702 г. в армии появляется новый тип мундира — «фран-цужский». Суконный кафтан плотно облегал фигуру до пояса, а ниже пояса расширялся, образуя ряд боковых складок. Кафтан имел три разреза — два по бокам и один сзади. Застежка оформлялась в виде больших пуговиц и прорезных петель, поначалу шедших по всему борту, а ближе к 10-м гг. XVIII в. только до пояса. Просторные рукава имели широкие обшлага, из-под которых выпускались рукава рубашки и манжеты. Воротник мог выполняться в виде низкой стоечки или, позднее, отложным. Два кармана на полах кафтана закрывались фигурными клапанами с застежкой на пуговицах. Подкладка кафтана шилась из холста, байки или яретки (вид подкладочной ткани). Под кафтаном носили камзол, который отличался от кафтана меньшей длиной, отсутствием воротника, обшлагов, боковых складок и меньшим размером пуговиц. Летом камзол могли носить и без кафтана.

Гвардия впервые получила подобные мундиры в 1702 г. Преображенский мундир изготовлялся из темно-зеленого сукна и имел красные обшлага и подкладку. Семеновцы носили синий («васильковский») мундир с красными обшлагами и подкладкой. Петли обшивали красным сукном.

В разыгранном 8 июня 1704 г. под Нарвой театрализованном представлении семеновцы (в синих мундирах) и ингерманландцы (в серых) [57, с. 25, 26] сыграли роль шведско-финской пехоты, якобы подошедшей на помощь крепости. «Бой» их с другими полками выглядел так натурально, что шведы выслали из крепости отряд на помощь своим. Попавший в засаду отряд был сильно потрепан. По словам Петра, «высокопочтенным господам шведам поставлен зело изрядный нос».

В 1708 г. Петр приказал шить кафтаны для Преображенского полка, прорезая «у них у большой руки по 12, а у средней по 11 петель на поле только по поясу» [46, прил., с. 77].

При массовом изготовлении мундиров их шили в основном трех размеров — «большой», «средней» и «малой руки». Но в гвардию мундиры «малой» руки не поставлялись. Количество пуговиц, как мы видим, могло изменяться, хотя обычно их было 26: по тогдашнему выражению, два «портища» (24 штуки) и две пуговицы. В 1711 г. впервые упоминаются красные отложные воротники на гвардейских мундирах. В 1720 г. оба гвардейских полка получили темно-зеленые мундиры с 24 пуговицами. Единственной отличительной, по полку, деталью мундира стали воротники: красные у преображенцев и васильковые у семеновцев. Гвардейцы уже с 1702 г. носили красные камзолы, по положению 1720 г. с 21-й пуговицей. Сукно для гвардейских мундиров чаще всего закупалось за границей (в Англии и германских княжествах), отличаясь от отечественного более высоким качеством выделки.

На шее солдаты и офицеры повязывали галстук, при изготовлении которого могли использовать холст, трип, китайку или фланель разных цветов. Цвет галстука в гвардии белый.

Штаны пехотинца, длиной чуть ниже колен, изготавливали из сукна или кожи. Для гвардии характерен красный цвет суконных штанов. На шитье штанов шли «лосиные, олени, коз дворовых и диких, баряньи, телячьи, сайгачьи» кожи [60, с. 96]. Помимо большой прочности, кожаные штаны зачастую оказывались в носке более удобными, чем суконные. В отзыве 1719 г. о качестве отечественных вещей, читаем: «Штаны делают в мундирной канцелярии из сукон московского дела, которые в маршах солдатам неспособны, понеже те сукна толсты и в летнее время солдатам в маршах бывает труд немалой» [60, с. 97].

Солдаты носили кожаные тупоносые башмаки с длинными языками, сапоги или ботфорты. Башмаки с чулками надевались в сухую погоду. Чулки различных цветов натягивали поверх штанов и подвязывали под коленом ремешком; у гвардейцев чулки красные. Сапоги длиной чуть выше середины икры предназначались для длительных походов и сырой погоды. С 1707 г., когда гвардия была «учреждена конной», в комплект обмундирования должны были войти кавалерийские сапоги-ботфорты с широкими раструбами и пристежными шпорами. На деле же ботфорты доставили в полки лишь после Полтавы.

На протяжении всего XVIII в. роль шинели выполняла епанча — накладка без рукавов с широким отложным воротником, застегивавшаяся у шеи на пуговицу или крючок. Епанчи Преображенского полка были темно-зелеными, а Семеновского — синими.

Кафтаны унтер-офицеров гвардии богато расшиты золотым галуном. Галуном же, по-видимому, обкладывались борта, воротник, края разрезов, карманные клапаны и обшлага рукавов. Камзол имел такую же расшивку, за исключением воротника и обшлагов. К 1720 г. количество галуна на унтер-офицерском мундире уменьшилось. Осталась, видимо, лишь галунная обкладка на воротнике и обшлагах.

Мундиры гвардейских офицеров были такого же цвета, что и у нижних чинов, отличаясь лишь качеством сукна и изготовления. При этом офицеры имели и парадные «богатые» мундиры, расшитые золотым и серебряным позументом так, что «мало где сукно виднелось» [63, с. 8]. Парадные мундиры надевали лишь в особо торжественных случаях, а в другое время возили в обозе. В 1720 г. офицеры гвардии получили одинаковые темно-зеленые кафтаны (с отложными воротниками) и камзолы, расшитые золотым галуном. Офицерские епанчи обшивались по бортам и краю воротника галуном. Офицеры могли носить епанчу и другого типа — с рукавами, двойным воротником, разрезом сзади, для верховой езды, и с застежкой пуговицах [62].

Музыкантские мундиры отличались от мундиров нижних чинов нашитыми на плечах «полумесяцами» и обшивкой золотым или шерстяным галуном. В 1706 г. Петр писал о мундирах музыкантов: «гобоистам довольно петли обшить золотом, также на плечах полмесяца сделать и искласть галунами золотыми, а у барабанщиков на плечах полмесяца шерстяным галуном» [46, прил., с. 65].

Основным видом головного убора на протяжении всей Северной войны являлись шерстяные или пуховые черные шляпы с круглой или цилиндрической тульей и широкими полями. Поля шляп изначально загибались вверх лишь с одной стороны. Не позднее 1706 г. [46, прил., с. 65] поля стали отгибать с трех сторон, и с этого момента шляпа получила столь знакомый нам треугольный силуэт, хотя поля стали притягивать к тулье только с середины 10-х гг. Гвардейские шляпы уже в 1703 г. имели обшивку по краям. Так, на параде 24 октября в Москве гвардейцы шли «в шляпах немецких, обложенных кружевом» [46, с. 52] (т. е. прорезным серебряным галуном). В 1706 г. для обшивки шляп использовалось сукно от изношенных мундиров. На некоторых шляпах слева пришивалась пуговица.

Унтер-офицерские и офицерские шляпы могли обшиваться металлическим галуном, а штаб-офицерские (видимо, парадные) имели еще и плюмаж, хотя «полтавская» шляпа самого Петра не имеет подобной отделки. Шляпы доставляли к армии в бочках, отделка их осуществлялась уже в полках.

Гвардейские гренадеры в первое десятилетие XVIII в. имели особые шапки, о виде которых мы можем лишь догадываться. Судя по изображениям в докладе А. А. Вейде 1698 г., это были меховые цилиндры, чуть расширяющиеся кверху. В 1707 г. гренадерская шапка Преображенского полка описывалась так: «...верхнее дно из красного сукна, вся кожаная с медвежьими околышами и яреновыми и зелеными исподами...» [46, прил., с. 76].

Это описание вполне подходит к шапкам 1698 г. Корнелий де Бруин, говоря о прохождении Преображенского полка 4 декабря 1702 г., писал о гренадерах: «...одеты в зеленые кафтаны, с красными отворотами, на немецкий покрой, за исключением шапок, обшитых медвежьим мехом, вместо шляп» [63, с. 7].

Бомбардиры Преображенского полка, по всей видимости, носили другие шапки, сходные с баварскими или австрийскими. Именно о них писал барон Гизен в 1703 г.: «...шла бомбардирская рота Преображенского полка... в шапках немецких с опушками большими медвежьими» [46, с. 52]. Эти шапки мы видим на некоторых портретах Петра, являвшегося капитаном бомбардирской роты, и на гравюре А. Зубова с изображением прислуживающих за столом на свадьбе Петра в 1712 г. бомбардиров. Бомбардирские шапки имели большой меховой околыш, расширяющийся на передней части шапки, и суконный колпак (или шлык), загибающийся назад и заканчивающийся кистью.

На смену меховым гренадерским шапкам пришли кожаные с круглой тульей и двумя козырьками, из которых передний располагался вертикально, а задний — почти горизонтально. На переднем козырьке крепилось изображение двуглавого орла, над задним — трубка для перьевого султана, прикрытая металлическим щитом с изображением царского вензеля. Металлические части у нижних чинов изготавливались из олова, а у офицеров — из серебра. Султаном служили страусиные перья: три белых у офицеров и два красных у нижних чинов [63, с. 7]. Первое упоминание о новых гренадерских шапках относится к 1705 г., но достоверное известие о заказе 12 офицерских и 400 солдатских шапок для Преображенского и Семеновского полков в Англии датируется лишь 1712 г. Во всяком случае, уже в 1706 г. от полковника Преображенского полка фон Керхена поступили сведения о том, что «...шапки гренадерские против старого образца мне кажется худо и у дела солдат мешает» [46, прил., с. 63]. Так или иначе, но кожаные шапки подобного типа прослужили в гвардии без особых изменений вплоть до 1796 г..

Армейские кафтаны, камзолы, штаны и епанчи меняли цвета бесконечно, причем чаще всего даже внутри одного полка. То же можно сказать и о покрое кафтана. Так, Чарльз Витворт в бумагах, относящихся к 1705 г., описывает полк, солдаты которого «одеты в платье русского покроя из какой-то холщевой материи» [19, с. 19]; спустя месяц он видит «роту гренадер, прекрасно одетую и вооруженную по немецкому образцу» [19, с. 29]. Цвета армейских мундиров по-прежнему были самыми разнообразными. Поступавшие в полки рекруты носили серые крестьянские кафтаны.

Только к 1720 г. развивающаяся отечественная промышленность позволила обеспечить большинство полков темно-зелеными кафтанами с красными воротниками и обшлагами и красными камзолами. До этого времени многие полки так и не получали камзолов, на их изготовление шли отслужившие срок епанчи, В том же 1720 г. всем полкам были положены красные епанчи.

Походная жизнь обнаружила крайнюю недолговечность чулок. Даже массовые поставки их не покрывали запросов, из-за чего стали появляться самодельные штиблеты, которые шились из подручных материалов (например, из старых палаток) или из кожи. Так, в 1707 г. Б. П. Шереметев приказал «из кож, которые воле биты... сделать штиблеты для зимнего походу» [60, с. 101].

Чтобы возместить постоянную нехватку шляп, около 1710 г. ввели картузы (карпусы) — полусферические шапки с отворотами и козырьками из сукна, каразеи или холста. К 1720 г. картуз оказался самым распространенным видом головного убора, но в 1720 г. был изъят из употребления. Галстуки в армейских полках могли быть красного, зеленого или черного цветов.

Разнообразны гренадерские шапки, использовавшиеся в армии. Только в 1720 г. был утвержден общий тип гренадерского суконного колпака с отворотами и кистью на конце. У гренадерских офицеров шапка могла быть бархатной, обшитой галуном и снабженной золотой кистью. Шапки на походе закрывались чехлом из «вошенки» (крашеной черной ткани). До 1720 г., да и позже, помимо подобных колпаков, армейские гренадеры носили различные шапки, изготовленные из сукна, меха, кожи и металла. Например, гренадеры Бутырского полка еще при П. Гордоне получили особые шапки с налобниками из белой жести.

Некоторые элементы обмундирования были присущи только офицерам. Речь идет об офицерских знаках, шарфах и темляках. С 1698 г. офицеры гвардии носили нагрудный знак в виде полумесяца с обрезными краями. Знак имел изображение андреевского креста и короны и носился на голубой андреевской ленте. У обер-офицеров сочетание серебряных и золотых частей знака позволяло определить чин владельца, а у штаб-офицеров он был полностью золотым с синим крестом и короной из эмали. В 1701 г. за отличие в сражении при Нарве гвардейские обер-офицеры получили новые знаки другой формы, с крестом, короной, пальмовыми ветвями и надписью «1700 № 19» (19 ноября 1700 г.). На знаках штаб-офицеров подобной надписи не было. Армейские офицеры также носили нагрудные знаки, но вид их мало известен; во всяком случае, рисунок отличался от гвардейских. Иностранцам разрешалось

использовать знаки своих государств, что практиковалось еще в 30-х годах XVIII в.

Офицерский шарф был шелковым и состоял из полос белого, синего и красного цветов, оба конца шарфа заканчивались длинными кистями, набранными из цветного шелка и металлических шнуров. Шарф носили через правое плечо, а гренадерские офицеры — и на поясе (кисти — на левый бок).

На шпаге офицеры могли носить трехцветный шелковый (иногда с добавлением металлической нити) темляк с двумя кистями.

Все вещи имели строго определенный срок службы, ранее которого полки не могли требовать замены вещи. Так, пятью годами ограничивался срок службы знамен, ружей, штыков, пистолетов, шпаг, протазанов, алебард, копий, натрусок, водоносных фляг, капральских ночников. Три года должны были служить кафтаны, камзолы, штаны, шляпы, португепи, патронные и каптенармусские сумы с перевязями, лядунки, ранцы, фузейные ремни, фурыерские значки, гобои и барабаны. На два года были рассчитаны галстуки, на год — сапоги, башмаки, чулки, пара рубашек и портов.

Создание массовой регулярной армии, ломка архаичной и многоукладной системы организации вооруженных сил Российского государства затронула и военные регалии.

Петр значительно упорядочил систему полковых и ротных знамен. Ранее существовавшая система была весьма запутанной и отличалась большим разнообразием цветовых сочетаний, рисунков и размеров полотнищ. Так, стрелецкие полки имели свой рисунок на знаменах в виде крестов и отличную от всех цветовую гамму на полотнище. По сочетанию цветов на знамени, форме креста и количеству нашитых шестиконечных звезд можно было определить стрелецкий полк и номер роты, которой принадлежит это знамя. С созданием полков «иноземного строя» в России появились солдатские знамена с изображениями единорогов, кентавров, грифонов и других мифических животных.

Первыми полками, получившими при Петре знамена нового образца, стали Преображенский и Семеновский. В 1700 г. у преображенцев было 16 знамен: одно белое — полковое и пятнадцать черных — ротные. Белое знамя было четырехугольным, высотой по древку 3,5 и длиной 4,5 аршина. По всей длине полотнища — изображение двуглавого орла с тремя коронами, держащего в правой лапе обнаженный меч, увитый лаврами и лентой с латинской надписью: *Pax asculata sunt Psalma 84*. На груди орла — черный круг с гербами царств, княжеств и городов. У правой лапы орла золотыми буквами в несколько рядов вышиты имена апостолов, святых, отрывки из молитв и Библии. По краю, прилегающему

к древку, написанные серебром лавровые ветви; по другим краям — золотая узкая бахрома. Черные ротные знамена были меньшего размера (высотой по древку 3 аршина, длиной 3 аршина 6 вершков [8, с. 208]). По краю стяга располагалось украшение из ветвей и листьев голубого цвета, а в середине, под желтой царской короной, — лодка в голубых водах, и в ней Сатурн поучает юношу управлять веслом. Древний бог здесь символизировал течение времени, а юноша — молодую Россию. Слева от лодки изображение горящего города, справа — строящихся кораблей. По верхней части прописаны голубые облака, из которых выступает рука с мечом под «всевидающим оком». Левее пылающего города — фигура Марса, а справа от строящихся кораблей — Нептун. Все черные знамена были повторением прежних знамен Преображенского полка, но с изменением надписи на белой ленте между Марсом и Нептуном. Старую надпись, состоявшую из золотых цифр «1695», заменили на новую — «Anno Domini 1700», также писаную золотом [48, с. 208].

Семеновский полк получил полковое и 11 ротных, с голубыми полотнищами, знамен. Древки их делались длиной 5 аршин, расписывались или покрывались краской под «глянец» [73, т. 2, с. 205].

Вслед за гвардейскими полками была поставлена задача снабдить знаменами и новоприборные полки. В феврале 1700 г. в полки разослали первую партию знамен. Впервые на них появился знак ордена Андрея Первозванного, учрежденного Петром в 1698 г. Количество знамен на каждый новоприборный полк полагалось соответственно числу рот (исключая гренадерские).

У белого полкового знамени на камчатом полотнище вышивался золотой двуглавый орел в овале из золотых цепей, под ним — знак ордена Андрея Первозванного в виде крестов с распятым апостолом [71, с. 87]. Цветные знамена в центре полотнища имели медальон, обрамленный золотой цепью, в верхней части которого вшивались «облаки» со «всевидающим оком», из которых выступала рука, держащая меч. Под золотой цепью, как и на белом знамени, — крест Андрея Первозванного. Всю центральную композицию снизу и по краям обрамлял венок из листьев зеленого цвета. По цвету ротные знамена были весьма разнообразны. Так, в 1700 г. исполнены следующие знамена: «...два полка красных, два полка песочных, два полка диких (пепельных. — Авт.), три полка своро-боринных (серо-голубых. — Авт.), желтой, светло-малиновой, светло-зеленой, рудо-желтой, зеленой, нажелезной цвет» [73, т. 2, с. 213]. Помимо цветов, знамена первых образцов отличались рисунком, орнаментом и символикой, помещаемыми на полотнищах. Общим признаком для всех знамен оставалось изображение руки с мечом,

выступающей из облаков. Единообразны были лишь знамена, строившиеся централизованно в Оружейной палате.

К каждому знамени полагался суконный чехол и медный «дротик» (навершие). У «белого» знамени «дротик» золоченый, а у ротных — луженый. У знамен, построенных вне Москвы, разнообразием отличались и «дротики». Так, встречались железные граненые навершия и медные плоские копия с накладным распятием апостола Андрея Первозванного [73, т. 2, с. 212].

Изготовлению знамен придавалось большое значение. Для росписи закупались золото и серебро, на полотнища шли различные сорта шелковых тканей (камка, тафта и т. д.). Для росписи привлекались лучшие художники. Так, известный живописец Григорий Адольский «работал непрестанно у золочения и у прописки драгунских и солдатских знамен» [14, с. 483].

Но помимо дорогих шелковых знамен, являвшихся парадными или «воскресными», на каждый полк полагался комплект «повседневных» знамен для походов. Количество «повседневных» знамен равнялось количеству «воскресных». «Повседневные» знамена повторяли по рисунку, размерам и символике «воскресные», но сработаны были из недорогих материалов.

Как пополнение потерь кампании 1700 г., оба гвардейских полка в следующем году получили новые комплекты знамен: преображенцы — 1 белое и 15 черных, семеновцы — 1 белое и 11 голубых; каждое шириной по древку 3 аршина, длиной 3 аршина 3 вершка [48, с. 208]. В середине полотнища две нашитые пальмовые ветви из камки голубого цвета. Над перекрестьем ветвей — изображение ордена Андрея Первозванного с золотой цепью, над которой возвышалась корона. В центре круга, образованного цепью, был выписан золотом двуглавый орел с тремя коронами; над коронами — «всевидящее око», в верхнем левом углу полотнища — четырехугольный крест, отделенный от остальной росписи облаками. Все свободное пространство по краю знамени расписывалось голубыми разводами в виде растительного орнамента. Белое знамя Семеновского полка без разводов. Чехол на знаменах — суконный красный, деревянное древко — черное, дротик (в виде копья) — железный гладкий вызолоченный, подток — медный.

На ротных знаменах по центру вшивался круг в виде цепи ордена Андрея Первозванного из желтой камки. В верхней части круга вшивалось облако со «всевидящим оком» в сиянии, из желтой камки; из «сияния» выступал серебряный палаш с золотой рукояткой. Над кругом возвышалась корона, справа и слева от нее — выписанные серебром шестиконечные звезды, число которых соответствовало номеру роты. Под кругом вшивался крест Андрея Первозванного, снизу и по краям в обрамлении двух желтых пальмовых ветвей, «связанных» красными

«компями» (тесмой). В верхнем левом углу полотнища располагался четырехугольный серебряный крест, отделенный облаком от остального поля. Знаменные принадлежности были такие же, как у белого знамени.

Следующая замена знамен в гвардии относится к 1706 г. Число и расцветку жалуемых знамен сохранили прежними. Уже в 1702 г. Григорию Адольскому велено «для Преображенского и Семеновского полков на знаменах написать сверху из облака меч, кругом того облака чепи с плами, пониже чепи кресты кавалерские, в середине чепи воду и землю, на воде корабль, на земли древо» [14, с. 435]. Это описание относится к цветному знамени Преображенского полка. Ротные знамена семеновцев на этот раз отличались по рисунку от Преображенских; они схожи с прежними образцами 1701 г., но на месте большой короны над орденской цепью теперь вшивалось «всевидящее око», окруженное облаками и сиянием из желтой камки. Размеры ротных знамен обоих полков одинаковые: ширина 3 аршина, длина 3 аршина 4 вершка [73, т. 2, с. 207].

Белые знамена повторяли прежние белые, образца 1701 г., за исключением «всевидящего ока» в желтом сиянии и облака, отсутствовавших на новых образцах знамен.

В 1707 г. для скорости передвижения Преображенский и Семеновский полки посадили на лошадей. Вместе с конным снаряжением гвардейцы получили и новые цветные знамена малого размера (1 аршин 7 вершков на 1 аршин 6 вершков). На всех знаменах изображался голубой андреевский крест под золотой короной и две пальмовые ветви по бокам. По краю полотнища шла кайма из белых, красных и синих треугольников; вокруг каймы пришивалась узкая золотая бахрома [73, т. 2, с. 216].

Перед Прутским походом 1711 г. каждому гвардейскому полку пожаловано по большому полковому знамени малинового цвета. Современник писал: «Февраля в 25 день 1711 года... пред церковью стояли в строю два полка гвардии, у которых вместо первых обыкновенных белых знамен были вновь сделанные красные знамена, на которых была надпись: за имя Иисус Христа Христианство. И наверху кругом креста, который изображен с сиянием, подпись: Сим знаменем победиши...» [22, с. 327]. Полотнища новые знамен строились из тафты, размером 3 аршина 1 вершок на 3 аршина 8 вершков. Древки красились в черный цвет «под глянс» и венчались железными золочеными копиями. Снизу крепились медные подтоки с тремя выпуклыми поясами.

В отличие от гвардии, армейские солдатские полки не так часто меняли образцы знамен. Приходившие в негодность полотнища заменялись новыми, что производилось за казенный счет в самих полках. Централизованно в Оружейной палате продолжали изготавливать знамена только для вновь формируемых полков.

14 марта 1712 г. сенатским Указом вернулись к централизованному снабжению всех полков инфантерии знаменами из Оружейной палаты. 19 декабря того же года Сенат предписал поставлять знамена в полки через мундирную канцелярию и установить 5-летний срок службы для знамен инфантерии [73, т. 2, с. 219]. Для всех полков утвердили единообразный размер знамен: ширина 2 аршина 15 вершков и длина 3 аршина 7 вершков.

Несмотря на сенатские указы, большинство армейских полков продолжали постройку знамен у себя. Этим объясняется такое разнообразие в рисунках и символике знамен, появившихся в 10-е гг. На полковых знаменах довольно часто государственный герб — двуглавый орел — начали заменять вензелями Петра. На полотнищах появились диагональные и прямые кресты разнообразных цветов. На всех знаменах в верхнем левом углу стал помещаться полковой герб.

До конца царствования Петра более не встречалось общих распоряжений о постройке знамен. В табели 1720 г. среди амуниционных вещей на роту полагалось «знамя с дротиком и с чехлом» ценою, определенной в 2 руб.

За несколько лет до своей кончины Петр планировал построить новые знамена для гвардейской пехоты. Так, в 1720 г. дано указание об изготовлении цветных эскизов гвардейских знамен. Но, по-видимому, это осталось лишь проектом.

Попробуем представить себе жизнь солдат в перерывах между боями. За исключением некоторых полков (Преображенского, Семеновского, Бутырского и Лефортовского), новоприборные солдаты в мирное время и в походах вдали от неприятеля жили на квартирах в крестьянских и мещанских домах. На трех солдат полагалась одна кровать, учитывая, что один из троих стоял в карауле. В походах вблизи неприятеля армия располагалась лагерем, повторяющим по форме боевое построение — «ордер де баталию». Обязанность по разбивке лагерных мест возлагалась на обер-квартирмейстера. По прибытии на место лагеря он выставлял для охраны пикет; под его прикрытием приступали к работам. При недостатке места на каждый полк отводилось по 80 шагов по фронту; при достаточном пространстве лагерь разбивался шире (от 70 до 120 шагов на батальон). При этом одна палатка полагалась на 5—6 человек. Ружья в козлах ставились впереди лагеря и охранялись караулом. Под солдатские палатки отводилось 30 шагов (в глубину); за ними в 5 шагах разбивалась линия палаток поручиков и подпоручиков; еще в 5 шагах — линия капитанских палаток; в 15 шагах от них «штабские»; за последними, в 20 шагах, размещался обоз.

Полковая артиллерия становилась на флангах полка. Во все стороны лагеря рассыпались «отводные» и «сторожевые» караулы, а те, в свою очередь, выставляли цепь парных часовых. Отводные караулы различались на большие и малые. Большие караулы в дневное время стояли вблизи лагеря и выдвигали малые караулы, которые, в свою очередь, ставили часовых. Ночью же большие караулы занимали место малых и выставляемая ими цепь часовых («ночные посты») была гуще.

Во всех караулах не менее трети от общего числа людей всегда находилась в полной боевой готовности. Ночью посты пропускали в направлении лагеря только проверяющие патрули.

Все караульные сменялись за час до рассвета. Производилась проверка постов с опросом пароля и лозунга, которые передавались майором через адъютанта и сержантов.

Система эта, в общих чертах, была заимствована у саксонцев и, будучи узаконена Уставом 1716 г., применялась и раньше.

Уже в 1701 г. лагерь генерала кн. А. И. Репнина вызвал восхищение саксонского фельдмаршала А. Штейнау, особенно тем, что «при целом войске нет ни одной женщины» [75, с. 99]. Кн. А. И. Репнин даже жаловался, что жены саксонских мушкетеров продают водку в русском лагере и тем приучают людей «к пьянству и дебоширству». Если учитывать, что основной контингент в войсках кн. А. И. Репнина составляла недавняя «вольница» из людей, мягко говоря, не слишком привычных к дисциплине, восхищает эффективность системы воспитания и наказания, принятой в армии.

В походе применялись довольно громоздкие построения: батальонами, двумя ротами или ротами.

При марше полка батальонами впереди первого батальона ехал майор, за ним двигалась «авангардия» (капрал и 12 солдат), потом пушки с зарядными ящиками, гобоисты, полковник, шеренга офицеров перед своими ротами, шеренга прапорщиков и подпрапорщиков со знаменами, шеренга сержантов, шеренга барабанщиков (полковой барабанщик — на правом фланге), шеренга капралов, 4 мушкетерские шеренги.

Точно так же двигался второй батальон, но его авангардия шла позади батальона, ведя арестантов.

При марше ротами четвертая рота, замыкающая батальон, шла, оборотив фронт назад (т. е. сначала 4-я шеренга, потом 3, 2 и 1-я).

Основные положения дисциплинарного Устава сложились в 1700—1705 гг., причем в основу была положена система взысканий, соответствующих тяжести проступка. Наиболее распространенное наказание — «поставить под мушкет». Провинившегося ставили на сутки

и более с мушкетами на плече, по одному, по три или шести, на два часа, чередуя стояние «налегке» длительностью по числу ружей. Так наказывали, например, не явившихся на «экзерции». Более серьезные проступки карались строже: «арест с кованием рук и ног в железо», клеймение, отрезание ушей, рук или пальцев. Вводилось наказание шпицрутенами (от нем. Spiess — копье, пика и Rute — хлыст, прут), пришедшее из Швеции и Пруссии и надолго прижившееся в русской армии. В ходу были и смертные наказания, причем Петр в качестве воспитательных мер иногда советовал применять внешне эффектные казни — четвертованием или «колесом». Смертной казни подвергались люди, совершившие, на наш взгляд, несоотносимые поступки. Так, в 1702 г. после взятия Нотебурга «повешен Преображенского полку прапорщик да солдат 22 человека за то, что с приступу побежали...» [21, с. 305]. В то же время казнили и некоторых пойманных беглецов из полков, и в этих случаях Петр сначала настаивал на жестоких казнях, и лишь позже несколько смягчил наказания.

Иногда тяжелые условия похода приводили к падению дисциплины. При возвращении из Прутского похода, например, пришлось строить на каждом ночлежном пункте виселицы, как предупреждение о немедленной казни без суда за всякую попытку побега. Наказанием часто служило понижение оклада: с «полного» оклада до «племянничьего» и с целого «племянничьего» до половинного.

Не осталось без внимания и наказание «нарушением чести». Солдат за проступки могли перевести в извозчики; офицеров (и даже генералов) — разжаловать вплоть до нижних чинов (как это было с кн. Репниным после Головинского сражения); увольняли в отставку без аттестата, ломали шпагу над головой и объявляли «вором».

Полное «лишение чести» влекло за собой специально оговоренные унижения: «Надлежит знать всем как с тем поступать, кто чести лишен и шельмован (то есть из числа добрых людей извергнут): 1. Ни в какое дело ниже в свидетельство не принимать. 2. Кто такого ограбит, побьет или ранит или у него отымет, у него челобитья не принимать и суда ему не давать, разве до смерти кто его убьет... 3. В кампании не допускать, и единым словом таковой вечно лишен общества добрых людей, а кто сие преступит сам может наказан быть» [15, с. 79].

Особенно строго карались преступления против воинской чести. Например, все начальники и каждый десятый солдат казнились «повешением» за бегство с поля боя и за сдачу оружия неприятелю. Смертная казнь полагалась за подстрекательство к сдаче крепости врагу, за отказ от вступления в бой, за предательство.

Солдатам строго воспрещалось составлять массовые челобитные или собираться в группы для высказывания недовольства; признавались лишь личные жалобы о собственных обидах.

Оригинально поступали с распространителями «пасквилей» или «ругательных писем». Их наказывали той же казнью, какую они требовали для очерненных ими людей.

После распределения полков по губерниям на них возложили и полицейские обязанности. При квартирном расположении войск солдаты и офицеры должны были пресекать воровство и разбой. Множество случаев нарушения дисциплины и преступлений было связано с «реквизициями» у мирного населения и со злоупотреблениями в снабжении денежным и вещевым довольствием.

При организации в 1699—1700 гг. «новоприборных» полков правительство обещало солдатам обеспечение деньгами и «хлебом» на уровне московских солдатских полков — Бутырского и Лефортовского. Жалование при этом составляло 10 руб. 80 коп. на солдата в год, или 30 алтын (90 коп.) в месяц.

В гвардии система оплаты была более гибкой — старые солдаты получали 16 руб., а молодые — 10 руб. 80 коп. Эти суммы с небольшими изменениями продержались вплоть до конца царствования Петра. Сержанты получали 14 руб. 40 коп., прапорщики — 50 руб., капитаны — 100 руб., подполковники — 150 руб., полковники — 300 руб.

Офицерам платили лишь во время походов, а в мирное время деньгами обеспечивались только беспоместные офицеры и иностранцы. У офицеров-томешиков до начала 10-х гг. из жалования вычиталась определенная сумма за каждый двор. Вычеты производились за бежавших солдат; а с 1721 г. — на госпиталь (по 1 коп. с рубля, кроме рядовых). Иноземцы получали большее, сравнительно с русскими, жалование.

Из 11 -рублевого солдатского жалования почти половина — 5 руб. 32 коп. — вычиталась на постройку мундирных и амуниционных вещей, а на оставшиеся деньги солдат должен был приобретать себе, во всяком случае до 1712 г., шапку, полушубок, рукавицы, онучи, так что свободных денег почти не оставалось.

Во избежание «всякого зла» начальникам под страхом наказания строго запрещалось задерживать или утаивать выдачу подчиненным денежного жалования, вещевого и пищевого довольствия. В свою очередь, «обделенные» чины не имели право высказываться о злоупотреблениях, а тем более отказываться от службы под предлогом неуплаты денег, «ибо сие есть действительное возмущение, когда офицеры или рядовые для недоплаты... жалования своей должности чинить не будут, что получается за... измену» [15, с. 70].

Продовольствие, или «корм», к 1700 г. состояло из муки или крупы, собиравшихся подворной подачью с городов. Вскоре была установлена система порционов и рационов, определявших, соответственно, суточные нормы довольствия людей и лошадей. Нормы эти были четко установлены по австрийскому образцу только в 1713—1716 гг. Порцион состоял из 2 фунтов хлеба, 1 фунта мяса, 2 чарок вина и 1 гарнца пива в сутки и 2 фунтов соли и 1,5 фунта крупы в месяц; рацион — из 2 гарнцев овса, 16 фунтов сена, 2 гарнцев сечки и 1 снопа соломы.

Число порционов и рационов менялось в зависимости от чина: так, солдат получал 1 порцион, сержант — 3, прапорщик — 5 порционов и 3 рациона, капитан — 15 и 5 соответственно, подполковник — 25 и 11, полковник — 56 и 17.

Рационы выдавались лишь в заграничных походах, а на квартирах офицеры могли получать вместо порционов и рационов деньги.

Для сбора и хранения продовольствия разворачивалась сеть магазинов. Из магазинов продовольствие доставлялось к полкам на обывательских подводах. При плохом состоянии дорог и быстром передвижении войск такой порядок не мог дать регулярных поставок припасов, поэтому в походах войсковые части и отдельные команды прибегали к реквизиции у местных жителей. Так, в 1705 г. Ч. Витворт писал о виденных им в заграничном походе полках из рекрутов, что «при проходе они мало соблюдали дисциплину, а потому, вероятно, не много привлекали людей на сторону царя...» [19, с. 154].

Да и в русских владениях солдаты вели себя не лучше. «В России крестьяне повсюду привыкли к подобным порядкам и так боятся солдат, что охотно готовы отдать все, лишь бы избежать их побоев и брани», — писал датский посланник Юстус Юль в 1709 г.

Запасы «хлеба» солдаты в начале войны часто носили на себе, т. к. подъемная часть полков не имела постоянного устройства. Под множество повозок на походе нанимались лошади, но в распутицу, на плохих дорогах и при стремительных маршах размер обоза сокращался до минимума. Еще в начале войны количество подвод при полку могло достигать трех сотен — подводы под казенные тяжести, продовольствие, боеприпасы, личные повозки офицеров и солдат, что представляло собой труднопереместимую армаду, содержание которой входило в противоречие с новой тактикой. В 1705—1707 гг. полковой обоз стали приводить к более или менее стандартному составу. Был определен казенный обоз — провиантские, палаточные, пикинерные, гренадные, музыкантские телеги, телеги для больных, патронные ящики, телега для лекарств и пушечные одноколки.

По штатам 1711—1712 гг., в полку состояло 48 телег и фурманов, 16 патронных ящиков, 400 подъемных лошадей и 86 «извозщиков» из рекрутов.

Солдатам к 1707 г. было запрещено находиться при своих телегах; соответственно, иметь телеги теперь могли лишь те, у кого была возможность нанимать извозчиков.

Условия мирной жизни и боевых действий войск приводили к значительным потерям; при этом небоевые потери чаще всего превышали боевые. Люди болели и умирали от тяжелых продолжительных походов, нередко без необходимого продовольствия, без воды; эпидемии уносили тысячи жизней. Так, при осаде Риги от чумы умерло свыше 10 000 человек.

Врачебная помощь в полках, как правило, не стояла даже на уровне средневропейской медицины. Ротный лекарь (фельдшер, цирюльник), по уставу А. А. Вейде, должен был иметь набор лекарственных средств, но при этом уточнялось, что в сложных случаях «подобает ему... не браться одному, но с иными о том советоваться». Судя по смертности в первые годы войны, этот институт «коллегияльного лечения» не давал эффекта. В летнее время ротные лекари и лекарские ученики занимались сбором лекарственных трав и, в лучшем случае, пользовали солдат по рецептам народной медицины. Больных и раненых обычно оставляли в населенных пунктах на маршруте движения в импровизированных госпиталях. Часть больных и увечных отпускали в солдатские слободы (в тех полках, где таковые имелись) для несения караульной службы. В 1712 г. во всех губерниях организованы госпитали, а по штату 1711—1712 гг. была введена должность полкового лекаря, на которую приглашались иностранцы. Чаще они оказывались шарлатанами или недоучками, и все-таки общий уровень медицинского обслуживания несколько повысился. В лекарском (аптечном) ящике, введенном в полковой обоз, перевозились всевозможные мази, пластыри и порошки.

В конце войны смертность в войсках несколько снизилась, что, в основном, следует отнести на счет облегчения условий военных действий.

Большое значение имело воспитание солдат в строгих религиозных правилах. В Артикулах 1714 г. первая и вторая главы были названы, соответственно, «О страхе божий» и «О службе божий и о священниках». Первый артикул гласил: «...Понеже всякое благословение, победа и благополучие от единого бога всемогущего... и оному токмо молиться и на него надежду полагати подлежит. Итого сие наипаче всего иметь во всех делах и предприятиях и всегда благо содержать...» [15, с. 66]. Богослужения, по мере возможности, проводились трижды в день; на них пелись разосланные в полки специально напечатанные молитвы. Всем

чинам напрямую приказывалось «любить и почитать» священников; за их обиды военный нес двойное по сравнению с обидой «простолюдина» наказание.

Отставные и увечные воины, в том числе неимущие офицеры, находили пристанище в богадельнях и монастырях, получая пенсию. Замечательной иллюстрацией заботы Петра об отставных служат следующие слова: «Неужели должен при старости терпеть нужду тот, кто лучшие лета пожертвовал мне на службе? И кто ревностно" в лучшие годы мне послужит, когда узнает, что при старости будет пренебрежен и оставлен от того самого, на службе коего он силы истощал» [4 7, т. 2, с. 20].

Путь к славе нелегко давался российским солдатам: многие тысячи положили свои жизни на полях сражений и на дорогах тяжелых походов: в северных болотах, в жарких степях и в холодных водах; другие сгинули, не выдержав рекрутских этапов, у них даже не было возможности выказать свою храбрость.

Но к концу первой четверти XVIII в. Россия имела пехоту, являвшуюся по ряду качеств лучшей пехотой Европы. Два гвардейских, 33 фузлерных и 5 гренадерских армейских полевых полков могли дать отпор любой вражеской армии.

1698—1702 гг.

Фузлер Семеновского полка в зимнем кафтане, обер-офицер Преображенского полка, фузлер Бутырского полка в летнем кафтане, grenader Преображенского полка.

1702-1712 гг.

Сержант лейб-гвардии Семеновского полка, офицер гвардии в епанче, обер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка в парадной форме, фузлер пехотного полка в конном строю, 1708, пикинер Киевского пехотного полка, 1711.

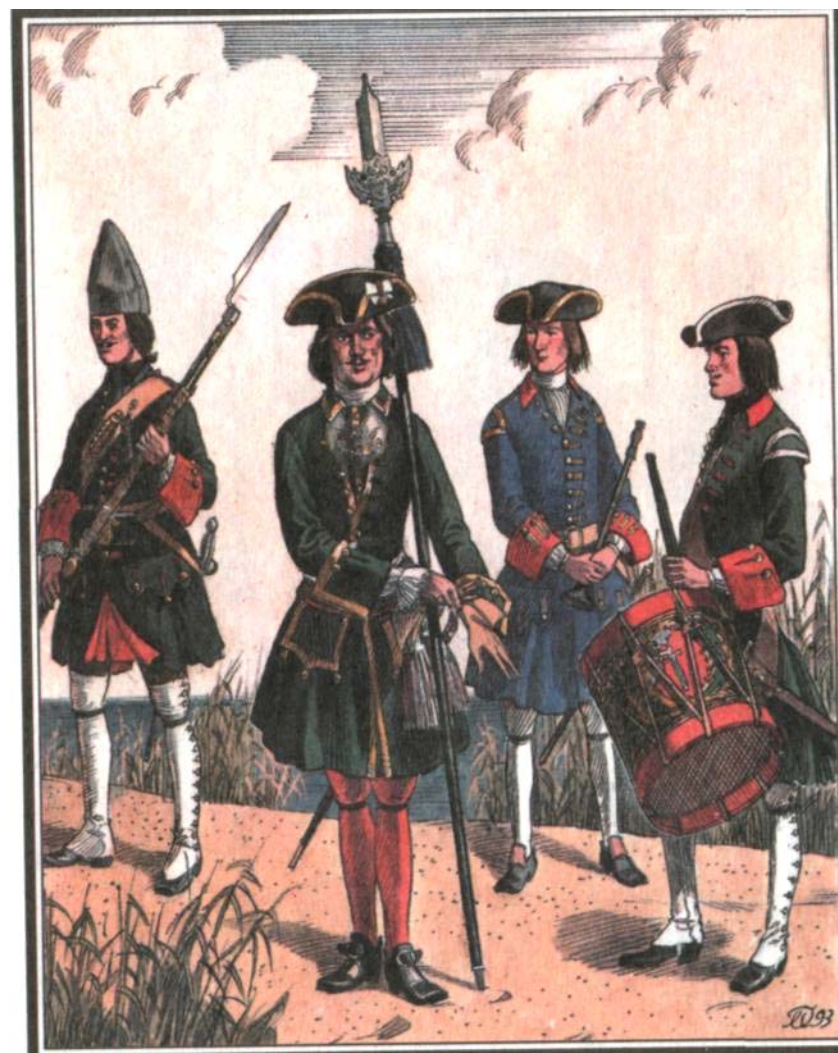
1702—1712 гг.

Гренадер grenадерского полка кн. А. И. Репнина, 1711, grenадер лейб-гвардии Преображенского полка, фузлер Смоленского солдатского полка, фузлер лейб-гвардии Семеновского полка.

1712—1720 гг.

Сержант-гренадер Семеновского полка, периода 1713—1714; фузелер Преображенского полка в снаряжении для конного строя; grenадерский офицер и grenадер Преображенского полка; рядовой армейской пехоты в епанче.

1712—1720 гг.

Гренадер пехотного grenадерского полка, обер-офицер полков лейб-гвардии (с 1720), гобоист лейб-гвардии Семеновского и барабанщик лейб-гвардии Преображенского полков.

1720—1731 гг.

Каптенармус лейб-гвардии Преображенского полка, фузелер армейской пехоты, фузелер гарнизонной пехоты в рабочем кафтане, фузелер лейб-гвардии Семеновского полка.

1698—1731 гг.

Гвардейские нагрудные офицерские знаки: 1698 (1); штаб-офицерский, 1700 (2) обер-офицерский (поручика), 1700 (3). Гренадерские шапки гвардейские, образца 1712: обер-офицерская (4), нижних чинов (5), армейская (6). Подсумок (7), гренадерская сума (8), патронная сума (9).

Лейб-гвардия, 1700—1701 гг.

Знамена Преображенского полка, 1700 (1,2); белое знамя Семеновского полка, 1701 (3); белое знамя Преображенского полка, 1701 (4).

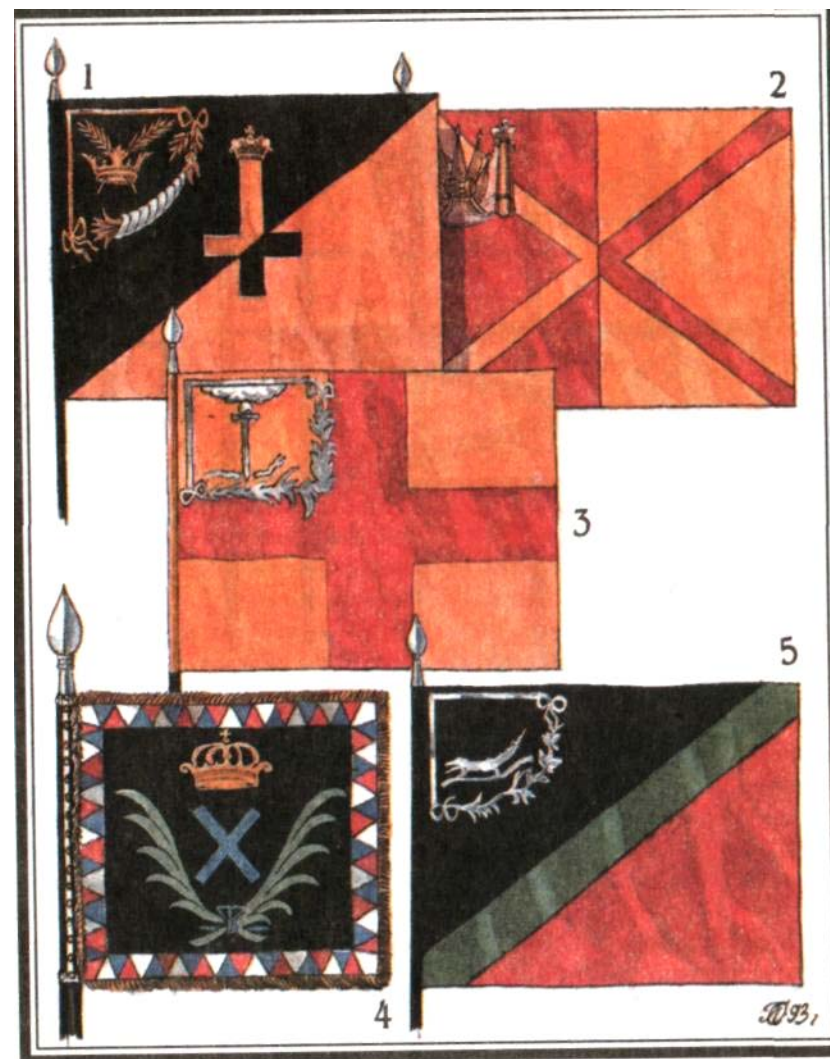
Лейб-гвардия, 1701—1706 гг.

Цветные знамена Семеновского полка, 1706 (1), Преображенского полка, 1701 (2), Преображенского полка, 1706 (3); Семеновского полка, 1701 (4).

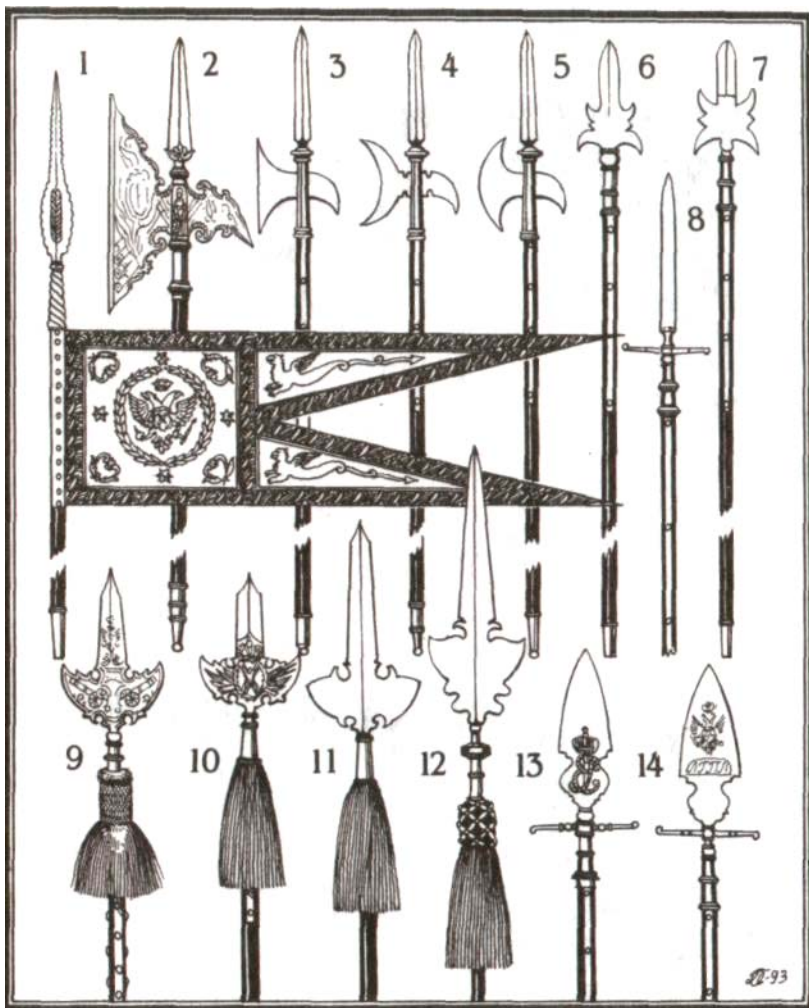
1700—1719 гг.

Цветные знамена фузелерных пехотных полков, 1700 (1, 3); белое знамя солдатских полков, 1700 (2); знамя лейб-гвардии Семеновского и Преображенского полков, 1711 (4); белое знамя фузелерных пехотных полков, 1719 (5); медальон на знаменах полков (6).

1707—1717 гг.

Цветные знамена фузелерных пехотных полков, 1712: Ингерманландского (1), Тобольского (2), Луцкого (3), Нарвского (5); цветной штандарт лейб-гвардии Преображенского полка, с 1707 (4).

Холодное оружие на древках.

Пика и прапорец фурыерские солдатских полков, конец XVII в. (1). Алебарды: сержантская, 1700 (2); сержантская, 1720 (3); каптенармуса, 1720 (4); капральская, 1720 (5); унтер-офицерская, 1732 (6); унтер-офицерская, 1797 (7); гвардейская унтер-офицерская, 1797 (8). Протазаны: конец XVII в. (9), 1700 (10-12). Эспонтоны: 1741 (13); 1797 (14).

2. «МЕЖВРЕМЯ»

Закончилось время блистательных петровских побед, и оказалось, что мощная армия стала обузой для страны, измотанной четвертьвековым титаническим усилием. Экономика, почти целиком ориентированная на войну, не давала доходов, казна опустела. Расходы на армию неуклонно сокращались. В долговременные отпуска отправили множество офицеров и солдат-дворян; оставшиеся же активно использовались во внутренних делах государства. Одно только рытье Ладожского канала занимало почти 15 000 солдат, побатальонно высланных от многих полков. Непрерывающиеся эксперименты по удешевлению содержания армии приводили к поистине плачевным результатам. Солдаты годами не брались за боевое оружие; падала дисциплина, боевая подготовка занимала самое незначительное место в жизни частей.

Удивительнее всего то, что в этих условиях армия умудрялась одерживать весьма серьезные победы, сохраняя боеспособность и высокий моральный дух. И все-таки «экономия» не проходила бесследно: все победы достигались слишком высокой ценой и не приводили к решающим результатам.

Такое положение вещей характерно для длительного периода истории России, за который на престоле сменились несколько властителей: Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна, Иоанн Антонович, и, наконец, Елизавета Петровна. Помимо всего прочего, за это время мало изменились тактические и строевые приемы, форма одежды и основные особенности полкового хозяйства. Поэтому и рассматривать развитие пехоты с 1725 по 1762 гг. мы будем в совокупности.

Комплектование полков по-прежнему осуществлялось рекрутскими наборами, проводимыми по мере надобности. Требования, предъявляемые к рекрутам при наборе, чрезвычайно снизились: в армию зачастую сдавали тех, от кого нужно было избавиться, даже преступников. С 1729 г. в рекруты брали беглых и бродяг, а позже и просто нищих, отлавливаемых на улицах городов. Таким образом государство решало сразу две проблемы: пополняло армию и перекладывало заботу о неблагонадежных людях на полковое начальство.

Рекруты редко проявляли стремление к службе — побеги и членовредительство были делом обычным. Для предупреждения побегов новобранцев клеймили крестом, как и при Петре. Лишь в 1757 г. эту меру заменили на более мягкую: рекрутам постоянно выбривали лбы вплоть до поступления в полк; по бритому лбу можно было легко отличить беглого. Солдат за побег ожидала серьезная кара — полторы тысячи шпицрутенгов. Во время Семилетней войны иногда прибегали и к «политической казни» бежавших солдат: им отрезали уши или отсекали кисти рук. Членовредительство также не всегда спасало: на службу разрешалось принимать людей и с «поврежденными членами», лишь бы были пригодны для строя.

Не улучшились условия доставки рекрутов к полкам. В 1759 г. до армии добиралось не более 50 процентов новобранцев; от 10 до 20 процентов умирало в пути, большинство других попадало в лазареты. Осматривавшие их лекари отмечали, что «причина... болезни, по общему рассуждению, не иная признается, как потаенное состояние воздуха, а что ко оной рекруты паче всех склонны, сие делается ради следующих причин: яко то дальней и трудной дороги оттуда они приводятся; пищи необыкновенной и бедной; переменного воздуха; великого утеснения в квартирах и нечистоты, отчего худой и тяжелый воздух обыкновенно в оных живет; переменной и мокрой зимы; великих и строгих трудов от военной экзерциции» [82, с. 123]. Высокая смертность привлекла внимание командования, и последовало распоряжение перевозить пополнения на кораблях, а по суше — на телегах. Строже стали следить за обеспечением рекрутских партий пищей, чистыми квартирами, медикаментами; за умерших рекрутов офицерам зачастую приходилось нести ответственность, хотя нужно отметить, что это случалось нечасто, да и наказания были скорее символическими, вроде отстранения от командования партий.

В армию по-прежнему забирались солдатские дети. Для них еще при Петре были учреждены школы в гарнизонах, где велось обучение чтению, письму, арифметике и «солдатской экзерциции». Семейных солдат в армии становилось все больше, и количество солдатских детей постоянно увеличивалось. Если в 1721 г. на каждый полк отводилось по 50 вакансий

в школе, то в 1731 — уже 64; с 1735 г. ограничения на прием солдатских детей и детей неимущих отставников были сняты. Школы давали устойчивый приток писарей, музыкантов и специалистов для полкового хозяйства; малоспособных воспитанников зачисляли в солдаты. Грамотных в полках становилось все больше, чему способствовал и последовавший в 1731 г. запрет на производство в унтер-офицеры неграмотных солдат.

Дворяне, несшие пожизненную службу, только в 1736 г. получили некоторое послабление: срок службы был ограничен 25 годами; при наличии нескольких сыновей в семье одному из них разрешено было не вступать в службу и оставаться дома для ведения хозяйства. Дворяне Эстляндии и Лифляндии проходили службу на добровольной основе.

Дворянские недоросли зачислялись в полки рядовыми или унтер-офицерами. После смерти Петра I исчез жесткий контроль над дворянской службой; злоупотребления в этой сфере стали входить в систему. Отпрыски большинства богатых и знатных фамилий записывались в полки с самого рождения и, проживая в родительском доме, «проходили службу с нижних чинов». По достижении совершеннолетия они получали обер-офицерские звания. Такой порядок, чрезвычайно широко распространившийся при Елизавете, полностью искажал саму петровскую идею подготовки будущих офицеров.

В гвардии возник институт сверхштатных унтер-офицеров и нижних чинов; ими становились молодые дворяне, записанные в полки в 8—12 лет. Многие из них находились в домашних отпусках «для повышения образования». Среди прочих, в 1742 г. велено было «написать лейб-гвардии Семеновский полк в солдаты сверх комплекта без жалования» [17, с. 46] 12-летнего недоросля Александра Суворова. Два раза затем ему предоставлялись двухгодичные отпуска, во время которых он обучался «указанным наукам, а именно: арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии и части инженерии и фортификации, також из иностранных языков да и военной экзерциции...» [17, с. 46]. Василий Иванович Суворов, отец молодого мушкетера, перед каждым отпуском писал обязательство гвардейскому полку, а раз в полгода отчитывался об успехах сына в учебе. Лишь в 1751 г. А. В. Суворов получил сержантское звание, а в 1754 г. был переведен в армию поручиком.

Правительство вообще стремилось повысить уровень образования офицеров, ведь среди дворянских недорослей находилось немало неучей. С такими обходились жестко: с 1737 г. велено всех неграмотных дворян навечно зачислять в солдаты. При Анне Иоанновне, в 1731 г., был образован Кадетский корпус, призванный повысить уровень общего и военного образования офицеров. В учебной программе корпуса преподавались иностранные языки (немецкий, французский, английский,

итальянский и латынь), генеалогия, геральдика, история, литература, юриспруденция, география, физика, математика, военные дисциплины, фехтование, верховая езда и танцы. На деле оказалось, что лишь к 50-м гг. подготовка кадетов вышла на требуемый уровень. К тому же только немногие выпускники корпуса становились офицерами армии, большая часть предпочитала пополнять многочисленную группу гвардейских унтер-офицеров.

Недворяне получали офицерские чины крайне редко, да и то, как правило, во время боевых действий.

В экстренных случаях пополнение офицерских кадров шло без соблюдения даже тех (весьма мягких) правил, какие действовали обычно. Перед Семилетней войной множество армейских сержантов было сразу произведено в подпоручики, минуя чин. Во время же войны 1758 г. приходилось производить в офицеры даже нижних чинов гарнизонных полков; кроме того, прибегли к ускоренному выпуску воспитанников Кадетского корпуса и производству гвардейских унтер-офицеров.

В армию по-прежнему принимали иностранцев. Иногда это приводило к некоторым недоразумениям: так, во время войны со Швецией в 1741 г. из всех полков, стоящих в Финляндии, отозвали офицеров шведской национальности. В 1732 г. оклады офицеров-иностранцев уравнили с окладами русских.

Изначально производство в офицерские чины осуществлялось баллотировкой офицеров полка. Свойственные этой системе возможности злоупотреблений приводили к тому, что многие заслуженные офицеры десятилетиями не повышались в чине; в то же время молодые «протезы» высшего начальства быстро делали карьеру. Все последующие изменения системы производства (предоставление права повышения лично Б. Миниху в 1736 г., производство по старшинству и достоинству при Елизавете Петровне) так и не смогли упорядочить прохождение службы офицеров; впрочем, это не удавалось и в более поздние периоды.

Для большинства офицеров и нижних чинов из дворян служба в мирное время мало ощущалась: еще с 1724 г. разрешалось увольнять часть дворян в отпуска для занятия домашним хозяйством. В разное время число таких отпускников менялось от трети до половины всех военнослужащих дворян; из-за этого некомплект командных кадров делался так велик, что и речи не могло идти о серьезной военной подготовке нижних чинов, тем более что оставшиеся больше занимались делами, слабо связанными с армейской учебой. Полк активно участвовал в жизни того уезда, к которому был причислен и в котором располагался. Сбор денег и продовольствия на содержание полка, рекрутские наборы, поимки беглых крестьян, искоренение разбойничьих шайек и участие в работе судебных органов — все занятия военнослужащих трудно перечислить.

Команды нижних чинов, иногда целые батальоны, выделялись на несение всевозможных караулов и на государственные работы. Так, в 1749 г. в трех армейских полках Петербургского гарнизона из почти 7 000 чинов списочного состава налицо оказывалось не более 670, и из тех половина — малолетние [4., т. 2, с. 98].

* * *

Организационная структура пехотных частей и соединений изменилась незначительно.

Высшие соединения пехоты (бригады, дивизии и корпуса) носили временный характер. Бригада обычно включала 2—3 полка, дивизия — от 2 до 5 бригад.

Наибольшие изменения в этот период претерпели гренадерские формирования. При Екатерине I роты сводных гренадерских полков были отправлены к своим полкам; фузелерные полки, в свою очередь, выделили из своего состава по одной фузелерной роте. Таким образом, вместо гренадерских полков составились фузелерные, получившие единообразную с остальными организацию из 2 батальонов (1 гренадерская и 7 фузелерных рот).

В правление Анны Иоанновны пришли к заключению, что содержать гренадерские роты нецелесообразно; в хозяйственном отношении всех гренадер (по 16 человек) причислили к 8 фузелерным ротам полка, при ротах состояли и гренадерские офицеры и унтер-офицеры. При всех построениях по-прежнему формировалась гренадерская рота — 9-я в полку.

Количество полевых пехотных полков практически не изменилось: к 38 полкам, состоящим в армии к 1731 г., в 1735 г. прибавилось 8 — из числа выведенных из Персии (Низовой корпус). Новшеством, отразившим стремление к удешевлению содержания войск, стало введение отдельных штатов мирного и военного времени.

В 1741 г. гренадерские роты восстановили и как хозяйственные единицы; в полку теперь 9 рот. При этом на время войны со Швецией в 1741—1743 гг. вновь учреждены сводно-гренадерские полки: в армии фельдмаршала Ласси, например, в 1742 г. состоял 11-ротный «Гренадерский пехотный полк» [3, л. 6].

При Елизавете Петровне численность полков была увеличена: в 1747

Сформированные батальоны сопровождали к полкам специально посланные офицеры. В 1753 г. количество гренадерских рот в полку возросло до трех; батальон включал в себя теперь 1 гренадерскую и 4 мушкетерских роты. Однако такой состав сохранился недолго: уже через 3 года гренадерские роты вторых батальонов вошли в состав сформированных четырех номерных гренадерских полков.

В каждом из них состояло 10 рот, разделенных на два батальона. Высокое качество этих новых полков уже в 1757 г. отмечалось даже не слишком расположенным к русским, иностранным наблюдателем: «Главная их армии сила состоит в гранодерских полках, и подлинно, все гранодеры люди плотные и сильные...» [38, с. 481].

Вообще, гренадерские части и подразделения при Елизавете Петровне были поставлены в привилегированное положение относительно прочей пехоты. От полкового начальства постоянно требовали поддерживать штатную численность гренадерских рот вне зависимости от численности мушкетерских. И оказалось, что к началу Семилетней войны мушкетерские роты полков за редким исключением могли выставить более 20—25 рядов (100 человек рядовых вместо 144 по штату); в то же время гренадеров, как и полагалось по штату, везде по 200 в роте. Некомплект к 1756 г. доходил до 280 нижних чинов на полк (около 2 рот). Через год это число возросло втрое, поэтому по предложению генерал-аншефа В. В. Фермора в полках укомплектовали полностью 2 батальона и 2 гренадерские роты; остатки третьего батальона отослали для пополнения рекрутами.

Помимо созданных перед Семилетней войной постоянных гренадерских полков, во время войны появились новые сводные гренадерские части (Сводно-Гренадерский полк в 1757 г. при Гросс-Егерсдорфе) и подразделения (сводно-гренадерские батальоны под Кольбергом в 1761 г.), а штатные гренадерские полки в ходе боевых действий были почти все расчислены на отдельные батальоны.

В 1756 г. началось формирование Запасного, или Обсервационного, корпуса графа П. И. Шувалова, в его гренадерском и пяти мушкетерских номерных полках предполагалось иметь до 30 000 строевых и нестроевых чинов, предназначенных единственно для прикрытия действия многочисленной корпусной и полковой артиллерии. По проекту, корпус должен был иметь до 144 полевых и полковых артиллерийских орудий различных систем, но к 1758 г. при 5 полках в походе имелось только 98 "стволов — двухпудовых, однопудовых, полупудовых, четвертьпудовых единоголов, восьмифунтовых пушек и шуваловских «секретных гаубиц» [68, вып. 1, прил., с. 113]. Каждый полк корпуса состоял из 4-х батальонов по 4 роты; в батальонах мушкетерских полков одна из рот была гренадерская. Подразумевалось, что корпус должен комплектоваться лучшими людьми полевых полков (по 4 20 человек от полка). На деле оказалось, что можно рассчитывать лишь на 15 полков, оставшихся в России после начала войны. Приходилось брать людей из гарнизона, ландмилиции и даже из драгунских полков; около половины нижних чинов корпуса составляли рекруты.

Для похода удалось укомплектовать лишь 5 полков (Гренадерский и 1, 3, 4 и 5-й мушкетерские). Собранные «с миру по нитке», полки этого корпуса, конечно, не стали той армейской элитой, какой задумывались. Их боевые качества оказались невысоки: уже в первом сражении под Цорндорфом в 1758 г. они подверглись настоящему избиению, и многие считали их виновниками не слишком удачного исхода боя. Через год под Кунерсдорфом корпус снова был разбит и отброшен с позиций; в 1763 г. полки корпуса расформировали. Так была похоронена идея создания «пехотно-артиллерийских» частей — химеры времен расцвета линейной тактики.

Артиллерийская часть в полевых полках претерпела значительные изменения. Вплоть до 1736 г. при полках состояло по 2 трехфунтовых пушки на лафетах с 4 шестифунтовыми мор-тирками на станках, перевозимыми на пушечных лафетах. Весь этот парк обслуживали назначенные от артиллерии 2 канонира, 4 фузелера и 6 фурлейтов; кроме того, в каждой роте был

1 фузелер, обученный премудростям артиллерийской службы. В 1736 г. каждый полк должен был получить дополнительно еще

2 пушки и 4 мортирки, но на деле такое удвоение артиллерии произошло лишь через год. Мортирки, по новому правилу, обслуживали специально обученный обер-офицер и 8 гренадеров. Но, помимо усиления огневой мощи, «прибавочная» артиллерия перегружала подвижную часть полка. Поэтому до 1745 г. в полках то изымали эти «лишние» орудия, то добавляли вновь, пока, наконец, не выключили их из штата. В дальнейшем двойная артиллерия появляется в 1748 г., но только в полках вспомогательного русского корпуса на Рейне.

В начале 50-х гг. инспекция показала, что в полках начисто отсутствуют навыки стрельбы из мортирок, даже лафетов к ним не содержится. Для исправления артиллерийской части в 1753 г. к каждому из полков был откомандирован офицер-артиллерист. Также, по представлению графа П. И. Шувалова, предполагалось усилить полковую артиллерию полупудовой «секретной гаубицей», предназначенной, прежде всего, для стрельбы картечью. Подобные гаубицы поступили в полки Обсервационного корпуса, но в других частях не нашли применения; как вскоре выяснилось, они не оправдали возлагаемых на них надежд.

По штату 1756 г. каждому полку полагалось 4 медных трехфунтовых пушки и 8 шестифунтовых мортирок. Орудийный парк полностью переходил в ведомство полка, а прислуга комплектовалась чинами полка из расчета 9 человек на пушку и 12 запасных. Заведовал этим хозяйством зачисленный в штат полка артиллерийский офицер.

Пушки с 1757 г. стали заменять на четвертькартаульные (двенадцатифунтовые) единороги, но их оказалось недостаточно. Армию снабжали и восьмифунтовыми единорогами; к концу войны в некоторых полках их насчитывалось до 6 штук, по 2 на батальон.

Изменения в организации коснулись и гвардии. Основным стало формирование в 1730—1731 гг. третьего по счету полка гвардейской пехоты, названного Измайловским (по наименованию подмосковной резиденции Анны Иоанновны). Рядовых нового полка набирали из Украинской ландмилиции, унтер-офицеров и капралов пехотных полков Московской губернии, офицеров — из «лифляндцев, эстляндцев и курляндцев и прочих наций иноземцев и из русских» [58, с. 4]. По замыслу императрицы полк должен был служить противовесом старым гвардейским полкам и хоть как-то ограничивать их влияние на внутреннюю политику. Для этого нижние чины специально набирались из тех областей Украины, куда при Петре высылали московских стрельцов, имевших много поводов недолюбливать преображенцев и семеновцев. На деле же полк очень скоро стал частью единого гвардейского организма.

Организационная структура гвардии практически не изменилась. В 1730—1762 гг. Преображенский полк состоял из 4 четырехротных батальонов и бомбардирской роты (3 офицера, 4 унтер-офицера, 4 капрала, 36 бомбардиров, 36 кадетов, писарь, лекарский ученик). Гренадеры (6 офицеров, 11 унтер-офицеров, 6 капралов и 256 рядовых) в 1731 г. были разделены на 16 мушкетерских рот, а с 1741 г. вновь сведены в одну роту. В Семеновском и Измайловском полках было по 3 батальона; гренадеры (4 офицера, 10 унтер-офицеров, 4 капрала и 198 рядовых) были организованы подобно преображенцам. В гвардейских слободах в Москве оставались команды двух «старых» полков.

В Преображенском полку состояли 1 полупудовая гаубица и 8 трехфунтовых пушек, в двух других полках — по 1 гаубице и по 6 пушек.

Еще одним достаточно оригинальным гвардейским подразделением стала Лейб-компания, организованная из бывшей гренадерской роты Преображенского полка, принявшая самое активное участие в перевороте 1741 г. Щедрость Елизаветы Петровны стала воистину безмерной. Все чины роты, не состоявшие в дворянстве, получили его; старшинство в чинах относительно армии определялось следующим образом: рядовой Лейб-компании соответствовал поручику армии, капрал — капитану, фурыер и подпрапорщик — секунд-майору, вице-сержант — премьер-майору, сержант — подполковнику, прапорщик — полковнику, адъютант — бригадиру, подпоручик — генерал-майору, поручик — генерал-поручику, капитан-поручик — полному генералу. Чин капитана Лейб-компании взяла на себя сама императрица.

«Придворное» подразделение не пережило своего капитана; Петр III расформировал Лейб-компанию в 1762 г., а Екатерина II восстановила ее лишь в качестве гренадерской роты Преображенского полка (в дополнение к уже существовавшей).

Правление Елизаветы положило начало созданию несомненно чрезвычайно полезного вида армейских частей — легкой пехоты. Столкнувшись с противоборством прусских егерей и «фрей-ба-тальонов», П. А. Румянцев в 1761 г. под Кольбергом учредил в подчиненных ему войсках 2 батальона, набранных из «охотников». В них служили добровольцы, обученные по специальной инструкции, в каждом «легком» батальоне было 5 рот (по 100 рядовых, разделенных на 4 капральства, с командирами); при батальонах содержалось по 2 орудия. Эти подразделения были расформированы по окончании войны, но практика их создания не прошла даром: впоследствии русская легкая пехота (егеря) при Екатерине II стала сильнейшей в Европе.

Гарнизонную пехоту представляли 2-батальонные полки (только 2 полка имели к 1762 г. по 3 батальона) с 1 гренадерской ротой и отдельные батальоны. Гарнизоны, расположенные во вновь присоединенных к России прибалтийских землях и содержащиеся в относительно большем порядке, получили название «остзейских» (19 полков и 2 батальона); остальные гарнизоны, называемые «внутренними», из-за хронического некомплекта лишь формально можно было считать полками и батальонами.

* * *

Ведущая роль в управлении полком принадлежала «господам штабам» — совету полковых штаб-офицеров. Командир полка, как правило, не мог отдавать распоряжения без согласия штаба.

Штаб-офицеры, среди прочего, определяли и порядок строевого обучения нижних чинов. Время для такого обучения отводилось лишь в период «кампаментов» (летних лагерных сборов), продолжительностью от 2 недель до 2 месяцев. По возможности, в лагерях собирался весь полк или батальон; время, свободное от изнурительных работ и походов, проходило легко и беззаботно. Разбивали палаточный лагерь: «...всякий ротный командир старался перещеголять других и украшал улицу роты своей колько можно, усыпал ее разными песками и выкладывал дерном разные фигуры и украшения...» [47, т. 2, с. 120]. Во многих полках палатки стояли лишь для вида: офицеры жили в специально Построенных избах, а нижние чины — в землянках.

Только в лагерях солдаты практиковались в стрельбе, выпуская положенные им на год 3 патрона в щиты с нарисованными черной краской ростовыми фигурами-мишенями.

Офицерские палатки (с 1732 г.).

Несколько большее внимание огневой подготовке стали уделять при Елизавете Петровне: на мушкетера теперь полагалось 6 патронов, на гренадера — 9. В ряде полков командиры изыскивали возможность увеличивать число учебных патронов и таким образом повышать боеготовность солдат.

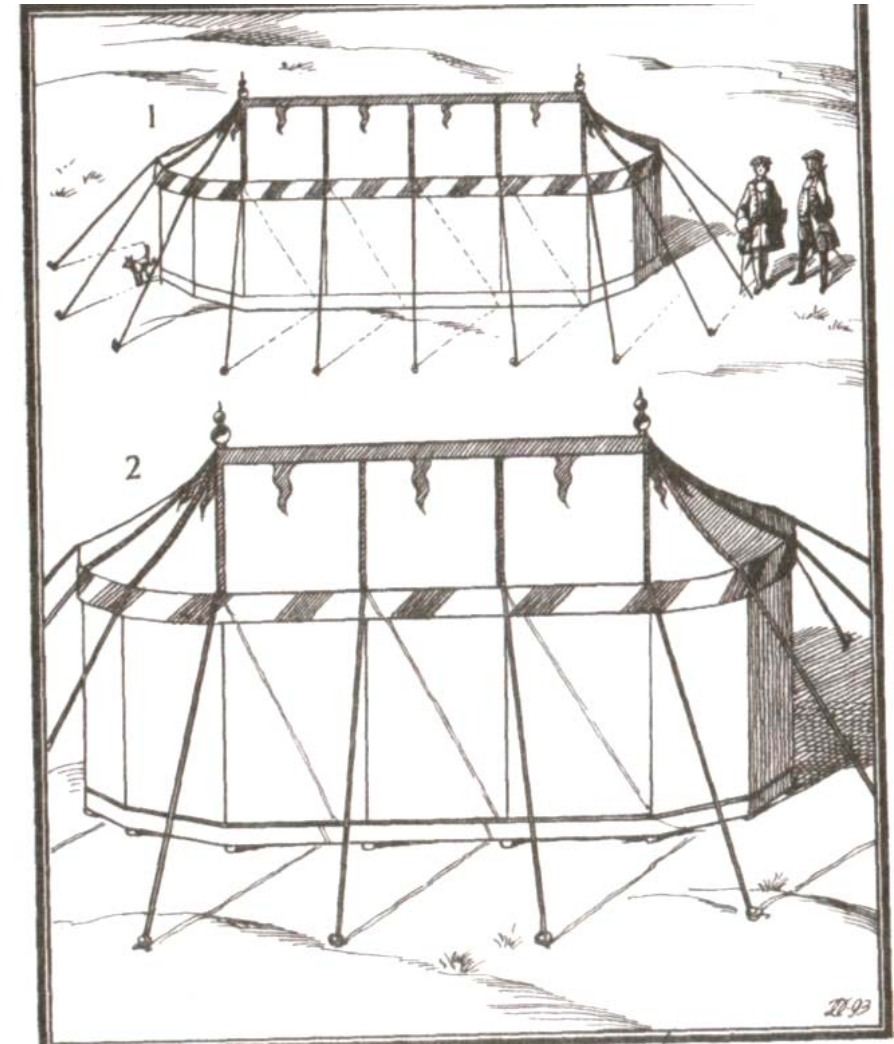
Гвардейцев обучали более систематично: строевые занятия и учебные стрельбы проводились даже зимой.

Отсутствие офицеров при полках крайне негативно должно было сказываться и на одиночном обучении солдат, поскольку унтер-офицеры по действующим правилам не могли заниматься с рядовыми даже элементарными экзерцициями. И на самом деле, большинство унтер-офицеров из дворян, находясь в младенческом возрасте или вдали от полков, не были способны чему-либо научить новичков. Но на «настоящих» унтер-офицеров и на старослужащих рядовых волей-неволей приходилось надеяться, коль скоро речь заходила о боеготовности полка (а чаще о готовности к смотрам).

Первые два-три года рекрут, как и при Петре I, занимался исключительно одиночным учением, включавшим в себя простейшие строевые эволюции. Старослужащих же теперь, вопреки петровским правилам, уже не учили «разным оборотам» — из полковых учений постепенно исчезали все элементы неожиданности. В планах учений заранее старались описать все возможные варианты действий, и если реальная ситуация выпадала из правил, то начальники просто терялись.

Что касается строевого и тактического обучения, то военные деятели времен Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны так и не смогли предложить ничего лучше петровского Устава 1716 г. Лишь в 1755 г. появился Устав, во многих положениях сходный с прусским, но так как на его изучение перед войной оставалось слишком мало времени, то большинство экзерциций по-прежнему исполнялись по петровским правилам. Поэтому мы только коротко познакомим читателя с основными попытками изменения Устава, предпринятыми в этот период.

Первой из таких попыток стала вышедшая в 1731 г. «Экзерциция пеша», составленная Б. Минихом. Ее называли также «прусской экзерцицией», хотя совершенно необоснованно: практически это был несколько переработанный Устав 1716 г. В заглавии «Экзерциций...» значилось пояснение: «С показанием ясного истолкования»; на самом же деле описание строевых и тактических приемов было гораздо сложнее петровского и даже прусского. К тому же документ рассылался в рукописных экземплярах и текст при переписывании искажался; поэтому трудно было найти два полка, в которых бы экзерциций выполнялись одинаково.

Капитанская (1), подпоручиков и поручиков (2).

Кроме сдваивания шеренг, в «Экзерциции...» подробнейшим образом описывались разнообразные правила стрельбы. Полк строился в четыре шеренги, а огонь вели три. Три шеренги выстраивались либо разделением людей четвертой шеренги по первым трем, либо объединением первой и второй шеренг: «...чтоб первая шеренга имела двойной огонь...» Гренадерская рота разделялась на две части и вставала на флангах, как правило, сохраняя 4-шереножное построение.

Перед стрельбой первая шеренга примыкала штыки и становилась на колено. Огонь велся шеренгами, начиная с задней, или plutонгами. Во время штурма Перекопа в 1736 г. огневое прикрытие поддерживали солдаты четвертой шеренги, в то время как остальные три лезли на вал.

Если grenадеры должны были бросать учебные или боевые гранаты (учебные назывались маршлагами), то каждая половина роты, разделенная на 4 plutонга, действовала следующим образом: 1-й plutонг стрелял, а 4-й метал гранаты, затем 4-й стрелял, а 2-й метал гранаты и т. д.

Гренадерская рота могла действовать отдельно, для чего строилась в 3 шеренги и делилась на 8, 6 или 4 plutонга. 1-й plutонг (из 8) стрелял, 5-й бросал гранаты, 2-й стрелял, 6-й бросал и т. д.; затем все повторялось в обратном порядке (5-й стрелял, 1-й бросал).

Для того чтобы grenадеры передних шеренг могли уходить за строй после броска гранаты, ряды grenадерской роты размыкались от центра непосредственно перед метанием, а шеренги раздвигались на установленное расстояние.

При отступлении 1-я шеренга grenадеров стреляла, бросала гранаты и уходила на три шага за строй; то же делали 2-я и 3-я шеренги. При наступлении 1-я шеренга стреляла и бросала, а 2-я выходила на три шага перед строем, стреляла и бросала; затем вперед выходили 3-я и 1-я шеренги.

«Экзерциция...» подтверждала большинство положений Устава 1716 г., в том числе и правила действия штыком.

Но война с Турцией 1735—1739 гг. — выдвинула новые требования к тактике пехоты. Основным построением стали дивизионные колонны, а основным видом боя — огневой.

При штурме Очакова в 1737 г. русские пехотинцы, дойдя до рва крепости, вступили в ожесточенную перестрелку с турками; вскоре были выпущены все патроны и брошены все гранаты. В рукопашном бою штыки еще не всегда эффективно действовали против сабель и ятаганов. Русским пришлось отступать до самого лагеря, и лишь усилившийся в городе пожар заставил противника сдаться. Более всего удивителен успех этого безрассудного штурма, проведенного без всякой разведки, в самом неудобном месте и без необходимого снаряжения — лестниц и фашин. На

стороне командовавшего штурмом Б. Миниха, несомненно, было военное счастье, но главное — упорство и мужество русской пехоты. Правда, на этом нельзя было строить все стратегические и тактические замыслы, поэтому после очаковской бойни были приняты некоторые нововведения.

Теперь и при стрельбе полки выстраивались в 4 шеренги; 2-ю шеренгу образовывали вновь поставленные в строй через одного пикинеры. В 1-ю шеренгу приказывали ставить лучших солдат, независимо от роста. Наиболее эффективной была признана стрельба plutонгами. Пушки ставились позади флангов; в нужный момент plutонг, стоящий перед орудиями, уходил за строй. Наконец, с трех до пяти увеличивался запас «шлагов» у grenадеров. Активно использовались и рогатки.

Все эти меры, вероятно, дали какой-то результат: в 1739 г. в сражении при Ставучанах 50 тысяч русских обратили в бегство 100-тысячную турецко-татарскую армию тактическими передвижениями и ружейно-артиллерийским огнем.

Неожиданно эффективными оказались пики. Х. Манштейн, служивший в русской армии во время турецкой войны, писал о вылазке пехоты из осажденного турками Очакова (конец 1737 г.): «...пошли колонною на неприятеля, и... в этом случае действовали только пиками, как единственным орудием, которым можно было обороняться от турецких сабель...» [25, с. 135]. Обучение действиям пикой предлагалось возобновить даже в 1746 г., правда, свидетельств о подобном обучении и о применении пик не сохранилось.

В «Экзерциции...» довольно подробно были описаны правила ношения и постановки рогаток. При четырехшереножном строе каждые шесть рядов солдат получали свой брус-основу и 24 пики (полупики). На марше солдаты надевали ружье на ремне на левое плечо, а пику несли на правом. В крайнем правом (из каждых шести) ряду два солдата, сменяясь, несли на плече брус. По команде «Ставь рогатки» брус выносили перед первую шеренгу; два солдата держали его за концы, а остальные передавали пики людям первой шеренги, которые вставляли их в отверстия бруса. После того, как рогатки были собраны, их сцепляли между собой с помощью железных крючьев, закрепленных в торцах бруса. Разбиралась конструкция в обратном порядке.

И все-таки миниховская «Экзерциция...» лишь усложнила петровский Устав. Уже в 1742 г., по воцарении Елизаветы Петровны чаяниями фельдмаршала П. Ласси был восстановлен изначальный петровский Устав. Но полковое начальство успело познать вкус самостоятельного законотворчества: вплоть до конца века многие частные командиры считали своим долгом вносить собственные дополнения к действующим уставам и наставлениям.

Еще одним «новшеством» стала постепенно усиливающаяся ориентация на парадное обучение солдат. Если при Петре требовалась функциональная правильность выполнения всех команд, то теперь внимание все более стали обращать на красоту и однообразие движений. «Внушаемые» унтер-офицерской палкой навыки (положения рук, ног, туловища, ружья) не имели никакой практической пользы; но радовали глаз проверяющему начальству.

Слабым местом Устава 1716 г. было отсутствие правил построения каре, что попытался исправить тот же П. Ласси, своим проектом нового Устава 1746 г.

Тактические построения полка ничем не отличались от мини-ховских, а следовательно, и от петровских. Некоторым нововведением стала стрельба заданным количеством патронов. И все-таки основным отличием служили тщательно описанные три варианта каре: «дивизионное батальон-каре», «огибное батальон-каре» и «сквозное батальон-каре». В первом случае передний фас каре составляли 5-я и 6-я мушкетерские роты (3-й дивизион), во втором — 4-я и 5-я, в третьем — 3-я и 4-я. Все перестроения прикрывались гренадерами, которые стреляли и бросали шлагги, либо объединяясь в роту (в первом случае), либо действуя, как обычно, двумя полуротами на флангах. В каре гренадеры занимали углы, там же устанавливались и полковые пушки. Метание шлаггов допускалось лишь из каре и при отступлении.

Команды штаб-офицеров дублировались полковыми музыкантами и барабанщиками. Так, для наступления били сигнал «поход», а после начала наступления — «марш»; для отступления — «ретирада» и «с поля»; стрельба осуществлялась по сигналу «дробь», а построение каре — по «тревоге».

Проект Устава так и не был принят для всей армии и использовался, по-видимому, лишь в войсках, подчиненных фельдмаршалу П. Ласси.

В 1748 г. во время похода на Рейн русского вспомогательного корпуса его командир — Василий Аникитич Репнин (сын знаменитого петровского военачальника) — в полной мере использовал Устав 1716 г., внося лишь некоторые изменения в походный порядок войск. Иностранцы, видевшие полки корпуса, восхищались их выучкой; но это был всего лишь единичный пример в целом, уровень строевой и тактической подготовки неуклонно падал.

В 1755 г., наконец, был выпущен новый Устав, разработанный полковником З. Г. Чернышевым. Несмотря на явную про-прусскую ориентацию, Устав мог придать хоть какое-то единообразие армейским построениям; но времени на его изучение уже не оставалось... Несомненным достоинством этого документа была предоставляемая командирам свобода в выборе оптимального построения; явным недостатком — усложнение строевых приемов.

Построение в 4 шеренги применялось теперь и для стрельбы, лишь изредка строились в 3 шеренги. Все солдаты в строю имели примкнутые штыки.

В развернутом линейном порядке на флангах трех батальонов ставились гренадерские роты. Между ними и батальонами, а также между батальонами оставались интервалы в восемь шагов для полковой артиллерии. 12 мушкетерских рот, в зависимости от числа людей, рассчитывались в каждом батальоне на 1, 2, 3 или 4 дивизиона; каждый дивизион, в свою очередь, на 4 plutonga. Перед стрельбой позади фронта вставляли резервы: мушкетерский (по одному ряду от полудивизиона) — за 2-м батальоном, два гренадерских — за 1-м и 3-м батальонами. Шеренги, стоящие в трех шагах друг от друга, придвигались вплотную к первой; первая и вторая вставляли на колено. Пальба производилась полудивизионами, plutongами, шеренгами, рядами, залпами и косым огнем.

Полудивизионы начинали огонь с правого plutonga; менее интенсивной была стрельба plutongами, когда по очереди стреляли plutongi дивизиона. Шеренги стреляли, начиная с задней, ряды (по два) — с правого фланга каждого plutonga. «Косой огонь» велся под углом к фронту.

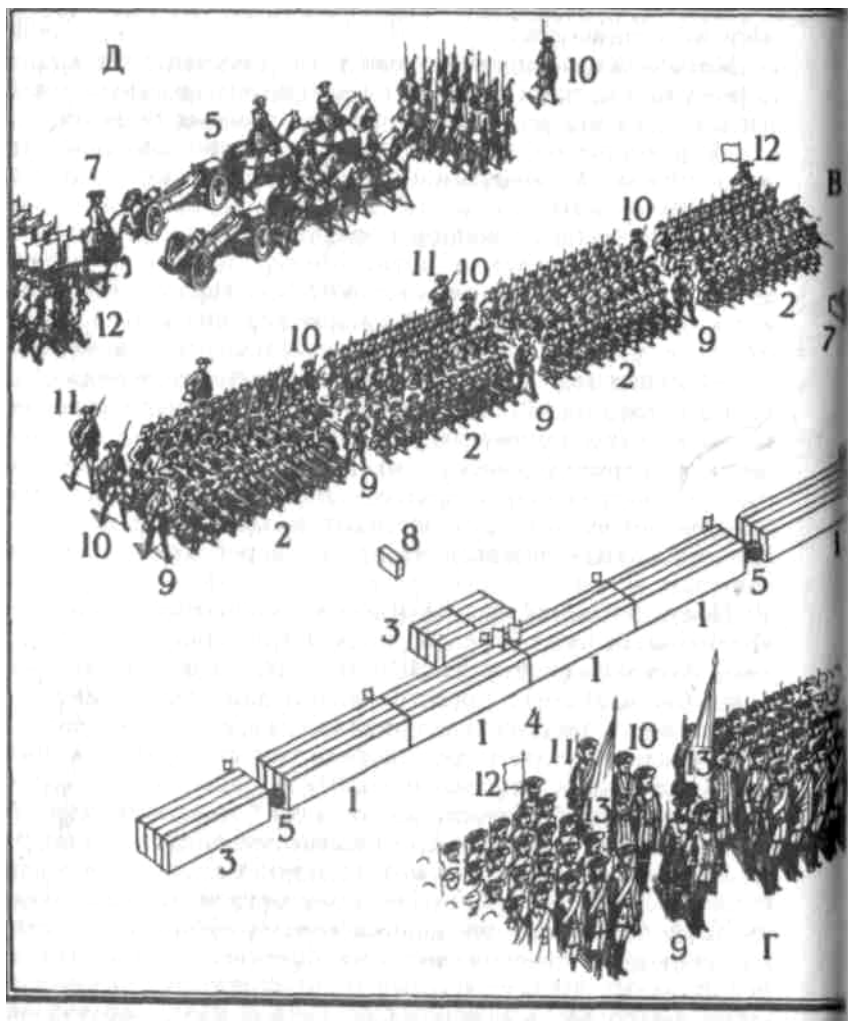
Гренадерские роты действовали самостоятельно, а шлагги бросали лишь при отступлении.

Резервы сохранялись до самого последнего момента; при атаке они обстреливали противника, выдвинувшись вперед.

В Устав были введены и французские новинки — построение нескольких видов колонн. На походе строились взводные колонны, для отражения внезапных кавалерийских атак — ротные, для переправ — полковые «по средним частям» (линии), для решительных атак — «густые батальонные» (сомкнутые).

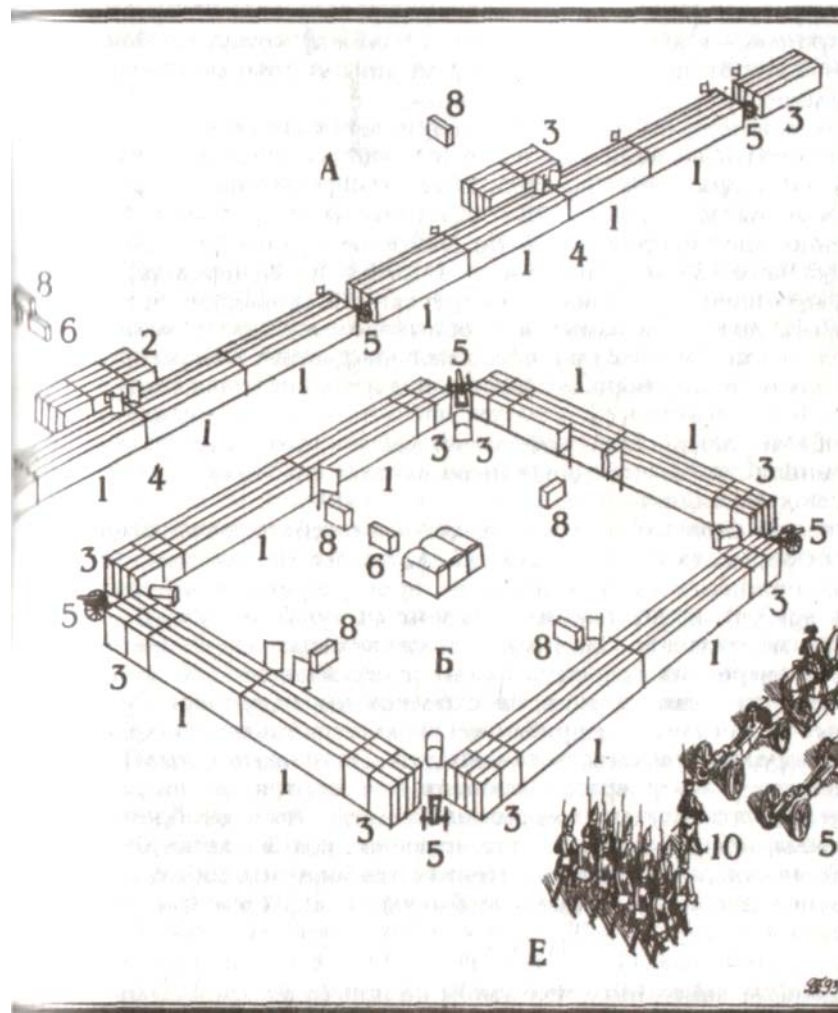
П. А. Румянцев в конце Семилетней войны обучал войска и построению массированных колонн — из 2, 4 и более полков.

Против ожидаемых атак неприятельской конницы полк мог строиться в 4 различных каре: батальон-каре, полковое, огибное и долгое. В каре гренадеры становились по краю каждого фаса, полковые пушки — по углам, гренадерские резервы — за пушками, мушкетерские — в центре каре. При построении «долгого» каре гренадерские роты образовывали боковые фаса. Строевые приемы, получившие вновь целый ряд «разделений», делались «по флигельману» — специально выделенному солдату, правильно исполняющему все приемы.

Устав 1755 г.

Пехотный полк при стрельбе (А), пехотный полк в каре (Б), рота при стрельбе (В), знаменные роты (Г), голова (Д) и хвост (Е) пехотной колонны на параде или при прохождении через город.

Мушкетерские роты (1), взводы (2), гренадерские роты и взводы (3), батальоны (4), полковая артиллерия (5), командир полка (6), полковой квартирмейстер (7), штаб-офицер (8), обер-офицер (9), сержанты (10), капралы (11), фурыеры (12), подпрапорщики (13).

Основное построение армии оставалось прежним. Пехотные полки строились в две линии, расстояние между которыми было двести — пятьсот шагов; между линиями иногда ставились полки или батальоны «поддержки» — резерва.

К сожалению, Семилетняя война не дала возможности продемонстрировать во всей красе тактические изыскания российских военных деятелей. Фридрих и его генералы оказались не очень склонны к «правильной» стратегии и часто вели бой совершенно «не по уставу». В большинстве сражений (Гросс-Егерсдорф в 1757 г., Цорндорф в 1758 г., Кунерсдорф в 1759 г.) противник путал все карты русским полководцам; армии приходилось драться в самых неудобных положениях, и только храбрость и упорство солдат и частная инициатива командиров спасали положение, обращая практически проигранные бои в победы.

В конце войны русские достаточно удачно применяли колонны. Именно в таком порядке контратаковали гренадерские батальоны под Кольбергом.

Несколько слов скажем и о подготовке действовавших там же легких батальонов. По замыслу П. А. Румянцева, они должны были поддерживать «легкие войска» (иррегулярную кавалерию и иногда драгун), прикрывая их во время отступлений и поддерживая при наступлении. Батальоны должны были действовать в лесах и в деревнях, строить фронт с артиллерией в узких «дефилях», высылая «лучших же стрелков и в одну, шеренгу...» На открытых местах, при приближении к неприятелю подкреплений, им предписывалось «в тыл впадать» (атаковать с тыла), а находящегося в лесу врага атаковать, не смотря на численность, — «в сих случаях неприятель, всегда себе воображая больше силы, нежели она есть, в нестроение и в бег легко быть приведен может...» В любых сражениях требовалось соблюдать, «чтоб бесполезно порох трачен не был» [43, с. 31].

* * *

Вооружение чинов пехоты в целом не претерпело каких-либо серьезных изменений с петровского времени. Все строевые нижние чины и капралы были вооружены шпагами и фузеями со штыком. Образцы фузей при более или менее одинаковом калибре различались рядом конструктивных деталей. Основными нововведениями в этот период стали латунный прибор ружья (на образцах 1731 и 1753 гг.) и ложевые кольца для крепления ствола в ложе (начиная с образца 1737 г.).

При Анне Иоанновне шпаги с прямым клинком и латунным эфесом носились в черных кожаных ножнах, покрытых сверху чехлом из белой кожи и имеющих латунный крючок и наконечник, на «яловичной на лосиное дело» портупее с пряжкой и наконечником. Темляк к шпаге изготавливался из старых перевязей и портупей.

При Елизавете Петровне был введен новый образец шпаги с тесачным клинком и черными кожаными ножнами.

Гренадеры по-прежнему носили гранаты (шлаги) в суме из черной кожи с латунной бляхой на крышке; на яловичной перевязи сумы крепилась латунная фитильная трубка. При Елизавете Петровне крышка сумы целиком закрывалась латунной бляхой с полковым или государственным гербом.

Гренадерские сержанты и каптенармусы вооружались ружьями, а мушкетерские — алебардами с широкими лезвиями и пистолетами. Унтер-офицерские алебарды в армии были уже в 1734 г. заменены ружьями, патроны для которых носились в лядунках, а позже — в подсумках. Поначалу, в мирное время, алебарду и пистолет носили также и фурыеры; в военное время они получали второй пистолет, фузею, а вместо алебарды — ротный значок из белой китайки, обшитый по краю красным флоретом и имеющий в центре полотна красные начальные буквы названия полка и номер роты. В дальнейшем, особенно при Елизавете Петровне, рисунок ротного значка менялся достаточно произвольно.

Пистолеты были присвоены также полковому барабанщику, «флейщику», цирюльнику, писарям и полковому профосу; во время боевых действий пистолеты иногда выдавались и другим чинам, не имеющим ружей. Иногда музыканты, помимо пистолетов, получали и короткоствольные ружья.

Патроны для фузей у grenадеров хранились в лядунке, ремень которой застегивался на пояс, а у мушкетеров — в патронной суме на лосиной перевязи через плечо; пистолетные патроны — в лядунках, подобных grenадерским. Grenадерские лядунки в 40-х гг. стали украшать латунной бляхой с полковым или государственным гербом, закрывавшей всю крышку.

Пороховые натруски к концу 30-х гг. были выведены из употребления «за непрактичностью». Теперь солдат насыпал порох на полку прямо из скушенного патрона.

Фурыеры имели особые перевязи для подвешивания фузей и патронной «на манер драгунских» лядунки, каптенармусы — сумы для запасных патронов на лосиных перевязях, а grenадерские капралы — латунные ночники (специальные фонари для фитилей).

На полк по-прежнему полагалось 144 пикинерных копей, древки к которым приготавливались, как правило, перед походом. Копья (как пикинерные, так и рогаточные) перевозились в полковом обозе.

На походах солдатское имущество и запас провианта переносился в черных кожаных ранцах с железными пряжками на ремне через правое плечо, а запас воды — в жестяных флягах.

При Елизавете Петровне фляги могли украшаться накладными латунными гербами (полковыми или государственными). Во время Семилетней войны было приказано носить провиант в холстинных сумках — «шнип-саках» через правое плечо; но уже в 1759 г. для лучшей сохранности съестных припасов велено было носить их в переделанных кожаных ранцах, а в «шнип-саках» содержать белье и обувь [68, вып. 2, прил., с. 284].

Портупей и перевязи постоянно начали выбеливать при Елизавете, но первые упоминания о беленых ремнях относятся еще к миниховским походам.

Все офицеры носили шпаги, подобные шпагам нижних чинов, но с позолоченными эфесами, крючками и наконечниками; клинки шпаг остались прямыми и при Елизавете Петровне. Офицеры мушкетерских рот до 1731 г. вооружались протазанами или полупиками, с 1731 г. — эспонтонами (копьями с широкими и плоскими лезвиями), а с середины 30-х гг. — офицерскими фузеями. Гренадерские офицеры носили фузеи еще с петровского времени. Фузейные ремни и портупей могли украшаться серебряным (позже золотым) галуном. На перевязях офицерских гренадерских сум при Анне Иоанновне толщина галуна зависела от чина владельца: у капитанов три четверти вершка, у поручиков — уже, у подпоручиков — еще уже. Крышки лядунок и гренадерских сум обшивались пунцовым сукном (как и перевязь); бляхи на них золотились. По краю крышки сумы нашивался золотой галун (такой же ширины, как и на перевязях). При Елизавете Петровне вид блях изменился (рисунок как и у нижних чинов, но с добавлением государственного герба к полковому); бляхи по-прежнему золотились (и даже покрывались финифтью), а для предохранения позолоты на походе служил клапан из красной кожи.

Говоря об обмундировании пехоты, нельзя не отметить тот факт, что отечественная промышленность плохо справлялась с военными заказами; широко использовалась практика зарубежных поставок (своим сукном армию обеспечили только в 1761 — 1762 гг.). В частности, большая часть мундирного сукна поставлялась при Анне Иоанновне из Англии и Пруссии; при экстраординарном расходе сукна, как это было во время походов, приходилось изыскивать дополнительные источники снабжения, пусть даже и не отвечающие требованиям мирного времени. Поэтому темно-зеленый цвет мундиров мог иметь множество оттенков даже внутри одного полка, а в ряде случаев заменялся на темно-синий. То же можно сказать и о большинстве других предметов обмундирования.

С 1731 г. разнообразные шапки, состоявшие в гренадерских «компаниях» (ротах) армейских полков, стали заменяться единым образцом, просуществовавшим затем без серьезных изменений до 50-х гг.

Новая гренадерская шапка представляла собой суконный колпак зеленого цвета с каркасом из китового уса и с двумя вертикальными красными клапанами. На переднем клапане крепилась медная бляха с изображением полкового или государственного герба, на заднем — медная пылающая граната. По швам шапка обшивалась белым шнуром или тесьмой, венчала ее шерстяная белая кисть.

Офицерская шапка обшивалась золотым галуном, кисть была золотой, бляхи — вызолоченные, а сукно лучшего качества.

К шапкам полагался чехол из пропитанной воском ткани вошанки.

При Елизавете Петровне выслужившие срок шапки 1731 г. зачастую заменялись шапками произвольных образцов; гренадерские роты вновь потеряли единообразный вид. Только в 1756г. в войска стали поступать новые гренадерские шапки, изготовленные из пумповой кожи. Они имели тулью и почти горизонтальный задний козырек («задник»), подобные шапкам гвардейских гренадеров, но передний вертикально стоящий козырек — выше (6 вершков). На переднем козырьке крепился медный налобник с изображением двуглавого орла, покрашенного черной краской, а под ним полковой герб и две гранаты. В полках, не имевших герба, его заменяли вензелем Елизаветы Петровны. Тулья обкладывалась медными полосками, а сзади помещалась еще одна бляха с вензелевым изображением начальных букв названия полка. Наверху, «перед» козырьком, крепилась белая кисть; в ряде случаев шапка украшалась пером. По-прежнему все медные детали офицерской шапки золотились, золотой была и кисть; а орел на налобнике покрывался черной эмалью.

Шапка оказалась чрезвычайно неудобной в боевых действиях, и во время Семилетней войны ее заменили на сшитые в полках суконные колпаки прусского образца (с медным налобником от уставной шапки) или иного вида.

Все штаб-офицеры и чины мушкетерских рот носили треугольные шляпы. Шляпы нижних чинов с 1731 г. обшивались по краю белой тесьмой, а слева помещалась белая кокарда в виде банта из такой же шерстяной тесьмы. Офицерские шляпы обшивались широким золотым галуном, кокарда была шелковая, пуговица на ней позолоченная или обтянутая золотым галуном.

В ряде торжественных случаев шляпы украшались зеленью, символизировавшей лавры, как это было, например, в начале Семилетней войны.

При Елизавете Петровне унтер-офицерские шляпы отличались золотым галуном (вместо тесьмы) по краю. Офицеры получили две шляпы: парадную пуховую (полупуховую) и повседневную поярковую. На обеих бант-кокарда был шелковый с черной петлей, пуговица позолоченная; помимо этого, парадная шляпа обшивалась галуном.

В 1757 г. в действующей армии для отличия полков были введены боковые кисти и султанчики на шляпы из гарусных нитей — цвет их устанавливался командиром полка [13, с. 131].

Кафтан прежнего покроя стал несколько уже и на 2,25 вершка не доставал до колен. Отложной воротник, круглые обшлаги и обкладка петель делались из красного сукна, подкладка фалд и обшлагов — из красной каразеи (грубая шерстяная ткань), подкладка рукавов и карманов — из холста. Рукава шились довольно свободными, чтобы в холодное время под кафтан можно было поддеть фуфайку. К кафтану полагалось 2 портища пуговиц, располагавшихся следующим образом: по 3 на обшлагах и на карманных клапанах, 2 — сзади на лифе, 2 у разрезов фалд, 8 — по борту. Концы фалд у нижних чинов уже с 2 0-х гг. начали заворачивать и сшивать, а на левом плече кафтана появилась накладка из тесьмы, цвет которой выбирался полковым командиром.

Унтер-офицерские мундиры изготавливали из сукна лучшего качества и обшивали по краям воротника и обшлагов узким галуном, чаще по следующей схеме: капралы — 1 ряд галуна на обшлагах, подпрапорщики, каптенармусы и фурыеры — 2, сержанты — 3.

Кафтаны музыкантов отличались «крыльцами» (наплечниками) и расшивкой. До 1734 г. их расшивали тесьмой цвета полкового герба; позже был введен новый кафтан, по прусскому образцу, с расшивкой цветными петлицами и кистями. На один кафтан полагалось 20 петлиц и 28 кистей; цвет их выбирался полковым командиром, но чаще всего был красный. Тесьмой обшивались также и барабанные перевязи.

Офицерские мундиры, естественно, делались из более дорогого сукна; пуговицы — позолоченные. Полы заворачивались только для верховой езды.

Камзол на 0,75 (с 1738 г. — на 1,75) вершка короче кафтана, шился из красного сукна с холщевой подкладкой, к нему полагалось 18 пуговиц, размером меньше, чем на кафтане. При Елизавете Петровне летом камзол мог носиться без кафтана, и тогда основной цвет пехоты обращался из темно-зеленого в красный. Цвет же воротничка и обшлагов камзола (если он был) выбирался достаточно произвольно.

Во время турецкой войны при Анне Иоанновне из-за недостатка сукна кафтаны и камзолы нередко заменялись на белые парусиновые сюртуки с одним рядом пуговиц и с красными воротником и обшлагами. Штаны у нижних чинов были красного, а у офицеров — темно-зеленого цвета. Нижним чинам во время Семилетней войны присвоили белые полотняные штаны для ношения летом.

Нижним чинам рубахи и порты шили из холста, позже — из полотна; рукава с манжетами. Манжеты у всех чинов выпускались из-под мундира. На шее застегивались белые галстуки; при Елизавете Петровне (с 1756 г.) галстуки стали черные.

В походах и в ненастную погоду все чины (офицеры, а также фурыеры в конном строю) носили сапоги с высокими голенищами и каблуками, а летом в сухую погоду — смазные тупоносые башмаки и застегивающиеся на пуговицы холщовые (позже полотняные) штиблеты. При Анне Иоанновне придерживались белого цвета, а с 1756 г. появились и черные повседневные штиблеты с белыми штибель-манжетами (полосками холста, выпущенными из-под верхнего края штиблет). При Елизавете Петровне пуговицы на штиблетах нижних чинов стали обтяжные, а у офицеров — вызолоченные; до этого времени вид пуговиц не регламентировался. Под штиблеты или сапоги надевались шерстяные чулки.

Епанча, используемая в армии, при Анне Иоанновне была красная, с красным же каразейным подбоем и с медным крючком и петлей для застегивания у шеи. При Елизавете Петровне же цвет епанчи васильковый; а крючок заменила медная пуговица. В 1761 г. начали вводить новые епанчи с воротником-капюшоном, способным, будучи вывернут, прикрывать голову солдата. В некоторых полках «из полковых средств» готовились перчатки для нижних чинов.

Офицеры в холодное время носили плащи (епанчи), очевидно, подобные тем, что использовались уже при Петре I, когда были присвоены и замшевые перчатки с небольшими крагами.

Офицерские шарфы, нагрудные знаки и темляки претерпели ряд изменений. Шарфы в 17 2 5—1741 гг. стали преимущественно трехцветные (бело-сине-красные), с добавлением золота и серебра у штаб-офицеров и серебра у обер-офицеров. С 17 31 г. появились сочетания красного шелка с серебром или с белым шелком и черного шелка с желтым (или с золотом). Последнее к 1747 г. практически вытеснило все остальные расцветки. Темляки (как правило, с двумя кистями) изготавливались по аналогии с шарфами.

Установленный образец офицерского знака впервые появился в 1732 г. На выпуклом поле помещалось изображение полкового (или государственного) герба; знак — серебряный у обер-офицеров и золотой у штаб-офицеров, носился на черной с желтой каймой ленте. При Елизавете Петровне использовался тот же знак, но герб был вызолочен и у обер-офицеров, а цвет ленты мог быть голубым или красным.

Для зимы нижние чины обязаны были сами покупать себе шапки, полушубки и рукавицы. Иногда обеспечение теплыми вещами брало на себя командование, но в этом случае своевременность получения вещей солдатами ставилась под вопрос. Так, проделав зимний поход 1757—1758 гг. в одних мундирах и епанчах, солдаты лишь в апреле получили полушубки и рукавицы.

Нестроевые при Анне Иоанновне одеты подобно строевым; унтер-офицеров отличали галуны на обшлагах, а нестроевых в офицерских чинах — галуны на шляпе и обшлагах. При Елизавете Петровне нестроевые в офицерских чинах обмундированы как мушкетерские офицеры; профосы, извозчики и денщики имели серые сермяжные кафтаны с зелеными обшлагами и камзолы, кожаные штаны и черные галстуки, шапки, рукавицы, шубы и сапоги; остальные — повторяли нижние чины мушкетерских рот.

Чины сформированных П. А. Румянцевым «легких» батальонов отличались от обычных мушкетеров отсутствием шпаги и обшивки на шляпе [43, с. 30].

Пехотинцам, прикомандированным к полковой артиллерии, в 1760 г. приказано было нашивать на шляпах, кафтанах и камзолах эмблемы: на шляпах — красный суконный кружок «наподобие ядра» под бантом, на кафтанах («на правой груди») — изображение двух перекрещенных орудийных стволов из красного сукна, а на камзолах — такая же эмблема из зеленого сукна [28, с. 243, 244].

Строевые чины сформированных в 1756 г. грендерских полков одевались подобно солдатам и офицерам грендерских рот мушкетерских полков, с заменой полковых гербов на государственные, нестроевые — как в других полках, но головным убором служили суконные колпаки [68, вып. 2, прил., с. 286]. По некоторым данным, все офицеры грендерских полков носили шляпы вместо грендерских шапок.

Гораздо больше отличий имело обмундирование, снаряжение и вооружение полков Обсервационного корпуса. Так, например, офицерские грендерские шапки имели вызолоченный налобник с изображением особого герба корпуса; двуглавый орел, наложенный на сияние, с вензелем и с воинской арматурой. Шапка без кистей, тулья обложена алой тафтой, козырьки красной кожей. Передний козырек и тулья обшиты золотым галуном [5, л. 213].

Офицерская грендерская сума подобна гвардейской, на двух ее вызолоченных бляхах изображения: на верхней вензеля, а на нижней — корпусного герба и двух гранат. Носилась сума на красной кожаной перевязи, обшитой широким золотым позументом, с подкладкой из белой кожи [5, л. 213].

Все чины должны были носить сапоги, хотя, по-видимому, чаще надевали башмаки, для чего дополнительно выдавались деньги. Кафтаны шились покроем «волан» (без боковых складок); ворот и обшлага пришивались на камзолы и отворачивались поверх кафтана. Патронные сумы рядовых заменили подсумки, без украшений; крепили их справа, к портупее. Вооружение мушкетерских унтер-офицеров составили алебарды и пистолеты, патроны для них носили в пистолетных лядунках. У нижних чинов — вместо шпаг тесаки с изогнутым клинком и медным перекрестием на эфесе.

Для корпуса установлен и образец нового офицерского знака, примечательного отличиями чина армейских офицеров. У прапорщиков — знак серебряный весь; у подпоручиков — позолочены сияние с вензелем и корона; у поручиков — золотой весь герб; у капитанов — герб и ободок; у штаб-офицеров — знак весь золотой с накладным гербом, причем у полковников герб покрывался эмалью.

Гвардейские полки по-прежнему имели целый ряд отличий от армейских в обмундировании, снаряжении и вооружении.

Грендерские шапки изготовлялись по образцам петровских времен и изменились за этот период очень незначительно, причем основные изменения коснулись перьевого султана. В 1731 г. офицеры носили три белых, а нижние чины — три красных пера. К 1756 г. пук отдельных перьев был заменен султаном из многих, связанных между собой перьев меньшего размера, прикрепленных к обшитой сафьяном железной «пяте»-каркасу. У офицеров плюмаж состоял из 42 белых перьев, у сержантов и каптенармусов — из 15 белых и 15 красных, у капралов — из 12 белых и 12 красных; рядовые, «флейщики» и барабанщики имели 22 красных и 3 белых пера. Герб На налобнике и задняя бляха — медные позолоченные у нижних чинов и серебряные позолоченные у офицеров; у последних с 1756 г. тулья обтягивалась красным бархатом. Края налобника и тулью расшивали золотом; богатство расшивки определялось чином владельца. Стоимость шапки (срок ношения определялся в 10 лет) вместе с султаном (за 10 лет сменялось 4) в 1756 г. составляла 80 руб. 51 коп. у офицеров, 60 руб. 82 коп. у сержантов, 52 руб. 15 коп. у капралов и 51 руб. 53 коп. у рядовых [6] (к примеру, содержание рядового за 10 лет обходилось в те же 50 руб.).

Шляпы гвардейских мушкетеров поначалу обшивались белым шнуром, бант-кокарда делался из шелка; позже, помимо шнура, края стали обшиваться белой тесьмой; в 50-х гг. в двух углах появились нитяные кисти. Унтер-офицерские шляпы обшивались золотым галуном, а офицерские имели еще и белый плюмаж по краю (после 1746 г. только штаб-офицерские), золотые кисти (при Елизавете) и пуговицу.

К 1731 г. относится найденное нами упоминание о суконных солдатских колпаках (видимо, только у рядовых), вид которых не известен.

Покрой гвардейских кафтанов, камзолов и штанов не менялся. В то же время, в 1739 г. предприняли попытку избавиться от цветовых различий гвардейских полков: воротники у всех стали красными, а офицеры еще получили красные камзолы и штаны, обшитые золотым позументом [57, с. 136].

Но, видимо, уже в начале правления Елизаветы Петровны вернулись к прежней схеме: у нижних чинов Преображенского полка — красный воротник с темно-зеленым подбоем и темно-зеленая епанча; у Семеновского — темно-васильковый воротник с красным подбоем и темно-васильковая епанча; у Измайловского темно-зеленый воротник с красным подбоем и темно-зеленая епанча.

У всех офицеров — полностью зеленые кафтан, камзол и штаны с золотой обшивкой. Галстук — белый; штиблеты, башмаки и сапоги — подобны армейским. Для гвардейских мундиров использовалось лучшее сукно, и даже пуговицы (литые) были вдвое дороже армейских.

На вооружении гвардейцев состояли особые гвардейские фузеи, на стволах которых при выдаче ставились начальные буквы полка («П. П», «С. П» или «И. П»). Фузеями вооружали все чины гренадерских рот, бомбардирских кадет и рядовых мушкетеров. Капралы мушкетерских рот в мирное время носили алебарды, а в военное — использовали ружья солдат; в свою очередь, в роты выдавали хранящиеся при полках мушкетоны (в 1731 г. — по 11 на роту, в 1756 г. — по 18 на мушкетерскую роту). Во время турецкой войны при Анне Иоанновне фузеи полагались и мушкетерским сержантам и каптенармусам; обычным же их вооружением оставались алебарды и пистолеты с лядунками на поясе.

Фурьер вооружали парой пистолетов. Пистолеты присвоили также подпрапорщикам, бомбардирам, писарям, полковым барабанщикам, «флейщикам», лекарским ученикам и полковым профосам.

На роту (кроме бомбардирской, а затем и гренадерской) полагалось в 1731 г. 20 пикинерных копий, а в 1756 — 18.

На мирное время офицеров (кроме обер-офицеров гренадерских рот) с 1731 г. вооружали протазанами (у штаб-офицеров с кистями из золотых и серебряных нитей, у обер-офицеров — из шелковых) и копьями (прапорщиков), а позже эспонтонами. Во время военных действий выдавали фузеи с поясными лядунками. Крышки лядунок и сум гренадерских офицеров полностью закрывали серебряные бляхи. На верхней бляхе сумы крепился императорский вензель, на нижней — государственный герб; по краям блях — стилизованное изображение горящих гранат.

Рисунок лядуночной бляхи повторял изображение верхней бляхи сумы. Перевязи и портупей изначально обкладывались серебряным галуном; пряжки, запряжки и другие металлические детали делались из серебра. Позже, при Анне Иоанновне, все серебряные предметы начали золотить, а при Елизавете Петровне — обкладывать красным бархатом перевязи и портупей.

Унтер-офицерские перевязи и портупей обшивались золотым галуном сначала только в гренадерских ротах, а затем, по-видимому, и в мушкетерских. Гренадерские и каптенармусские сумы, а также лядунки оформлялись подобно офицерским, но вызолоченные бляхи были медными, как и все прочие металлические части.

Украшение патронной сумы составляли вызолоченные государственный герб и наугольник с вензелем императрицы. Пистолетные лядунки не имели на крышках блях, как и введенные при Елизавете Петровне капральские подсумки — принадлежность только на время боевых действий.

Каптенармусы в гвардии носили по две сумы: одну «пороховую» и другую «пулечную»; лишь в гвардейских полках до конца царствования Елизаветы Петровны сохранились роговые пороховые натруски [7].

Вообще же, ориентация этой отборной пехоты, как исключительно парадной, наложила отпечаток на набор вещей гвардейцев, особенно офицеров и гренадерских унтер-офицеров. Помимо «богатых» и «собственных богатых» мундиров, офицеры имели и «лучший» повседневный набор амуниции, как и унтер-офицеры гренадеры.

Но по богатству мундиров «обычные» гвардейцы не могли сравниться с лейб-кампанцами, у офицеров которых зеленое сукно кафтана лишь в нескольких местах проглядывало сквозь пышную золотую расшивку. Гренадерские шапки «нижних чинов» обкладывались красным сукном, а офицерские — бархатом. Кафтаны, камзолы и штаны обшивались золотым галуном, у офицеров — узорчатым позументом; на плечи кафтанов нашивали золотые витые эполеты.

Гренадерские сумы и лядунки покрывались красным сукном или бархатом (у офицеров), по краям обшивались золотым галуном и украшались вызолоченными бляхами с изображением вензеля в арматуре и пылающих гранат.

Перевязь сумы и портупея покрывались красным сукном или золотым газом (у офицеров) и обшивались по краю галуном; металлические детали вызолочены. Вооружение всех чинов — тесаки особого образца и фузеи. Мундиры барабанщиков и «флейщиков» красные; не забыты и барабаны — серебряные, с золотым вензелем, обручами и покрытые галуном.

Но и этого было мало: для всевозможных торжественных случаев лейб-кампанцы имели и специальный кавалергардский убор. Офицеры при этом надевали малиновые кафтан, камзол и штаны, а все чины вообще — шляпы, сапоги с раструбами, шпорами и штибель-манжетами и особые малиновые (у нижних чинов — суконные, у офицеров — бархатные) куртки — «супервесты». Шляпы у всех были подобны гвардейским офицерским, но плюмаж у нижних чинов (до 50-х годов) был бело-красный. Супервесты обшивались галуном по краям, а на груди и на спине вышивались изображения серебряной восьмиконечной звезды с черным двуглавым орлом в центре; расшивка офицерских супервестов была гораздо богаче.

Нижние чины получили палаши с эфесами, на которых изображался двуглавый орел, патронные лядунки и карабин (кроме унтер-офицеров), подвешивающийся в конном строю на погонной перевязи; кроме того в конном строю все чины носили пару пистолетов в ольстрах.

Офицеры Лейб-кампании имели и особый офицерский знак с вензелем и с датой — «1741 № 25» (25 ноября 1741 г.), когда и «отличились» будущие лейб-кампанцы.

По утвержденному Табелю устанавливались новые сроки службы для всех вещей. Десять лет должны были служить знамена, фузеи, штыки, ночники, пистолеты, шпаги, алебарды, барабаны; восемь лет — гобои, валторны, трубы, флейты; шесть лет — гренадерские шапки (медные бляхи к ним обновлялись через 12 лет), барабанные перевязи, фузейные ремни, патронные и гренадерские сумы с перевязями, натруски, лядунки с ремнями, портупей, водоносные фляги, ранцы, фурьерские значки; пять лет — чехлы к знаменам и каптенармусские сумы; четыре года — епанчи и фурьерские седла. На три года были рассчитаны кафтаны и камзолы, на два года — шляпы и штаны, на год — галстуки, сапоги, башмаки, 2 пары рубах и портов. Через 20 лет обновлялись пикинерные и рогаточные копы.

Несколько слов скажем о мундире пехотных генералов. Первые сведения о регламентации генеральского мундира относятся к 1745 г. Основным отличием зеленого с красной отделкой кафтана являлась богатая расшивка галуном (позументом) по всем швам, по борту, по краям воротника и разрезов фалд, на обшлагах и на карманных клапанах; галуном обшивался также и красный камзол. Подобные богатые мундиры надевались лишь в торжественных случаях, чаще всего генералы носили вицмундиры без галунной расшивки. Шляпа украшалась пышным белым плюмажем и золотым позументом по краю. Кисти генеральских шарфов и темляков, как правило, были массивнее офицерских и имели дополнительные украшения [65].

С середины 20-х гг. из Европы была перенесена мода на напудренные прически с буклями и косами. Нижние чины перед парадами должны были завивать букли и обвязывать косу черной кожей; вместо пудры использовалась мука, перед ее напылением голову спрыскивали квасом или водой. В другое время волосы зачесывались назад и завязывались в косу; волосы на висках свисали прядями (так называемыми «волчьими хвостами») или закреплялись на макушке. Офицеры завязывали косу шелковой лентой и могли носить короткие парики с буклями. Эта прическа в Европе получила меткое название «крысиный хвост». В 20-х гг. существовала прическа типа «кошелек» («а-ля бурс»): хвост из волос убирался в мешочек из ткани, завязывающийся лентой.

Офицеры выбривали усы и бороду; нижним чинам, особенно гренадерам, разрешалось носить усы, а бороду брили раз в три дня и перед парадами.

* * *

Знамена по-прежнему оставались предметами полкового имущества. Начало правления императрицы Екатерины I ознаменовалось для гвардейских полков выдачей знамен нового образца, но прежней величины. Знамена были выданы по количеству фузелерных рот. Преображенцы получили 16 знамен: 1 полковое — белое, остальные — черные. Семеновцам выдали 12 знамен: 1 белое и 11 черных.

На цветных знаменах образца 1726 г. в центре помещался двуглавый орел коричневого цвета на белом поле. На груди орла в центре щитка желтого цвета помещался вензель императрицы Екатерины I. Снизу и по краям орла обрамляли зеленые ветви, скрепленные голубой лентой. По краю полотнища обшивалось золотой бахромой и каймой с узорами желтого цвета. У преображенцев узорчатая кайма была зеленого цвета, а у семеновцев — голубого.

За армейскими полками окончательно закрепились гербы тех городов и провинций, название которых они носили. Так, Екатерина I утвердила распоряжение Петра I, датированное 11 ноября 1724 г.: «Как действительно все полки располагаются по предназначенным им провинциям, тогда на знаменах и прочей аммуниции изображать полковые гербы соответствующей провинции» [73, т. 2, с. 9].

Восшествие на российский престол императора Петра II для гвардейских полков было отмечено пожалованием новых знамен взамен полученных годом ранее. В качестве основы для новых знамен использовались старые екатерининские стяги. Изменению подверглось изображение двуглавого орла со щитком. Вензель Екатерины I был заменен на вензель Петра II; добавлены были цепь ордена Андрея Первозванного с надписью «За веру и верность» и орденский крест под цепью. Края белых знамен обшивались красной узорчатой каймой с желтым узором и зелеными листьями.

Цветные знамена (черные для обоих полков) отличались от белых щитком среди зеленых ветвей; между левым крылом орла и каймою помещались изображения «всевидающего ока» и обнаженной шпаги. У семеновцев кайма как на белом, так и на черных знаменах была голубая. Количество знамен осталось прежним.

В том же 1727 г. была изменена форма знамен для армейских полков. Каждому пехотному полку присваивалось одно белое и шесть цветных знамен. Белое знамя в центре полотнища несло изображение двуглавого орла с московским гербом и цепью Андрея Первозванного. По углам нашивались цветные огни-«фламы» (от немецкого *flamme* — пламя). При наличии полкового герба он помещался в верхнем левом углу знамени у древка; при его отсутствии под орлом нашивалась золотая лента с названием полка.

Цветные знамена полков различались еще больше. У полков с собственным гербом на середине стяга помещался герб в особом щитке, у других полков — золотой вензель императора в кругу из зеленых ветвей. Однако эти знамена выдавались лишь тем полкам у которых старые полотнища «явятся вовсе негодными».

В 1730 г. императрица Анна Иоанновна продолжила традицию пожалования знамен гвардейским полкам. Новые знамена мало чем отличались от образцов 1726 и 1727 гг.: была изменена форма щита на груди орла, а вензель Петра II уступил место вензелю императрицы [73, т. 2, с. 18].

В следующем году началась массовая постройка знамен для армейских гарнизонных и полевых пехотных полков. На эти цели было получено 4117 аршина 11 вершков атласа и 5250 аршин камки разных цветов. Строились они, подобно другим амуничным вещам, в полках. Знамена должны были служить 10 лет, а цена каждого определялась в 20 рублей. На каждый пехотный батальон полагалось по два знамени. Размер пехотных знамен был следующий: ширина по древку — 2 аршина 9 вершков, длина 3 аршина 12 вершков. Кленовые или ясеневые красные 5-аршинные древки без подтоков (металлические наконечники на нижнем конце древка) венчались плоскими и гладкими золочеными дротиками длиной 4 вершка и шириной 2 вершка. Знаменные чехлы строились «из доброй вошанки с полотняными прокладками...»

Первое знамя в каждом полку по-прежнему оставалось белым, а ротные — цветными.

На белом знамени, как и на армейских знаменах Петра II, по центру выписывался двуглавый орел с орденской цепью и крестом Андрея Первозванного, но на щите вместо московского герба помещался полковой.

По углам полотнища нашивались фламы красного цвета. Цветные знамена вместо орла имели полковой герб в центре. Цвет ротных знамен образца 1731 г. определялся комиссариатом с рядом ограничений: нельзя было на одном знамени соединять синий и зеленый цвета и использовать черный цвет, являвшийся привилегией гвардии. В первых партиях построенных знамен использовались шесть определенных сочетаний цветов полотнища и фламов: жаркий (оранжевый) с зеленым; желтый с красным; синий с желтым; лазоревый с красным; зеленый с красным и красный с желтым.

В том же 1731 г. гвардия пополнилась новым Измайловским пехотным полком. Первоначально полк получил отличные от остальной гвардии знамена темно-малинового цвета с вензелем императрицы под короной, наложенным на голубое распятие Андрея Первозванного. Углы полотнища обрамляли золотые пылающие гранаты. Эти знамена уже в следующем году были заменены на общегвардейские. Отличие заключалось лишь в цвете каймы, нашивавшейся по краю полотнища (у Измайловского полка она была светло-зеленая).

В 1742 г. при коронации Елизаветы гвардейцы получили очередной комплект новых знамен: преображенцы — одно белое и семь красных знамен, семеновцы и измайловцы — по одному белому и по пять красных. На каждом знамени в центре помещалось изображение орла с вензелем императрицы на круглом красном щите. Вокруг щита проходил золотой борт и вышивалась шелковая рама с накладной цепью ордена Андрея Первозванного. Справа от орла помещался обнаженный меч, а слева — «всевидающее око». По краю полотнища обрамлялось растительным орнаментом синего и зеленого цветов. Знамена различались по полкам цветом полотнища между краем знамени и растительным орнаментом: у преображенцев красное, у семеновцев — синее и у измайловцев — зеленое.

Но раньше гвардейских полков, в 1741 г. белое знамя из штофа было пожаловано Лейб-кампании. Двойное полотнище на коричневом древке с посеребренным медным копьём было шириной 3 фута 6 1/2 дюймов и длиной 4 фута 2 дюйма [73, т. 2, с. 39]. Вышитый на знамени золотой канителью двуглавый орел сжимал в одной лапе пальмовую ветвь и золотой скипетр, а в другой обнаженный серебряный меч, обвитый лаврами. На груди орла вышивался щит из позолоченных лучей с крестом из серебряной парчи и распятием. Выше и ниже орла помещались ленты (также из золотой парчи) с надписями: наверху — «Силою креста победита»; внизу — «Ноября 25 дня 1741 г.».

По утвержденным в 1757 г. новым штатам на каждый вновь сформированный гренадерский полк полагалось по 4 знамени, а на мушкетерский — по 6 знамен, срок службы и стоимость которых остались прежними (10 лет и 20 руб.). Годом ранее гренадерские полки получили по одному белому знамени с красными флами и по три красных знамени с белыми флами; посередине каждого помещался парящий двуглавый орел, под ним арматура из гренадерской символики над облаками. Над орлом в облаке изображался вензель императрицы, а на фла-мах — пылающие гранаты. Знамена отличались по полкам начальными буквами номера полка красного цвета, располагавшимся под парящим орлом: «П» — первый гренадерский; «В» — второй, и так далее. Древки на всех знаменах были красные лакированные, длиной в 4 1/4 аршин.

Мушкетерским полкам оставили прежние образцы знамен, за исключением полков Обсервационного корпуса и полков, не имевших собственных гербов.

На каждый полк корпуса было пожаловано по восемь знамен: одно белое, а остальные цветные. Все знамена имели двуглавого орла, писанного черной краской, а под орлом — воинскую арматуру в облаках. Между головами орла помещался вензель императрицы в сиянии под короной.

Мушкетерские полки, не имевшие собственных гербов, получили знамена с вензелем императрицы, помещенным в центре полотнища в желтом щитке образца 1731 г.

Содержание армии возлагалось на все население страны. Районы, в которых проводился подушный сбор средств для данного полка, получили название «вечных квартир». В течение полугода стоявшие на квартирах полки превращались в огромное скопление ремесленников и сезонных рабочих, зарабатывающих себе на хлеб. Полковое начальство, как правило, умело наживалось на своих солдатах.

С 1724 г. для стоянки полка на вечных квартирах приказано было строить слободы из расчета одна изба — каждому сержанту, изба — двум капралам или трем рядовым. На полковой двор отводилось 8 изб, госпиталь и сарай. Проект этот встретил такие затруднения, что решено было строить лишь полковые дворы, а роты размещать по-прежнему по деревням. В дальнейшем еще несколько раз возвращались к идее постройки слобод. Для ряда полков (в том числе и для гвардейских) они все-таки были построены, но широкого распространения эта практика не получила.

В походах лагерь армии строился по петровским правилам. При Минихе в турецких кампаниях лагерь стали огораживать рогатками.

Для размещения лагеря в авангарде армии шли целые команды фурыеров в конном строю, с ротными значками. Эти отряды в случае необходимости могли постоять за себя. Так, в 1737 г. отряд фурыеров и квартирмейстеров общей численностью 350 человек под командованием полковника Фермора столкнулся с пятью тысячами турок. Фермор построил людей в одношереножное батальон-каре, в центре разместил лошадей. Каре огнем отбило все атаки противника и дождалось подхода главных сил.

Во время боевых действий дисциплина в войсках поддерживалась на высоком уровне; в промежутках между кампаниями, вследствие длительных отлучек офицеров и унтер-офицеров, поведение нижних чинов оставляло желать лучшего. Пьянство и картежная игра стали бичом армии; да что пьянство, в 1747 г. Ласси, жалуясь на отсутствие офицеров при полках, писал, что «солдатами проезжающим обывателям по дорогам чинятся обиды...»

Усиление полкового патриотизма имело и свои отрицательные стороны: так, чрезвычайно усилились конфликты между солдатами различных полков в мирное время. Доходило до драк, изредка люди брались за оружие. С этим боролись скорее для вида; начальство считало эти стычки продолжением русской традиции соперничества между деревнями или слободами.

Дисциплинарные наказания на провинившихся налагались по правилам воинского артикула 1716 г.

Но и здесь отступления от петровских правил были весьма значительны, особенно в том, что касалось наказаний при обучении солдат.

Правление Анны и связанный с ним приток иноземных офицеров, плохо знакомых с характером русских солдат и не желающих тратить время на доходчивое объяснение строевых приемов, привело к тому, что палки и батоги с невиданной прежде силой застучали по солдатским спинам...

Петровские законоположения, конечно, предусматривали наказания, но не за ружейные приемы, а лишь за несоблюдение строевой дисциплины.

В 30-х гг. постепенно забылось, что наказание «должно быть исправлением, а не мщением...» Офицерам начинало казаться, что постоянное битье способствовало обучению. К чести русского офицерского корпуса нужно отметить, что это увлечение никогда не было всеобщим: всегда находилось немало офицеров, рассчитывавших в обучении не на палку, а на силу морального воспитания.

Так, например, поступал Болотов, обучая роту экзерцициям по новому Уставу 1755 года: «Я... вперил в каждого солдата охоту и желание скорее выучиться и искусством своим превзойти своих товарищей... Обходясь с ними ласково и дружелюбно, разделяя с ними труды... довел их до того, что они... сами старались... скорее выучиться. Весело было смотреть, как они, сварив себе каши и поставив котел, не прежде за оный садились, как став наперед оного и прометав ружьем самопроизвольно всего артикула. Сим средством я обучил свою роту в самое короткое время и довольно совершенно» [69, с. 118]. При этом, по замечанию Болотова, «ни один солдат не мог жаловаться, чтоб он слишком убит или изувечен был, ни один из них не ушел и не отправлен в лазарет или прямо на тот свет» [69, с. 113]. Однако, подобное наблюдение свидетельствовало о том, что более характерно было иное положение вещей, когда любое обучение приводило к значительным небоевым потерям среди солдат.

Устав 1755 г. узаконил телесные наказания за погрешности выполнения строевых приемов.

О русских солдатах отзывались в то время как об одних из самых дисциплинированных в Европе. Редкие факты, говорящие о недостойном поведении, обусловлены, как правило, лишь нераспорядительностью офицеров и экстраординарными условиями боя. Так, несколько сотен солдат армии Миниха ворвались в Очаков и «перекололи много народу...» [25, с. 114] с попустительства своих командиров. В 1741 г. грабежу и резне подверглись жители Вильманстранда, штурм которого отличался крайним ожесточением и нарушениями шведами своеобразного военного кодекса чести, принятого в Европе. После жестокого полевого сражения гарнизон крепости убил русского барабанщика-парламентера. Начавшийся штурм был прерван, когда шведы выбросили белый флаг; после этого сопротивление внезапно было возобновлено с новой силой. Только после того, как пушками были выбиты ворота, русские ворвались в «злой» город. С 1731 г. оклад рядового составлял, с учетом денег на соль и мясо, 1 1 руб. 70 коп. в год; из них 5 руб. 32 коп. вычиталось на постройку мундира и 11 коп. на медикаменты. Помимо оклада, солдаты получали деньги на ряд мундирных и амуниционных вещей. Таким образом, на гренадера полагалось к выдаче 7 руб. 27 коп., а на мушкетера — 7 руб. 20 коп. Из служащих-иностранцев по окладу были выделены лишь специалисты — гобоисты, слесари и кузнецы; остальные получали одинаково с российскими подданными.

Размеры офицерских жалований определялись Штатами 1720 г., несколько снижена была стоимость выдаваемых рационов.

Строевые приемы по Уставу 1755 г.

«К ноге» (1); «На плечо» (2); «На караул» (3); «На руку» (4); «От дождя» (5); «На молитву» (6); «На погребение» (7); «Часовой» (13). Стрельба: стоя (10), с колена (11).

Унтер-офицерские приемы: «На плечо» (8), «На караул» с алебардой (9), с ружьем (12). Приемы со знаменем: «К ноге» (14), «На плечо» (15), «На караул» (16). Офицерские приемы: салютовка на марше (17 — 1-й темп, 18 — 2-й темп, 19 — 3-й темп), «На караул» (20).

Правление Анны Иоанновны внесло в армейскую жизнь еще одну традицию, от которой безуспешно пытались избавиться вплоть до конца века. Согласно этой традиции, подъемная часть полка никогда не соответствовала штатным размерам, как правило, превосходя их в несколько раз. Всякие попытки упорядочить безобразно разбухшие обозы оставались лишь благими пожеланиями. Если штатный обоз в 1731 г. остался таким же, как и при Петре — 72 повозки в военное время (в мирное вдвое меньше), то количество провиантских телег и партикулярных повозок значительно увеличилось. Разрешено было иметь: полковнику 5 повозок, подполковнику — 3, майорам и капитанам — по 2, обер-офицерам, лекарю и полковому писарю — по 1, под церковный намет — 2, по 2 в роте для офицеров, 3 для унтер-штаба; всем штаб-офицерам и попу, сверх того, по коляске.

Повозки штатного обоза по назначению и по конструктивным признакам разделялись на пять видов: ящики, фурманы, палубы, телеги и роспуски.

Состояние обоза постоянно доставляло много забот командованию. В турецкую войну 1735—1739 гг. каждая кампания несла за собой ряд «усовершенствований» подъемной части.

В 1736 г., например, в обоз стали брать бочки: по одной с водой на роту и по несколько с пивом на полк. Количество перевозимого в обозе провианта было увеличено почти в три раза (запас на 2 месяца). Для тушения возможных пожаров, а татары постоянно выжигали степь перед армией, — в каждой повозке приказано было возить метлу.

Этого оказалось мало, и в 1737 г. солдатам и офицерам разрешили брать в поход столько телег с запасами воды, сколько «допускало состояние каждого».

Провиант решено было перевозить на волах, которые также закалывались в пищу по мере надобности. К армии направлялись сотни маркитантских повозок, владельцы которых снабжали имеющих деньги чинов продовольствием по установленным главнокомандующим ценам. Получившийся таким образом обоз оказался совершенно неподъемным: за 28 дней марша было пройдено лишь 219 верст: в конце концов, оставив большую часть «табора» под прикрытием специально выделенных войск, армия двинулась к Очакову.

В 1739 г. тяжелый обоз с многочисленным прикрытием изначально двигался позади армии. Самые же необходимые повозки размещались внутри каре.

Для иллюстрации беспорядков, происходящих в обозе, мы приведем несколько свидетельств очевидцев. Перешедший на русскую службу польский офицер писал:

«...Я хорошо понимал, что мой обоз (со мной были 14 лошадей, кормилица-служанка и 6 слуг) был слишком велик для субалтерн-офицера (офицера чином ниже капитана. — Авт.), но не имел уже возможности его убавить...» [41, с. 481].

По наблюдениям другого офицера — адъютанта Бирона — «не проходило почти ни одного дня, чтобы человек до ста в каждом полку не употреблены были для возки на себе полкового обоза...» Майоры могли иметь до 30 повозок, а гвардейские сержанты — до 16.

При Елизавете подъемная часть полка, еще более возросла, причем опять-таки в основном за счет партикулярного обоза.

В зимнее время офицеры «не находили возможным» ехать верхом при своих полках, обычно они группами следовали на приобретенных за свой счет санях вдали от подчиненных им солдат.

Штатный обоз из-за введения третьего батальона увеличился до 9 7 повозок и 2 19 лошадей. Тогда же приобретать частные повозки было разрешено дворянам — унтер-офицерам (по одной повозке на трех человек). Солдаты также могли обеспечивать себя перевозочными средствами, из расчета повозка на капральство. Даже при соблюдении норм это разрешение приводило к появлению 160 дополнительных повозок. При обозе находилось «великое число женщин», «борьбе» с которыми были посвящены многочисленные приказы командования. Уже при Гросс-Егерс-дорфе в 1757 г. чрезмерный обоз и неумелое его расположение поставили русские войска на грань катастрофы. При выдвижении из лагеря оба используемых узких дефила были загромождены повозками.

Поэтому постоянно делались попытки уменьшить размеры подвижной части. В 1757 г. для уменьшения обоза велено было взять всего по одной гранате на гренadera, а позже — по одной на двух.

Но и этого оказалось недостаточно: в конце войны, в 1761 г., предполагалось сократить количество повозок в гренадерском полку со 191 до 122, а в пехотном (двухбатальонном) — со 139 до 96; при этом так и не решились сократить размер партикулярного обоза. Провиант на 4 дня носился солдатом и на 15 дней возился в обозе. Маркитантов при армии практически не было, несмотря на все усилия, прилагаемые для их привлечения. Неповоротливость армии на походе, помимо непомерно разросшихся обозов, обуславливали и плохо разработанные правила движения. Если в войнах с турками марш в боевом порядке и мог быть как-то оправдан, то построение ордер-де-баталии в походе в Семилетнюю войну совершенно непонятно. Не заботясь о хорошей разведке и опасаясь каких-либо неожиданностей, командующие заставляли полки целыми днями вышагивать без дорог, выравнивать фронт, «как бы неприятель следовал по стопам».

Основной пищей солдата по-прежнему оставались сухари и каши из различных круп. Мясные порции выдавались нерегулярно, хотя солдаты решением Синода от 1717 г. даже были освобождены от соблюдения поста во время походов. Обычно лишь чрезвычайная смертность заставляла командование заботиться о мясном и винном рационах. Участь раненых и заболевших солдат не становилась лучше. Полковые лекаря не могли обеспечивать медицинской помощью всех нуждающихся; от ротных же фельдшеров особой помощи ждать не приходилось. Не спасло положение добавление к штату одного подлекаря в 1735 г. и еще одного — в 1753 г. Качество подготовки этих «медиков», как правило, иностранцев-недоучек, оставляло желать лучшего. Лишь в 1761 г. за границу для правильного обучения стали направляться русские лекари, но квалифицированные медицинские кадры появились в русской армии гораздо позже, уже в XIX в.

Поэтому по-прежнему походы и лагерная жизнь уносили гораздо больше солдатских жизней, чем сражения. Особенно тяжелой оказалась турецкая война при Анне Иоанновне.

Чтобы хоть как-то предотвратить эпидемии и уменьшить смертность в 1738 г. приказано было давать солдатам в безводных местах сбитень, уксус, чеснок и хрен. Медицинским чинам под страхом денежного штрафа вменялось в обязанность тщательнее смотреть за больными.

Но причины болезней не устранялись: долгие марши по безводной степи и однообразная пища (сухари и мучная похлебка) истощали солдат. Больных по 4—5 человек сваливали на телеги; лошадьми правили «едва освободившиеся от болезни, которые более мертвыми, нежели живыми являлись».

Война со Швецией, во время которой пехота была посажена на галеры, заставила вновь вспомнить болезни петровских северных походов — цингу и понос от приморской соленой воды.

Новые испытания ожидали солдат в Семилетнюю войну. Так, в кампанию 1757 г. в русской армии на 60 тысяч списочного состава считалось: 14 сентября — 6321 больной, а 20 сентября — уже 8996. «В один день (20-го числа) заболело 465, умерло 50» [68, вып. 1, с. 321]. Раненые не могли быть уверены в своей дальнейшей судьбе: в 1758 г. в Восточной Пруссии, например, по приказанию Фермора повозки «для больных» были отданы под продовольствие, а заболевшие и раненые солдаты должны были оставаться в придорожных селениях, зачастую настроенных весьма недружелюбно.

Сохранились свидетельства прусского офицера о расправе над русскими ранеными после сражения под Цорндорфом:

«...много тяжело раненных русских, оставленных без всякого призрения на поле битвы, они (солдаты и поселяне прусские) кидали в ямы и зарывали вместе с мертвыми...» [82, с. 91].

Таким образом, во весь этот период проходящая армия неизменно оставляла за собой страшный след из трупов лошадей и безымянных могил тысяч погибших солдат.

Однако, нельзя не отметить тот факт, что во время Семилетней войны значительно повысился процент раненых солдат, возвращавшихся в строй после лечения. Если уж раненому солдату выпадало счастье не быть затоптанным людьми и лошадьми, не попасть под орудийные колеса и не остаться без помощи на поле боя, то в большинстве случаев (свыше 80 процентов) он вновь мог «выполнять свой долг». Напрягая все силы, Медицинская канцелярия высылала в действующую армию докторов и лекарей из России; из школ при госпиталях после экзаменовки выпускались подлекари. Поэтому период с 1758 по 1761 гг. характеризуется высокой укомплектованностью медицинского персонала в войсках и госпиталях.

Неплохо в русской армии была организована уборка раненых на поле боя. Так, после сражения под Гросс-Егерсдорфом она продолжалась три дня, а после битвы под Кунерсдорфом — два дня. Для сравнения скажем, что далеко не во всех армиях столь бережно относились к раненым. Например, пруссаки собирали своих раненых без особого энтузиазма (и большинство их становились жертвами мародеров), а во французской и английской армиях вообще не было организованного сбора раненых.

В русской армии уже начиная со времен Петра I делались попытки организовать эвакуацию раненых во время боя. При Петре их сопровождали за фронт «флейщики», а во время Семилетней войны из второй линии полков должны были выделяться целые команды с лекарями и телегами; тяжелораненого мог выводить из строя здоровый солдат. В то же время ни в одной другой стране помощь на поле боя не предусматривалась (в Пруссии, например, раненым просто не разрешалось покидать строй).

Лечение раненых было довольно примитивно. В большинстве случаев «на поле битвы... руки и ноги ампутировались без всякого разбора» [82, с. 291]; раны прижигались железом или маслом. При этом обезболиванием, в лучшем случае, служила чарка водки. Пули, разрезав предварительно рану, удалялись зондом или пальцем.

Какие же заболевания, помимо «старости, дряхлости и мало-имения зубов», приводили к увольнению солдат со службы?

Пользуясь анализом данных, относящихся к 1760 г. [82, с. 221—227], можно выделить несколько групп заболеваний, распространенных среди

военных: ревматические болезни («в пояснице великая ломота, что по две недели ворохнуться не может», «в ногах и руках великая ломота и опухоль» и т. д.); болезни органов дыхания («в груди великий лом и удушье», «великий кашель», «чехотная болезнь»), почечно-каменная болезнь; цинга («застарелая цинготная болезнь»); последствия ранений («в плечо тяжело ранен и впредь рукою настояще владеть не может», «раны часто растворяются и кости выходят»); последствия травм («от убою конского грудь внутрь погнута», «левою рукою от убоа мало владеет», «за вышиблением левой руки из плеча оной худо владеет»); грыжи; геморрой («почечуйная болезнь»); нервно-психические болезни («падучая», «в голове великая ломота», «частый обморок», «пришел в беспамятство», «в памяти большое амешательство»); понижение слуха и зрения.

Старые, увечные и больные военнослужащие, не имеющие возможности продолжать службу, по заведенному еще при Петре порядку направлялись в богадельни и монастыри. Но так как количество их постоянно возрастало, духовные власти зачастую отказывались принимать отставников, ссылаясь на недостаток места и на невозможность пропитания. Это вынудило правительство Елизаветы издать в 1757 г. Указ о безоговорочном приеме отставных офицеров и нижних чинов монастырями «под опасением тяжкого гнева Ея Императорского Величества».

С 1736 г. на отставников решено было возложить миссию по освоению восточных земель по Волге и Каме. В организуемых слободах велено было строить церкви и при них школы для солдатских детей; каждому поселенцу отводилось по 10—15 десятин земли (офицерам — по 25—30 десятин) в вечное пользование. Для защиты от набегов степных народов поселения снабжались старым оружием и порохом. Но отвыкшие от крестьянского труда старые вояки не слишком стремились к подобному образу жизни. Из 4152 человек, опрошенных в 1738 г., лишь шестеро добровольно согласились на получение земли. Поэтому многих стали просто высылать на поселение в приказном порядке.

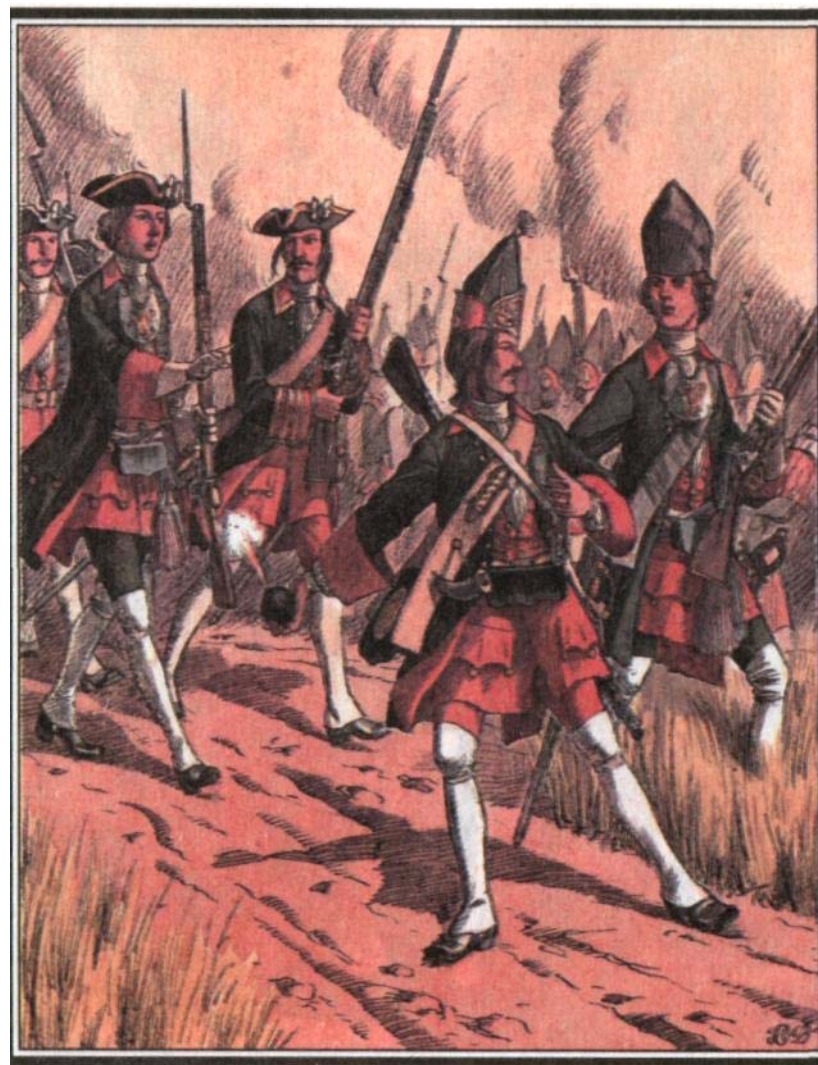
Лейб-гвардия, 1731—1741 гг.

Мушкетерский унтер-офицер Измайловского полка; гренадерские капрал и обер-офицер Семеновского полка; гренадер Преображенского полка; мушкетерский обер-офицер Преображенского полка, 1738—1741.

1731—1756 гг.

Мушкетеры, штаб-офицер, барабанщик и фурыер пехотных полков.

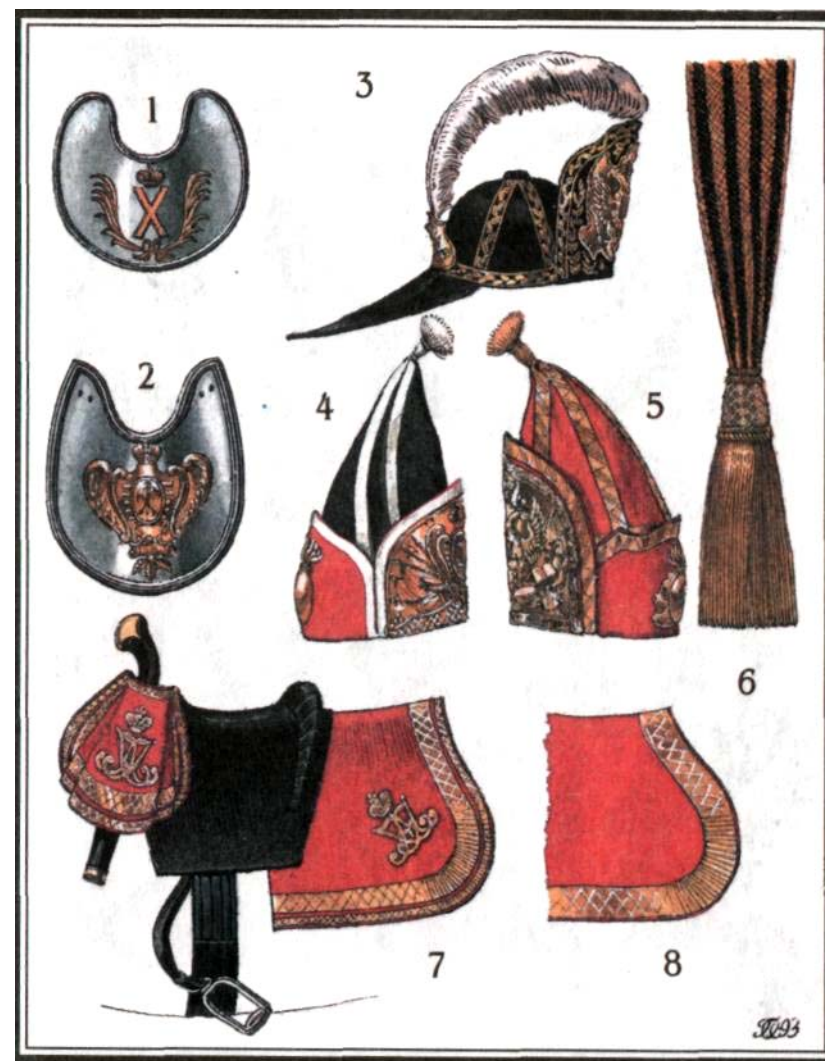
1731-1756 гг.

Мушкетерские обер-офицер и сержант, гренадер и гренадерский обер-офицер пехотных полков.

1731—1756 гг.

Мушкетер пехотных полков в епанче (до 1742), обер-офицер пехотных полков вне строя, мушкетер гарнизонной пехоты в парусиновом сюртуке, мушкетер лейб-гвардии Семеновского полка в епанче.

1731-1756 гг.

Офицерские нагрудные знаки: гвардейский (1), армейский (2). Гренадерские шапки: гвардейская офицерская (3), армейская нижних чинов (4), армейская офицерская Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса (5). Офицерский шарф, конец 30-х—начало 40-х гг. Чепраки: штаб-офицерский гвардейский (7), обер-офицерский армейский (8).

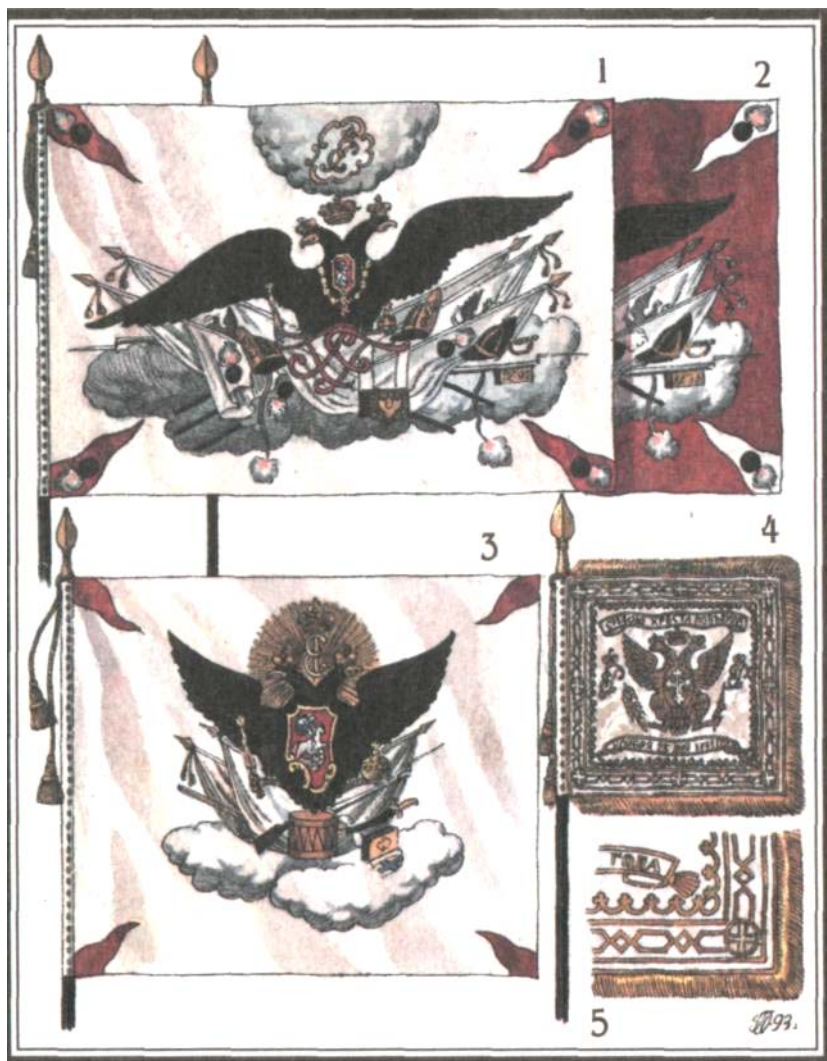
Лейб-гвардия, 1726—1741 гг.

Белое знамя Преображенского полка, образца 1726, 1731 (1); цветные знамена полков Преображенского (2), Семеновского (3), Измайловского, Преображенского в 1726 (4). Орел с медальоном на цветных знаменах, образца 1726, в 1727 (5); медальон с вензелем на знаменах, образца 1726 (6). Знамя Измайловского полка в 1731 (7).

1730-1762 гг.

Знамена армейских полков: белое полковое (1), цветное батальонное (2); варианты цветных знамен армейских полков (углы с флагами) (3—7).

1741—1762 гг.

Знамена гренадерских полков: белое (1), цветное (2); белое знамя пехотных полков Обсервационного корпуса, с 1757 (3); штандарт (4) и детали штандарта (5) Лейб-кампании.

Лейб-компания, 1741—1762 гг.

Гренадер, офицер, сержант в повседневной форме и барабанщик.

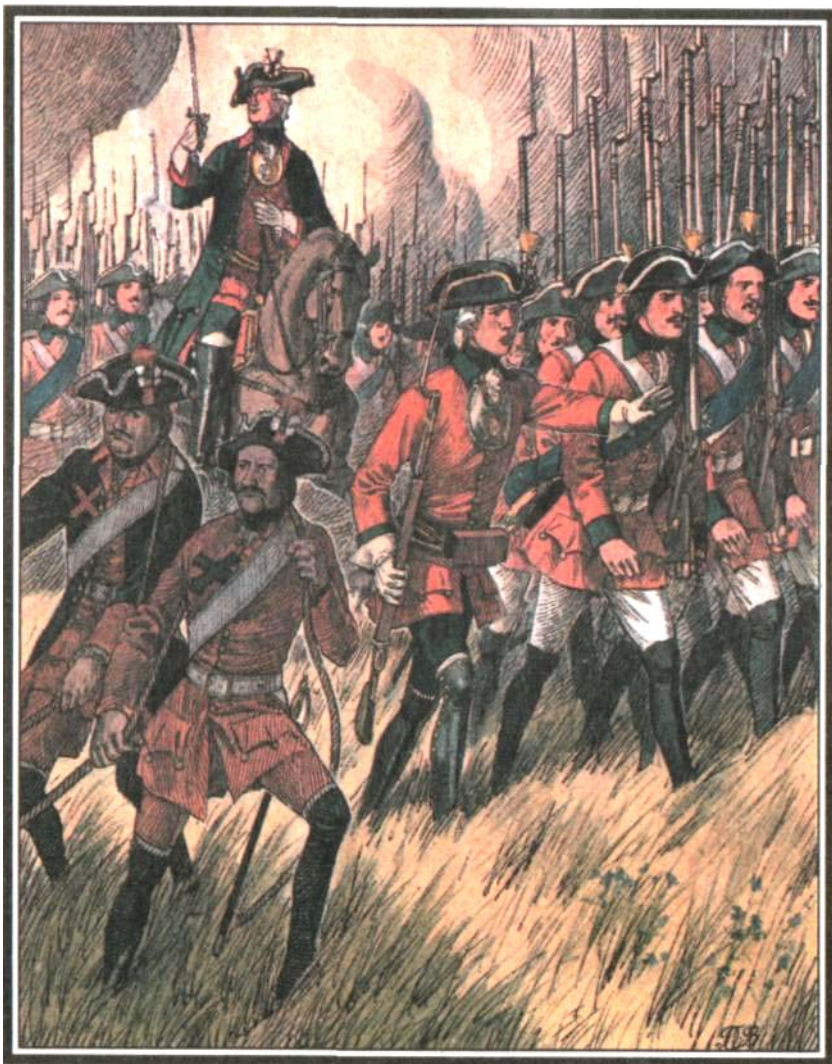
1756—1762 гг.

Зимняя форма: мушкетерский обер-офицер, гренадер и гренадерский обер-офицер пехотных полков, мушкетер в епанче.

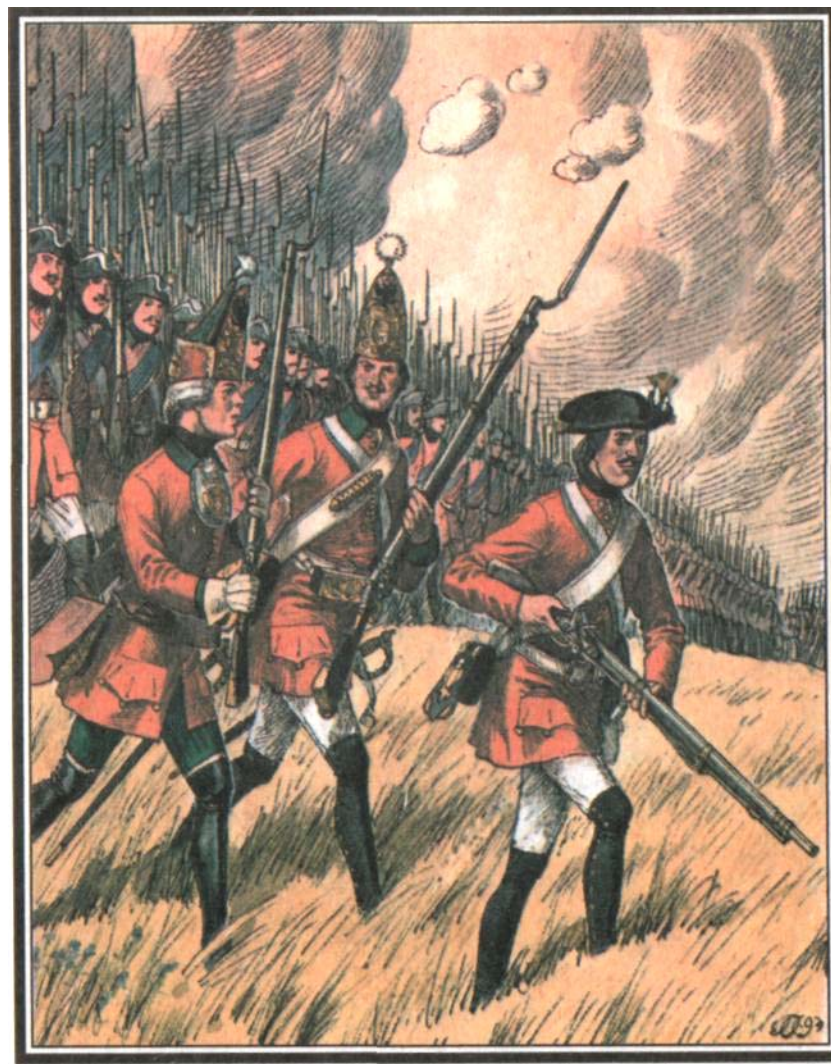
1756-1762 гг.

Мушкетерский барабанщик, мушкетер Обсервационного корпуса, обер-офицер и мушкетер гарнизонной пехоты.

1756—1762 гг.

Мушкетеры при полковых артиллерийских командах в дивизии генерала В. В. Фермера, 1760, штаб-офицер, мушкетерский обер-офицер и мушкетеры пехотных полков.

1756-1762 гг.

Гренадерский обер-офицер Ростовского пехотного полка и гренадер пехотных полков (конец 50-х—начало 60-х гг.), «охотник» (доброволец) легких батальонов секунд-майора Миллера, 1761.

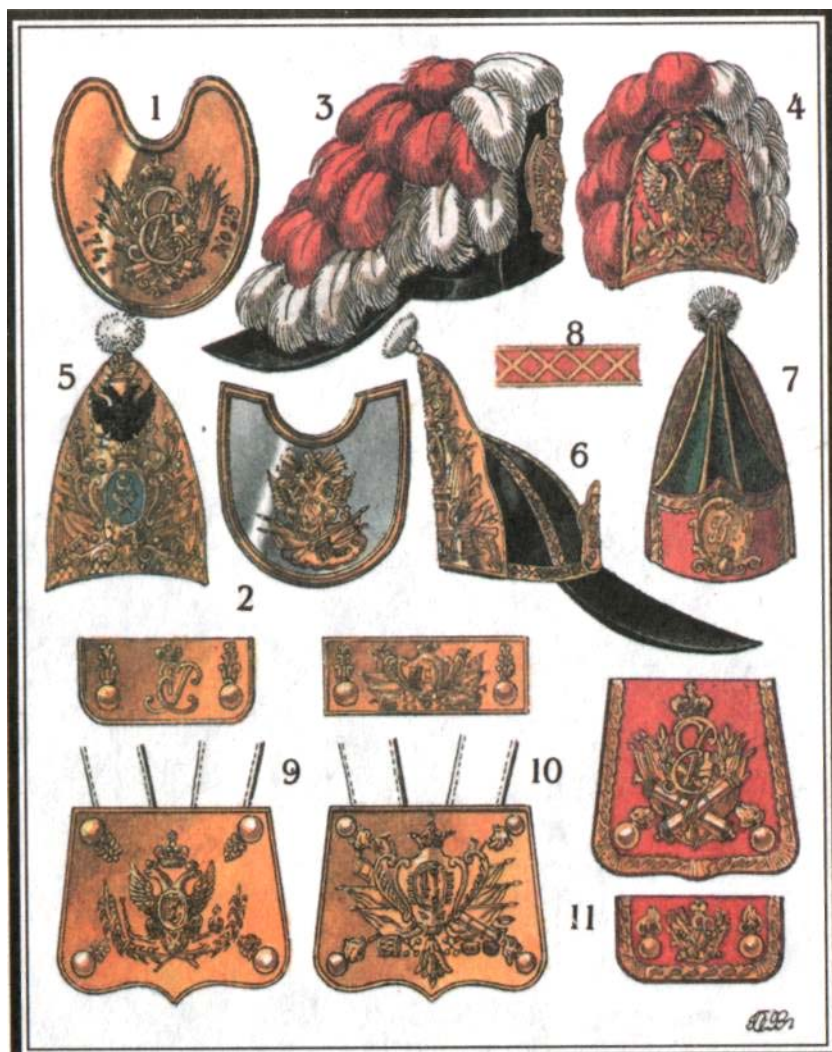
Лейб-гвардия, 1742—1761 гг.

Гренадер Измайловского полка, гренадерский обер-офицер, полковой адъютант.

Лейб-гвардия, 1742—1761 гг.

Мушкетер и сержант Преображенского полка, гобоист и барабанщик Семеновского полка.

1741—1762 гг.

Офицерские нагрудные знаки: Лейб-кампании (1) и Обсервационного корпуса (2). Гренадерские шапки: унтер-офицерская гвардейской пехоты (3), Лейб-кампании (4), офицерская Белозерского пехотного полка (5), grenадерских полков, с 1756 (6), офицерская Ростовского мушкетерского полка (7). Тесьма барабанщиков (8). Подсумки и grenадерские сумы нижних чинов: гвардии (9), армии (10), Лейб-кампании (11).

1741—1752 гг.

Белое знамя лейб-гвардии Преображенского полка, образца 1742 (1); цветные знамена полков лейб-гвардии, образца 1742: Преображенского (2), Семеновского (3), Измайловского (4). Фурьерский значок (5). Офицерские grenадерские сумы: гвардейская (6), армейская (7); армейский офицерский подсумок (8), армейская патронная сума (9).

Лейб-гвардия, 1762 г.

Гренадерский обер-офицер и мушкетерский сержант Преображенского полка, мушкетерский обер-офицер Семеновского полка, штаб-офицер Преображенского полка, grenader Измайловского полка.

3. РЕФОРМЫ «ЗОЛОТОГО ВЕКА»

Война с Пруссией, несмотря на политические и военные просчеты, близилась к победоносному завершению, когда в конце 1761 г. у Фридриха II внезапно появился могущественный союзник. Им стал восшедший на российский престол император Петр III, голштинский герцог Карл Петер Ульрих, рьяный сторонник прусской военной системы. Унаследованная им армия никак не походила на безмолвные однообразные игрушечные воинства, расставляемые в дворцовых покоях. Уже с 1756 г. оловянных и гипсовых солдатиков дополнили живые: в Ораниенбауме была построена небольшая крепость с миниатюрным дворцом в центре; гарнизон состоял из верных Петру голштинцев (пехота — 3 мушкетерских полка и 1 гренадерский батальон). Через пять лет Петр III вознамерился уподобить голштинцам все остальные вооруженные силы огромной державы.

Внутренние проблемы государства, не связанные с вооруженными силами, мало интересовали императора; дельные советники за короткое время правления внедрили целый ряд прогрессивных законов. Самым знаменитым из них стал Указ о вольности дворянства. Каждый дворянин теперь имел право выбирать военную либо гражданскую службу; состоящим же на службе разрешалось выходить в отставку, правда, если страна не находилась в состоянии войны.

Нововведения в военной сфере, в большинстве своем довольно разумные, были встречены в штыки дворянством, особенно гвардейцами. Дело в том, что новые порядки были слишком подробно скопированы с только что разгромленной прусской армии.

Интересно, что многое из введенного Петром было потом сохранено Екатериной II, отлично понимавшей, что в начале проведения реформ важна не столько суть, сколько форма их подачи, а Петр III, совсем не желавший знать психологию своих подданных, не сумел соответствующим образом преподнести свои идеи.

Мы лишь кратко остановимся на основных реформах 1762 г. в армии; при этом нужно учитывать, что коснулись они, главным образом, гвардии и только немногих армейских полков.

Все полки, кроме Преображенского, должны были быть переформированы в двухбатальонный состав. В каждом батальоне одна рота была гренадерской и пять — мушкетерскими; в Преображенском же полку, помимо двух мушкетерских батальонов, числился третий — гренадерский — из 6 гренадерских рот. Из гренадерских полков два переименовывались в мушкетерские, а другие два разделялись на 6 отдельных гренадерских батальонов.

Армейские полки вместо прежних названий, образованных от наименований российских городов и местностей, получали новые, по званиям и фамилиям шефов. Так, Смоленский полк теперь именовался «мушкетерским генерал-майора Фулертон», Казанский — «мушкетерским генерал-майора князя Николая Голицына». Эта система, от которой отказались уже при Петре I, была крайне неудобна для русской армии; шефы в полках часто менялись, а солдаты зачастую не могли выговорить сложных иностранных фамилий.

Новый «Строевой Устав пехотного полку для Российской Императорской армии», еще более похожий на прусский, так и не дошел до армии.

Новая форма одежды была скопирована с прусских образцов. Правда, цвет мундирного сукна оставался прежним, темно-зеленым, но выбор многочисленных декоративных деталей и цветов прикладного сукна оставался за шефом полка. Мундир стал несколько теснее, петли могли оформляться цветными петлицами, появились лацканы и аксельбанты. Камзол и штаны могли быть палевого, белого, желтого или померанцевого цветов. На всех деталях униформы полковые гербы заменялись на вензель императора. Вводились новые гвардейские и армейские офицерские знаки на черных лентах, новые эспонто-ны для офицеров и трости в строю для унтер-офицеров. Цвета музыкантских мундиров также выбирались шефом полка.

При Петре III на каждую роту положено было иметь по знамени, но из-за кратковременности правления императора лишь гвардия успела получить новые знамена.

На полотнище гвардейских знамен был изображен крест с расходящимися из центра концами. В центре под золотой императорской короной в оранжевом круге помещался двуглавый орел, обрамленный голштинскими гербами. В лучах по углам помещались вензеля Петра III.

Кресты на белых знаменах всех трех гвардейских полков были белые, а углы — синие в Преображенском, красные в Семеновском и зеленые в Измайловском [73, т. 2, с. 57].

На ротных знаменах кресты были следующих цветов: красные в Преображенском и Измайловском полках, синие — в Семеновском. Древки всех знамен были желтые, копыя-навершия — позолоченные, шнуры и кисти — серебряные.

Спокойная жизнь петербургского гарнизона закончилась. На беспрестанных парадах и разводах рядом с детьми-сержантами вышагивали одетые в непривычную пеструю форму престарелые штаб-офицеры. Кроме того, Петр III заявил о намерении двинуть гвардию в заграничный поход против затронувшей интересы Голштинии Дании.

Настраивая против себя таким образом тысячи гвардейцев, император не мог рассчитывать на долгое правление. Потребовалось чуть больше полугода, чтобы недовольство выплеснулось наружу: 28 июня 1762 г. гвардейские полки вышли на улицы.

Первым полком, присягнувшим на верность новой императрице — Екатерине II, стал Измайловский. Вскоре к нему присоединились другие пехотные (Семеновский, Преображенский, Ингерманландский, Астраханский) и кавалерийские полки.

Ликование солдат и офицеров, к тому же увидевших государыню в гвардейском мундире петровского образца, не знало меры. Привезены были старые мундиры; новые же срывались и топтались ногами. Гренадерские шапки надевали на штыки или бросали в грязь; один из золотых офицерских знаков был прицеплен к собаке, бегающей по улице [83, с. 343]. Беспорядки в столице продолжались и после ареста Петра III; винные погреба были разгромлены. Чуть было не дошло до вооруженного конфликта между измайловцами и преображенцами за право сопровождать карету Екатерины (преображенцев вообще укоряли за то, что они явились к дворцу на присягу позже всех).

В эти хмельные дни гвардия заслужила себе право на безмятежную жизнь. Но вместе с тем гвардейцы открыли и новую эпоху в развитии государства, эпоху великих испытаний и великих побед.

* * *

Формально отменив все распоряжения Петра III, касающиеся армии, Екатерина создала «временную особливую комиссию», которая положила начало бурной деятельности по созданию новых уставов, инструкций, наставлений, штатов и табелей; деятельности, не прекращавшейся во все правление императрицы. Никогда прежде и никогда позднее русская армия не претерпевала столько изменений, как в эти годы.

В 1766 г. было издано «Генеральное учреждение о сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборе исполнять должны». Сей документ был призван упорядочить систему пополнения армии. Рекрутская повинность распространялась на все сословия, «положенные в подушный оклад», а именно: «купечество, дворовые, ясянные, чернососшные, духовных вотчин, и помещичьи крестьяне, ямщики, раскольники, приписные к адмиралтейству иностранцы и русские люди и крестьяне приписанных к казенным и частным заводам и фабрикам деревень» [84, с. 122—123]. Освобождались от повинности только немногие четко указанные категории населения.

Денежный взнос вместо рекрута (120 руб.) разрешалось платить лишь мастеровым заводам и фабрикам, не имеющих приписанных деревень.

Сам сбор рекрутов проводился в течение двух месяцев после прибытия к губернским и провинциальным канцеляриям офицеров от полков. В канцеляриях принимались рекруты с земель, принадлежащих данной административной единице. Их возраст мог колебаться от 17 до 35 лет. Низкорослые (ниже 2 аршин 4 вершков) люди не принимались на службу; для четкого контроля за ростом рекрутов Военная коллегия рассылала специально изготовленные и обитые жестью 3-аршинные меры, заверенные печатью коллегии.

Рекрутам полагался комплект одежды от сдатчиков: кафтан крестьянского сукна, шуба, шапка, рукавицы, штаны, пара белья; на ноги — «чирики или упоки с чулками». На питание выдавались мука, крупа и соль, кроме того, 3 руб. жалования.

Осмотр проводился в светлое время суток; прием рекрутов при свечах запрещался. После приема рекруту брили лоб.

Конвой для препровождения партии рекрутов назначался из расчета 2 рядовых из полков на каждые 10, унтер-офицер на каждые 20 и обер-офицер на каждые 50 человек.

Вместе с офицерами в губернии рассылались полковые лекари, подлекари и цирюльники для медицинского освидетельствования кандидатов.

На местах уже принятых рекрутов учили строю и маршировке.

Отправляемые к полкам партии снабжались перевязочными средствами. Все документы, касающиеся провода партии, ответственный за нее офицер передавал на рассмотрение специальной полковой комиссии.

Строго карались виновные в подмене рекрутов, сдающие вместо своего человека беглого крестьянина, солдата или матроса: их лишали чинов, дворянства и ссылали на поселение, отдавая имение наследникам (женщин, виновных в подобном преступлении, вместо ссылки сажали в тюрьму на 3 года).

Купцы по-прежнему имели право откупаться от набора, платя с 1776 г. 360, а с 1783 г. — 500 руб. за рекрута.

Уже с 70-х гг. смягчились требования к росту рекрута; зачастую принимали людей ростом 2 аршина 3,5 вершка.

Постоянно растущая численность войск требовала открытия новых источников комплектования; рекрутские наборы, проводившиеся до сих пор лишь в десяти великорусских губерниях, с 1767 г. были распространены на Малороссию (что было связано с восстановлением там крепостного права). Правда, лишь немногие рекруты-малороссы попадали в пехоту; основная их масса служила в кавалерии, для которой, как считалось, они были более приспособлены. Впрочем, случались и исключения: так, десять мушкетерских полков были целиком сформированы из чинов упраздненной в 1769 г. Украинской ландмилиции. Учрежденный же в 1786 г. из украинских однодворцев Мало-росийский гренадерский полк спустя четыре года был целиком посажен на лошадей и назван Конно-Гренадерским.

Эти новые рекруты, привыкшие к самостоятельной жизни, довольно сильно отличались от других солдат, что замечали даже иностранцы. Один из них оставил следующий отзыв о малороссах: «эти однодворцы... отличные люди, очень спокойного... нрава, но очень ленивы» [24, с. 291]. Срок службы для однодворцев определялся в 15 лет, для цетальных же после первой турецкой войны впервые был установлен конечный срок службы в 25 лет.

В великорусских губерниях привычка помещиков сдавать в рекруты самых беспокойных и «порочных» крестьян настолько вошла в систему, что выработала устоявшееся мнение о рекрутах: «Когда полковой командир получает человека маленького роста, некрасивого и слабосильного, то он может надеяться, что это честный человек; но если он получает красивого, высокого и сильного человека, то это, наверное, негодяй» [32, кн. LXXXII, с. 148]. Но, поступая в полки, очень скоро эти люди становились прекрасными солдатами под воздействием здоровой армейской среды.

Прохождение службы дворянами практически не изменилось. Поступавшие или зачисленные в армейские полки дворянские недоросли уже через 1—3 года обычно становились сначала фурыерами, или каптенармусами, а затем сержантами. Спустя еще какое-то время они получали офицерский чин.

Непомерные злоупотребления этой системой происходили в гвардии, куда стремилось попасть множество молодых дворян. Снабженные весомыми рекомендациями зачастую сразу получали звание капрала или даже сержанта, другие служили рядовыми, многие числились при полках «недорослями». В 1792 г. в Преображенском полку на 3,5 тысячи рядовых

числилось 6 тысяч унтер-офицеров, в 1795 г. в Измайловском полку считалось по 2 тысячи унтер-офицеров и рядовых [51, с. 13]; недорослям, по свидетельствам очевидцев, «не было числа».

Все они вели в Петербурге приятную и необременительную жизнь: их определяли в адъютанты к генералам, наиболее образованных посылали дипломатическими курьерами за границу (где они имели право носить офицерский армейский мундир); им разрешено было присутствовать на придворных балах. Наиболее деятельные довольно быстро становились армейскими офицерами; большинство же и не стремилось покидать уютный гвардейский мирок. Не обладавшие рекомендациями дворяне-рядовые десятилетиями «тянули лямку». Великий русский поэт Г. Р. Державин около 10 лет служил нижним чином в Преображенском полку, живя на квартире с пятью солдатами «из сдаточных», двое из которых были женаты.

По-прежнему многие из числившихся дворян-нижних чинов на самом деле жили с родителями, получая домашнее образование «в отпусках». Для действительно состоящих при полках и не имевших возможности учиться с 1770 г. стали учреждаться кадетские роты при гвардейских полках; нечто подобное было и в тех полках армии, где полковые командиры заботились об образовании подчиненных.

Даже в подготовке кадетов явно стало просматриваться стремление к ослаблению воинской дисциплины. Если при Ми-нихе воспитанникам корпуса всячески старались привить любовь к военным занятиям, то при Екатерине II корпус уже был разделен не на роты, а на «возраста»; ежедневные строевые занятия всех кадетов сменились на изредка проводимые упражнения старших «возрастов»; все больше приветствовались занятия «мирными» дисциплинами.

Екатерина II несколько ужесточила порядок принятия присяги. Если до начала ее правления текст распространялся в рукописном виде, из-за чего порой допускались ошибки, то с 1765 г. присяга была распечатана и разослана в полки, где она переплеталась вместе с чистыми листами, на которых затем присягающие ставили свои подписи, заверявшиеся священником.

Что же представляли собой екатерининские офицеры? Если читатель уверен, что это были блестящие дворяне, высокообразованные, знающие многие языки и одинаково чувствовавшие себя и под ядрами и на великосветских балах, то он довольно глубоко заблуждается. Большинство офицеров хороших фамилий группировались в гвардейском кругу; немногие из них попадали в армейские полки, да и то, как правило, только старшими офицерами.

Их подчиненными в этом случае становились офицеры из мелкопоместного дворянства и произведенные из солдат. И если первые еще изредка имели крохи образования и воспитания, то от бывших солдат требовать даже эти крохи не приходилось. При Екатерине продолжали публиковаться правила поведения для молодых дворян и для офицеров; как ни странно, они немного отличались от петровского «Юности честного зеркала». Например, в вышедших в 1779 г. «Правилах учтивости», переведенных с французского подпрапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка Петром Калягиным, давались следующие полезные советы: «Должно воздерживаться от речей подлого народа, а наипаче слов вольных, или сомнительных, клонящихся к вещам неблагопристойным...

Наблюдай всегда благопристойность и умеренность в словах веселых, употребляемых к веселению мыслей, опасаясь дабы не последовать тем, кои обыкновенно ничего порядочного не имеют в разговорах; обращая все в смех, увеселяя собрание, как шуты, глупыми и неблагопристойными действиями, и что всего порочнее, издеваясь над вещами священными и пороками ближнего...

Рачительно стараться в обращении быть скромным и умеренным без суровости, непринужденным и вольным без легкомыслия и задумчивости, тихим и приятным без пристрастия и ласкательства, откровенным и чистосердечным с благоразумием и скромностию; приятным и полезным обращающемуся с тобой».

Наряду с этими действительно бесспорными мыслями немало советов могут вызвать улыбку у современного человека: «Не имей ногтей длинных, наполненных грязью; не кусай и не обрезывай их при других...

Старайся голову иметь чисту; также зубы и глаза; о чем нерадение самим вредно, и разговаривающим с нами причиняет беспокойство...

Ходи не очень скоро, и не очень тихо, без фигур и вертопрашества; но размерно, и с благопристойною важностию...

Не смейся и не разговаривай сам с собою. А прогуливаясь в саду, не должно рвать цветов, листья и плодов; также и дотрагиваться до них без дозволения хозяйского...

Не высасывай мозгу из костей, и не гложи их; но обрезав, возьми вилкой...

Весьма противно учтивству, наклонять тарелку на ложку, чтоб до последней капли все выесть; и хлебом оную вытирать; ибо сие есть знак ненасытного обжорства; но должно что-нибудь в ней оставить».

Эти советы дают возможность представить себе уровень воспитания части дворянства.

Сам А. В. Суворов в одном из писем императрице писал: «Долговременное мое бытие в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках... и удалило от познания светских наружностей» [65, с. 91]. Признание это было справедливо даже по отношению к такому высокообразованному по тем временам человеку, каким был А. В. Суворов. Что же было требовать от других офицеров, коим судьба отказала в достойных воспитателях?

«Привычка их жить по-солдатски в то время, когда они состоят сержантами, придает им часто тон и привычки солдата; чрезмерная грубость и привычки извлекать пользу из всего и на всем, к несчастью, слишком терпимы в России» [32, кн. LXXXIII, с. 168].

Само домашнее образование зачастую не могло служить на пользу молодым дворянам. Например, Ф. В. Ростопчин писал в автобиографии: «Меня учили всевозможным вещам и языкам... Моя голова обратилась в разрозненную библиотеку, от которой у меня сохранился ключ». И то было благом, что образ жизни Ростопчина заставил его не затерять этот ключ. Другие же образованные люди, подчиняясь армейскому окружению, нередко забывали все зачатки образования и воспитания.

Л. Н. Энгельгардт, переведенный в гренадерский полк, так вспоминал о царивших в полку порядках: «Полковник мой, следуя английскому обыкновению, подливал; после обеда ставили чашу пунша. Приятели его, а мои товарищи стали на мой счет подшучивать, что похож ли я на гренадерского офицера: водки и пунша не пью и трубки не курю. Желая быть в числе коротких приятели своего полковника и быть настоящим гренадерским офицером, сперва пил я в угождение, потом это вошло в привычку и наконец не только у полковника, но уже я искал в других местах, где бы подпить; словом сказать, ни одного дня не проходило, чтоб я не был пьян» [44, с. 262, 263].

К счастью Энгельгардта, нашелся благоразумный товарищ по полку, который образумил его и заставил отказаться от пагубной привычки.

С невиданной ни до, ни после правления Екатерины силой процветала карточная игра.

Хуже всего для офицерской среды было то, что среди произведенных в офицеры немало было недавних прислужников знатных вельмож и даже попавших в фавор лакеев. На такой способ выслужиться много сетовал А. Ф. Ланжерон: «...самый верный и самый обыкновенный (способ. — Авт.) — это причислиться в качестве ординарца или по особым поручениям и т. п. к фавориту; у него обыкновенно таких двести или триста человек, и он не знает из них и половины, но тем не менее быстро повышает их по службе...» [32, кн. LXXXIII, с. 174].

«Генералы, полковые командиры производят своих парикамахеров, берейторов, поваров в сержанты, которые затем становятся офицерами и

адъютантами. У меня в полку есть один грек, который вскоре, за выслугу лет, должен быть произведен в офицеры. В течение 12 лет он был лакеем графа Ивана Разумовского, прислуживал нам за столом, был бит по десять раз, а теперь скоро будет моим товарищем» [12, кн. LXXXII, с. 166]. Такие офицеры много способствовали разрозненности офицерских коллективов.

Все это наряду со злоупотреблением в системе чинопроизводства приводило к тому, что большинство офицеров чувствовали себя не свободными и гордыми служителями Отечества, а, скорее, прислужниками сильных мира сего. Нельзя не учитывать, что только при Петре III запрещено было подвергать физическим наказаниям дворян; первое поколение «непоротых» еще не успело забыть кнут и палки.

Иностранцы, служившие в русской армии, не могли не отметить этой особенности.

«Я не могу понять, как может русский обер-офицер, проявивший как в этом, так и во многих других сражениях доказательства изумительной храбрости, действовать с таким усердием, являясь в то же время орудием и жертвою своих начальников, которые отнимают у них плоды этой храбрости и часто не разделяя даже с ними опасностей. Все генералы, полковники и т. п. обращаются с обер-офицерами не только с недостаточным уважением, но даже с презрением.

На другой день после такого штурма, как, например, Измаил, этот самый офицер, который бесстрашно подвергал себя неслыханным опасностям, первый взшел на городской вал, видя, быть может, в то же время, как его начальник (генерал Львов, например) прячется во время сражения и появляется лишь тогда, когда опасность уже миновала, этот самый офицер, говорю я, явится к своему начальнику с величайшей покорностью, едва будет говорить и то только тогда, когда его станут спрашивать и, если он умнее своего начальника, то никогда не будет противоречить глупостям его превосходительства; этот начальник будет употреблять этого офицера для лакейских услуг и будет давать ему поручения, которые тот исполнит беспрекословно. Невозможно постигнуть эту смесь геройства и низости» [32, кн. LXXXIII, с. 175].

Подобное сочетание обуславливало и некоторые особенности поведения офицеров в быту.

«Поверят ли тому, что в армии, в которой суровый и воздержанный солдат является истинным спартанцем в деле перенесения трудов и лишений, офицеры или по крайней мере большинство их, будучи лишь отъевшимися крестьянами, начавшие службу с унтер-офицерского чина и переносившие тот же образ жизни и те же труды, что и солдаты, поверят ли тому, ...что лишь только они получают офицерский темляк, как становятся сибаритами? Поверят ли тому, что русский офицер никогда не

путешествует верхом? Поверят ли тому, что он не сделает и десяти верст, не взяв с собой своей постели? Поверят ли тому, что ему необходимы шампанское и английское пиво? Поверят ли, наконец, тому, что не может нести даже своей сабли и тому, что ее несет его вестовой?» [32, кн. LXXXIV, с. 189].

Несомненно, одним из проявлений унижения офицеров было и жестокое отношение с нижними чинами, особенно характерное для 70-х гг. в.

И все-таки велико было число офицеров, если так можно выразиться, «нового типа». Это были, в основном, молодые дворяне (среди которых выделялись выпускники кадетских корпусов), считающие необходимым углублять свои знания, изучать, помимо пехотных уставов, фортификацию и артиллерию. Все они не чуждались гуманитарных знаний: зарубежная литература, а особенно пример революционной Франции заставляли задумываться о человеческом достоинстве; знакомство с ценностями цивилизации не могло не повлиять на культурный уровень офицеров. Постепенно хорошие манеры становились модой, а вопросы чести получали все большую значимость.

На поле боя офицерская честь способствовала проявлению мужества, которого и раньше было не занимать русскому офицерству. «Я видел русских офицеров во всех опасных случаях, в которых сам находился вместе с ними, подающими пример храбрости и неустрашимости своим солдатам... Потеря офицерами была пропорционально на одну треть больше потери солдатами»¹ — писал А. Ф. Ланжерон [32, кн. LXXXIII, с. 169].

В начале царствования, отменив указы своего мужа, Екатерина II имела в своем распоряжении 3 гвардейских, 4 гренадерских и 46 мушкетерских полков пехоты.

Гвардейские полки, которым, по-видимому, были возвращены елизаветинские штаты, состояли: Преображенский — из 2 гренадерских (одна из рот, видимо, была составлена из чинов Лейб-кампании), 1 бомбардирской и 16 мушкетерских рот; Семеновский и Измайловский — из 1 гренадерской и 12 мушкетерских рот [9].

Армейские полки по штату 1763 г. получили двухбатальонную 12-ротную организацию. В каждом батальоне одна рота была гренадерской, пять остальных — мушкетерскими; в гренадерских полках все роты были гренадерскими. При выступлении в поход полк оставлял на «непременных» квартирах две роты («двухротную команду») с солдатскими женами и детьми, с больными и с частью полкового имущества. Таким образом, в военное время каждый батальон состоял из пяти рот.

В 1763 г. все вооруженные силы государства были разделены на восемь дивизий, представлявших собой округа в современном смысле. Во время боевых действий пехота сводилась в бригады и дивизии по-прежнему произвольного и временного состава.

Уже в 1763 г. командующий Финляндской дивизией генерал-аншеф П. И. Панин сформировал первую егерскую команду из 300 человек, для чего в каждой пехотной роте выделялось пять человек «егерей». Опыт П. И. Панина был одобрен Военной комиссией, и в 1765 г. егерские команды были учреждены при 25 пехотных полках Лифляндской, Финляндской, Смоленской и Эстляндской дивизий. В каждой роте выбирались люди «ростом не выше двух аршин пяти вершков, но самого лучшего, проворного и здорового состояния» [39, с. 108]. В полку, таким образом, набиралось 60 егерей; к ним прикомандировывались один обер-офицер (поручик или подпоручик), два унтер-офицера, два капрала и барабанщик; весь егерский корпус состоял из 13 поручиков, 12 подпоручиков, 50 унтер-офицеров, 50 капралов, 25 барабанщиков и 1500 егерей.

Наконец, в 1769 г. егерские команды появились во всех остальных пехотных полках армии, а в 1770 г. — в гвардии (по 72 человека в полку).

В 1769 г. были сформированы первые в русской армии смешанные регулярные войсковые соединения — Санкт-Петербургский и Московский легионы, действительно, в чем-то похожие на римские. При сравнительно небольшой численности — 5757 человек — каждый легион включал в себя 1 гренадерский и 4 мушкетерских батальона (каждый из 6 рот), 6 эскадронов карабинеров и гусар, артиллерийскую и казачью команды. При каждом мушкетерском батальоне состояла и егерская команда численностью в 60 человек.

Санкт-Петербургский легион, участвуя в войне с польскими конфедератами, показал себя с неплохой стороны, хотя в нем и велик был процент рекрутов. Но, видимо, никто не мог конкретно указать, чем действия легионов отличались бы от других воинских команд (как правило, все отдельные корпуса действовали в смешанном составе), зато неудобства в хозяйственной жизни легионов были очевидны. Поэтому уже в 1775 г. легионы были расформированы, а их пехотные батальоны обращены на создание четырех мушкетерских полков. Тогда же прекратили свое существование и созданные в 1771 г. легкие полевые команды (по первоначально предлагаемому названию — когорты), числом 25. Эти более мелкие смешанные соединения (556 человек каждое) состояли из двух мушкетерских рот, егерей (51 человек) [24, с. 72], драгунской и артиллерийской команд. Мушкетерские роты расформированных команд

поступили на создание в 1775 г. восьми четырехротных полевых и двух сибирских егерских батальонов.

Гренадерские роты и егерские команды армейских полков уже с 1769 г. начали сводиться в отдельные подразделения, на которые, как правило, и ложилась основная тяжесть боя. Эта мера была тем более необходима, что гренадеры и егеря поддерживались постоянно в штатном составе; мушкетерские же роты, отдававшие им лучших людей, находились в состоянии упадка. В кампании 1770 г. в армии П. А. Румянцева насчитывалось уже 4 сводных егерских батальона и несколько батальонов гренадеров; в дальнейшем эти батальоны сохранялись. В 1773—1774 гг. во многих полках были сформированы вторые егерские команды взамен действовавших отдельно от своих полков.

Применение егерских подразделений оказалось настолько удачным, что в 1777 г. из егерских команд армейских полков было сформировано 6 постоянных шестиротных егерских батальонов.

За период 1763—1780 гг. число мушкетерских полков также увеличилось: 2 полка были сформированы из сибиряков, 10 — из чинов Украинской ландмилиции, 1 — из Закамской ландмилиции, 4 — из пехоты упраздненных легионов.

Настоящий всплеск формирований, переформирований и переименований последовал в 80-е гг. В 1783 г. были образованы 1 мушкетерский полк и 8 полевых шестиротных батальонов, а через год 8 прежних 4-ротных батальонов были переформированы в 4 шестиротных полевых и в 2 егерских батальона; кроме того, создано еще 2 егерских, 4 полевых и 2 гренадерских батальона.

Тогда же последовал указ о сформировании из чинов Бутырского и Селенгинского мушкетерских полков четырехбатальонного егерского корпуса, названного Кубанским. Позже было составлено еще 9 корпусов: в 1785—1786 гг. — Кавказский, Таврический и Бугский (из егерских и двух полевых батальонов), Белорусский, Финляндский и Лифляндский (из чинов мушкетерских полков и гарнизонов); в 1787 г. — Екатеринославский (из полевых батальонов); в 1788 г. — Эстляндский (из поселян казенного ведомства, мещан и рекрутов); в 1795 г. Литовский. Параллельно с ними существовали и егерские батальоны.

В 1785 г. решено было повысить на 40 тысяч численность пехоты; для этого был объявлен специальный рекрутский набор. Количество гренадерских полков увеличивалось до десяти, а количество батальонов в каждом — до четырех (по 4 роты в каждом). В дальнейшем число гренадерских полков непрерывно менялось. Создавались также гренадерские батальоны и четырехбатальонные корпуса, а в 1795 г. гренадерские полки получили пятый четырехротный батальон для подготовки пополнений.

Мушкетерские полки также претерпели ряд изменений.

В 1784—1785 гг. было создано два четырехбатальонных 16-ротных полка — Кавказский и Херсонский, а в 1788 г. ряд полков был переведен на 10-ротный состав (2 гренадерские и 8 мушкетерских рот). В 1792 г. в армии было 4 12-ротных, 51 10-ротный и 1 16-ротный полк. Всего же к концу царствования императрицы Екатерины II в армии насчитывалось 12 5-батальонных гренадерских и 56 2-батальонных мушкетерских полков, 10 4-батальонных корпусов и 3 батальона егерей и 20 полевых мушкетерских батальонов.

Полевая артиллерия мушкетерских полков состояла из двух 8-фунтовых единорогов и двух 3-фунтовых пушек, гренадерских полков (до 1786 г.) — из 8 единорогов и пушек. В легионах было 12 орудий — два 12-фунтовых единорога, два 6-фунтовых и восемь 3-фунтовых пушек, в легких полевых командах — четыре 12-фунтовых единорогов.

При егерских батальонах содержалось два орудия, при корпусах — восемь. С 1795 г. положено было иметь по 5 орудий на двухбатальонный полк, по 8 — на четырехбатальонный и по 2 на отдельный батальон.

Гарнизонные полки в 1764 г., были преобразованы в отдельные батальоны, «пограничные» (из 4 строевых, 1 инвалидной и 1 мастерской рот) и «внутренние» (из 5 строевых и 1 инвалидной рот); к 1795 г. в гарнизоне насчитывалось 104 батальона со штатной численностью около 78 тысяч человек.

Основным уставным документом, действовавшим вплоть до 1796 г., был Устав 1763 г. Такая долговечность, столь нехарактерная для XVIII в., объяснялась никем не сдерживаемым процессом законотворчества многих военачальников, вплоть до полковых командиров, развернувшимся уже с середины 60-х гг. Инструкции и наставления вносили различные новинки в тактические и строевые построения, всегда, впрочем, ссылаясь на «высочайше утвержденный» Устав.

Между тем, новый Устав лишь немногим отличался от елизаветинского 1755 г., причем отнюдь не в лучшую сторону. В нем уже не оговаривалась свобода начальника в выборе наилучшего способа построения, а упор на стрельбу стал еще заметнее.

Основным строем полка был признан развернутый трехшереножный с гренадерскими ротами на флангах; дистанция между шеренгами — три шага, между батальонами — восемь. Построение батальонной колонны допускалось лишь для преодоления пересеченной местности. Для этого фланговый полудивизион батальона двигался прямо, а остальные пристраивались вслед за ним.

При построении развернутого строя из колонны (депюяда) батальон мог вести огонь. Первая рота начинала пальбу тогда, когда третья уже примыкала ко второй; первая шеренга не садилась на колено, а вторая и третья делали полшага в сторону, скашивая ряды для удобства стрельбы.

Особо отмечалось, что необходимо «при построении из колонн фронта то наблюдать, чтоб фронт скоро безконфузно и прямо построен был, и чтоб никакой тесноты и промежутков не было, и весьма бы прямо линия фронта вытянута была. Сие от расторопности офицерской, конечно, зависит, и для того каждый полудивизионный и плутоножный командир, став во фронт, наблюдать, чтоб полудивизион его прямо и порядочно стал» [85, с. 72].

Из четырех видов каре, описанных в прежнем Уставе, осталось два — огибное и каре на походе, — выстраиваемые целым полком.

Для стрельбы батальон делился на 4 дивизиона (8 полудивизионов, 16 плутонгов). Все солдаты примыкали штыки, а первая шеренга опускалась на колено, включая и стоящих в шеренгах офицеров. Стрельба велась плутонгами, полудивизионами, выступными и отступными плутонгами, залпами, рядами и шеренгами. Плутонги, полудивизионы и дивизионы стреляли через один (1, 3, 2, 4-й). При стрельбе «выступными плутонгами» каждый плутонг перед выстрелом выдвигался вперед, так что его третья шеренга оказывалась на одной линии с первой шеренгой батальона. Отступление батальона могло сопровождаться стрельбой «отступными плутонгами». Ряды внутри каждого плутонга стреляли поочередно; шеренги — начиная с третьей. Залп осуществлялся целым батальоном или полком. Гренадерские роты вели огонь самостоятельно.

Линейная тактика Устава 1763 г. во времена Екатерины II применялась очень редко, в основном против поляков в немногих регулярных сражениях. Поэтому все дополнения к Уставу касались, как правило, лишь борьбы с иррегулярным противником.

П. А. Румянцев уже в 1770 г. создал правила построения войск для нападения на турецко-татарскую армию. Согласно этим правилам каждая дивизия («корпус») строилась в каре, в котором «боковые фасы половину фрунтового фаса имели» [43, с. 63]. Углы каре занимали гренадеры ближайших к ним полков. Несколько каре составляли боевую линию; на флангах размещались егерские каре. Атака производилась скорым шагом («поспешно») под звуки музыки.

В победоносных сражениях при Ларге и Кагуле в 1770 г. использовалась именно такая тактика. При этом П. А. Румянцев не требовал буквального подчинения своей инструкции: дивизии могли строиться в несколько каре из 2—3 полков каждое; полки при необходимости выходили из каре.

В сражении при Кагуле каре дивизии П. Г. Племянникова было смято внезапно атаковавшими янычарами. Штыковая атака 1-го Гренадерского полка из соседнего каре П. И. Олица позволила смешавшимся полкам вновь выстроиться и продолжить наступление с «единодушным гласом» «Виват, Екатерина!», который, наряду с «ура!», стал с конца 60-х гг. наиболее распространенным боевым кличем русских войск.

Егеря с самого начала заняли довольно важное место во всех тактических построениях, метким огнем прикрывая фланги и предваряя штыковой удар гренадеров и мушкетеров. За неимением достаточного количества егерей часть мушкетеров обращалась в «стрелки».

Во времена Екатерины также было четко оговорено разделение функций между частями линейной (тяжелой) пехоты — гренадерами и мушкетерами, разделение, которого в общих чертах придерживались еще с Северной войны.

Гренадеры предназначались для решительного штыкового удара, мушкетеры же поддерживали их огнем и служили резервом. В 1770 г. в разгар войны с польскими конфедератами А.В.Суворов инструктировал подчиненные ему войска: «...на которых постах гренадер нет, то иметь в мушкетерских капральствах в каждом за гренадер от 4 до 6 и при них по ефрейтору, кои только рвут на штыках, опуся ружье, огнюдь без повеления не стреляют., просто же мушкетеры, почти как гренадеры, только что более служат всего резервом» [11, с. 262]. Поэтому требовалось, чтобы «...в гренадеры брали из мушкетер заслуженных, беспорочных, с аттестатами от ротного командира, несмотря на рост, ибо фланговый мушкетер обыкновенно хорош для себя, а для гренадера вял» [11, с. 365].

В дальнейшем в наставлениях А. В. Суворова действия штыком предписывались всей линейной пехоте; с расстояния «действительного» выстрела (60—80 шагов) пехотинцы со штыками на руку бегом атаковали неприятеля. Но и тогда функция гренадеров несколько отличалась от мушкетерских. При Г. А. Потемкине лишь гренадерам было оставлено клинковое холодное оружие для рукопашных схваток. В инструкции Г. А. Потемкина для создаваемого в 1790 г. Гренадерского полка легкой пехоты говорилось следующее: «...производить удар на штыках дружно и стремительно; в то же время отборными и проворными людьми, облегча их от ружья и прочей тягости, атаковать на саблях... с отменной скоростью; к сему выбрав способных, обучить наперед. Турки называют такую атаку юринь, а я везде именовать ее буду вихрем» [64, с. 182]. Полк этот предназначался для гребной флотилии, но, несомненно, подобные действия требовались и от полевых гренадеров.

Вообще, иностранцы отмечали, что «нет других войск в мире, которые столько б любили драться штыком» [51, с. 19].

С конца 70-х гг. дивизионные каре в полевых сражениях постепенно уступают место полковым, батальонным и ротным. А.В.Суворов уже в 1778 г. в приказе войскам Крымского и Кубанского корпусов предписывал против нерегулярных войск следующее построение, которое без особых изменений просуществовало до конца века.

Пехота наступала батальонными (иногда полковыми, редко 2-полковыми) каре двумя линиями в шахматном порядке. Допускалось выделение резервных каре, следовавших в третьей линии или сосредоточенных в центре боевого порядка. Гренадерские каре усиливали фланги или центр. Наиболее предпочтительной объявлялась стрельба плутонгами, причем первая шеренга не должна была вставать на колено. Пальба наступными плутонгами допускалась лишь против регулярных войск, а отступными плутонгами и залпами запрещались вообще.

В сражении при Рымнике в 1789 г. русская пехота (2 егерских, 4 гренадерских, 4 мушкетерских батальона и легкий батальон, собранный из стрелков мушкетерских полков) составила 6 каре в двух линиях. На флангах располагались 2 гренадерских каре, в центре — егерское.

В 70—80-х гг. пехота вместо трех шеренг нередко строилась в две. Возможно, первым случаем такого построения было сражение с турками у г. Тульчи в 1771 г., в котором генерал Вейсман построил в две шеренги разделенную на две колонны пехоту.

Атаки укрепленных позиций проводились колоннами, иногда даже без артиллерийской подготовки. Под Хотинем в 1769 г. предмостное укрепление было захвачено атакой гренадерских рот, произведенной без выстрела, одними штыками. Более серьезные укрепления подвергались бомбардировке, и только после этого в бой шли пехотные колонны. В голове колонн, как правило, ставились рабочие команды, следом шли егерские батальоны, затем гренадеры и в резерве — мушкетеры. Такая схема была наиболее предпочтительна, но при недостатке егерей или гренадеров их место занимали мушкетеры. Если предвиделась возможность нападения на штурмующие колонны с тыла, как это было при взятии Измаила в 1790 г., резервы строились в каре. При штурме предместья Варшавы Праги в 1794 г. в голове каждой из семи колонн шли егеря (1 или 2 батальона), в четырех колоннах егерей поддерживали гренадеры — 1,2 или 4 батальона, очевидно, в зависимости от ожидаемого сопротивления. Во время этого штурма два гренадерских батальона атаковали польскую кавалерию развернутым строем «в штыки».

Правила обучения егерей изначально были определены лишь в общих чертах. В 1765 г. Военная коллегия указывала, что егеря в дивизии П. И. Панина обучены «всей подробной службе легкой пехоты экзерцициям и манёврам»; соответственно, можно предполагать, что еще до того времени существовали какие-то инструкции для егерей, отечественные или иностранные. Военная коллегия, распространяя опыт П. И. Панина на другие дивизии, издала рекомендации по подготовке легкой пехоты. Помимо основных пехотных экзерциций егеря должны были «проворно маршировать», строя 4-рядную колонну; «проворно заряжать, смело и с цельным прикладом стрелять»; уметь рассыпаться в одну шеренгу для стрельбы. Обычно же егеря строились в две шеренги и вели наступление с пальбой через плутонг, через дивизион или через ряд. Предписывалось приучать егерей к действиям в горах и лесах, а зимой — к передвижениям на лыжах. В мирное время командиры полков должны были употреблять егерей для охоты на дичь.

Помимо наступления «через подразделение», чисто егерским приемом стало действие рассыпной шеренги стрелков, поддерживаемой резервом. При необходимости стрелки выстраивались в две шеренги, а их место занимали егеря из резерва.

Следующее известное нам наставление по обучению егерей относится к 1786 г., когда командиром Бугского егерского корпуса генерал-майором М. И. Кутузовым были составлены «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно».

М. И. Кутузов вводил целый ряд новых усовершенствований для обучения егерей стрельбе. Солдат должен был стрелять только из своего ружья, чтобы изучить его особенности; последовательно стреляли с колена, стоя со 100 шагов и со 150 шагов. Мишень для стрельбы представляла собой ростовую черную фигуру, нарисованную на деревянной доске. Позади мишени насыпался земляной вал, чтобы добытый из него свинец можно было использовать заново.

Для самозащиты в ближнем бою егеря вооружались пистолетами, а самые меткие «отборные» стрелки — пиками. Эти егеря-«пикинеры», имевшие вместо ружья штуцер, предназначались для обороны флангов линейного построения и переднего фаса каре [3, с. 65].

Тактические построения, описанные в «Примечаниях...», отражали боевую практику егерей и, по-видимому, применялись и раньше. Егеря строились в три шеренги лишь при построении фронта совместно с тяжелой пехотой. Темпы «обыкновенного» и «скорого» шагов соответствовали темпам гренадеров и мушкетеров — 80 и 120 шагов в минуту; только егерями применялся так называемый «резвый шаг», или бег.

М. И. Кутузов подробно описал четыре егерских «маневра».

Первый заключался в наступлении «через плутонг», когда половина плутонгов выбегала вперед и образовывала цепь, а сомкнутые плутонги двигались в 60 шагах за цепью. Если оказывалось, что в 60 шагах «ничего пред собою не видно», то применялся другой маневр: рассыпанные егеря строили две цепи, наступающие одна через другую; половина плутонгов по-прежнему двигалась в сомкнутом строю. Там, где движение развернутой цепью было невозможно, например, в густом лесу, в болотистой местности или в городе, егеря передвигались «змейкой» (друг за другом). Четвертым «маневром» являлись, по сути, всевозможные эволюции егерской четырехрядной колонны.

Так как при большой протяженности цепи и при достаточной отдаленности цепи от резервов подача команд голосом была затруднена, все приказания офицеров дублировались музыкантами; существовала целая азбука музыкальных сигналов.

Наконец, в 1788 г. была издана «Инструкция для обучения егерей», составленная Г. А. Потемкиным, в которой описывались некоторые «хитрости егерей». Так, егерям предлагалось научиться прикидываться убитыми, а также путать противника, ставя, свою каску в стороне от себя. Егеря должны были уметь передвигаться ползком, стрелять и заряжать ружье лежа.

Но и обучение егерей в каждом корпусе шло различными способами. Так, в Лифляндском корпусе в 1789—1790 гг. егерей учили стрельбе следующим образом: «...веревка была протянута, по которой егерь тащил бегом щит в рост человека, а шириною в полтора аршина. Против оной по всей дистанции расставлены были через 20 шагов егеря по 6 человек, которые на бегу многие попадали в щит...» [36, с. 136].

Принцип обучения в летних трехмесячных лагерях несколько изменился. Воедино теперь стали сводиться крупные войсковые массы; строевые упражнения и перестроения полка дополнялись совместными маневрами многих полков, чем-то напоминавшими потешные петровские бои.

Примером для иллюстрации правил обучения полков может служить приказ А. В. Суворова, отданный им в 1774 г. в резервный корпус. Батальоны обучались «фронтным маневрам, заворотам, наступательным движениям, фланговым обращениям фронтов», проделывая все это сначала тихим, затем поспешным, а потом и «весьма поспешным» шагом. При стрельбе от солдат, обучаемых поодиночке в капральстве, требовался «цельный приклад» и «скорый заряд», а не быстрая неточная стрельба.

Много внимания уделялось обучению действиям колоннами — плутоножными и полудивизионными. Колонны должны были уметь «поспешно и твердо» двигаться и разворачиваться в линии, отстреливаться на ходу от иррегулярного противника.

Полки учились атаковать укрепления и быстро рыть траншеи для удержания захваченного места. Построенные в каре полки и батальоны отрабатывали движения «вольным шагом» и стрельбу, при которых первая шеренга никогда не садилась на колено.

Много внимания уделялось одиночному обучению и подготовке рекрут.

Прежде всего им старались придать «смелой, военной вид», чтобы, как говорилось: «...головы вниз не опускали, стояли станом прямо и всегда грудь вон, брюхо в себя, колени вытягивали и носки розно, а каблуки сомкнуты в прямоугольник держали, глядели бодро и осанисто, говорили со всякой особою ... смело, и когда он о чем спросил, чтобы громко отзывался, ногами не преступал, коленей не сгибал, и отступать весьма от подлого виду и речей крестьянских, и только обуча как стоять во фронте» [12, с. 86].

Потом новоиспеченного солдата учили поворачиваться на месте (поодиночке, вшестером, шеренгой и тремя шеренгами), маршировать (ширина шага — 1,5 аршина — более метра) прямым и «косым» шагом, снимать шляпу, поворачиваться и ходить с оружием.

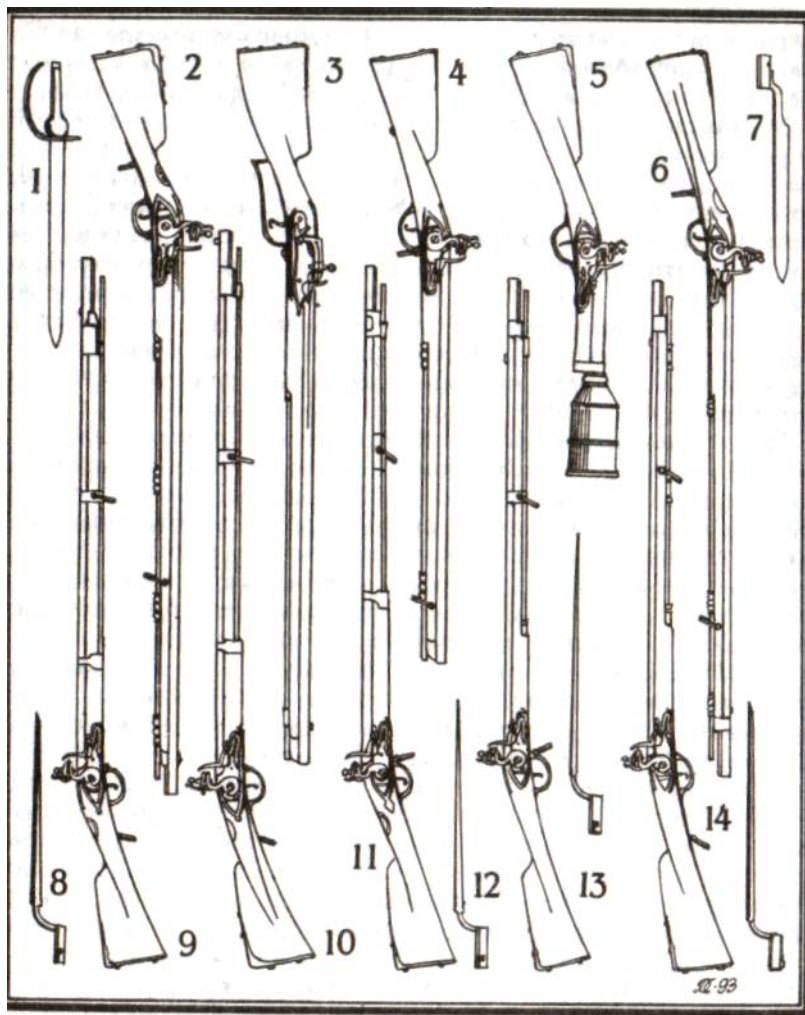
Далее следовали премудрости зарядания и прикладывания поодиночке и в строю, стоя и с колена; познав это, солдат допускался к учебной стрельбе.

В конце обучения рекрута учили правилам караульной службы. Считалось, что после всего этого солдат готов к службе наравне со старослужащими. В капральстве, кроме того, его обучали полковым молитвам.

Довольно подробно были разработаны правила отдания чести. Мушкетер при патронной суме ни перед кем не останавливался и не снимал шляпу, идя «своей дорогой бодро». Ружье при этом он держал на плече. Мушкетер без суммы за 6 шагов до своего начальника останавливался, становился во фронт и левой рукой за левый угол снимал шляпу и опускал ее вниз. Когда начальник отходил на 6 шагов, солдат продолжал движения. Если нужно было обогнать начальника, то шляпа снималась за 6 шагов до него (приблизительно) и надевалась, когда мушкетер делал 6 шагов после обгона (зато, уж если начальнику после этого приходило в голову остановить солдата и поговорить с ним, то мушкетер уже не снимал шляпу). Рядовой салютовал снятием шляпы своим унтер-офицерам, капралам и ефрейторам; но шляпа при этом сразу же надевалась обратно. Унтер-офицеры так же приветствовали старшего сержанта.

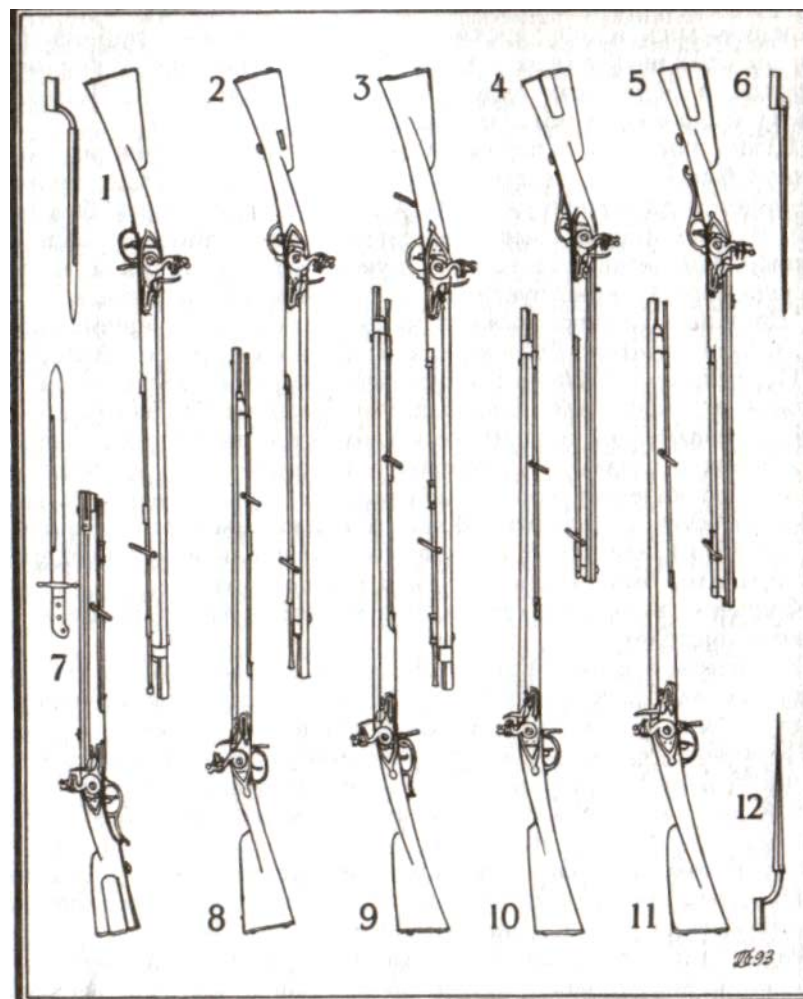
* * *

К великому разнообразию систем пехотных фузей, состоящих в полках, в 1763 г. был добавлен еще один образец с удлиненным штыком.

Огнестрельное оружие.

Багинет, конец XVII—начало XVIII вв. (1); фузея солдатская, образца 1715 г. (2); фузея шведская, начало XVIII в. (3); мушкетон, 1709 (4); ручная мортирка, 1-я четв. XVIII в. (5); фузея солдатская, образца 1731 (6); штык к солдатской фузее, 1-я четв. XVIII в. (7); штык к солдатской фузее, образца 1731 (8); солдатская фузея, образца 1797 (9); солдатская фузея, образца 1753 (10); солдатская фузея, образца 1756 (11); штык, образца 1758 (12); солдатская фузея и штык, образца 1763 (13); солдатское ружье и штык, образца 1798 (14).

Егерская фузея и штык, образца 1765 (1); егерское ружье, образца 1789 (2); винтовальное унтер-офицерское ружье, образца 1798 (3); штуцер пехотный, 1729 (4); штуцер егерский, образца 1778 (5); штык к егерскому ружью, образца 1765 (6); штуцер и кортик егерские, образца 1798 (7); офицерская фузея, 1730 (8); офицерская фузея, образца 1746 (9); офицерское ружье, 70-е гг. XVIII в. (10); офицерское ружье, 1792 (11); штык к офицерскому ружью, образца 1743 (12).

Погонный ремень ружья был красный. На заводах производились и офицерские ружья двух типов: штаб-офицерские в ореховых ложах с позолоченным прибором и обер-офицерские в березовых ложах с латунным прибором. Погонные ремни у офицеров обкладывались золотым галуном.

Шаги носились в черных кожаных ножнах. У нижних чинов клинок был кривой (тесачный), эфес, крюк и наконечник медные; у офицеров металлические детали золотились, а клинок был прямой. В ряде формирований использовались кортики — длинные прямые однолезвийные ножи с рукоятками из латуни и дерева. Ножны кортика конструктивно не отличались от шпажных.

Шпажные темляки нижних чинов делались из черной кожи; кисть их изначально была кожаной, а позже — из белой шерсти.

Портупей из яловичной кожи имели медные четырехугольные пряжки и лопасти для шпажных, штыковых или тесачных ножен и застегивались на пришитую над лопастью медную пуговицу и на крючок с петлей. У офицеров они по-прежнему делались из лучшей по качеству лосины. Патронные сумы украшались медными бляхами различных образцов с изображением полкового (до 1775 г.) или государственного герба; бляхи у гренадеров, как правило, были крупнее, чем у мушкетеров.

Фурьеры в конном строю носили подсумки на поясе и по одному пистолету.

Все ремни в тяжелой пехоте белились довольно часто, для чего каждый солдат всегда имел при себе нож, полфунта мела, четверть фунта клея и «зубок свинной». Сама процедура подробно описана в «Полковом учреждении» А. В. Суворова: «...прежде вымыть весьма чисто и выскоблить ножом, потом, разваривши клей в самой чистой воде не очень густо, оным вымазать и, наскобли ножом мелкого сухого мелу, помачивая палец в клей, растирать мел по ремню, потом, помачивая руку в чистой воде, растирать, чтоб везде ровно было, после высушить весьма сухо, а как высохнет, то лощить крепко ремень свиным зубком» [11, с. 96].

Ранец черной яловичной кожи носился на белом ремне. В походах солдатам разрешалось носить ранец так, как им было удобно; при торжественных построениях ранцы с прикрепленными к ним флягами из листовой жести надевались на ремне через правое плечо.

Гренадерские шапки с латунными налобниками существенно отличались по своему виду в разных полках. На налобниках помещались изображения вензеля, полкового (или государственного) герба и арматуры; на тулье крепились латунные «гренады». В 1775 г. налобник изменился: под двуглавым орлом со святым Георгием на груди выбивался девиз «За веру и верность», еще ниже — вензель Екатерины в окружении арматуры. Шапки позволялось носить, помимо боевых действий, лишь в караулах.

В другое же время гренадеры надевали суконные колпаки. Шапка надвигалась на самые брови и немного заваливалась на правую сторону. По-прежнему для сохранения этого головного убора использовался чехол из вошанки. Ремешок от шапки пропусклся под косой и застегивался на маленькую камзольную пуговицу.

Все офицеры и нижние чины мушкетерских рот и артиллерийских команд носили черные поярковые шляпы; у рядовых они обшивались по краю белой зубчатой тесьмой, у унтер-офицеров — узким золотым галуном, у офицеров — широким галуном. Цвет боковых кистей нижних чинов выбирался командиром полка, бант и султанчик были белые; офицеры имели черно-золотые боковые кисти, султанчик из белых перьев, шелковую или золотую петлицу и позолоченную пуговицу. К 80-м гг. шляпа стала выше, а обшивка по краям исчезла. Шляпы без обшивки и кистей (выслужившие срок) солдатам полагалось носить и раньше в тех же случаях, что и колпаки гренадерам. Также существовали правила ношения шляп: край тульи должен был проходить у самой правой брови и на два пальца выше левой брови; к шляпе пришивались два ремешка, застегивающиеся под косой и удерживающие шляпу на голове.

Косы прививались к затылку и лишь на один палец не доставали до полойной портупей. Основой косы служила металлическая проволока, оплетавшаяся черной лентой. Сверху лента сплеталась с волосами и закреплялась черным бантом с нитяной розеткой в центре на уровне воротника. На висках солдаты завивали по одной букле; в холодную погоду букли закрывали уши. Прическа покрывалась пудрой, предварительно смачиваясь водой; четко определялись случаи, когда это требовалось: «в большом полковом строю, в церковных строях, на караулах и во всяком городе, когда по улице идти...» [12, с. 93]. В другое время использовался облегченный вариант прически: виски завивались, а сзади заплеталась, загибалась и подвязывалась к затылку (там же крепился и черный бант) коса из собственных волос.

Офицерские прически были подобны прическам нижних чинов. Варьировалась форма, размеры и количество буклей, но общий стиль — «а-ля будера» («крысиный хвост») — оставался неизменным. Парики были довольно редки и использовались, как правило, лишь при недостатке собственных волос. Только в 80-х гг. появляется несколько отличный от прежнего вид прически — «крылья голубя». Отличием этого вида являлось то, что в косу собирались длинные завитые пряди волос с висков.

Усы специально предлагалось носить лишь гренадерам. Усы отпусались до концов рта, фабрились и зачесывались вверх и в сторону; под носом выбирался небольшой (1/6 вершка) мысок. С 70-х гг. начала распространяться мода на бакенбарды, соединяющиеся с усами.

Офицеры носили черные волосяные галстуки с белой обшивкой; рядовые, как правило, такие же, но в «караулах, в большом полковом строю и церковных строях» надевали парадные красные галстуки с белой обшивкой. Застегивались галстуки на крючок «назади против косы».

Мундир мало изменился по сравнению с елизаветинским. Цвет сукна стал светлее, уменьшился размер круглых обшлагов, появились красные лацканы. Пуговицы нашивались на лацканах (по 7), ниже правого лацкана (по 3), сзади на лифе (2), у воротника на левом плече (1) для застегивания погона и у карманных клапанов (по 3). Вид погона по-прежнему определялся полковым командиром; погоны офицеров и нижних чинов в одном полку могли различаться. Золотой галун на воротнике и на обшлагах отличал унтер-офицеров и капралов; на обшлагах капралы имели один ряд галуна, фурьеры, подпрапорщики и каптенармусы — 2 ряда, сержанты — 3 ряда. Кроме того, у старших сержантов галуном обшивались и края карманных клапанов.

Офицерский мундир был подобен мундиру рядового; в ряде случаев полы фалд у офицеров заворачивались.

Камзол шился из красного сукна и имел зеленый воротник и обшлага; на него нашивалось 16 пуговиц. У офицеров камзол был без рукавов. У штаб-офицеров по бортам и по нижнему краю нашивались галуны: у майора и подполковника — один ряд широкого галуна, у полковника — один ряд узкого и один ряд широкого; у всех карманные клапана обшивались широким галуном, такой же галун был и ниже клапанов.

У нижних чинов имелось двое штанов: зимние суконные красные и летние полотняные белые. Штаны застегивались на 8 камзольных и 2 мундирные пуговицы и затягивались под коленом шнурком; под штанами выше колена подвязывались шерстяные чулки. На походе и «в грязь» надевали сапоги, которые также подвязывались под коленом. Длинные голенища сапог ниже колена могли образовывать ряд складок. Чаше употреблялись башмаки и полотняные штиблеты, начищенные и намазанные ваксой. По бокам штиблетов нашивалось по 12 медных пуговиц. Подвязки под коленом и помочи-штрипки под подошвами надежно фиксировали штиблеты на ноге. Башмаки по-прежнему не различались на правый и левый, их советовалось «ежедневно переменять... с одной ноги на другую, чтобы не сносились и в походе и хотьбе ног бы не портили». В холодное время года в башмаки подкладывалась солома. Из-под верхнего края штиблет и сапог «на один палец» выставлялись белые штибель-манжеты; из-под обшлагов камзола и мундира — манжеты из тонкого полотна; из-под камзола — белая манишка.

Офицеры носили красные штаны, кожаные штиблеты с медными пряжками на подвязке и с кожаными или позолоченными пуговицами, лосиные перчатки; для верховой езды использовались сапоги с небольшими растресками и позолоченными шпорами.

Епанча нижних чинов осталась прежнего василькового цвета с красной подкладкой, небольшим воротником и медной пуговицей.

Для офицеров в 1764 г. были введены длинные зеленые сюртуки с красными воротником, обшлагами и подкладкой. Широкий воротник в обычном состоянии отгибался на спину, при необходимости же поднимался и застегивался на крючки. Пуговицы нашивались на бортах (по 8), на обшлагах (по 3), сзади на лифе (2). Позже воротник сюртука у штаб-офицеров стал обшиваться галуном.

Офицерские знаки различных рисунков (по полкам) носились на черных или голубых лентах. У всех офицеров золотились гербы и арматура, поле у обер-офицеров было серебряное, у капитанов — серебряное с золотым ободком, у штаб-офицеров — золотое. В 1775 г. все полковые гербы были заменены на государственные.

Для вязки шарфов использовались золотые и черные шелковые нити; повсеместно шарф повязывался на поясе.

В «Полковом учреждении» А. В. Суворова дается сезонное расписание форм одежды: «С 1 апреля португези по камзолу, у кафтанов застегнуты лацканы, а отворочены от лацканов по две петли вверх, с 15 апреля у кафтанов лацканы расстегнуты, а только вверх застегнуты первые два крючка, и в белых штанах; с 1 мая по 15 августа в камзолах и в белых штанах. С 15 августа до 1 сентября кафтаны надеты, лацканы расстегнуты и грудь на двух крючках. С 15 сентября в красных штанах. Лацканы застегнуты и края на две пуговицы отворочены. А с 1 сентября португези по кафтану» [12, с. 98].

Свернутые изнанкой внутрь епанчи носились через левое плечо либо, будучи скатанные в компактный цилиндр и стянутые по двум краям ремнями, надевались на ремне через правое плечо.

Солдат должен был иметь массу принадлежностей для ухода за собой и за обмундированием. Для поддержания прически необходим был гребень, кусок свечного сала с воском (вакс-по-мада), пудра с кисточкой в мешочке и большие иголки с нитками для буклей, еще одна гребенка и «ступочка» фабры; каждому полагалось полфунта мыла. Кроме того, солдат имел при себе несколько иголок и нитки; кусок воска для натирания крышки патронной сумы; сумочку с шилами, кусок смолы, лоскут кожи для починки, щетку и ступку ваксы для чистки обуви;

ножик, полфунта мела, четверть фунта клея, свиной зуб и щетинную щетку для чистки и натирания ремней; мешочек мелкого песка, суконный лоскут, кусок глины и щеточку для чистки железных и медных предметов.

Рисунок расшивки на музыкантских мундирах сохранился с елизаветинских времен; лишь позднее цветным галуном у барабанщиков и «флейщиков» стали обшиваться только воротники, лацканы и обшлага; мундиры полковых музыкантов обшивались еще и по швам. В хорах полковой музыки мундиры могли иметь обратный цвет.

Нестроевые в офицерских чинах одевались подобно строевым офицерам, но на их шляпах не было галунной обшивки. Нестроевые унтер-офицеры имели обмундирование, сходное со строевыми сержантами, но с зелеными воротником, лацканами и обшлагами. Остальные нестроевые (кроме профосов и погонщиков) при такой же форме не обшивали галуном шляпу и мундир; при этом они всегда носили сапоги (кроме писарей). Погонщики и профосы отличались васильковым цветом картуза с двумя отворотами, камзола (вместо мундира), штанов и епанчи с рукавами.

Обмундирование чинов гренадерских полков соответствовало мушкетерским полкам; на всех предметах снаряжения полковые гербы заменялись на государственные гербы; все офицеры носили шляпы. В 1775 г. 1-й Гренадерский полк, названный Лейб-гренадерским, был удостоен коллективной награды — белых полотняных штиблет гвардейского образца, а спустя три года и еще одного отличия — аксельбанта на правое плечо длиной около 1/2 аршина. Аксельбанты были желтые нитяные у нижних чинов и золотые у офицеров.

Униформа, вводимая для чинов организуемых в полках егерских команд, была достаточно удобна и по многим параметрам, несомненно, соответствовала требованиям, предъявляемым практикой действий легких войск. Неудобная шляпа с широкими полями была заменена черным поярковым картузом с двумя отворотами, обшитыми по наружному краю зеленой зубчатой тесьмой. Отвороты по внутреннему краю и тулья обшивались зеленым сукном; слева крепился белый бант с зеленой петлицей и медной пуговицей и белый султанчик.

По традиции егеря получили так называемое «венгерское платье», характерное для подобного рода формирований европейских армий. Мундир был заменен на постоянно носимый зеленый камзол с воротником, застегивающийся на 10 пуговиц (кроме того, по 3 пуговицы пришивалось под клапанами карманов, 4 — сзади и 1 — на левом плече). На каждом борту было по 10 черных гарусных нашивок,

заканчивающихся с внешней стороны узлом; нашивки у края левого борта заканчивались петлями для пуговиц. Черным шнуром обшивались обшлага рукавов и зеленые штаны «кроатского покроя», заправляющиеся в голенища невысоких круглоносых сапог с фигурным краем. На левом плече камзола крепился полковой погон; галстук был черный с белой каймой, манжеты белые. Вместо епанчи егеря носили гораздо более удобную зеленую шинель с рукавами, отложным воротником и хлястиком. На груди шинель застегивалась на 9 пуговиц, еще одна пуговица нашивалась на хлястике.

Амунития егерей изготовлялась из черной кожи; портупья, барабанная перевязь, ранец и фляга были подобны мушкетерским. Вместо патронной сумы использовался носимый на поясе патронташ («патронный пояс») с карманчиками для 40 патронов, закрытыми крышечкой.

Камзолы егерских барабанщиков обшивались шерстяным галуном, цвет которого выбирал полковой командир, по борту, по краю воротника, по швам рукава, по краям пол и карманных клапанов.

2 унтер-офицера егерской команды во всех случаях (кроме нахождения в лагере) носили обычный полковой мундир, лишь черная портупья, патронташ и шинель вместо епанчи говорили о их принадлежности к егерям. В лагере они надевали камзолы и штаны, построенные из «полковой экономии» [39, с. 109]. На егерских камзолах унтер-офицеров золотым галуном обшивался край воротника и обшлага. Офицеры носили полковой мундир.

Сержанты и каптенармусы вооружались пехотными шпагами и ружьями со штыком, капралы и егеря — ружьями (штыки от которых носились в ножнах на портупее), барабанщики — шпагами. Для егерей в 1765 г. были введены укороченные ружья с плоскими штыками.

В сформированных егерских батальонах форма изменилась лишь незначительно. На офицерских мундирах красный прикладной цвет был заменен зеленым, зеленой стала и епанча; офицерам-егерям не полагалось носить знаки и шарфы. Погон в батальоне был единообразный. У унтер-офицеров осталась только егерская форма (с картузом). Рядовые, капралы и унтер-офицеры для ближнего боя имели пистолет, подвешиваемый на портупее. Лекари, подлекари и погонщики носили такой же мундир, что и соответствующие чины мушкетерских полков. Цирюльники, слесари, кузнецы и ложники одевались подобно егерям, но на вооружении имели лишь мушкетерскую шпагу. Остальные нестроевые имели егерский сержантский мундир, но с мушкетерской шпагой и тростью.

В полевых батальонах было принято мушкетерское обмундирование (для мушкетерских рот).

Мушкетерские роты легких полевых команд отличались от пехотных полков только некоторыми деталями обмундирования. На мундире без лацканов красными оставались лишь воротник и обшлага; красная обшивка также шла по борту и краям пол. Патронная сума несла на себе номер команды. В егерских командах униформа соответствовала форме егерей армейских полков, только на штанах несколько отличался рисунок черной выкладки, да вместо штыка использовался кортик.

Наконец, остановимся на обмундировании пехотных батальонов и команд легионов.

Гренадеры Санкт-Петербургского легиона носили черную пумповую шапку с обшитыми медвежьим мехом околышем и налобником. На налобнике помещалась луженая бляха с изображением герба Санкт-Петербурга, сзади на тулье — бляха в виде «гренады»; тулья венчалась луженым медным украшением. К вершине налобника крепилась белая кисть.

Мушкетеры вместо шляп носили картуз, похожий на егерский, но с отворотами, покрытыми тюленьей кожей и обложенными по краю латунью. Украшением картуза служили перекрещенные якоря — морской и речной, являющиеся основными элементами герба Санкт-Петербурга.

Мундир был подобен мушкетерскому, но обшлага делались мыском, карманы были продольные, а пуговицы оформлялись шерстяной тесьмой. Красный камзол имел зеленый воротник-стойку и обшлага, как на мундире; штаны егерского образца шились из красного сукна и заправлялись в егерские же сапоги; епанча была зеленой. Прическа, галстуки (красный и черный), манжеты, португепя, патронная сума с перевязью соответствовали вещам мушкетерских полков, но крышка сумы украшалась латунным гербом северной столицы; изображение герба помещалось и на латунном барабане.

Офицеры носили шляпу, мундир с обшлагами мыском и продольными карманными клапанами, сапоги и саблю вместо шпаги.

Сроки службы вещей стали более унифицированными. Все металлические вещи (в том числе ружья, шпаги, барабаны) должны были содержаться при полках 20 лет, большая часть кожаных вещей — 8 лет, перевязи к сумам и португепеи — 6 лет. Пистолеты служили 30 лет, знамена — 10, чехлы к знаменам — 5, фурыерские значки — 12 лет. Кафтаны, камзолы, штаны, гренадерские шапки, шляпы полагалось менять через 2 года, епанчи — через 4 года. Галстуки, сапоги, башмаки, рубахи и порты по-прежнему выдавались на год.

Егеря отличались от своих коллег из пехотных полков картузом (как у легионных мушкетеров) с белой обшивкой и кортиком, носимым всеми вместо штыка.

Московский легион при схожести формы имел ряд отличий от Санкт-Петербургского. Тулья гренадерских шапок была плоской, а все украшения заменялись желтым шнуром и кистями. На налобнике мушкетерского картуза крепилось изображение букв «М» и «Л»; край обкладывался латунными полосками: гладкой снаружи и зубчатой ближе к центру. Верх тульи украшался латунным перекрестием с выпуклым центром.

На мундире отсутствовали лацканы, а карманные клапана были продольные. Края бортов, воротника, обшлагов (мыском) обшивались желто-черным шнуром; из того же шнура делались петли при каждой пуговице. Десять петель на правом борте заканчивались пуговицами, застегивающимися на десять петель левого борта; роль основной застежки выполняли металлические крючки и петли. На красных штанах делалась выкладка из желто-черного шнура, шнуром обшивались и края сапог. На барабане выбивалось изображение московского герба, как и на бляхах патронных сум.

Егеря носили черные картузы, обшитые по тулье и по внутренней поверхности отворотов зеленым сукном, а по краю переднего отворота — зубчатой зеленой тесьмой. Вся обшивка кафтана, камзола и штанов выполнялась из желто-черного шнура.

Таким образом, очевидно, что обмундирование екатерининской армии в первые 20 лет правления было достаточно неудобным и дорогим. К тому же постоянно усиливающаяся пара-домания заставляла солдат уделять все больше времени своему внешнему виду, постоянно ослабляя боевую подготовку. К концу 70-х гг. многие современники отмечали уже чрезмерную требовательность начальников к униформе подчиненных. С. А. Тучков писал в своих заметках; «...излишнее щегольство, выправка и стягивание солдат доведены были до крайности... Красивая гренадерская шапка и мушкетерская шляпа были только для виду, а не для пользы. Они были высоки, но так узки, что едва держались на голове. Приклады (ружей. — Авт.) были выдолблены и положено было в оные несколько стекла и звучащих черепков; а сие для того, что при исполнении разных ружейных приемов, чем больше всего тогда занимались, каждый удар производил звук» [51, с. 5]. Это же подтверждал и другой очевидец: «Люди отменно хороши, ...но везде стянуты и задавлены, так что естественных нужд, отправлять солдат не может: ни стоять, ни ходить, ни сидеть покойно ему нельзя. Тесак, как огонь горит; но полоса заржавела вместе с ножнами. Ружье, как зеркало, чисто, но не может целко выстрелить от уродливой ложи» [51, с. 5, 6].

Ставший в 1774 гг. президентом Военной коллегии светлейший князь Г. А. Потемкин в начале 80-х гг. уделил пристальное внимание вопросам обмундирования и снаряжения армии. После целого ряда консультаций с отечественными и иностранными деятелями он утвердил новые образцы униформы, амуниции и вооружения, которые по ряду признаков стояли намного выше уровня военного снаряжения большинства европейских армий.

Уже в 1783 гг. в представленном императрице «Мнении об обмундировании кавалерии» Г. А. Потемкин сформулировал свои основные взгляды на эту проблему. В первую очередь, предлагалось избавиться от обременяющей солдата прически с буклями, косой и пудрой. По свидетельству князя, уход за прической требовал не менее 6 часов перед караулом и до 12 часов перед полковым строем; при этом солдаты вынуждены были не спать всю ночь. Для покупки же всех необходимых парикмахерских принадлежностей нижние чины тратили собственные деньги — не менее 1 руб. 5 коп. в год. «Завиваться, пудриться, плести косы, солдатское ли сие дело? — писал Г. А. Потемкин. — У них камердинеров нет».

Шляпа, по его мнению, была «убором негодным»: «...она головы не прикрывает и, торча концами во все стороны, озабочивает навсегда солдата опасностью, чтоб ее не измять, ...да и не закрывает также от морозу ушей».

Предлагая ввести вместо шляпы каску, Г. А. Потемкин обосновывал это и тем, что каска «вид дает пригожий солдату, и есть наряд военный характеристический».

Г. А. Потемкин требовал отказаться и от пехотной шпаги, так как «...для пехотного шпага лишняя тягость: оружие неудобопотребительное».

Делясь своими замыслами, князь писал, что солдату нужно дать «все, что может служить к сохранению здоровья и к защите от непогоды... Армия Российская, извлеченная из муки, не престанет возносить молитвы. Солдат будет здоровее и, лишась щегольских оков, конечно поворотливее и храбрее» [34, с. 364—367].

Новый комплект обмундирования окончательно сложился к 1786 г., хотя отдельные его элементы появлялись в полках и раньше. Основными составляющими этого комплекта стали каска, кафтан, штаны и сапоги.

Поярковая каска имела круглую тулью с вертикально стоящим налобником — козырем и фигурно вырезанным козырьком, обшитым по краю черной кожей. У основания налобника крепилась металлическая или кожаная бляха, расширяющаяся спереди; по краю налобника шел плюмаж из шерстяных ниток. Тулья имела суконный околыш. Сзади пришивались две суконные лопасти, обшитые черной тесьмой. Подбородный ремень из черной кожи застегивался слева на латунную пуговицу. В холодную погоду лопасти закрывали уши солдата, пристегиваясь к пуговицам на лацканах.

Кафтан существенно отличался от прежнего мундира лишь длиной. Он имел короткие полы, отгибавшиеся вверх, отложной воротник, лацканы и разрезные обшлага. Ниже лифа полы разрезались, с каждой стороны закладывались прошитые складки. Пуговицы пришивались на лацканах (по 7), на обшлагах (по 2), выше обшлагов (по 2), на лифе (2) и на левом плече (1). Застегивался мундир на 10 пар крючков и петель. Под кафтаном мог носиться короткий камзольчик, скорее всего, без рукавов и воротника, на изготовление которого шли выслужившие срок кафтаны и епанчи. Цвет камзольчика и его покрой не оговаривались.

Суконные шаровары ниже колен обшивались кожей и застегивались с каждой стороны на 7 пуговиц; перед каблуком сапога проходил кожаный ремешок (штрипка).

Летом солдаты надевали полотняные кителя и штаны с обтяжными пуговицами. Покрой кителя чаще всего повторял покрой кафтана (хотя есть изображение кителя без пол), а штаны были очень свободные и имели козырьки, прикрывающие носок сапога.

Черный галстук с белой обшивкой по краю, манишка и белые манжеты остались прежними.

Вместо высоких сапог и башмаков нижние чины получили круглоносые смазные сапоги с низким каблуком и невысокими голенищами.

Для нижних чинов также вводилась упрощенная прическа «в скобку»: волосы по бокам и сзади обстригались на одинаковую длину (до половины уха). Из употребления, наконец, выводилась пудра и прививающиеся косы. Офицеры продолжали носить прически прежних образцов, с пудрой и косами.

Рассмотрим теперь отличия в обмундировании и снаряжении разных видов пехоты.

Мушкетеры и гренадеры носили черные каски с красным околышем, имевшим желтую выпушку или обшивавшимся по краю желтым шнуром или тесьмой. Гребень-плюмаж был желтый, а у гренадеров белый. Бляха на налобнике делалась из латуни; у гренадеров она была шире и украшалась изображением вензеля императрицы под короной в окружении двух лавровых ветвей. Слева к тулье крепился белый бант и султанчик из перьев или шерстяной нитки.

Мундир из зеленого сукна светлого оттенка имел красные воротник, лацканы, обшлага, обшивку отворотов пол и выпушки сзади (в разрезе и в складках). Шаровары были красные и по наружным швам обшивались желтыми полосами, вырезанными круглыми городками. Кожаная обшивка спереди имела фигурный вырез и обкладывалась по краю белой тесьмой. Епанча теперь делалась из белого сукна, пуговица на ней стала обтягиваться материей.

Для рядовых мушкетеров из вооружения было оставлено лишь ружье со штыком. Штык носился в черных кожаных ножнах в лопасти портупей. Крышка патронной сумы украшалась круглой латунной бляхой с изображением малого государственного герба — двуглавого орла без щита на груди. Такая же бляха помещалась и на подсумке фурыера, который носился спереди на портупее (только в конном строю).

Все унтер-офицеры и гренадеры мушкетерских полков, помимо штыка, продолжали носить шпаги с тесачными клинками и с белыми темляками. Фурыеры в конном строю снабжались парой пистолетов.

В пешем строю фурыеры, капралы, каптенармусы и сержанты постоянно имели такое же снаряжение, как и рядовые, отличаясь лишь ношением унтер-офицерской трости (кроме капралов).

Портупея и перевязь по-прежнему белились. Прежними оставались фляга и ранец (только количество пряжек увеличилось до пяти).

Кафтаны музыкантов обшивались белой тесьмой по швам рукавов и поперек рукавов в 5 рядов, по краям обшлагов, лацканов и отворотов фалд, на лацканах у пуговиц нашивались белые кисти. У полковых барабанщиков и музыкантов полкового оркестра расшивка была богаче: тесьмой обшивались все швы кафтана, на лацканах, обшлагах и над обшлагами пуговицы оформлялись двойными петлями. Вооружались музыканты тесаками с белыми темляками.

Форма офицеров изменилась незначительно: чуть выше стала шляпа без обшивки, цвет штанов изменился на белый, были выведены из употребления штиблеты, галстук стал белый, шпага была заменена на саблю.

У чинов артиллерийской команды, вооруженных тесаками, приборный цвет был черный.

Нестроевые офицерского чина отличались от строевых офицеров лишь отсутствием знаков и шарфов, а также шпагой с прямым клинком. Остальные нестроевые носили мундиры строевых нижних чинов, но вместо каски им был присвоен красный картуз, кафтан был полностью зеленый, а вооружались они тесаками. У провиантмейстера, обозного, надзирателя над больными и полкового писаря были сержантские знаки отличия. Обмундирование профоса и извозчика делалось из сукна василькового цвета.

Нижние чины гренадерских полков вооружались саблями с медными эфесами, белыми темляками и черными ножнами, подвешивающимися к портупее на двух ремнях или носящимися в лопасти портупей. Штык полагалось носить всегда примкнутым, но зачастую он затыкался за портупею.

Лейб-гренадерам сохранили желтый аксельбант, причем концы петель теперь зацеплялись за пуговицы на лацканах.

Спустя два года после введения новой формы оказалось, что обмундирование офицеров слишком выделяется в строю и привлекает внимание вражеских стрелков. Кроме того, Г. А. Потемкин хотел полностью перевести армию на полюбившийся ему образец мундира. Поэтому в 1788 г. офицеры потемкинской армии вынуждены были перейти (хотя бы на время нахождения в карауле и в полковом строю) на новый комплект обмундирования.

Офицерские каски были без лопастей, околыш обшивался толстым золотым галуном, а края козырька — узким. Бляха была шире, чем у рядовых, вызолочена и несла изображение выпуклого вензеля. На панталонах отсутствовала кожаная обшивка.

Нельзя сказать, что офицеры с восторгом приняли новое удобное обмундирование. Об их прежней униформе заботились, как правило, денщики, следовательно, ее ношение не доставляло офицерам особых хлопот. В то же время короткие куртки и штаны на выпуск совершенно не соответствовали господствующей моде. Лишь малоимущие офицеры оценили недорогую и неприхотливую одежду. Остальных же Г. А. Потемкину приходилось увлекать своим примером, устанавливая в подчиненных ему войсках собственную моду. По рассказам очевидцев, еще до 1788 г. Г. А. Потемкин «...приказал сделать себе... мундир из солдатского сукна, дабы своим примером подать недостаточным офицерам средства издержать из малого своего жалования на покупку тонкого сукна... Почему в угождение его все генералы сделали таковые мундиры. Итак, хотя приказа и не было, но почти все штаб и обер-офицеры с удовольствием во всю войну одевались в куртки толстого сукна, как солдаты...» [44, с. 272—273].

В сформированном в 1790 г. Гренадерском полку легкой пехоты офицеры носили небольшие серебряные знаки.

Чины полевых батальонов имели обмундирование, сходное с формой соответствующих чинов пехотных полков.

Егеря, получив новую форму, сохранили основные защитные цвета — зеленый и черный. Егерская каска имела зеленые лопасти с черными кистями и обшивкой, зеленый околыш с черными выпушками, черный гребень и выкрашенную в зеленый цвет бляху из белой жести с вензелем. На полностью зеленом кафтане лишь выпушка была черной. Штаны были зеленые с черной обшивкой. Оставлена была и прежняя зеленая шинель.

Трубачи отличались расшивкой белой тесьмой на кафтане.

Офицеры сохранили прежний зеленый кафтан с длинными фалдами, но теперь по краю воротника, обшлагов, лацканов, карманных клапанов и пол шла красная выпушка, как и по борту и по низу камзола. Офицерская каска отличалась от каски нижних чинов золотым галуном на околыше.

С 1787 г. офицерам был присвоен серебряный офицерский нагрудный знак меньшего, нежели в линейной пехоте, размера. У штаб-офицеров по краю знака шел золотой ободок. Тогда же офицеры егерских корпусов получили установленные образцы погон (эполетов) с золотым или серебряным полем и бахромой и с продольными полосками зеленого, синего или голубого цвета. Количество полосок соответствовало номеру батальона в корпусе. С 1788 г. егеря-офицеры в строю и в карауле носили кафтаны, схожие с солдатскими.

Нестроевые имели егерское обмундирование, но с заменой каски на зеленый картуз. Профосы и извозчики не отличались от мушкетерских.

Введение новой формы, не подкрепленное строгим контролем за выполнением приказов и не обеспеченное в достаточной мере промышленными поставками, привело к чрезмерной пестроте мундиров в войсках. Даже в полках южных армий распоряжения часто не выполнялись. Например, в Малороссийском гренадерском полку, шефом которого был П. А. Румянцев, солдаты вплоть до 1795 г. продолжали носить напудренные прически с косами, ибо фельдмаршал, как это ни странно, был большим поклонником прусской формы. Этот же полк имел вместо положенных касок меховые гренадерские шапки «французского образца». В полках же, не подчиненных Г. А. Потемкину, изобретательность полковых командиров была неистощима. Киевский пехотный полк имел обмундирование из тонкого сукна, в Козловском полку солдаты носили егерские «узкие шаровары, полусапожки со шнурками, короткие куртки, вышитые жабо и галстуки с черно-белыми бантами». На шапках гренадеров командир этого полка Иван Бибииков «приказал поместить свой герб вместо вензелевого изображения имени императрицы...» [32, кн. LXXXIII, с. 146—164].

Но и установленные предметы обмундирования часто делались с отступлениями от образцов; особенно в этом плане отличались каски. Так, гребень на ряде касок изготавливался из меха или из перьев; цвет его мог быть желтым, черным, белым или красным. Гребня, а иногда и налобника могло не быть вообще. Лопасты (одна, две или три) зачастую обшивались по краю и по центру цветной тесьмой, часто менялись цвет и форма султанчика, оформление латунных блях околыш шапки мог обшиваться мехом.

Каски зачастую изготавливались из мушкетерских шляп: поля шляп обрезались по бокам и сзади, а спереди вырезался козырь (кстати, в легкой пехоте шляпы переделывались подобным образом еще в конце 60-х—начале 70-х гг.). Налобник гренадерских касок мог делаться из штампованной кожи, покрашенной сверху.

Кафтаны были более однообразны, но и здесь существовали различия: выше обшлагов пуговиц могло не быть, по-разному делалась обшивка отворотов фалд. Менялась форма суконной выкладки по швам штанов и форма выреза кожаной обшивки. На поясе мог повязываться кушак, за который затыкался штык.

Но самые большие вольности допускались в обмундировании музыкантов и офицеров. По воспоминаниям графа А. Ф. Ланже-рона, мундиры музыкантов, число которых достигало иногда 200, расшивались золотом и серебром. Рисунок расшивки кафтанов у музыкантов менялся от полка к полку.

Об офицерах А. Ф. Ланжерон писал: «Ни в какой службе офицер не подчинен менее точности формы, как в России. Ни покрой, ни цвет, ни форма одежды не сходны между собой. Не только каждый полк, но даже и каждый в нем офицер придерживается своего правила; офицеры безразлично носят длинные или короткие мундиры, белые или цветные жилеты, вышитые галстуки, шаровары всевозможных цветов, шапки или шляпы, и в таком виде являются к своим начальникам и даже часто в главную квартиру. Они очень дорожат этим разнообразием; особенный же образец изящества для русского офицера составляет круглая шляпа а l'anglaise, которую они носят по преимуществу» [32, кн. LXXXIII, с. 147].

Мундиры гвардейских полков мало изменились с елизаветинских времен, зато, пожалуй, лишь в немногих армейских полках царил такой разноразличный обмундирования и снаряжения, как в гвардии.

Несколько раз менялись образцы гренадерских шапок и цвета пучка перьев на них. Изначально гренадеры носили шапки с позолоченными бляхой на переднем козырьке, бляхой на налобнике, отделкой тульи и с «огоньками» наверху тульи. Офицеры имели шапки с двуглавым орлом на бляхе, покрытым черной эмалью. Следующим образцом стали шапки без «огоньков» и с непозолоченными бляхами. В 1-й гренадерской роте Преображенского полка последовательно сменялись шапки Лейб-кампании, офицерские шапки с черными орлами, шапки с огоньками и шапки с серебряными позолоченными гербами (такие же получили в 80-х гг. и офицеры других гренадерских рот). Кроме того, «уборные» сержанты этой роты имели и кавалергардские шишаки «в серебряном и позолоченном приборе с запряжниками серебряными» [9, л. 5].

Налобники шапок в двух других полках отличались по виду от Преображенских (у семеновцев — прорезные, у измайловцев — прорезные несколько иной формы с орлом, покрытым финифтью).

Пук перьев на офицерских шапках по-прежнему был белый, а у нижних чинов отличался цветом по полкам. Так, в Преображенском полку он был сначала красно-белый, а с конца 80-х красно-бело-желто-черный; в Семеновском — сине-желтый, позже — бело-желто-черно-голубой; в Измайловском — черно-красный, затем — бело-желто-черно-зеленый.

Гвардейские шляпы украшались желтой зубчатой тесьмой у рядовых и капралов и золотым галуном у унтер-офицеров и офицеров. У нижних чинов цвета боковых кистей и султанчика различались по полкам: преображенцы имели красные кисти и султанчик, семеновцы — желтые кисти и белый султанчик, измайловцы зеленые кисти и черно (верх)-красно-белый султанчик.

В конце 80-х гг. шляпы стали выше, их поверхность лакировалась, исчезла обшивка шляп рядовых, султанчики во всех полках стали белыми, а цвет боковых кистей изменился в Семеновском полку на голубой.

У гвардейцев сохранились мундиры без лацканов, отличающиеся цветом воротника по полкам: в Преображенском полку воротник был красный, в Семеновском — светло-синий, в Измайловском — зеленый; в двух последних с 1786 г. появилась красная выпушка по краю воротника. В этом же году воротник на мундирах стал выше, а сам мундир уже, чем прежде; несколько уменьшилась длина красного двубортного камзола с зеленым воротником и обшлагами, красные штаны были заменены на белые, черные штiblеты — также на белые.

На левом плече мундира нижние чины носили погон с бахромой и вензелем Екатерины: в Преображенском полку погон был белый, вензель — желтый или красный, в Семеновском полку погон желтый, вензель синий, в Измайловском — погон желтый, вензель зеленый.

Офицерский мундир и камзол (однобортный) оставались зелеными, штаны к концу 70-х гг. стали белыми. Золотым галуном обшивались борта, воротник, разрезные обшлага и карманные клапаны офицерского мундира, а также борта, воротник, карманные клапаны и нижний край камзола.

Офицеры-гренадеры носили погон из переплетенных или непереплетенных золотых шнуров. Погоны могли быть и на двух плечах, во всяком случае, в 80-х гг. гренадерские офицеры носили два погона: один (на левом плече) поддерживал перевязь патронной сумы, а другой — шарф, надеваемый через правое плечо. Кстати, манера ношения шарфа через плечо сохранялась в гвардии вплоть до царствования Павла I.

Рисунок офицерского знака гвардии оставался прежним: Андреевский крест под короной в окружении двух лавровых ветвей и надпись «1770 № 19» (в двух «старших» полках); носился знак на голубых лентах. У штаб-офицеров на золотом с серебряным крестом знаке памятная надпись и ветви отсутствовали.

Шарфы были золотые с черным шелком. Каждый офицер имел, как минимум, два шарфа — «новый» и «средний»; часто использовался и третий — «худший» (старый).

Галстуки были двух видов: парадные белые и повседневные черные. В гвардии носили офицерские сюртуки, подобные армейским, и епанчи.

По-прежнему вооружение и снаряжение гвардии отличались от армейских. Гренадерские офицеры имели шпаги и ружья меньшего, чем у рядовых, калибра. В гренадерской офицерской суме, на крышке которой золоченая бляха несла изображение герба, носились патроны; перевязь сумы по темной поверхности вышивалась «блестками», причем геометрический узор дополнялся изображениями двуглавых орлов. На подобным же образом (но без орлов) вышитой португее позолоченная пряжка украшалась таким же орлом. Португея такого типа, по-видимому, была и у мушкетерских офицеров, которые в строю носили эспонтонны с вензелем императрицы.

Большая часть мушкетерских унтер-офицеров вооружалась алебардами на черных древках, хотя в полках и не было необходимого количества алебард. Остальные строевые нижние чины носили ружья и • (кроме каптенармуса) патронные сумы на перевязях, причем у гренадеров до начала 80-х гг. на перевязи крепилась фитильная трубка. Круглые бляхи «с гербами» на крышках сум различались размером у гренадеров и мушкетеров. Каптенармусы, как и в прежние времена, должны были иметь по две сумы без украшений, но и каптенармусские сумы не всегда имелись в наличии. На португейных пряжках нижних чинов вырезался императорский вензель. До начала 80-х гг. гренадерские унтер-офицеры снабжались подсумками, затем обыкновенными сумами.

Нижние чины бомбардирской роты и артиллерийских команд отличались от мушкетеров черной обшивкой краев воротника и обшлагов; в бомбардирской роте шляпы обшивались золотым галуном, а боковые кисти были черно-красные.

Чрезвычайно пестрыми были мундиры музыкантов. В Преображенском полку полковой барабанщик и музыканты «гобоист-ской команды» в торжественных случаях носили алые кафтаны с зеленой отделкой, зеленые (позже белые) камзолы и красные (позже белые) штаны. Кафтаны и камзолы обшивались золотым галуном (или расшивались золотом), галун шел и по краю шляпы. У музыкантов шляпы обкладывались серебряным галуном и имели плюмаж из

красных и белых перьев и белый султанчик. Повседневный музыкантский мундир шился из палевого (желтого) сукна и украшался серебряным позументом (позднее белым басоном); шляпа без плюмажа, помимо серебряного позумента, отличалась и желтым султанчиком [7 (л. 7), 8 (л. 55)]. Барабанщики носили обмундирование нижних чинов своих рот, но их кафтан имел красные наплечники и расшивался желтой тесьмой. «Флейщики» в строю надевали лишь камзол, также расшитый желтой тесьмой.

В Семеновском полку полковой барабанщик имел сержантское обмундирование. Музыканты носили зеленый мундир с синим воротником и наплечниками, расшитые золотым галуном, как и красные камзолы и шляпы с красно-желтым плюмажем. Барабанщики и «флейщики», напротив, отличались красным цветом мундира и зелеными камзолом и (до 1786 г.) штанами. Воротник, лацканы и обшлага мундира были зеленые, наплечники — синие, расшивка — белая.

Полковой барабанщик и музыканты Измайловского полка носили шляпу, мундир и камзол нижних чинов, украшенные золотым галуном. Шляпы музыкантов имели красно-желтые плюмажи. Мундиры барабанщиков и «флейщиков» расшивались желтой тесьмой и имели красные наплечники.

Нестроевые, исключая погонщиков, отличались от мушкетеров зеленым воротником и обшлагами кафтана и шляпой без тесьмы. Погонщики по какой-то непонятной прихоти получили отличное от других чинов обмундирование, разное во всех трех полках.

Егерские команды носили армейскую егерскую униформу с целым рядом изменений. Картуз обшивался желтой тесьмой; султан в Преображенском и Измайловском полках был красно-черный, в Семеновском — желтый. По полкам различались отделка камзола и штанов, а также украшения подсумка, носимого вместо патронташа. Офицеры (без офицерских знаков) вместо штиблетов носили белые чулки и сапоги. В 1786 г. обмундирование егерей изменилось, причем различия между полками стали еще заметней. В Преображенском полку егеря носили высокие цилиндрические кожаные шапки с зелеными отделкой и этишкетом (плетеным подвесным украшением), короткие (до пояса) зеленые куртки с лацканами и разрезными обшлагами и с красной выпушкой и зеленые с красной отделкой штаны образца армейской пехоты.

Семеновская команда получила оригинальную зеленую шапку типа польской «конфедератки» с квадратным верхом, с околышем из черного меха, с белым бантом и с черным султанчиком. Кафтан походил на кафтан линейной пехоты, но был полностью зеленый с красной выпушкой и

без обшлагов; под кафтаном носился зеленый однобортный камзол. Низ штанов был кожаный, с обкладкой из красного шнура.

Шапки егерей-измайловцев по виду напоминали армейскую каску; плюмаж делался из зеленых перьев. Штаны были такие же, как у преображенцев, куртка — несколько длиннее, зеленая с красными выпушками.

Единственные во всей гвардии, нижние чины егерских команд сменили прическу. Снаряжение осталось прежним, лишь на штыке появился темляк. Униформа офицеров изменилась незначительно: самым заметным была смена зеленых штанов на белые.

В 1764 г. новую форму получили пехотные генералы. Парадный мундир (зеленый с красными воротником, обшлагами и подкладкой) имел особое генеральское шитье в виде дубовых листьев. Сочетание «широкого» (шириной в вершок) и «узкого» (полвершка) шитья на воротнике, обшлагах, карманных клапанах и по краям борта и разрезов фалд говорило о чине владельца (бригадир, генерал-майор, генерал-поручик, генерал-аншеф). У генерал-фельдмаршала, помимо упомянутой расшивки, широкое шитье шло по всем швам мундира. Шитьем украшался и красный камзол без рукавов. На повседневном мундире (зеленом с красными воротником, обшлагами, лацканами и подкладкой) чин определялся лишь количеством пуговиц на обшлагах (1 — у бригадира и генерал-майора, 2 — у генерал-поручика, 3 — у генерал-аншефа и 4 — у генерал-фельдмаршала). Шляпа имела золотые зубчатую обшивку, петлицу и пуговицу и белые плюмаж и бант. Генералы носили красные штаны и черные сапоги с небольшими растресками, привязными шпорами и белыми шти-бель-манжетами. Кисти шарфов и темляков делались из золотой канители. Золотой бахромой украшались белые кожаные перчатки. Генеральские сюртуки отличались шитьем на обшлагах (по чину).

В 80-х гг. дополнительно была введена повседневная шляпа без обшивки и золотой аксельбант на правом плече (в армии кн. Г. А. Потемкина с 1787 г. — только на повседневном мундире). Штаны стали белыми. На сапогах исчезли штибель-манжеты, а на повседневных мундирах — лацканы.

* * *

После июльского переворота 1762 г. императрица Екатерина II на короткий промежуток времени прервала традицию выдачи новых гвардейских знамен. Было отдано распоряжение заменить на знаменах лишь вензель Петра III на вензель Екатерины II [50, т. 2, с. 58]. Но в следующем году гвардейцы получили новые знамена по количеству рот в каждом полку. Преображенцы получили 17 знамен, а семеновцы и измайловцы — по 13, в том числе и на гренадерские роты. Размеры

полотнищ были следующие: по древку — 1 аршин 14 вершков, в длину — 2 аршина. Полковые знамена, как и прежде, оставались белые, а вот цвет ротных знамен стал черным. По центру знамени вшивался оранжевый круг с изображением двуглавого орла. Орел вышивался шелком и золотом, вышивался и серебряный щит с голубым Андреевским крестом. Контраст центральной композиции придавали шитые зеленым шелком ветви лавра. По краю полотнище обшивалось золотой бахромой и украшалось золотыми и зелеными переплетенными ветвями. По углам на лучи накладывались шитые золотом императорские вензели. Цвет углов отличался по полкам (красный, синий или зеленый). Дротики с вензелями императрицы у всех знамен были вызолоченные, шнуры и кисти золотые.

В 1763 г., впервые со времен Анны Иоанновны, последовало изменение образцов знамен для армейских полков. По представлению Военной комиссии, «...что прежде полковым знаменам неперменных цветов положено не было..., положить знаменам особые цвета по дивизиям для различия одной от другой, кроме белых, которым по одному в каждом полку останется...» Цвета знамен и наугольников в дивизиях были следующие: в Лифляндской — зеленые и красные, в Эстляндской — малиновые и белые, в Смоленской — пунцовые и черные, в Санкт-Петербургской — алые и зеленые, в Финляндской — померанцевые и зеленые, в Московской — синие и красные, в Севской — голубые и белые.

Во всех гренадерских полках на желтых знаменах наугольники были черные.

Полковое знамя отличалось от цветных лишь белым полотнищем. На белых знаменах наугольники были того же цвета, что и на цветных знаменах полка. Древки 4-аршинной длины красились красной краской.

Всего на каждый гренадерский и мушкетерский полк полагалось по 4 знамени (по 2 на батальон). Срок службы знамен определялся в 5 лет.

По рисунку знамена гренадерских полков отличались от мушкетерских. По центру полотнища располагался черный парящий двуглавый орел под тремя золотыми коронами. Орла окружали зеленые пальмовые ветви и воинская арматура в виде знамен, барабанов, литавр и пушек. Под императорской короной на ленте розового цвета нашивалось название гренадерского полка.

У мушкетерских полков знамена, помимо цвета, отличались еще и рисунком. Так, у мушкетерских полков, имевших собственный герб, на белом знамени помещался двуглавый орел с накладным полковым гербом, окруженным цепью ордена Андрея Первозванного. В кольцах цепи, справа налево, вписывался девиз «За веру и верность». На цветных знаменах по центру располагался полковой герб в щитке, имевший форму, утвержденную еще в 1730 г. [73, т. 2, с. 61).

У мушкетерских полков, не имевших собственных гербов, на белом знамени было двустороннее изображение. На лицевой стороне располагался орел с накладным императорским вензелем, а на обратной — вензель императрицы той же величины, но в желтом щитке образца 1730 г. На цветных знаменах щит с золотым вензелем императрицы располагался с обеих сторон.

Все знамена имели размеры: по древку — 1 аршин 14 вершков, в длину — 1 аршин 11 вершков [73, т. 2, с. 60].

Полки Украинской дивизии знамена нового образца получили год спустя. Для них было велено делать знамена красные, а наугольники — белые [73, т. 2, с. 62]. Но уже в 1766 г. полкам этой дивизии полотнища знамен изготовили из пяти полос одинаковой ширины — двух белых и трех зеленых, наугольники на них были красные. Такие же знамена были присвоены полкам Севской дивизии, включенным в состав Украинской.

При Екатерине II все знамена, за редким исключением, стали строиться комиссариатом. Отступление от введенного правила было сделано, к примеру, для Селенгинского пехотного полка по причине его удаленности от центральных губерний (полк располагался в Тобольске). Можно утверждать, что только при Екатерине был упорядочен внешний вид пехотных знамен и налажено централизованное снабжение ими полков и батальонов.

На каждый батальон Санкт-Петербургского и Московского легионов выдавалось по два знамени цвета дивизии, в которую входил легион.

В промежутке между двумя турецкими войнами, в 1780 г., для гренадерских и мушкетерских полков было решено утвердить новый образец знамени. Размеры новых знамен остались прежними, но рисунки полотнищ были сильно изменены. Для всех гренадерских и мушкетерских полков был введен единый образец, вне зависимости от принадлежности к дивизиям. Это было вызвано частыми перемещениями полков из дивизии в дивизию. Знамена имели двустороннее изображение, на лицевой стороне располагался двуглавый орел под императорской короной, на обратной стороне — золотой вензель императрицы в широком овальном ободке, под короной. Под вензелем скрещивались зеленые пальмовые и лавровые ветви, связанные и переплетенные между собой розовой лентой. Вензель и корона были окружены «сиянием» серого цвета.

У гренадерских полков на груди орла помещался московский герб в красном овале; у мушкетерских полков, имевших полковой герб, — герб в медальоне; у полков, не имевших герба, — вензель императрицы на голубом фоне. Полотнище у полков: знамен было белое, у цветных же разделялось по диагонали верхний и нижний треугольники были желтые, боковые — белые.

Древки на знаменах остались прежнего, красного цвета, и с железным плоским копьём вместо медного прорезного.

Новые знамена строились только по истечении срока службы старых, да и то с весьма длительными задержками. Так, Лейб гренадерский полк получил новые знамена (взамен старых, служивших ему с 1775 г.) лишь в 1789 г.

Порядок караульной, походной и лагерной служб в целом соответствовал Уставу 1716 г., но был несколько изменен дополнен вышедшими в 1765 г. «Дополнительными главами к Генеральному уставу о полевой службе».

При расположении в лагере батальон первой линии выставлял пикет (обер-офицер, 2 унтер-офицера, барабанщик и 50 рядовых) впереди линии, батальон второй линии — палочный караул (унтер-офицер и 18 рядовых) позади линии. Пикет делился на три смены — по 7 двойных и по 2 одиночных поста в смене. Двойные посты выставлялись по сторонам пикета у знамен, одиночные — у ружей и у палатки батальонного командира. Часовые везде, кроме как у палаток командиров, держали ружьё на плече или «под курок»; у палаток командиров — у ноги.

При смене караулов сам караул и смена выстраивались фронтом друг к другу на 16 шагах. Затем офицеры, взяв ружьё в правую руку, сходились на три шага, снимали шляпы, обменивались устными рапортами (если караулами командовали унтер-офицеры, то они брали ружьё «на караул»). После отдачи рапортов офицерами они расходились к своим отрядам, а между двумя строями сходились унтер-офицеры и капралы, которые обменивались информацией о постах, одиночных или двойных. В конце «беседы» унтер-офицеры старого караула проговаривали символическую фразу: «Буде особливых приказов нет, содержать караул бодро и осторожно, сдаче будет по смене, poste столько» [12, с. 79], после чего все поворачивались кругом и шли по местам. Унтер-офицеры смены разводили новые посты по местам, где следовала похожая процедура смены часовых обменом фразами: «Зачем пришел?» — «Вас сменить, что сдать и приказу?» — «Содержать караул бодро и осторожно, а особливо приказу и сдачи нет». Ежедневно на посту была «сдача какие-либо охраняемые вещи или деньги», то ону препоручал новому часовому. Ему же в случае необходимости передавал отданный этому посту приказ — это делалось тихим голосом так, что его слышали новый часовой и разводящий унтер-офицер. После этого унтер-офицеры препровождали сменяемых часовых к старому караулу, караул и смена менялись местами, и старый караул шел к своему подразделению.

На караулах до потемкинской реформы солдаты стояли аккуратно причёсанные с буклями и напудренные; только ночью разрешалось не пудриться. В любые дождь и слякоть в лагере можно было увидеть группы солдат, пытающихся по колено в грязи маршировать, сохраняя равновесие, — эти капралы разводили смены часовых.

Весьма торжественно проводилась церемония построения на побудку — утреннюю зарю. Барабанщики, проходя вдоль фронта батальонного лагеря, били зарю; заслышав их, все часовые громко кричали: «К заре!» Солдаты выбегали из палаток, надев на мундир тесак и епанчу (гренадеры надевали суконные колпаки вместо шапок), и строились в ротных улицах. Затем построенные роты шли на полковой «плацдарм» и выстраивали полковую линию с артиллеристами в местах, отведенных для пушек, и с офицерами перед строем. Из первой гренадерской роты выходил полковой флигельман. По барабанному сигналу все чины в строю снимали колпаки и шляпы, а караульные брали ружья в положение «на молитву»; в каждой роте специально назначенный рядовой громко читал молитву. По прочтении молитвы полковой барабанщик приказывал барабанщикам бить отбой, а весь полк надевал головные уборы, глядя на полкового флигельмана. После этого роты расходились по своим улицам, а затем по палаткам. Вслед за побудком весь лагерь занимался причёсыванием, заплетением кос, переобуванием, мытьём и приведением в порядок одежды.

Днём солдаты занимались экзерцициями, для чего роты разводились на ротные плацдармы. Учения разделялись на учения «с пальбой» и «без пальбы» и на «в бумажках» (в волосах) и в полном убранстве.

В 9 часов вечера били «сбор», по которому сменялись караулы. Приказ и пароль отдавались по особым барабанным сигналам, услышав который, к знаменам собирались старшие сержанты рот с тростями, занимая места в шеренге по номеру своей роты (гренадерские сержанты на флангах). Сняв шляпы, они выслушивали приказы и записывали их в книжечку, после чего расходились. По сигналу «к паролю» старшие сержанты надевали сумы, брали ружья и строились позади линии батальона. Между гренадерскими и мушкетерскими сержантами вставляли подошедшие караульные унтер-офицеры, после чего все брали «на караул», а мушкетерские сержанты снимали шляпы. Полковой адъютант шептал пароль на ухо сержанту первой гренадерской роты, тот передавал дальше; сержант второй гренадерской роты, стоявший в строю последним, «отдавал» пароль адъютанту, чтобы тот удостоверился в правильности принятого пароля.

Вместе с паролем отдавался и «генеральный полковой приказ». Адъютант командовал: «Караульные, ступай, старшие сержанты, вынимай книжки» — а потом зачитывал приказ.

Вечернюю зарю объявляли часовые, громко крича: «К заре!»; заслышав их, барабанщики начинали бить, а солдаты строились на ротных улицах в камзолах и с тесаками (в плохую погоду — в епанчах). Остальные церемонии соответствовали утренней заре.

Все караулы проверялись рундами, состояли из офицера, капрала и четырех рядовых. Завидя рунд, караульный начальник высылал ему навстречу унтер-офицера с двумя рядовыми. Рядовые взводили курки и «прикладывались» (изготавливались к стрельбе), а унтер-офицер выслушивал лозунг от офицера рунда, после чего командовал своим рядовым: «на плечо», шел рапортовать своему офицеру. Если лозунг был верен, то офицер кричал рунду: «Рунд, приступи!» Рунд и караульные брали «на караул», офицеры снимали шляпы и обменивались паролем (офицеры вечернего и утреннего рундов принимали пароль от караулов, а «среднего» рунда — отдавали пароль). После рапорта караульный начальник приказывает часовому отпустить рунд; часовой кричит: «Рунд, ступай мимо!»

Между рундами посты обходили дозоры (унтер-офицер или капрал и двое рядовых).

На непрременных квартирах полки также руководствовались целым рядом правил. В самой большой деревне располагалась ротная квартира, в меньших — капральства роты, которые, по возможности, старались не делить на части. Командиры кап-ральств ежедневно рапортовали о положении дел старшему сержанту, а тот — ротному командиру. Сам ротный командир трижды за зимний период (6—7 месяцев) объезжал все квартиры роты, проверяя готовность вещей, наличие провианта и состояние подчиненных («в чистоте ли себя содержат»). Указывалось, что капитан «для благочестия прослуживает в повеленных при полку молитвах, утверждает доброе согласие с обывателями и с каждым рядовым что ни есть говорит, дабы усмотреть, не привыкают ли они к крестьянским речам, виду, рассуждениям и ухваткам и не отвыкают ли от военной смелости; кто в чем попортился, обленился, опустился и оробел, берет его под собственный присмотр на время и не самого его, но его начальника строго за то наказывает» [12, с. 143]. Командиры капральств делали подобные походы ежемесячно.

Ротный командир раз в месяц приезжал в штаб полка с рапортом. За притеснения хозяев солдаты наказывались в роте, но если жалоба достигала полкового командира, то наказывался и командир роты.

К ротному цейхгаузу (складу военных припасов) и провиантскому магазину выставлялся пикет из 5—7 человек, сменяемый через двое суток. Кроме того, в полку выставлялись караулы у штаба (16 человек, из которых один — гренадерский сержант — у знамени) и гауптвахты (капральство мушкетеров).

Чаще всего проживание солдат было для хозяев довольно обременительно. Современники отмечали, что в Великороссии, где крестьяне были богаты и горды, солдаты уважительно обращались с ними, а зачастую становились им друзьями. Но в Малороссии, а особенно в Польше военные постояльцы становились настоящим бичом хозяев. Хотя крестьяне и не должны были кормить солдат, как правило, этого нельзя было избежать. В Польше военные забирали все, что хотели. В Великороссии солдат, чтобы получить желаемое, «придумывает тысячу ухищрений: он производит по ночам ученье, днем командует, беспрестанно кричит и в конце концов крестьянин, утомленный докучливостью солдата, кормит его даром под условием, чтобы он перестал относиться с таким усердием к службе» [32, кн. LXXXIII, апр. 1895, с. 152].

О злоупотреблениях на квартирах в Польше очевидец писал: «Он (солдат. — Авт.) не оставляет ему (крестьянину. — Авт.) ни хлеба, ни говядины, ни яиц, приказывает все подавать себе, держит открытый стол, приглашает своих товарищей и разыгрывает из себя большого барина. Я знал одного сержанта, который два раза в неделю угощал у себя обедами, а другого, который, имея 5 или 6 домов в своем распоряжении, взял из них все тюфяки и все подушки и соорудил себе из них постель, достигавшую потолка» [32, кн. LXXXIII, с. 152].

При выходе с квартир полковник обязан был собирать подписки с крестьян о том, что им не нанесли никаких обид. «...Если они довольны (что бывает редко), то они выдают их (подписки. — Авт.) вполне охотно, ничего не требуют, и солдатские провиантские деньги частью поступают в артель, а частью в карман полкового и ротного командиров.

Если же крестьяне недовольны, их поят вином, заставляют плясать, напаивают их, ласкают, и они подписывают. Если же, несмотря и на все это, они отказываются подписать, то им угрожают, и они кончают тем, что умолкают и подписывают. Если жалобы таковы, что их невозможно затушить, то входят в соглашение с помещиком или капитаном-исправником; этот последний должен бы быть защитником крестьян, но он всегда держит сторону полковых командиров, которые или платят ему, или делают подарки. Он принимает на себя труд смягчить крестьян или затушить их жалобы и выдает общую подписку.

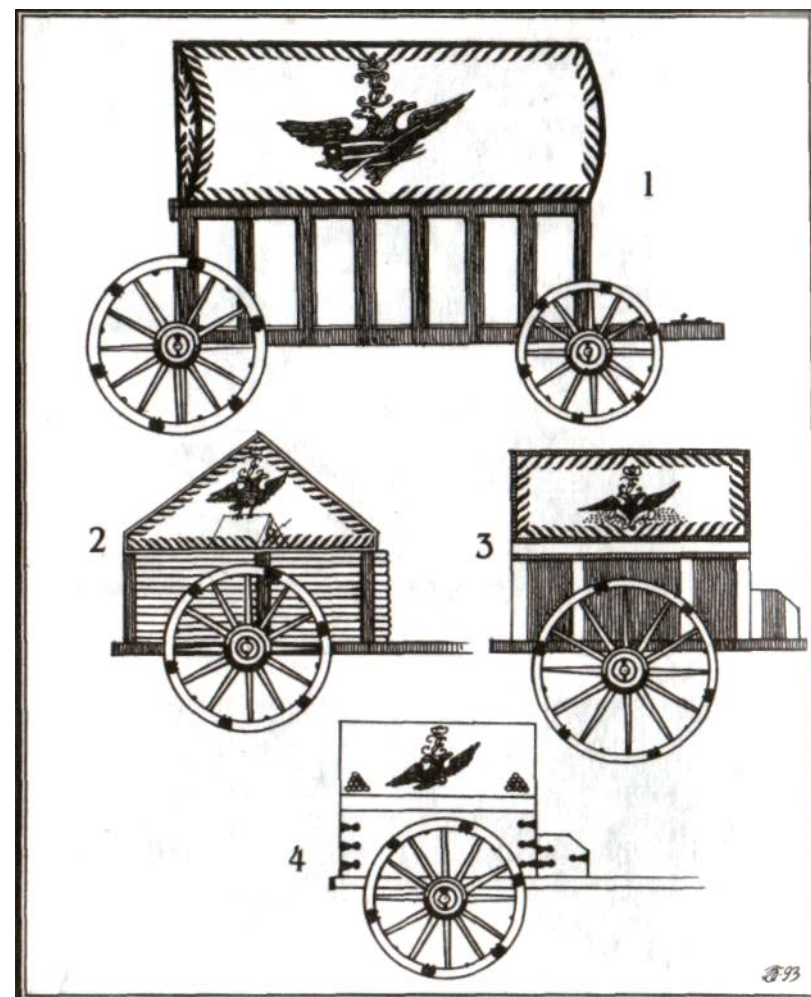
Если насилия зашли слишком далеко, то военный начальник и губернатор предписывают произвести дознание, а затем заминают дело, или же его затягивают на долгое время. Короче сказать, крестьянин никогда не пользуется ни спокойствием, ни правосудием, ни справедливостью» [32, кн. LXXXIII, с. 153].

В оправдание русского солдата нужно заметить, что на злоупотребление его толкали искусственно созданные при Петре I ненормальные условия проживания. Лишенный в течение полугода довольствия, но в то же время и надзора со стороны немногочисленных унтер-офицеров и офицеров, он вынужден был приспосабливаться к такой жизни; самым легким способом облегчить свою судьбу были притеснения крестьян. Кроме того, политика правительства в этом вопросе заключалась в том, чтобы провести четкую грань между крестьянством и военными. Задача эта была непроста, если учитывать, что сами солдаты происходили из крестьян. Но в конце концов, специальное обучение солдат и возведение их в ранг хозяйских нахлебников приводило к тому, что крестьянин в мундире скоро переставал чувствовать себя крестьянином; заботы земледельца становились для него чужды. Это особенно ярко проявилось во время крестьянских бунтов, когда солдаты не задумывались перед стрельбой по толпам недавних своих собратьев.

Порядок движения обозов, неоднократно оговаривавшийся ранее, не был обойден вниманием и в документах екатерининских военачальников. К сожалению, в большинстве своем все распоряжения выполнялись не в полной мере, но все-таки обозы перестали быть причиной корректировки планов кампаний.

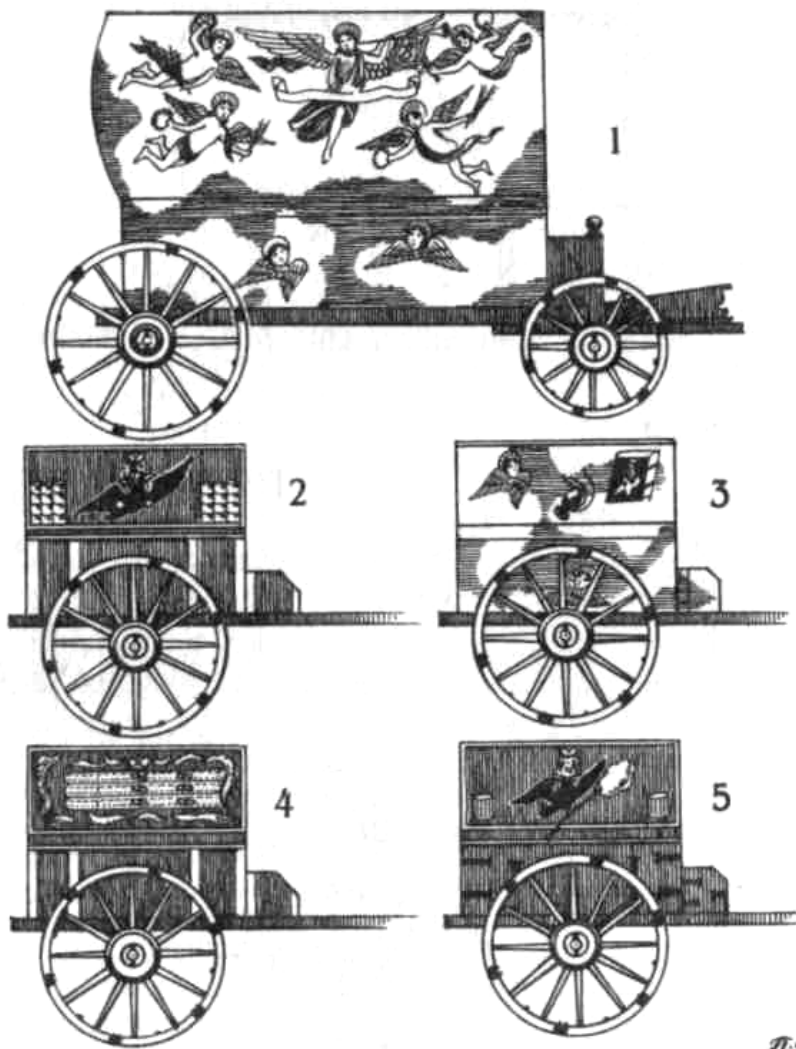
П. А. Румянцевым был определен следующий порядок построения обозов: «...1) дивизионных командиров...; 2) бригадных командиров; 3) полковых штабов; 4) обер-офицеров; 5) артельных; 6) лазаретам; 7) маркирентерам; 8) провиантским...» [43, с. 43]. Запрещалось обгонять впереди стоящие повозки, особенно в узких местах — на плотинах и мостах; виновных извозчиков и рядовых приказано было бить «палками или батогами», а офицеров и унтер-офицеров — брать под караул. В дивизиях, бригадах и полках назначались военные чиновники, ответственные за обоз, вагенмейстеры; всеми обозами руководил генерал-вагенмейстер.

Мародерство обозных служащих жестоко каралось; если грабители не были пойманы, то денежный штраф налагался на вагенмейстера. Запрещались остановки для починки; сломанные повозки снимались на обочину, а остальные продолжали движение.

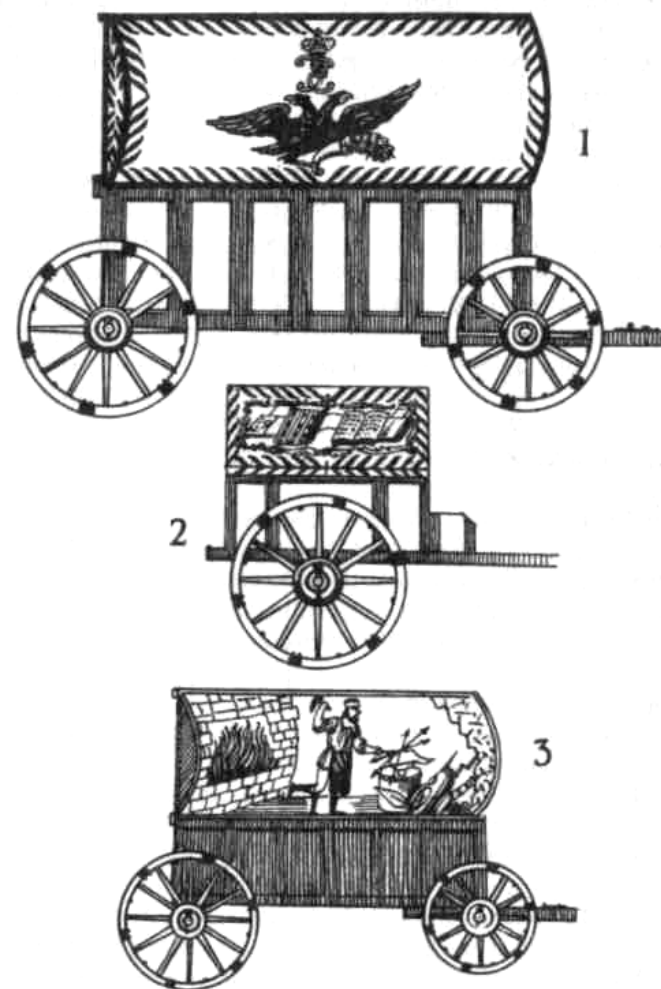
Обоз пехотного полка, 1763 г.

Казначейская фура (1), палаточный ящик (2), казенный ящик (3), артиллерийский ящик (4).

Обоз пехотного полка, 1763 г.

Церковные ящики (1, 3), аптечные ящики (2, 4),
патронный ящик (5).

Провиантская фура (1), канцелярский ящик (2),
кузнечная фура (3).

Добавочный провиант перевозили на нанимаемых обывательских подводах. Естественно, полковые чины стремились сэкономить на выплатах, но цены устанавливались высшим начальством, а правильность расчетов иногда проверяли. Положено было платить в границах России за 10 верст с 1 марта по 1 ноября 10 коп., с 1 ноября по 1 марта — 5 коп. (10 денег); за границей, соответственно, 12 и 6 коп.

«Подъемная часть» 12-ротного мушкетерского полка включала в себя полковой обоз (2 церковных ящика, ящик для казны, 2 казначейские фуры, ящик для полковой канцелярии, 2 аптечных ящика, кузнечная фура, 8 патронных и 4 артиллерийских ящика и 35 лошадей), ротный обоз (12 лазаретных телег, 12 палаточных ящиков, 12 провиантских фур и 96 лошадей, а сверх того 12 фурьерских и 12 вьючных лошадей) и частный обоз (33 коляски и фуры, 128 упряжных и 69 офицерских верховых лошадей) [47, т. 2, прил., с. 125—126].

Обоз егерского корпуса был значительно меньшим: в нем состояло лишь 12 патронных ящиков, 24 фуры, 4 «фурка», 12 роспусков и 280 лошадей, не считая партикулярного обоза [47, т. 3, с. 20].

Партикулярный обоз по-прежнему являлся настоящей бедой армии, не поддаваясь никаким сокращениям. Очевидцы писали о сержантах, имеющих по 2 повозки, о поручиках, имеющих 6 повозок, и о полковых командирах, берущих в дорогу 4 3 экипажа. За полками перевозились жены и любовницы, многочисленные слуги, предметы быта; некоторые умудрялись содержать при обозах целые псовые охоты.

Одним из достоинств русского солдата была неприхотливость в пище. Иностранцы, служившие в русской армии, отмечали: «Нет ни одного солдата, которого было бы легче кормить, чем русского: он сам месит и печет свой хлеб в печах, устраиваемых им же в земле, когда ему доставляют муку; если же продовольствие состоит из сухарей (ржаные, очень черствые и черные сухари), то он разрезает их на маленькие кусочки величиною с орех и считает их для себя еще лучшим кушаньем и приготовляет из них похлебку с различными овощами. Эти ржаные сухари, хотя немного и кислые, на вкус несколько не приятны; сверх того, они очень питательны, не крошатся и сохраняются очень долго. Русский солдат настолько привык к ним, что сладкий пшеничный хлеб, как утверждают, ослабляет его. Хотя русские и любят крепкие напитки, но они легко обходятся без них и не жалуются, когда их нет; они совершали походы, не получая ни пива, ни водки» [32, кн. LXXXIII, с. 147—148].

Из этих же сухарей солдаты готовили квас, который помогал выдерживать длительную жару в районах с грязной и нездоровой водой.

Об улучшении своего питания солдатам, как правило, приходилось заботиться самим. Если начальники смотрели на солдатские «шалости» сквозь пальцы, то съестные припасы просто воровались у обывателей; особенное распространение этот обычай получил в 80-х гг., когда чаяниями Г. А. Потемкина был ослаблен контроль за поведением военнослужащих (кстати, даже А. В. Суворова обвиняли в том, что с его молчаливого одобрения подчиненные ему полки кормились за счет жителей).

Но все-таки основным инструментом улучшения условий существования оставались учрежденные еще при Петре I солдатские артели. В артель входили солдаты капральства, выбиравшие артельщика, который затем и распоряжался имуществом. Для пополнения этого имущества солдаты обычно сдавали до половины жалования; деньги шли на покупку продуктов и на приобретение телеги и лошади, на которых продукты перевозились. По решению солдат оставшиеся деньги могли храниться у артельщика, либо передаваться ротному командиру. В артелях полка скапливались, таким образом, весьма немалые суммы. При хорошем обеспечении провиантом суммы эти постепенно увеличивались; при задержках поставок (особенно за границей) нередко приходилось все тратить на питание. Правда, в последнем случае солдаты, в идеале, могли рассчитывать на компенсацию затраченных средств от правительства, но здесь многое зависело от добросовестности офицеров полка. Полковое командование нередко прибегало к помощи артелей, если в полк вовремя не поступали деньги для каких-либо целей. А. Ф. Ланжерон так писал об одном из таких займов: «В 1796 г. в Польше, когда полки оставались одиннадцать месяцев без получки, жалования, продовольствия, полковые командиры были вынуждены для содержания лошадей своих полков позаимствоваться в артелях. Я занял от четырех до пяти тысяч рублей у двадцати рот моего полка (Малороссийский гренадерский. — Авт.). Солдаты не только согласились на это, но большая часть рот прислала мне денег больше, чем я просил, и отказалась от моих заемных писем. Когда мне заплатили, я в точности выполнил мои обязательства. Но многие полковые командиры играли на полученные деньги, проиграли их и не уплатили артелям» [32, кн. LXXXIII, с. 149].

Если полковники и генералы и могли безответственно относиться к артельным деньгам, то ротные командиры, растратившие доверенные им суммы, нередко подвергались серьезным взысканиям, вплоть до разжалования.

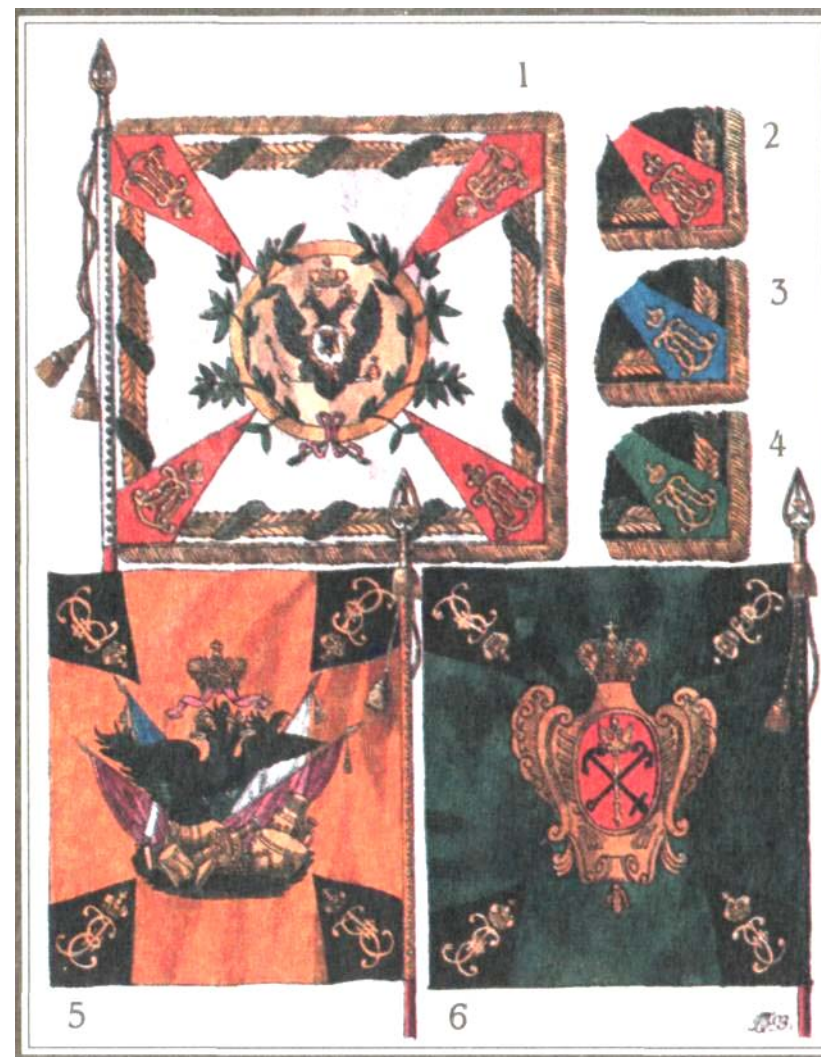
Вложенная в артель сумма нередко заставляла солдата отказываться от бегства из полка. При уходе в отставку инвалид получал причитающиеся деньги. Артельные деньги погибших солдат разделялись между членами артели.

Медицинская часть также не была обойдена в издаваемых инструкциях и наставлениях. При этом основное внимание все авторы уделяли профилактическим методам, ибо в возможности медицины верили слабо.

В 1777 г. П. А. Румянцев, активно боровшийся за улучшение «врачевания», был вынужден констатировать: «Служившие в армии медики должны признаться сами во многих недостатках сей части...» [43, с. 78].

Поэтому П. А. Румянцев, Г. А. Потемкин, А. В. Суворов и другие военачальники всячески старались улучшать качество пищи, прививать привычку к соблюдению чистоты и опрятности. Часто мнения их не совпадали: так, П. А. Румянцев ратовал за улучшение условий содержания больных в лазаретах, А. В. Суворов же призывал полковых командиров не отсылать солдат в лазареты, где «один умирает, а десять товарищей хлеблют его смертный дух», а лечить при полках, в сараях и шалашах. Главным лозунгом А. В. Суворова был следующий: «Здоровому — воздух, еда; больному же — воздух, питье», под питьем понимался квас или чистая «здоровая» вода. Цинга лечилась кислой капустой, табаком и хреном; «лихорадка» и «горячка» — голоданием и питьем; желудочные болезни — голоданием и рвотными средствами.

Правление Екатерины Великой определило развитие русской пехоты на длительное время. Произошло окончательное разделение этого рода войск на линейную и легкую пехоту, гренадерским формированиям был придан статус отборных без сохранения отличия в вооружении, тактические действия приобрели чрезвычайную гибкость, а солдаты почувствовали себя непобедимыми.

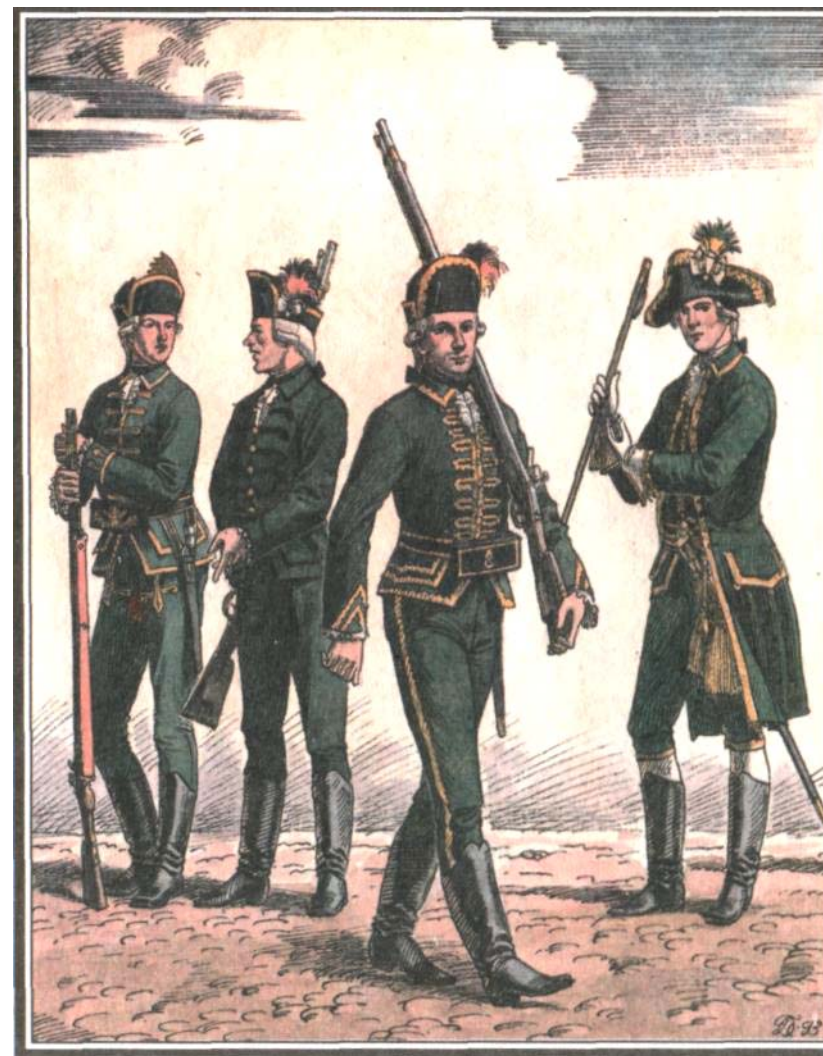
1763-1796 гг.

Белое полковое знамя лейб-гвардии Преображенского полка, образца 1763 (1); цветные батальонные знамена, образца 1763, полков лейб-гвардии: Преображенского (2), Семеновского (3), Измайловского (4); цветное батальонное знамя гренадерских полков, 1763—1780 (5); знамя Санкт-Петербургского гарнизона (6).

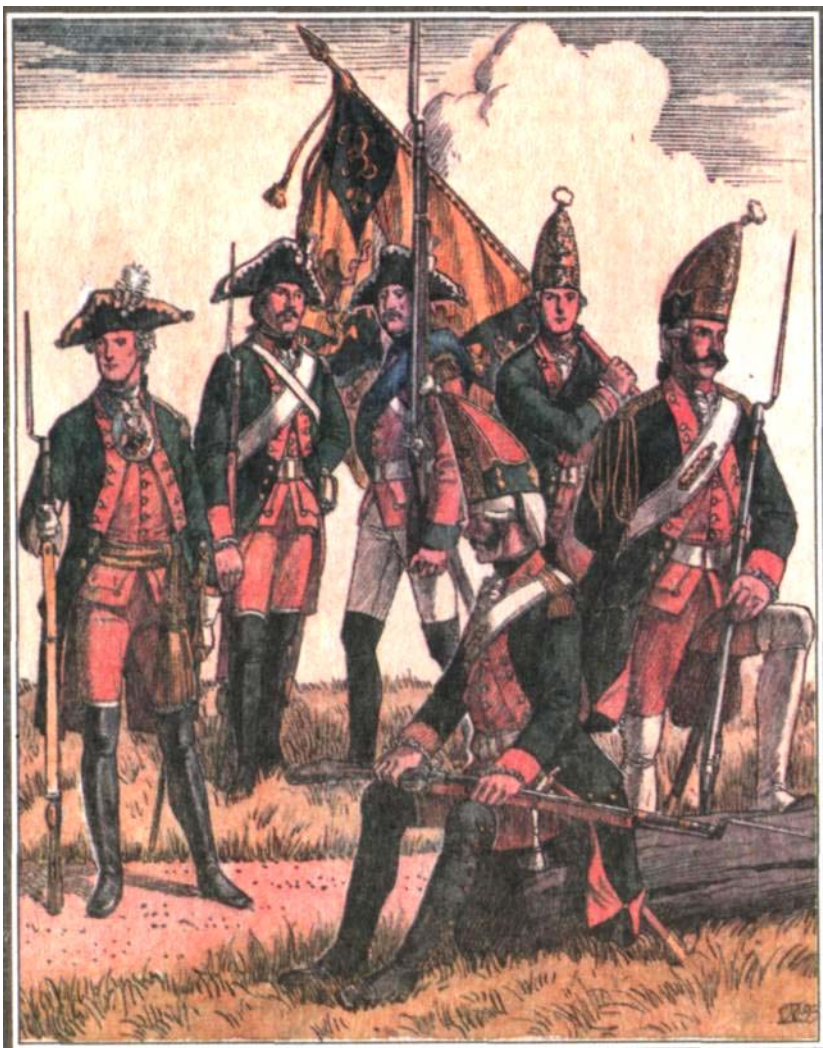
Лейб-гвардия, 1762—1786 гг.

Мушкетер Семеновского и мушкетерский сержант Преображенского полков, мушкетерский обер-офицер гвардейской пехоты, гренадер Измайловского полка, «флейщик» Преображенского полка.

Лейб-гвардия, 1762—1786 гг.

Егеря егерских команд полков Семеновского, Преображенского, Измайловского; офицер гвардейских егерей.

1762-1786 гг.

Обер-офицер мушкетерских и гренадерских полков; мушкетеры в зимней и летней походной форме; гренадер и подпрапорщик Гренадерского полка; рядовой Лейб-гренадерского полка, 1778—1786.

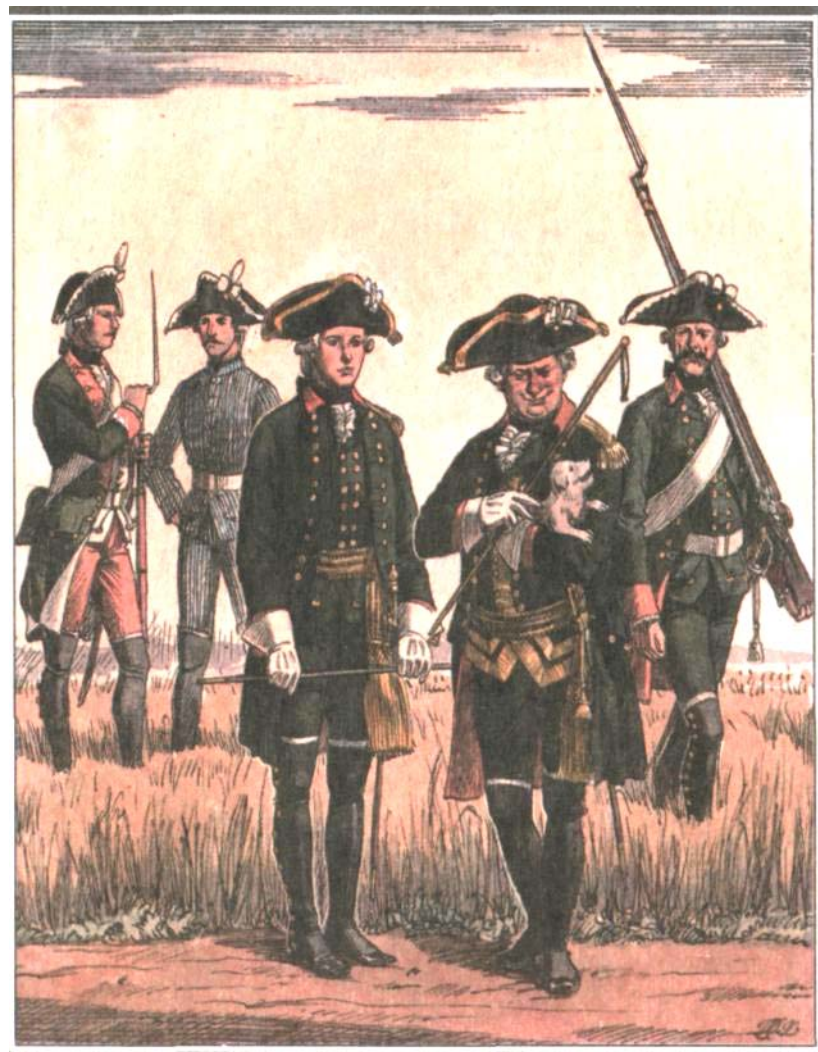
1762—1786 гг.

Мушкетерский капрал в епанче, штаб-офицер, рядовые егерских батальонов (в шинели и в летней форме), обер-офицер в сюртуке, мушкетерский барабанщик.

Легионы, 1769—1775 гг.

Мушкетер, егерь и гренадер Санкт-Петербургского легиона; гренадер, мушкетер и егерь Московского легиона.

1762-1786 гг.

Мушкетеры морских батальонов (в повседневной и рабочей форме), обер-офицер, штаб-офицер и мушкетер гарнизонных батальонов.

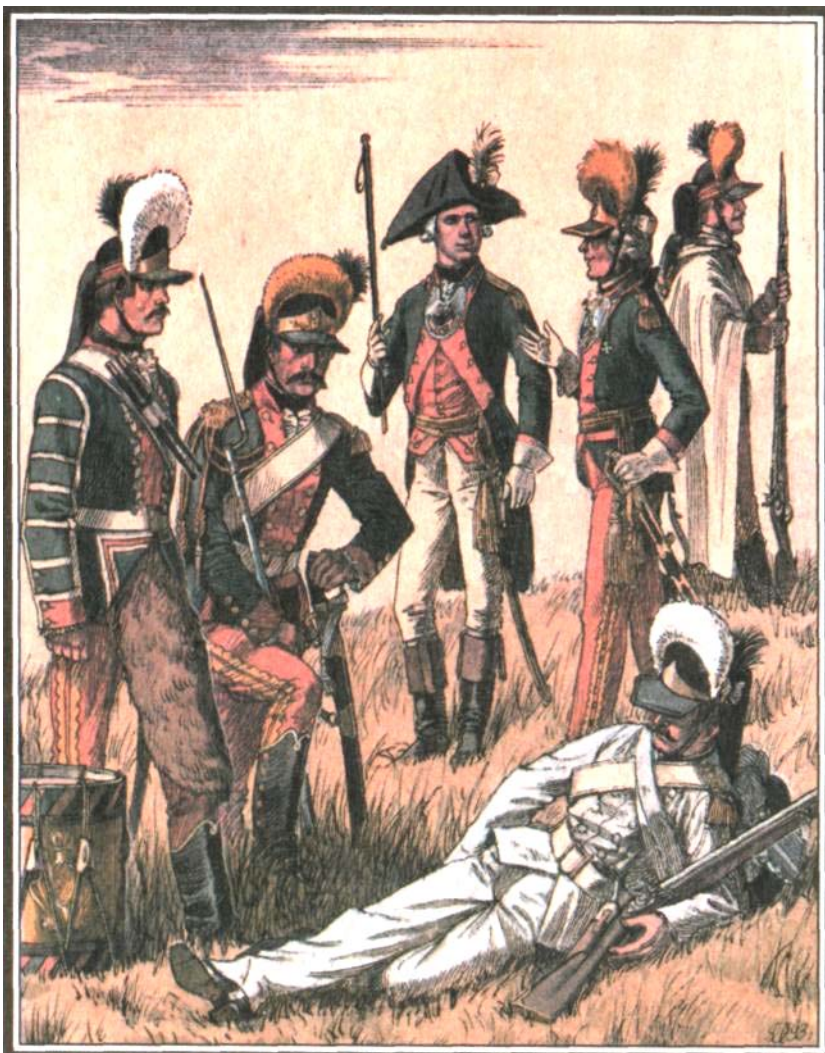
Лейб-гвардия, 1786—1796 гг.

Мушкетер Семеновского полка; мушкетерский обер-офицер и гренадер Преображенского полка; мушкетерский капрал Измайловского полка; гренадерский обер-офицер Семеновского полка.

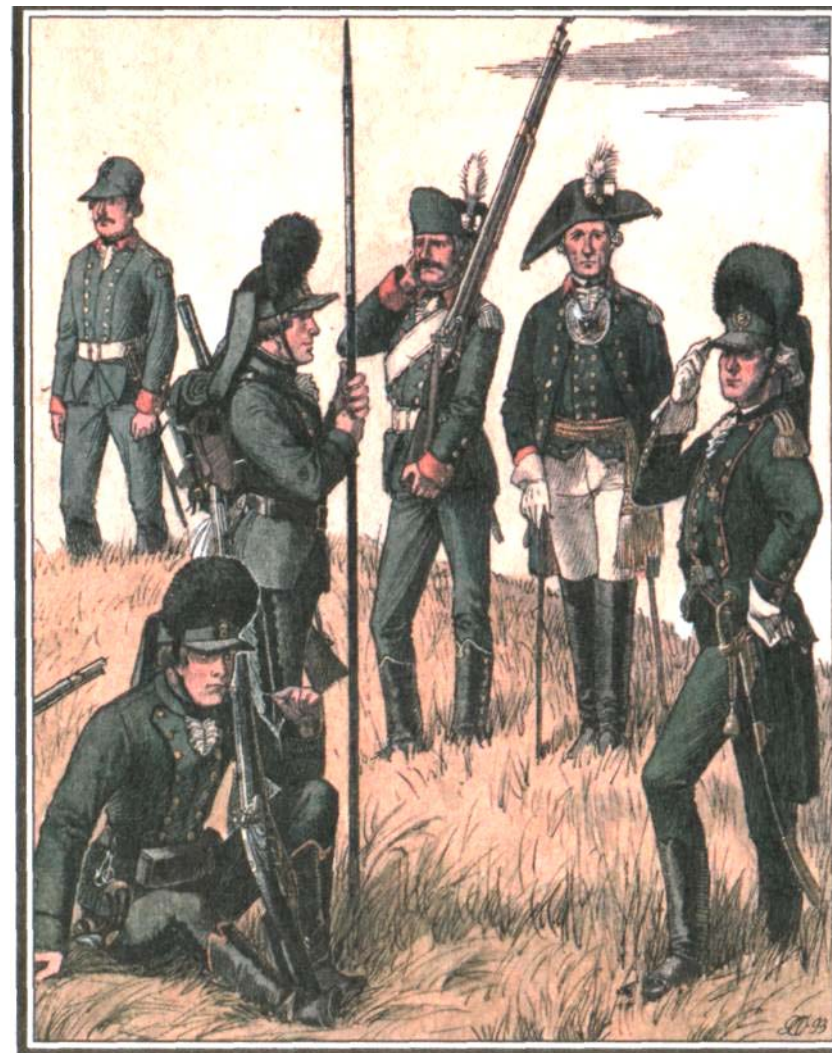
Лейб-гвардия, 1786-1796 гг.

Егеря егерских команд полков Преображенского, Измайловского, Семеновского; офицер гвардейских егерей.

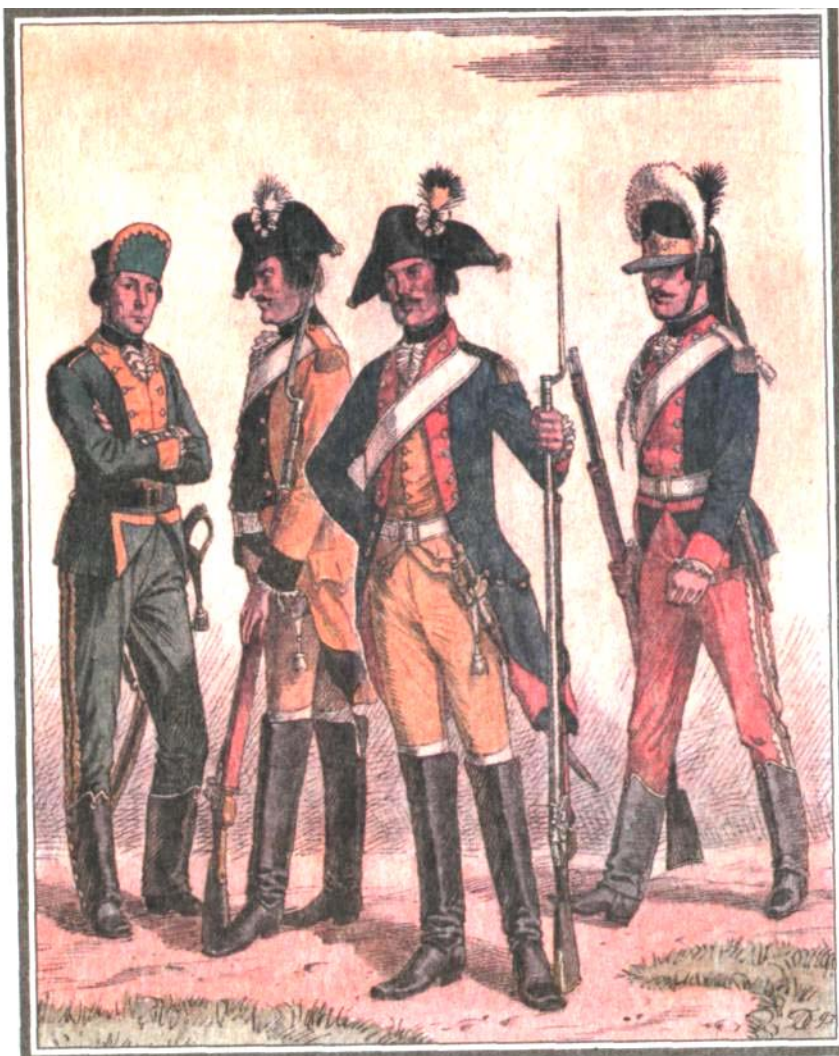
1786-1796 гг.

Мушкетерский барабанщик, рядовой Лейб-гренадерского полка, обер-офицеры (справа - гренадерский офицер в армии кн. Г. А. Потемкина), мушкетер в летней форме, мушкетер в епанче.

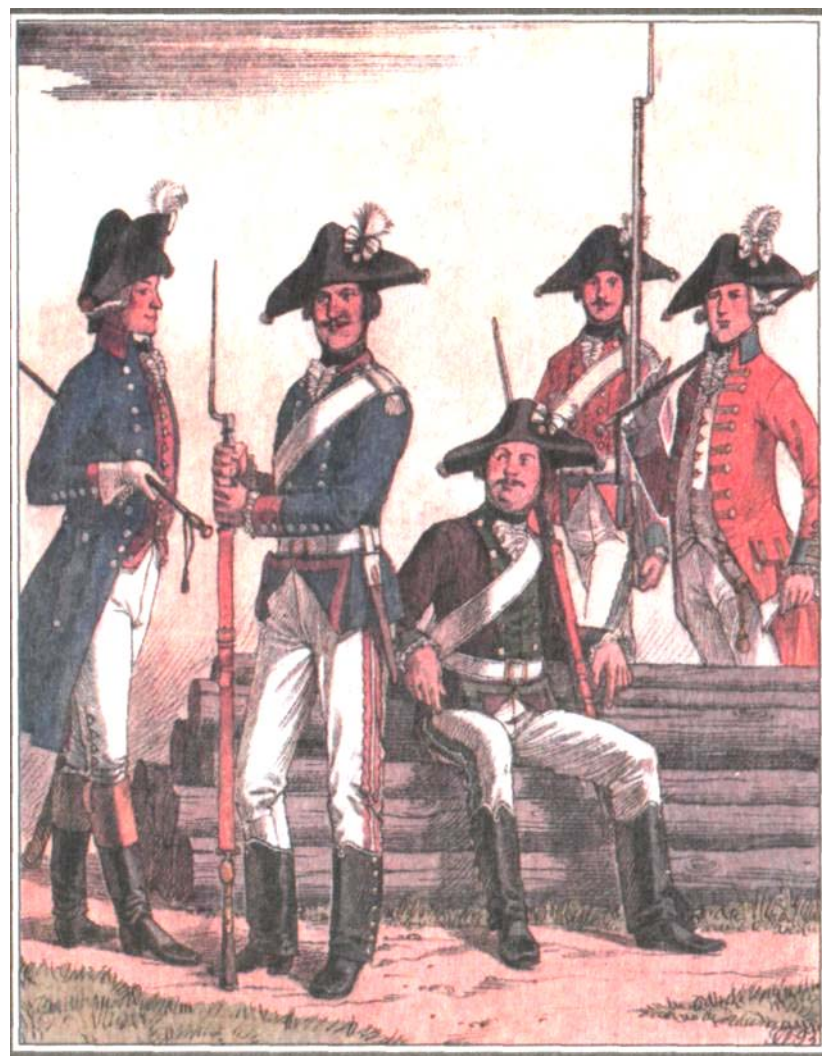
1786—1796 гг.

Нестроевой, рядовые егерских корпусов (стоит — «отборный стрелок» Бугского егерского корпуса), рядовой и обер-офицер гарнизонных батальонов, обер-офицер армейских егерей.

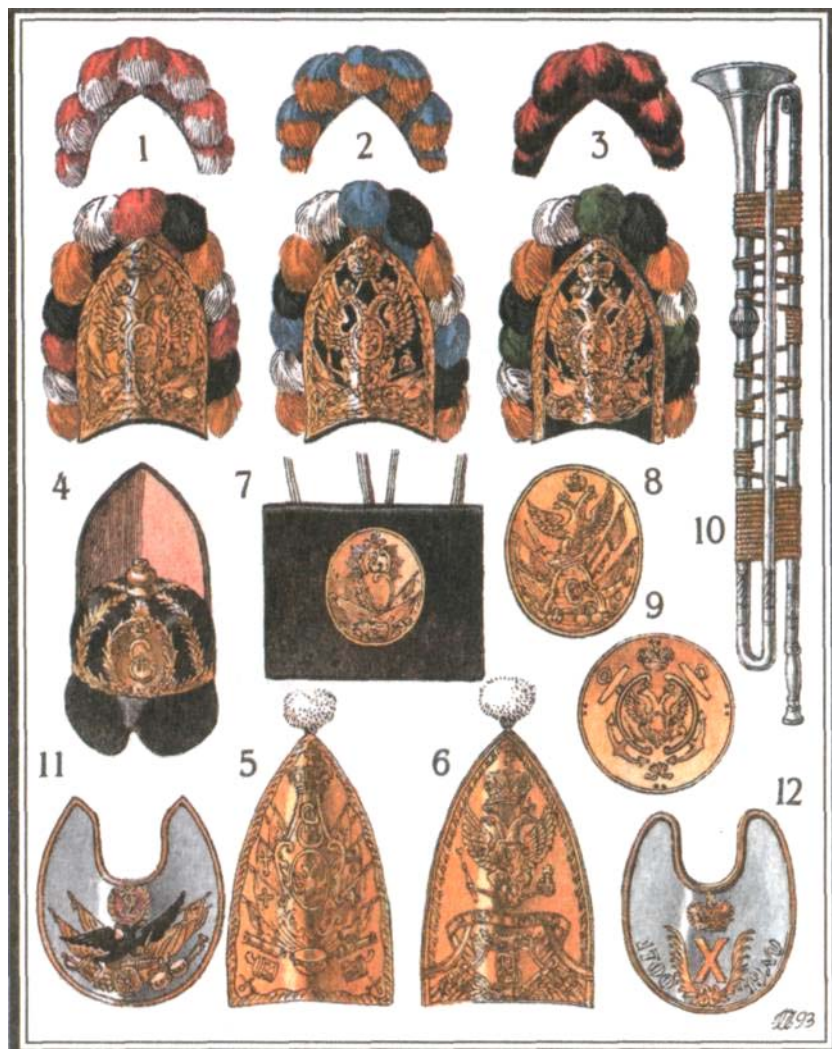
1786-1796 гг.

Рядовой команды при Санкт-Петербургском банке, рядовой команды при Коллегии иностранных дел, рядовой Сенатского батальона, рядовой провиантской роты.

1787-1796 гг.

Обер-офицер и рядовой штатной команды Тверского наместничества; рядовой штатной команды Екатеринославского наместничества; рядовой и обер-офицер Московской губернской штатной команды.

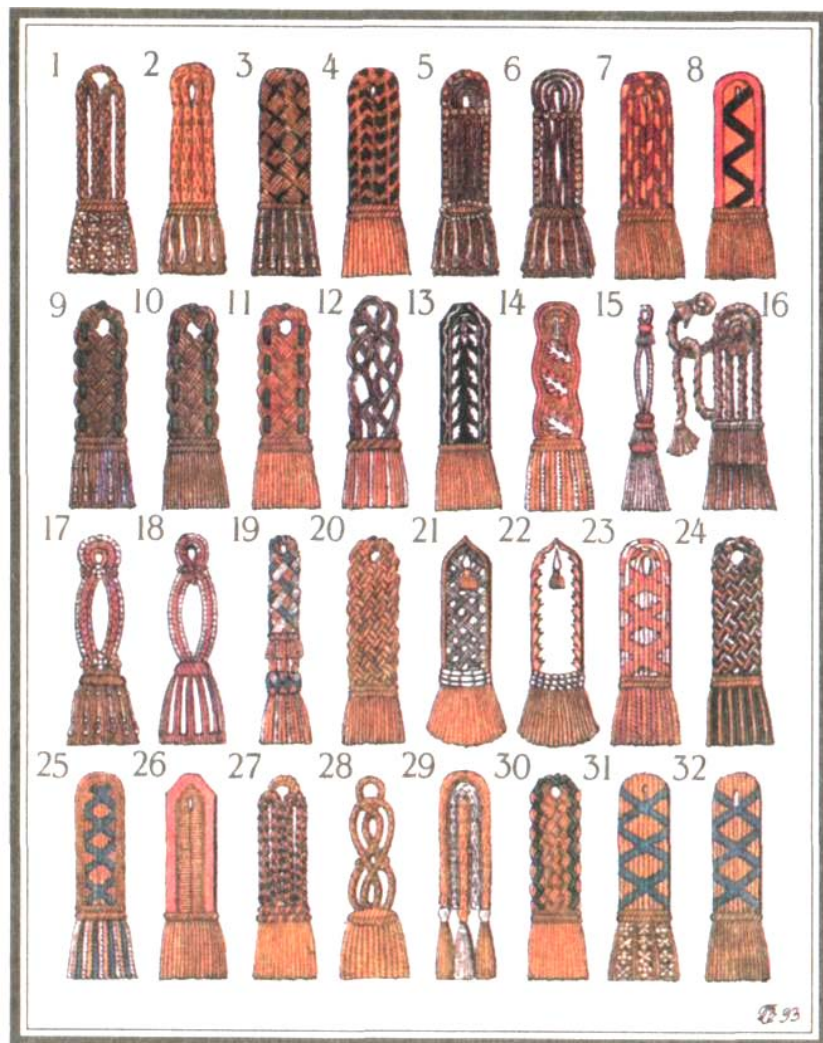
1762-1796 гг.

Гренадерские шапки нижних чинов лейб-гвардии (вверху — 1762-1786, внизу — 1786-1796): Преображенского (1), Семеновского (2), Измайловского (3). Гвардейская гренадерская шапка (вид сзади) (4); гренадерские шапки армейской пехоты, 1762-1775 (5), 1775-1786 (6). Мушкетерская патронная сума (7). Бляхи на патронные сумы: гренадерская (8), морских батальонов (9). Серебряная наградная труба, 1760 (10). Ober-офицерские нагрудные знаки: армейский (11), гвардейский (12).

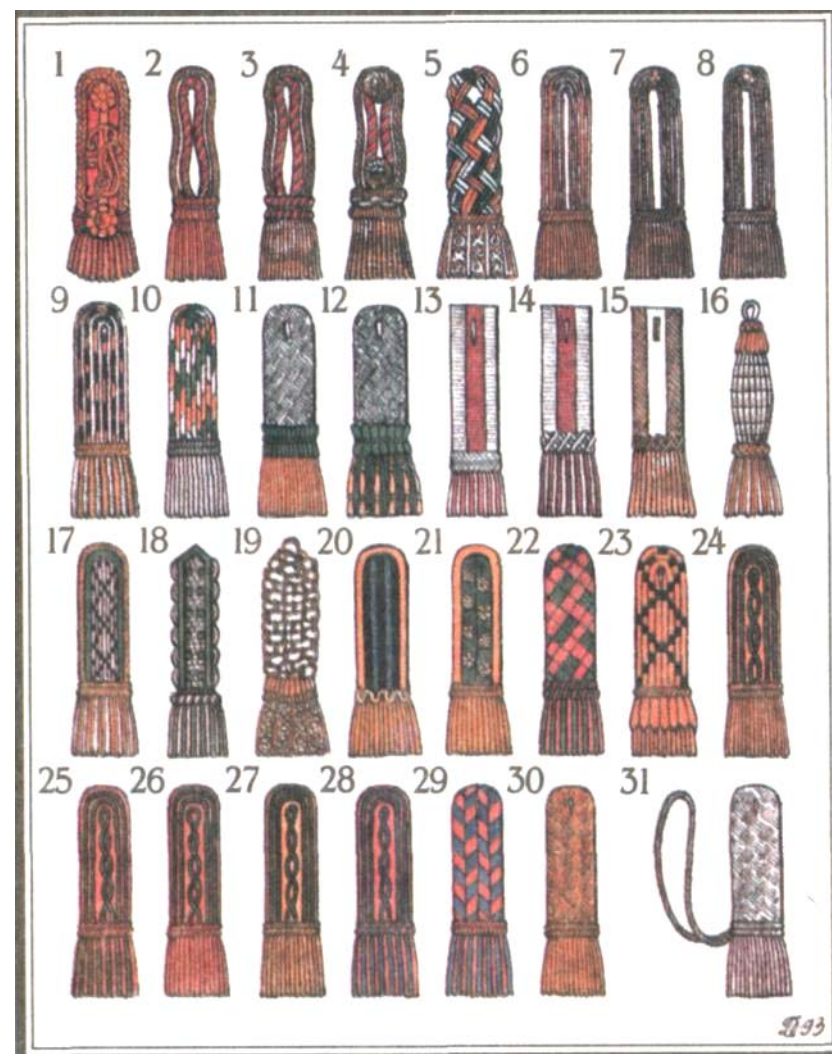

1762—1796 гг.

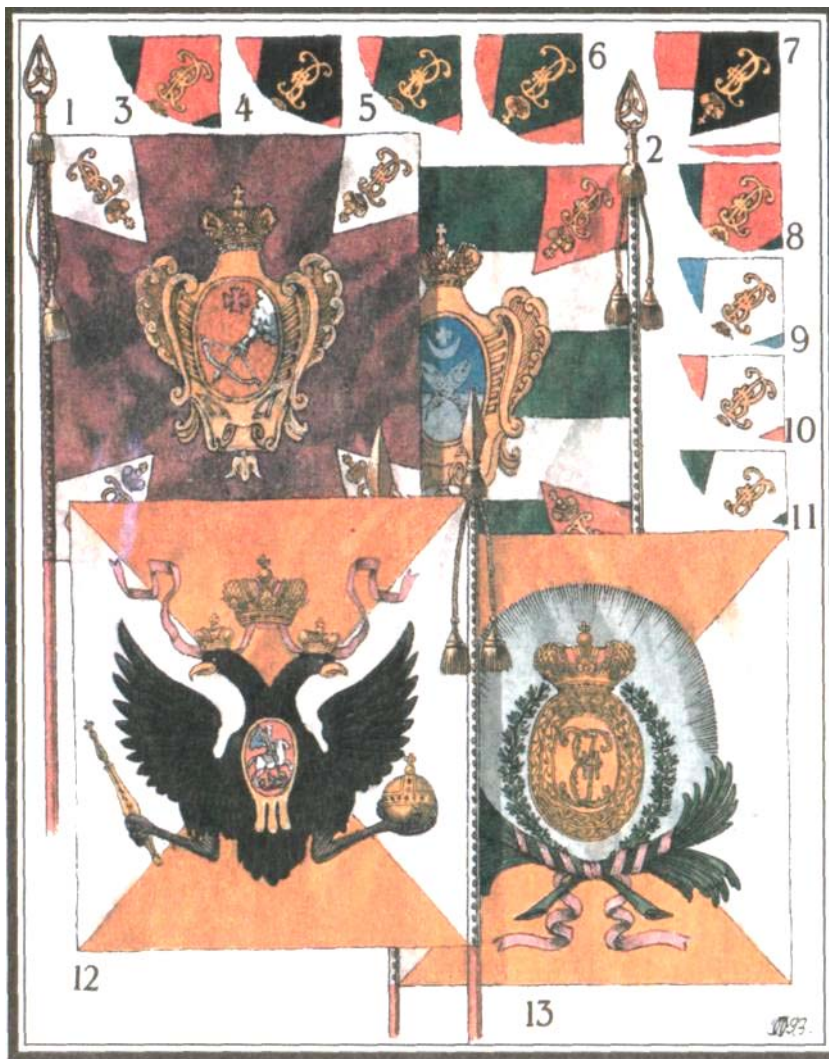
Варианты касок армейской пехоты мушкетеров и гренадеров, с 1786 (1); фурыерские значки полков лейб-гвардии: Преображенского (2), Семеновского (3), Измайловского (4). Офицерские армейские чепраки: штаб-офицерский (5), ober-офицерский (6). Аксельбант Лейб-гренадерского полка (7).

Эполеты армейской пехоты, 1762—1796 гг. Лейб- (1), 3-го (2), 4-го (3 — офицерский; 4 — нижних чинов) гренадерских полков. Пехотных полков: Апшеронского (5 — штаб-; 6 — обер-офицерские; 7 — нижних чинов), Астраханского (8), Бутырского (9 — штаб-; 10 — обер-офицерские; 11 — нижних чинов), Белозерского (12), Великолукского (13), Вологодского (14), Воронежского (15 — нижних чинов; 16 — офицерский), Выборгского (17 — офицерский; 18 — нижних чинов), Кексгольмского (19), Киевского (20), Куринского (21 — нижних чинов, с 1777; 22 — офицерский, с 1777; 23 — всех чинов, до 1777), Ладожского (24), Муромского (25), Нарвского (26 - до 1766; 27 - с 1766), Нашебургского (28 - до 1770; 29 - с 1770), Нижегородского (30), Пермского (31 — штаб-; 32 — обер-офицерские). Эполеты армейской пехоты,

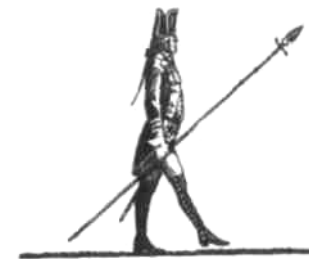

1762—1796 гг. Пехотных полков: Низовой (1 — до 1770, 2 — нижних чинов, с 1770, 3 — обер-, с 1770; 4 — штаб-офицерские, с 1770), Ростовского (5), Санкт-Петербургского (6 — нижних чинов; 7 — обер-; 8 — штаб-офицерские), Сибирского (9), Смоленского (10 — до 1767; 11 — нижних чинов, с 1767; 12 — офицерские, с 1767), Суздальского (13 — нижних чинов; 14 — офицерский повседневный; 15 — офицерский парадный), Тобольского (16), Троицкого (17), Углицкого (18 — до 1777; 19 — с 1777), Ярославского (20). Гарнизонных батальонов: Великолукского (21 — офицерский; 22 — нижних чинов), Опочецкого (23), 1-го Смоленского (24 — офицерский; 25 — унтер-офицерский; 29 — рядовых) Легионов: Московского (30), Санкт-Петербургского (31).

1763-1796 гг.

Цветные знамена пехотных полков, 1763—1780, по дивизиям: Эстляндской (1), Украинской и Севской, с 1766 (2), Лифляндской (3), Смоленской (4), Санкт-Петербургской (5), Финляндской (6), Сибирского корпуса (7), Московской (8), Севской, до 1766 (9), Украинской, до 1766 (10), Оренбургского корпуса (11). Лицевая (12) и оборотная (13) стороны цветных знамен гренадерских и пехотных полков, образца 1780.

4. «ОДНООБРАЗНАЯ КРАСИВОСТЬ»

Со времен Петра I своеобразной традицией стало создание наследниками престола собственных «потешных» формирований, противопоставляемых существующей армии государства. Уже в 1782 г. великий князь Павел Петрович учредил в Гатчине две пешие команды, развернувшиеся за 14 лет в 6 пехотных батальонов (гренадерский и 5 мушкетерских) и егерскую роту, 4 кавалерийских полка и артиллерийскую команду. Опальный сын великой императрицы чрезвычайно болезненно воспринимал атмосферу вседозволенности и распущенности, царившую при петербургском дворе и в гвардии. В противовес им он создал в Гатчине островок фридриховской Пруссии и войска, словно сошедшие с немецких картинок полувековой давности.

Великолепные екатерининские гвардейцы смеялись над нелепо одетыми и идеально вышколенными гатчинскими служаками, но в 1796 г., когда Павел стал императором, «смешные порядки» стали основными законами страны; содержание их, как оказалось, было очень серьезно и, несомненно, полезно для порядком разболтавшейся военной вольницы.

К сожалению, характер нового императора был слишком неуравновешенным; стремление к упорядочению всех сторон жизни не знало меры, образцы для подражания были не самыми лучшими, а главное, чуждыми России. В правление Павла войска еще не успели забыть уроки екатерининских полководцев, но система, заложенная Павлом и развитая его сыновьями, привела Россию в конечном итоге к крымскому поражению.

Для нижних чинов, помимо некоторого усложнения бытовой стороны жизни, правление Павла имело и положительные по следствия. Так, было упорядочено проведение рекрутских наборов, злоупотребления в этой сфере сводились к минимуму. Ответственные за доставку рекрутских партий офицеры теперь отвечали за каждого человека; терявшие много людей наказывались, приведшие же свои партии в целостности отмечались благоволением самого императора.

Вводилось понятие «беспорочной» службы нижних чинов; за 20 лет такой службы рядовой или унтер-офицер награждался знаком святой Анны (с 1800 г. — «донатом ордена святого Иоанна Иерусалимского») и освобождался от телесных наказаний. Увеличилось количество рекрутов, поставляемых в гвардию,

В армейских полках запрещалось пополнять рекрутами гренадерские роты: в них переводились «старые и выученные» солдаты мушкетерских рот.

Для молодых дворян павловские реформы несли значительное усложнение в прохождении воинской службы. Все нижние чины из дворян, числившиеся при полках, но находившиеся в долгосрочных отпусках, отставались от службы. По замыслу Павла, все вновь открывающиеся офицерские вакансии должны были занимать выпускниками военно-учебных заведений и «прилежными» унтер-офицерами из дворян. Дворяне поступали в полки унтер-офицерами (правда, при этом они 3 месяца служили на должности рядового); прослужив 3 года, они могли быть произведены в офицерский чин. В каждой роте полка хотя бы один унтер-офицер (подпрапорщик в тяжелой пехоте и юнкер в легкой) был дворянином. Повысились требования к недорослям: например, «нерадивые и неучтивые» гвардейские унтер-офицеры-дворяне выписывались солдатами в армию.

Доступ к офицерским чинам для недворян был с 1798 г. запрещен вообще; лишь возросшие потери среди командного состава заставили впоследствии отказаться от этого запрета.

Но и тогда лишь 12 лет беспорочной службы, выдающиеся заслуги и благообразная внешность позволяли унтер-офицеру-не дворянину претендовать на звание подпоручика.

Рядовые производились в унтер-офицеры за храбрость, хорошее поведение, расторопность; одним из условий был и срок службы — не менее, чем четыре года.

В производстве офицеров ведущую роль стала играть не влияние дворянского рода, а хорошее знание всех мелочей уставов и доскональное выполнение всех указаний: у «низкородного» дворянства появился дополнительный стимул к службе.

Перемещения, отставки и повышения офицеров посыпались как из рога изобилия. В единый миг офицеры могли сделать головокружительную карьеру или почти все потерять. Например, при переформировании Лейб-гренадерского полка в двухбатальонный состав оставшиеся сверх штата чины (1017 нижних чинов и нестроевых и 11 обер-офицеров [59, с. 302]) были отправлены на пополнение Оренбургской инспекции, сменив, таким образом, петербургскую жизнь на прозябание в одном из самых отдаленных районов империи.

Их участь была не самой плачевной: в период 1796—1801 гг. только отставлено от службы было 333 генерала и 2261 офицер [65, с. 274].

В то же время сама система чинопроизводства была, если не полностью, то в значительной мере упорядочена. Повышение теперь производилось, как правило, строго по старшинству, с утверждения самого императора по представлению Военной коллегии, основанном «на аттестации полковых командиров...». Обер-офицеры переводились в другие полки довольно редко; повышения штаб-офицеров производились «по родам оружия во всей армии».

Всем чинам могли предоставляться отпуска, но лишь в период с 1 сентября до 31 марта. Количество отпускников в роте ограничивалось: одновременно могло отсутствовать не более двух офицеров (отпуск — 28 дней, свыше того — лишь с разрешения императора), не более двух унтер-офицеров (только не из дворян) и не более трети рядовых. За просроченный отпуск офицеры подвергались заключению в крепость на 2 года, а потом их «выкидывали со службы»; правда, едва ли такое наказание часто применялось.

* * *

Территориальное разделение войск сохранилось, но теперь единицей такого разделения стала инспекция; в 1796 г. их было 12, в 1800 г. — 14. Во время военных действий войска разделялись на корпуса, дивизии и бригады.

Верные Павлу гатчинцы, досконально знавшие все положения прусского устава, были распределены по гвардейским полкам. Егерские команды гвардии и гатчинские егеря сводились в отдельный трехротный егерский батальон; бомбардирская рота и артиллерийские команды — в лейб-гвардии Артиллерийский батальон. Гвардия вообще подверглась многократной реорганизации. Так, Преображенский полк в 1796 г. состоял из гренадерского (3 роты) и трех мушкетерских (по 5 рот) батальонов; в 1797г. — из двух гренадерских и трех мушкетерских; с 1800 г. — из четырех гренадерских батальонов (20 рот). Семеновский и Измайловский полки в 1796 г., помимо двух мушкетерских батальонов, имели две гренадерские роты; с 1797 г. в них было по одному гренадерскому и по два мушкетерских батальона, с 1800 г. — по три гренадерских.

Полки армейской тяжелой пехоты приводились в единообразный двухбатальонный состав. В каждом батальоне одна рота была гренадерской, пять других — фузелерными (в гренадерских полках) или мушкетерскими. Лейб-гренадерский полк в 1796 г. был переформирован в четырехбатальонный (20 рот) состав и только в 1798 г. приравнен по штатам к другим полкам, правда, все его роты считались гренадерскими.

Гренадерские роты гренадерских полков (в Лейб-гренадерском — первые роты батальонов) были названы «флигель-ротами» и вместе с гренадерскими ротами мушкетерских полков составляли сводные гренадерские батальоны.

Сорок три егерских батальона, существовавших при Екатерине, переформировывались в двадцать номерных пятиротных батальонов; в 1797 г. приказано было формировать двухбатальон-ные полки. Уже через два года 1-й полк (Егерский Сутгофа) был расформирован после неудачной голландской экспедиции, и к концу правления Павла в армии насчитывалось 19 егерских полков.

В полках и батальонах состояли артиллерийские команды, из расчета два орудия на батальон (в егерских полках — 2 орудия на полк). В армию поступили более совершенные системы, и к 1800 г., когда полковая артиллерия была передана в артиллерийское ведомство, на вооружении состояли 12-фунтовые единороги и 6-фунтовые пушки.

В 1798 г. вновь были отменены прежние названия полков и номера батальонов и рот; все они стали называться по фамилиям шефов и командиров. Опять-таки, за недолгие годы правления Павла старые родные названия не успели забыться, а чехарда с новой системой лишь затрудняла официальную переписку. Муромский полк, к примеру, «31-го октября 1798 года... наименован мушкетерским генерал-майора Шиллинга 2-го, 17-го ноября... генерал-майора Титова 2-го, 18-го ноября... генерала-от-инфантерии де Ласси, 27 ноября... генерал-майора Маркова... В 1799 году 24-го октября полк назван мушкетерским генерал-майора Алексеева, 26-го октября... генерал-майора Повало-Швейковского 2-го, 1800 год — генерал-майора Петровского...» [62, с. 177].

Серьезной реорганизации подверглись гарнизонные подразделения. Уже к сентябрю 1797 г. все батальоны были переформированы в гарнизонные полки, названные по фамилиям шефов, и распределены по инспекциям. Частично эти полки назывались «полевыми», т. е. могли участвовать в боевых операциях наравне с армейской полевой пехотой; другие полки считались «внутренними» и предназначались для службы лишь внутри государства. В полках могло насчитываться от 1 до 4 батальонов (в Московском — 8 батальонов); в 1800 г. все полки были приведены к 4-батальонному составу. Каждый батальон «полевого» полка состоял из 5 мушкетерских и 1 гренадерской роты; батальон «внутреннего» полка — из 5 мушкетерских и 1 инвалидной роты.

Вышедший в 1796 г. Устав по подробности освещения всех сторон военной жизни явился непревзойденным примером узаконения такого рода; многие его положения в общих чертах сохранились на протяжении всего XIX в. Тактические построения, описанные в уставе, практически не отличались от построений по Уставу 1763 г., лишь подробность их описания была большей.

Полк делился на два батальона по пять рот; гренадерские, или флигель-роты составляли отдельный батальон. В трехшереножном развернутом строю, являвшимся основным для пехоты, интервал между шеренгами был 4 шага; перед стрельбой первая шеренга вставала на колено, а две других приступали вплотную к ней.

Каждая рота делилась на два взвода для пальбы и на четыре для смотров. Люди ранжировались справа налево в 1-й и 2-й роте, слева направо в 4-й и 5-й, с флангов к центру в 3-й; самые рослые ставились в первую шеренгу, затем — в третью, остальные — во вторую.

Роты могли наступать плутонгами. По команде «Плутонгами наступая шаржируй!» первый плутонг роты стрелял; в это время второй плутонг начинал движение вперед, потом останавливался, стрелял и садился на колено.

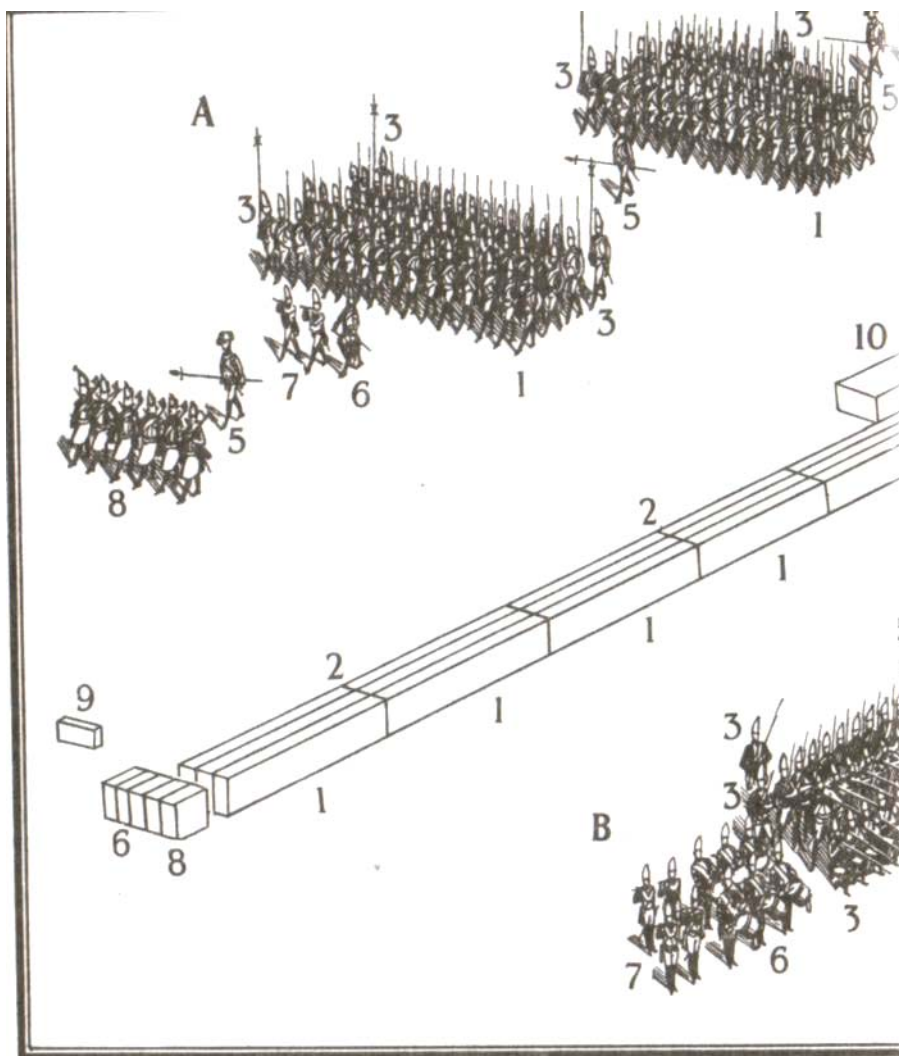
По команде Устава «Плутонгами наступая назад шаржируй!» плутонги по очереди (начиная с последнего) поворачивались направо кругом, стреляли, поворачивались во фронт и шли вперед. При этом, когда последний плутонг стрелял, то предпоследний двигался вперед и останавливался, услышав залп последнего плутонга.

Стрельба при наступлении всей роты также сопровождалась своеобразными церемониями. По команде «Всей ротой наступая шаржируй!» вся рота останавливалась. По следующей команде «Марш!» солдаты делали три шага вперед, останавливались, стреляли и заряжали. Потом еще три шага — и снова залп. Стрельба плутонгами применялась и при отступлении (т. е. при движении роты задней шеренгой вперед).

Взводная колонна применялась лишь для перемены линии, построение каре вообще не упоминалось. Вновь вводилась в обиход залповая стрельба; в то же время правила действия егерей были совершенно упрощены.

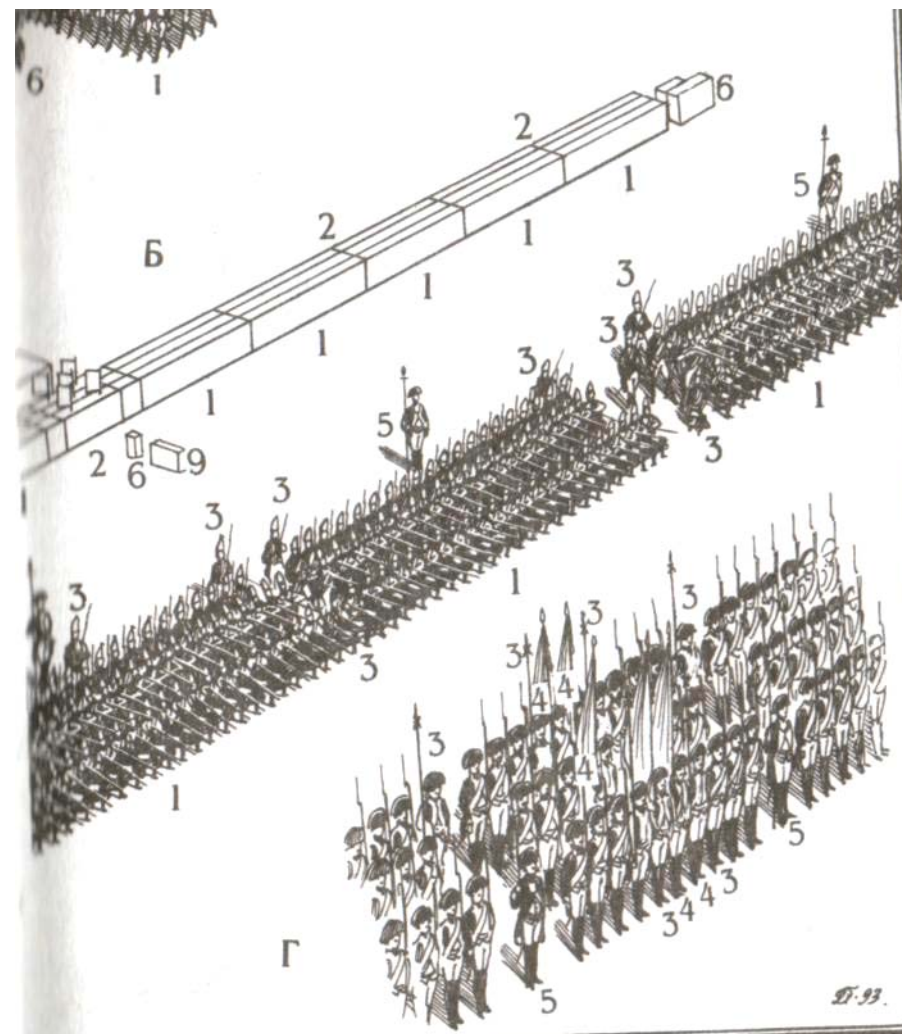
Конечно, можно было и не применять колонны или каре на учениях в присутствии императора, но в реальной боевой обстановке все наносные перестроения отпадали и войска использовали не забытые еще навыки екатерининских войн.

Уже в сражении при реке Адде 15 апреля 1799 г. построенные в колонны егерский полк Багратиона (7-й, затем 6-й егерский) и гренадерский батальон Ломоносова (по две роты Екате ринославского и Московского гренадерских полков) штыковым ударом опрокинули французов, а позже, при отступлении, прикрывали фронт густыми егерскими цепями. Вообще, Итальянская и Швейцарская кампании А. В. Суворова показали прекрасный пример гибкого сочетания развернутого фронта, колонн и егерских цепей.

Устав 1796 г.

Голова колонны для специальных смотров и парадов (А), мушкетерский батальон при стрельбе (Б), гренадерская рота при стрельбе (В), знаменные ряды (Г).

Взводы (1), роты (2), унтер-офицеры (3), подпрапорщики (4), обер-офицеры (5), барабанщики (6), «флейщики» (7), фронтовые мастеровые (8), штаб-офицеры (9), оркестр (10).

В сражении при Требии гренадерский полк Розенберга (Московский гренадерский), попав в окружение, обернул третью шеренгу назад и отстреливался в обе стороны, сделав развернутый строй неким подобием каре.

В то же время не была забыта практика действий батальонными каре против нерегулярного противника: так, например, строились батальоны егерского полка Лазарева (18-й, затем 17-й егерский) и мушкетерского Гулякова (Кабардинский) в сражении при реке Иоре на Кавказе в 1800 г. В этой битве среди русских был всего один убитый и двое раненых, противостоявшие им аварцы потеряли до 2 000 человек.

Устав описывал обязанности офицеров в сражении. Перед боем они осматривали ружья и следили, чтобы в сумках рядовых было по 59 патронов (еще один — в ружье). В бою офицеры смотрели, чтобы солдаты сохраняли равновесие и дистанцию, замещали выбывших, не выходили из рядов (особенно за «добычей»). В их обязанности входило ободрение людей и «понуждение» трусливых. Перед сражением, по возможности, солдаты снимали ранцы и прочие тяжести.

За взятое у неприятеля знамя солдат поощрялся деньгами, а унтер-офицер и офицер — чином.

При осадах все работы велись батальонами и ротами попеременно, по очередному списку. Также (в идеале) назначались и чины для штурма.

Передовые траншеи копались под командой инженерных служащих. Выделенные в траншею солдаты, пока шли работы, сидели за траншеей, держа ружья в руках. В прикрытии перед траншеей люди (унтер-офицер и солдаты) «лежали на брюхе», пока окоп не достигал глубины «до пояса». Защищая траншею от нападения, солдаты вылезали из нее и встречали неприятеля.

Обучение рекрутов, при котором основной упор делался на строевые упражнения, становилось все более утомительным. Поначалу для достижения «позитур солдатской» все движения делались без ружья. Вводились задержки, то есть при каждом «темпе» требовалось считать до восьми, и лишь затем выполнять следующий «темп».

Как и раньше, много внимания уделялось тому, чтобы отбить у рекрутов простонародные «повадки»: «Надлежит солдатам маршируя, иметь вид настоящий солдатский... маршировать втянутыми коленями, вместе поднимать ноги, носки иметь вон, сомкнувши плечо к плечу маршировать прямо, порядочно держать ружье... а правую руку спустить на правую сторону и держать недвижимо. Когда солдат не по вышеописанному марширует, то всегда похож на мужика» [20, с. 73].

Посторонние движения в строю воспрещались: солдат должен был не шевелить туловищем и головой, левый каблук всегда оставался на одном месте. Все действия сопровождалось при-хлопыванием по ружью и патронной суме для звучности; соответственно, полковые любители шагистики получили возможность экспериментировать с ружьями, разбалтывая металлические части и высверливая приклады. Нужно заметить, что эта практика при Павле не успела найти широкого распространения, но, получив почву для роста, расцвела позднее.

* * *

Одним из наиболее серьезных нововведений нового императора стало изменение статуса знамен, которые перестали быть срочными амуническими вещами. Знамена теперь состояли в полках до полного износа. Потеря знамен влекла за собой серьезные наказания для командных чинов и для полка в целом, поэтому особо предписывалось, «дабы как в офицерах, так в унтер-офицерах и солдатах возобновлять почтение и привязанность, которую иметь должны к знаменам, присягая оным» [20, с. 61].

То значение, которое теперь придавалось знаменам, лучше всего иллюстрируется новой церемонией принятия присяги. Теперь, произнося текст присяги, чины касались знамени, в то время как прежде они клали руку на Евангелие либо целовали его.

Специально определялся порядок приема новых знамен: полученные полотнища прибавляли к древку в «доме полкового командира» в присутствии всех офицеров, фельдфебелей и подпрапорщиков, кроме того, от каждой роты присылались десять рядовых с унтер-офицерами. Затем знамена выносили перед строем полка, по команде «Направо и налево заходи в круг! Марш!» солдаты выстраивались вокруг знамен, аудитор читал пункты Устава о знаменах, а священник «отправлял чин» и произносил присягу «о верности солдат к знаменам». Старые знамена относились в цейхгауз, их сопровождала команда из офицера, двух унтер-офицеров, барабанщика и 30 рядовых (при гренадерах полагался еще один «флейщик») [20, с. 193].

По воцелении на престол Павел ввел новые образцы знамен. Сделанные на прусский манер, они имели на полотнище изображения креста с расходящимися от центра концами и круглого медальона (в центре). Все гвардейские полки уже в декабре 1796 г. получили подобные знамена: преображенцы - 15, семеновцы и измайловцы - по 10.

В первых ротах каждого полка знамена имели белые кресты, в остальных ротах кресты были желтого цвета. Цвет углов на полотнищах отличался по полкам и соответствовал цвету мундирных воротников (у преображенцев — красные, у семеновцев — голубые, у измайловцев — зеленые). В углах всех знамен под лучами нашивались золотые короны, соединенные между собой зелеными лавровыми ветвями. Посередине в круге, обвитом зеленой лавровой ветвью, помещалось изображение кайзер-флага (красное полотнище с белым прямым и голубым диагональным крестами, служившее кормовым корабельным флагом), а над кругом — золотая надпись (с лицевой стороны — «Сим знаменем победиши», с обратной стороны — «Не нам, не нам, а имени Твоему»). Древки у всех знамен были кофейного цвета, навершие — прорезное плоское в виде двуглавого орла; ленты и кисти — серебряные.

Следующее пожалование знамен относилось лишь к первым (лейб-) батальонам гвардейских полков; в каждую роту этих батальонов было выдано по два знамени. 2 января 1798 г. были выданы знамена с орлом в оранжевом круге и с золотыми коронами по углам. Цвета крестов и углов отличались по полкам. В лейб-батальоне преображенцев у пяти первых ротных знамен крест был белый, углы — пунцовые; у пяти вторых знамен — пунцовый крест и белые углы. В лейб-батальоне семеновцев, соответственно, первые знамена были бело-голубые, а вторые голубо-белые; у измайловцев — бело-зеленые и зелено-белые.

16 декабря 1799 г. Павел I принял титул великого магистра ордена святого Иоанна Иерусалимского. Это привело к тому, что на вышеописанных знаменах было велено нашивать белые кресты упомянутого ордена. Таким образом, каждое полотнище теперь разделялось на 16 секторов.

6 января 1799 г. гвардейцы вновь получили новые знамена того же образца, как и прежние лейб-батальонные, но с добавлением по углам золотой надписи «Благодать». Преображенскому полку было пожаловано 25 знамен (по одному на роту), двум другим — по 15. Цвета секторов чередовались: 8 секторов были белого цвета, 8 — полкового (малинового, голубого или зеленого). На одном из знамен (полковом) углы были полкового цвета, на всех остальных — белого. Цвет древков теперь отличался по полкам: в Преображенском полку — кофейный, в Семеновском — черный, в Измайловском — белый. На прорезных плоских навершиях изображался двойной вензель императора.

В 1800 г. число знамен в Преображенском полку уменьшилось на 5, по причине расформирования одного батальона.

В том же году в последний, третий, раз за время правления Павла I гвардия получила новые знамена, по образцам 1800 г., установленным для армейской пехоты, но с двойным императорским вензелем по углам. В шефских ротах крест на полотнищах был белый, углы — пунцовые с белым (пополам); у остальных — пунцовый, а по нему — белый крест и белые углы.

Древки были следующих цветов: в лейб-батальоне преображенцев — кофейные, в остальных — палевые; в Семеновском полку — черные; в Измайловском — белые. На древках гвоздиками выбивался номер роты; цифры могли быть как арабские, так и римские. Обычно цифры располагались у края крепления полотнища.

Армейские полки за время правления Павла получили знамена двух образцов. Знамена первого образца стали поступать в полки в 1797 г. Строили их в Санкт-Петербурге под руководством полковника князя Долгорукова. Полотнище знамен представляло собой квадрат из шелковой материи длиной в 2 аршина по каждой стороне. По центру полотнища вшивался круг оранжевого цвета с изображением двуглавого орла и двумя зелеными лавровыми ветвями, связанными голубой лентой. На груди орла располагался щит красного цвета с московским гербом. Окаймляла щит цепь ордена Андрея Первозванного. Корона, скипетр и держава у орла были золотые. Число знамен в каждом полку соответствовало числу мушкетерских или фузелерных рот. Знамя первой шефской роты обязательно имело белый крест при цветных углах и являлось полковым. На других ротных знаменах кресты были цветные.

В полки посылались полотнища, кисти, навершия и Подтоки; древки изготовлялись в полку. Их длина была 4 1/2 аршина, длина навершия с трубкой — 5 1/2 вершков. Для древков существовало 4 регламентных цвета: палевый, белый, кофейный и черный. Такими знаменами постепенно до 1800 г. снабжались все пехотные армейские части.

К тому времени, когда почти все гренадерские, мушкетерские и гарнизонные полки получили новые знамена, Павел установил другой образец армейских знамен, получивших название знамен образца 1800 г.

Новые знамена также имели средину в виде оранжевого круга, в котором помещался черный двуглавый орел, но развернутый в пол-оборота и метаящий громовые стрелы. Под орлом на голубой ленте помещалась надпись («С нами Бог» — на лицевой стороне, «Благодать» — на другой); по углам — вензеля императора в лавровых венках под коронами. Двуглавый орел на навершии был заменен императорским вензелем из двух накрест положенных букв «П» и цифры «1». На новых образцах

знамен, как и на прежних, знамя первой роты имело белый крест, углы же были различных цветов (по инспекциям).

В Лифляндской, Смоленской, Литовской и Брестской инспекциях на полковых знаменах крест был белый, углы - черно-красные; на ротных - крест черный, углы красные; вензеля на углах, лавры и стрелы - серебряные. В Украинской, Днестровской, Крымской и Кавказской инспекциях на полковых знаменах крест был белый, углы - желто-белые; на ротных - желтый крест (поверх него — белый), углы белые; вензеля, лавры и стрелы - золотые. В Финляндской инспекции на полковых знаменах — белый крест и светло-синие с черным углы; на ротных - светло-синий крест и черные углы; вензеля, лавры и стрелы - золотые. В Оренбургской и Сибирской инспекциях на полковых знаменах - белый крест и зелено-желтые углы; на ротных — зеленый крест и желтые углы; вензеля, лавры и стрелы - золотые. В Санкт-Петербургской и Московской инспекциях на полковых знаменах — белый крест и малиново-белые углы; на ротных - малиновый крест (поверх него - белый) и белые углы; вензеля, лавры и стрелы - золотые.

Такие знамена успели получить не более двух-трех полков в каждой инспекции.

Впервые в России знамена образца 1800 г. могли служить и знаком полкового отличия. За выдающиеся заслуги несколько полков при Павле получили знамена, отличающиеся от общеармейских голубой лентой под орлом с надписью, указывающей на причину награждения: в Таврическом гренадерском — «За взятие знамя в сражении против французов в Голландии под г. Бергеном 1799 г.», в Московском гренадерском — «За взятие знамя у французов при Требии и Нуре 1799 г.», в Архангелогородском мушкетерском — «За взятие французского знамя на горах Альпийских», в Смоленском мушкетерском — «За взятие французского знамя на горах Альпийских», в Кабардинском мушкетерском — «За взятие у Аварских войск знамя при реке Иоре 7 ноября 1800 г.».

* * *

Вооружение пехоты изменилось незначительно. Офицеры вновь были вынуждены носить эспонтон с изображением орла, вензеля и с аббревиатурой названия полка. Шпаги в нечерненых кожаных ножнах носились либо под левой полкой мундира (летом), либо сзади на ладонь от «задней на спине мундира пуговицы»; цвет португеей соответствовал цвету камзола.

Унтер-офицеры гренадерских рот носили особые винтовальные унтер-офицерские ружья с шестью нарезками в стволе, которые были короче и легче солдатских. На крышке унтер-офицерского подсумка, носящегося спереди на португее, крепилась медная бляха с двуглавым орлом.

Остальные унтер-офицеры получили алебарды. И те и другие в строю носили трости с белым набалдашником, латунным наконечником и кожаным темляком. Нижние чины вооружались ружьями со штыками и шпагами с тесачными клинками. В 1798 г., помимо винтового, был выпущен и новый образец солдатского ружья, впервые принятый на вооружение как в армии, так и в гвардии. Ружейные ремни, огнивные чехлы и полунагалища (чехлы, закрывающие весь ружейный замок) делались из красной юфти, штыковые и шпажные ножны — из нечерненной кожи, португее (с четырехугольной пряжкой) — из выбеленой кожи. Эфес шпаги в Павловском гренадерском и в мушкетерском Архарова полках был без чашек, в других полках — с чашками, делался он целиком из латуни.

Патронные сумы украшались круглыми латунными бляхами с изображением малого государственного герба и носились на белой кожаной перевязи через левое плечо.

На изготовление четырехугольных ранцев шли телячьи шкуры (шерстью наружу); к каждому ранцу полагалось 5 пряжек (две для крепления белого ремня, три — для застегивания ранца). Ранец носился через правое плечо, к нему белым ремнем привязывалась жестяная фляга. Через левое плечо под мундиром носился сухарный мешок («шнапзак») из полотна или кожи (белой или черной, но единого цвета в полку). Шинель могла крепиться поверх ранца, либо надевалась в скатке через левое плечо.

Униформа, вводимая Павлом, имела в своей основе прусские образцы конца 80-х гг. XVIII в. В свою очередь, Пруссия, несомненно, была наиболее консервативным в военных вопросах государством Европы; все «новшества» в ней, касающиеся армии, как правило, лишь слегка корректировали порядки времен Фридриха Великого. В 1786 г. несколько изменился покрой формы, но система полковых отличий осталась прежней; с 1796 г. эту систему пришлось перенимать и русской армии.

Десятки неслыханных прежде цветов и оттенков дорогого приборного сукна, разноцветные петлички и материал металлического прибора (желтый или белый) служили теперь для различия полковой принадлежности. Конечно, и при Екатерине мало кто мог запомнить виды погон и определить по ним полк, но при Павле эта задача стала совершенно нерешаемой.

Даже правильно назвать цвет сукна без вспомогательной таблицы мог, пожалуй, лишь художник, ведь наряду с привычными нам названиями — розовый, белый, красный, желтый и др., встречались и совершенно непонятные — яхонтовый, пюсовый, светло-железный, верблюжий, вердепомовый или дикий.

Помимо двух видов строевых головных уборов, существовавших с начала века - гренадерской шапки и мушкетерской шляпы, появился третий - фузелерная шапка, присвоенная нижним чинам фузелерных рот гренадерских полков.

На налобнике гренадерской шапки изображались императорская корона, двуглавый орел и лента с надписью «С нами Бог». У нижнего края налобника помещался «кайзер-флаг» или императорский вензель; оставшееся место заполнялось воинской арматурой. Суконный задник был приборного цвета, а околыш чаще всего - темно-зеленого. Задник и околыш обшивались шнуром или тесьмой, сверху шапки крепилась кисть (изначально у всех - из черных и желтых нитей, а с 1798 г. белая в первом батальоне, красная во втором, черно-оранжево-белая у унтер-офицеров), а на околыше - три металлических «гранаты».

В «Генеральном замечании» оговаривались возможные отклонения от уставного образца: задники могли делаться из металла, но лишь в тех полках, «которым Его Императорское Величество сие отличие сам пожалует» [10] (кажется, ни один полк так и не удостоился этого «отличия»); в полках «в которых шефы принцы крови и в особо означенных полках...» бляхи изготавливались «с финифтью». Таким образом, лишь шапки некоторых полков имели отличия от общего образца. Например, Павловский гренадерский полк выделялся черным орлом, лейб-гренадерский — белым вензелем на красном фоне у нижнего края налобника. Отвыкнув при Екатерине от вида подобных шапок, армейские офицеры окрестили их «сахарными головами».

На кожаных фузелерных шапках, которые были ниже гренадерских, налобник украшался металлической бляхой, а тулья с околышем обтягивались сукном; поверх сукна на тулье укреплялись две пересекающиеся полосы металла, продолжением которых на околыше служили три бляхи с изображениями гранат. Тулья венчалась «пламенем» на пересечении полосок. Цвет сукна на околыше и тулье соответствовал цветам гренадерской шапки. На бляхе налобника также присутствовали изображения короны, ленты с надписью, орла и воинской арматуры; у нижнего края изображался императорский вензель, покрытый эмалью в тех полках, где эмаль полагалась на гренадерских шапках. Гренадерские и фузелерные шапки в походе носились в чехлах из вошени.

Нижние чины мушкетерских рот и все офицеры носили шляпу. У офицеров она обшивалась узким галуном и украшалась черно-оранжевым бантом, золотой пуговицей и черно-золотыми (позже серебряными с черным и оранжевым) боковыми кистями. В Лейб-гренадерском и Павловском гренадерском полках на офицерских шляпах нашивались золотые кисти, в Московском гренадерском галун был широкий зубчатый. Генеральские шляпы (которые остались единственным отличием генералов) имели широкий зубчатый галун и белый плюмаж.

Унтер-офицерские шляпы имели черно-желтые боковые кисти, разделенную на четыре сектора верхнюю кисть (боковые секторы черно-оранжевые, верхний и нижний — белые) и галунную обшивку. У рядовых обшивка делалась из белой тесьмы, а верхняя кисть была двухцветной (темно-зеленой с серединой прикладного цвета).

Вне строя солдаты носили фуражные шапки в виде колпаков (часто с околышем). Расцветка околыша, выпушек и кисти в идеале должна была указывать на полк и роту владельца, но так как шапки шились из старых мундиров, то зачастую цветного сукна для них не доставало.

В обращение вводилось два вида мундира — с лацканами и без них; у мундиров второго вида края бортов спереди кроились с выступом. Воротников могло не быть совсем, но чаще были отложные; обшлага — круглые с клапанами мундирного сукна или разрезные (у пяти полков). Сукно приборного цвета шло на воротники, лацканы, обшлага и погон (на левом плече). Полы фалд заворачивались, подкладка и отвороты фалд делались из красной каразеи. На клапанах обшлагов либо на самих обшлагах (если они были разрезными) нашивалось по две петлицы (кроме одного полка) с кисточками или без них; цвет петлиц и узора на них различались по полкам.

В целом же покрой мундира соответствовал общеевропейскому образцу XVIII в., тому покрою, от которого большая часть русской армии отказалась еще в 1786 г.

Зимние штаны и камзол шились из сукна, цвет которого выбирался из трех возможных: белого, палевого и желтого. Летом носили полотняные штаны. Во всех полках использовались черные суконные штіблеты с 12 медными пуговицами (лейб-гре-надерам, помимо черных, были присвоены парадные белые штіблеты) и тупоносые башмаки. Во время боевых действий, по свидетельствам очевидцев, и солдаты и офицеры совершенно игнорировали неудобные штіблеты: офицеры, как правило, носили сапоги, а нижние чины — походные холщовые штаны.

Приборный металл (отделка шапок, галуны, пуговицы) мог быть желтый (латунь) или белый (олово), но в 1800—1801 гг. белый металл был почти повсеместно заменен на желтый, как более долговечный.

На мундирах унтер-офицеров не было погон, а галун нашивался по краям воротника (если таковой был) и обшлагов, а также по краям клапанов обшлагов; у карманных клапанов у унтер-офицеров пришивалось по две пуговицы (у рядовых — по три).

Мундиры офицеров не имели погон; пуговицы и петлицы были золотые или серебряные (по прибору); полы подвергались лишь при ношении сапог с раструбами, штібель-манжетами и шпорами (у штаб-офицеров и адъютантов).

Унтер-офицеры и офицеры в строю носили перчатки в цвет камзола с небольшими крагами.

С 1797 г. в употребление стала вводиться, пожалуй, наиболее удобная вещь, появившаяся в павловское время, — солдатская шинель. Действительно, епанча, носившаяся линейной пехотой без малого век, совершенно не отвечала требованиям походной жизни. Шинель же и до наших времен так и не нашла достойной замены. Шинель шилась из белого сукна и имела отложной воротник и рукава с отворотами; застегивалась она на шесть обтяжных пуговиц на груди. С 1799 г. цвет сукна был заменен на темно-зеленый, а пуговицы упразднены. Лишь часть полков успела получить шинели перед войной с Францией: так, войска А. М. Римского-Корсакова носили епанчи, а полки суворовской армии — шинели.

Не были обойдены вниманием и офицеры: они получили темно-зеленую шинель с шестью пуговицами на груди и с двумя воротниками — невысоким стоячим и длинным отложным. Вне строя они могли носить и сюртук, сходный по покрою с мундиром, но без лацканов.

Галстуки нижних чинов были красные с белой каймой, а офицерские — белые; только в Московском гренадерском полку и те и другие носили черные галстуки.

Лейб-гренадерский полк и мушкетерский полк Ушакова 1-го отличались аксельбантами на правом плече: в первом из них нижние чины носили желтые гарусные, а офицеры — золотые аксельбанты; во втором — белые с серебром и серебряные соответственно.

Серебряные офицерские знаки носились на черной с оранжевой каймой ленте; в центре знака помещалась вызолоченная бляха с овальным эмалированным медальоном и черным орлом. Шарф был серебряный с пятью черно-оранжевыми полосами и с черно-оранжевыми центрами кистей. Офицерские шарфы играют до сих пор довольно значительную роль в, пожалуй, наиболее распространенной легенде, связанной с павловскими временами. Согласно этой легенде, для починки Чертова моста в Альпах во время Швейцарского похода использовались бревна, которые офицеры крепили своими шарфами под огнем противника. На самом же деле, по воспоминаниям непосредственного участника событий (капитана Московского гренадерского полка Грязева), мост был укреплен солдатами с помощью обычных веревок и гвоздей.

Став гроссмейстером Мальтийского ордена, Павел в 1799 г. ввел малиновый цвет, являвшийся одним из цветов ордена, в некоторые элементы обмундирования (гайки кистей шляп, шарфов и темляков) армии и расцветки ее знамен.

Барабанщики и «флейщики» одевались так же, как и нижние чины их рот, отличаясь лишь наплечниками из сукна прикладного цвета и нарукавными поперечными нашивками (по 4) из тесьмы того же вида, что и на петлицах. Погон у барабанщиков нашивался на правом плече, а у «флейщиков» — на левом. Полковые барабанщики, носящие форму фузелерных (в гренадерских полках) или мушкетерских (в мушкетерских) барабанщиков, имели унтер-офицерские отличия (галуны, перчатки, трость); кроме того, тесьмой обшивались все швы мундира. Музыканты, в отличие от полковых барабанщиков, не имели погон, перчаток и тростей; тесьма на их мундирах была серебряная.

Появившиеся в полках «фрунтовые мастера» (обученные азам инженерного дела солдаты) носили форму своих рот; их воинскую специальность обозначали кожаный передник и топор на длинном топорщике.

Нестроевые офицерского чина (квартирмейстер, аудитор и лекарь) носили офицерские шляпы с галуном и с бантом (у квартирмейстера — с боковыми кистями), палевые перчатки, темно-зеленый мундир без лацканов с разрезными обшлагами (подкладка у лекаря — зеленая, у других — красная), темно-зеленый камзол с серебряным галуном, палевые штаны и сапоги с: раструбами. Пуговицы и темляк (у квартирмейстера) были серебряные; вооружением служила офицерская шпага.

Полковые вагенмейстеры одевались подобно строевым унтер-офицерам, но во всех полках носили шляпу.

Нестроевые нижние чины отличались довольно скромным обмундированием. Им были присвоены: шляпа с пуговицей, темно-зеленые галстук, сюртук и камзол, белые суконные (летом холстинные) штаны и сапоги без раструбов.

Правила ношения предметов обмундирования и снаряжения строго оговаривались в Уставе. С 1 сентября по 1 ноября лацканы мундира закрывались: пуговицы, кроме двух нижних, застегивались, а портупеи носили по камзолу. С 1 ноября по 1 марта застегивались все пуговицы; портупея надевалась на кафтан. С 1 марта по 1 мая лацканы открывались, а мундир застегивался на все крючки и на две нижние пуговицы. С 1 мая по 1 сентября кафтаны носили нараспашку, а портупеи — по камзолу. С 1 июня по 1 сентября суконные штаны заменялись холстинными. С 1 октября по 1 мая часовым на караулах разрешалось надевать шубы и теплые сапоги, при этом почему-то совершенно упускалось из вида предохранение от холода головы солдата.

Шинели позволялось носить в холодную и дождливую погоду; в гарнизонах городов, во всяком случае в Санкт-Петербургском, только в январе и феврале солдаты могли использовать шинели, в другое же время за это наказывались и нижние чины, и их начальники.

Стрелевые головные уборы военные чины носили при всех случаях, лишь на квартирах разрешалось надевать фуражные шапки. В холодное время года под кафтан или камзол могла поддеваться фуфайка, сделанная либо из старых камзолов, либо из овчины (в морозы). Для этого в швах кафтана и камзола оставлялся запас ткани, а при необходимости и эти вещи распускались.

Офицерам запрещалось носить партикулярное платье во всех случаях; каждый год обер-офицеры обязаны были шить новый мундир и заказывать темляк, а каждые пять лет — новый шарф; в поход с собой приходилось брать два мундира, три камзола, две шляпы и два шарфа.

В специальном параграфе Устава отмечалось, что отступления от высочайше утвержденных образцов не допускаются. Именно с этого времени пехота приобрела единообразный внешний вид; отличия встречались лишь в мелких деталях. Правда, еще полвека потребовалось, чтобы промышленность стала выпускать ткани единообразных оттенков в нужных количествах, но, повторяем, в целом пестрота обмундирования, свойственная полкам XVIII в., исчезла.

Егеря, в отличие от тяжелой пехоты, имели светло-зеленые мундиры и черные кожаные ремни (портупей, ружейные, ранцевые ремни, ремни фляжек). На шляпах рядовые егеря и унтер-офицеры не имели иных украшений, кроме пуговицы и боковых кистей (которые стали малиновыми в 1799 г.). Офицерские шляпы отличались золотым галуном по краю, бантом и петлицей; кроме того, генеральские шляпы имели белый плюмаж. Во время Итальянского и Швейцарского походов многие офицеры-егеря носили шляпы без галунной обшивки.

На мундире воротник и разрезные обшлага были приборного цвета; лацканов и погон не было. Унтер-офицеры нашивали галун на воротнике и обшлагах; на офицерских мундирах полы подвергивались. Для отличия полков служил и аксельбант на правом плече, шерстяной (приборного цвета) у нижних чинов и металлический (золотой или серебряный, по прибору) у офицеров. Камзол у всех был светло-зеленый, галстук — черный. Егеря носили узкие «чакчиры» (штаны венгерского типа), белые суконные (изначально — замшевые) зимой и полотняные летом, заправляющиеся в короткие сапоги с вырезом сзади (штаб-офицеры и адъютанты имели высокие сапоги с раструбами).

На темно-зеленую шинель у нижних чинов нашивались обтяжные пуговицы; офицерская шинель, шарф и темляк были такие же, как и в тяжелой пехоте, а сюртук делался из светло-зеленого сукна. Офицерский знак в егерских полках уже в 1797 г. был выведен из употребления.

Мундиры музыкантов (валторнистов) расширялись белой тесьмой со «змежкой» полкового цвета и кисточками. Отличия нестроевых, видимо, укладывались в схему, принятую для тяжелой пехоты.

Обер-офицеры вооружались шпагой и эспонтоном (вскоре отмененным), штаб-офицеры — шпагой (в конном строю штаб-офицеры и адъютанты имели пару пистолетов). Вне строя офицеры (а унтер-офицеры и в строю) носили трости. Все строевые нижние чины (кроме музыкантов) должны были получить нарезные штуцера образца 1798 г. (или ранних образцов) с кортиками; на деле же широко использовались егерские и обычные солдатские ружья. Музыканты носили шпаги с тесачными клинками. Патроны помещались в черных подсумках без украшений, носящихся спереди на поясе; ранец, сухарный мешок и фляга не отличались от гренадерских и мушкетерских.

В конце 1800 г. решено было существенно реорганизовать егерские полки. Половина нижних чинов (через взвод) теперь должна была вооружаться ружьями со штыками и носить патроны в черных патронных сумках на лосиных некрашеных перевязях через плечо; у другой половины (в том числе и у всех унтер-офицеров) сохранялись штуцера и подсумки. Портупей у всех чинов должны были делаться также из некрашеной лосины; зимние чакчиры заменялись на суконные светло-зеленые штаны, летние — на полотняные штаны, короткие сапоги — на длинные с «завороченными раструбами» и штибель-манжетами [2, л. 1].

Неизвестно, многие ли полки успели перейти на новую форму одежды, но новая система вооружения была принята во всей легкой пехоте.

Но все преобразования обмундирования, касающиеся армии, не шли ни в какое сравнение с чередой крупных и малых изменений внешнего вида гвардейцев, следовавших одно за другим. Пускаясь в подобные описания всех этих «новшеств», мы рисковали бы значительно увеличить объем книги и сделать ее излишне усложненным пособием по развитию униформы. Поэтому отметим лишь наиболее общие детали гвардейской формы.

В полках тяжелой пехоты в период 1796—1801 гг. последовательно сменилось несколько образцов гренадерских шапок.

В 1796 г. шапки были подобны армейским, но с раскрашенным кайзер-флагом и двумя штандартами с вензелями на вызолоченном налобнике; задник был суконный, а околыш — медный вызолоченный.

В 1798 г. кайзер-флаг был заменен на белый «мальтийский» крест (на красном фоне). Менее чем через год был введен новый образец шапки, с черным орлом (на груди которого помещался щит с крестом), короной, вензелем и надписью «Благодать» на налобнике и с таким же орлом и надписью на околыше. В 1800 г. золоченые бляхи и околыши были оставлены лишь в 1-м и 2-м батальонах Преображенского и в первых батальонах двух других полков; в других (также гренадерских) батальонах бляхи были медные, а околыши - суконные с медными гранатами. На протяжении этого времени менялись и цвета кистей, задников, околышей и выпушек.

Мушкетерская шляпа рядовых обшивалась белой тесьмой, кисти были темно-зеленые с серединой цвета воротника; у унтер-офицеров белая тесьма заменялась на галун, а двухцветные кисти - на пестрые (бело-черно-оранжевые). У обер-офицеров шляпа обшивалась узким галуном и имела черный с оранжевой каймой бант; штаб-офицеры отличались широким галуном, золотой петлицей и белым плюмажем.

Гвардейцы изначально носили однотипные темно-зеленые мундиры без лацканов с отложными воротниками (красными, синими или темно-зелеными) и круглыми красными обшлагами. Петлицы на клапанах обшлагов были желтые с кисточками и с полосками полкового цвета. На левом плече рядовые носили погон такого же цвета. Унтер-офицерские мундиры обшивались галуном, как в армии. С 1797 г. у измайловцев отложной воротник был заменен на низкую стойку с одной золотой петличкой; в двух других полках на отложных воротниках нашивалось по 2 петлицы. У унтер-офицеров-измайловцев галун сохранился лишь на обшлагах. Сами обшлага во всех полках с 1797 г. стали разрезные, а с 1800 г. - опять круглые, причем пуговицы с обшлагов были перенесены на клапана.

Первоначально офицеры носили мундиры с воротниками полкового цвета и зелеными круглыми обшлагами (петлицы были золотые). Затем покрой мундиров менялся следующим образом; в 1797 г. появились воротники-стойки у измайловцев и красные разрезные обшлага во всех полках; петлицы на воротниках и обшлагах стали вышиваться по специальным рисункам, отличающимся в каждом из полков; на правом плече все офицеры стали носить аксельбант (присвоенный в 1796 г. лишь семеновцам). В 1800 г. офицеры получили новые мундиры: в Преображенском полку - с красными лацканами, воротниками и с разрезными (с конца года круглыми) обшлагами; в Семеновском - с круглыми обшлагами и отложными синими воротниками, в Измайловском - с круглыми обшлагами и стоячими темно-зелеными воротниками. Всем полагались золотые аксельбанты; петлицы располагались на лацканах и на клапанах обшлагов у преображенцев (у них же по краям лацканов, обшлагов и клапанов шла золотая вышивка), а в двух других полках - на воротниках, бортах, обшлагах и карманных клапанах.

Камзолы и штаны у всех чинов были белые, а штиблеты двух видов: белые парадные и черные повседневные. Галстуки нижних чинов в 1796 г. стали красные с белой каймой, с конца 1797 г. — черные, с 1800 г. — снова красные; офицеры вместо красных носили белые галстуки.

В 1796 г. в пехоте был введен единый офицерский знак, одинаковый для гвардейских и армейских частей без различий по чинам. В 1798 г. на офицерских знаках был добавлен мальтийский крест, а еще в начале 1797 года убрана памятная надпись «1700 № 19» со знаков преображенцев и семеновцев.

Даже прически гвардейцев различались по полкам: в Преображенском полку нижние чины завивали две букли, в Семеновском — одну; в Измайловском букли не завивались ни офицерами, ни нижними чинами.

Цвета барабанных палок и древков алебард и эспонтонов несколько раз менялись.

Мундиры музыкантов расшивались желтой тесьмой с полосками полкового цвета; такого же цвета были и наплечники. В 1800 г. для «флейщиков» Преображенского полка была введена довольно оригинальная форма, включающая красную шапку с тюрбаном из белого полотна и с белым султаном, длинный кафтан, расшитый золотым галуном, белый жилет, штаны и штиблеты и широкий красный пояс, пришитый к мундиру.

Нижние чины лейб-батальона Преображенского полка, особенно любимого императором, отличались галунной расшивкой мундира в виде петлиц на груди, воротнике и клапанах обшлагов.

В лейб-гвардии Егерском батальоне форма соответствовала армейской егерской, за исключением некоторых деталей. Прикладной цвет в батальоне был оранжевый, а цвет приборного металла — желтый. Реформа егерей в 1800 г. коснулась и гвардейцев, с той лишь разницей, что летние штаны делались из лосины.

При изучении униформы павловского времени трудно избавиться от впечатления, что все неудобные «новшества» вводились императором лишь для того, чтобы не повторить, пусть даже и в чисто внешних проявлениях, порядков екатерининской армии. Так, после Швейцарского похода Павел долго гневался на великого князя Константина Павловича только за то, что тот предложил несколько изменить одежду и вооружение солдат, выведя из употребления штиблеты и алебарды [23, с. 60].

Упорядочению подверглись и полковые музыкантские команды. Сохранился анекдот павловского времени, рассказывающий о довольно показательном эпизоде: «Как-то государь увидел превеликую толпу музыкантов, стоящих на фланге полка. Павел I показывал вид, что не знает, какой это народ, и спросил: «А это что за войско?» — «Музыканты, Ваше Величество», — отвечают ему. — «Как! Неужели это все музыканты? Да тут их превеликая толпа... Э-э, — продолжает удивляться государь и, подойдя к строю музыкантов, крикнул: — Лучшие два музыканта (в данном случае, валторнисты. — Авт.), выходи сюда!» Когда те вышли, он таким же порядком вызвал лучших кларнетистов и одного лучшего фаготиста. "Вот и сих довольно будет. Вы оставайтесь музыкантами, — сказал царь избранным, — а всех прочих поместите-ка в ротное число, и пускай они будут солдаты"» [70, с. 33].

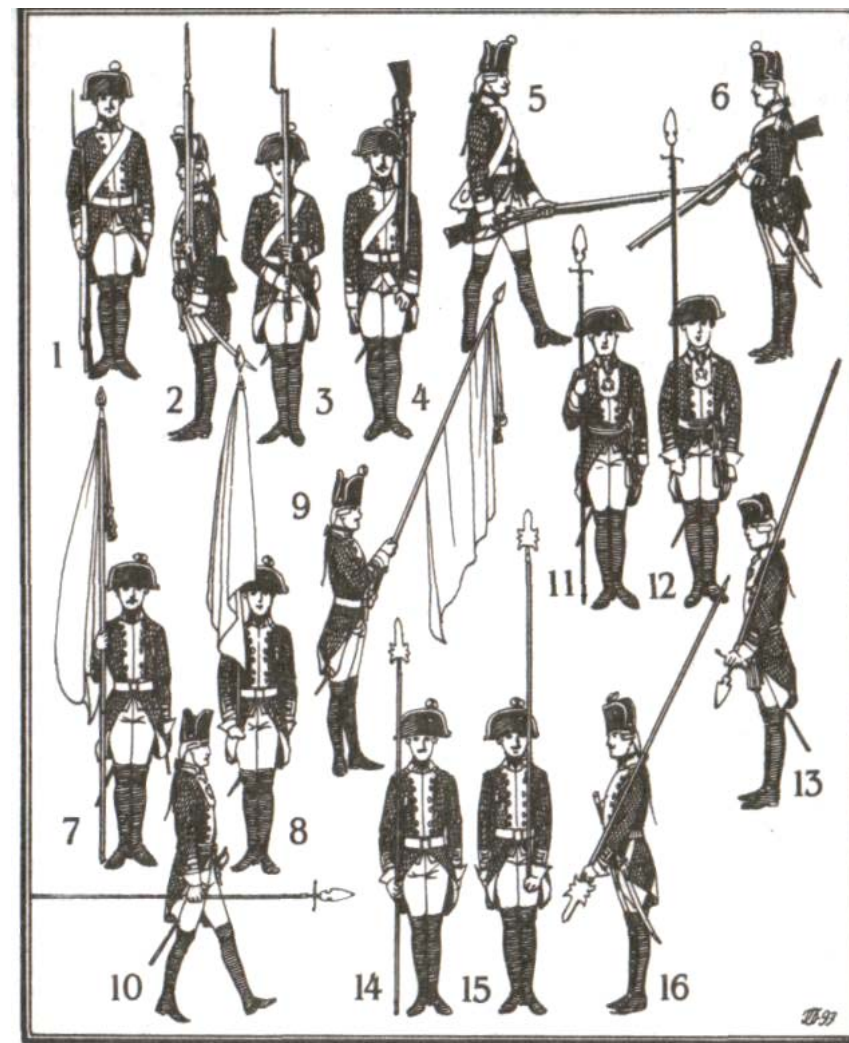
По новым штатам в мушкетерских и гренадерских полках полагалось 5 музыкантов, в 1798 г. — 7; в 1800 г. было добавлено еще 3 музыканта. Из инструментов, помимо состоящих в ротах барабанов и флейт, были оставлены валторны, кларнеты, гобои, фаготы и флейтраверсы. В егерских батальонах, а затем и полках, «музыка» была представлена лишь ротными валторнистами.

Если музыкантские команды и были сокращены, то песенные хоры продолжали использоваться, по-прежнему удивляя иностранцев. Принц Евгений Вюртембергский, прибывший в Россию в 1801 г., так вспоминал о приеме, оказанном ему в Гродно: «За завтраком, между прочим, неприятно были поражены мои музыкальные способности. Военные песенники оглушали меня и, выведенный из терпения этим гамом, я воскликнул: "Да это несноснее собачьего воя!" — "Настоящая русская музыка", — самодовольно возразил мне комендант» [45, с. 53].

Конечно, о вкусах не спорят, но то, что в большинстве полков от хоров требовалась в первую очередь громкость, несомненно.

При Павле впервые мелодии полковой музыки (как и знамена) стали играть роль отличий за конкретные заслуги. Введенный по прусскому образцу для гренадерских полков особый «гренадерский бой» мог теперь присваиваться мушкетерским и егерским полкам. Первым получил его Елецкий мушкетерский полк в 1797 г. за удачные маневры, всего же до 1801 г. таким боем было награждено 8 мушкетерских и 3 егерских полка.

Полная регламентация всех сторон жизни была невозможна при прежнем расположении полка на квартирах по многочисленным деревням. Поэтому для компактного проживания чинов в городах начали строить казармы; гвардия первая перешла на казарменный образ жизни.

Строевые приемы по Уставу 1796 г.

К ноге (1), на плечо (2), на караул (3), ружье с поля (4), на руку (5), от дождя (6). Приемы со знаменем: к ноге (7), на плечо (8), на караул (9). Офицерские приемы: плашмя на ходу (10), к ноге (11), на плечо (12), с поля (13). Унтер-офицерские приемы: к ноге (14), на плечо (15), с поля (16).

Исходя из положений Устава, можно понять, что гарнизонная служба полков была чрезвычайно сложна. Миновали те времена, когда солдаты на квартирах по полгода не видели своих начальников и вели необременяющий их образ жизни. Теперь все мелочи быта были строго определены. Один из гвардейских офицеров в стихах сетовал на новые порядки:

«Ахти-ахти-ахти — попался я впросак!
Из хвата-егеря я сделался пруссак.
И, каску поменяв на шляпу треугольну,
Веду теперь я жизнь и скучну, и невольну.
Наместо чтоб идти иль в клуб, иль в маскарад,
Готов всегда бежать к дворцу на вахтпарад...» [81, с. 3—4].

Страшный «вахтпарад», неразрывно связанный в нашем представлении с павловской муштрой, на самом деле был всего лишь разводом караулов (этим словом обозначались и участвующие в разводе отдельные караулы). Правда, правила его, действительно, были довольно сложны, а малейшие погрешности, особенно в присутствии императора или его гатчинских воспитанников, могли привести к несоразмерным наказаниям.

Вахтпарады проводились «в больших и в малых гарнизонах» в 11 часов утра. Назначенные на караул чины осматривались капитаном роты; перед проверкой солдаты примыкали штыки и клали шомпол в ствол. Капитаны проверяли состояние обмундирования, амуниции и вооружения, после чего штыки отмыкались, а шомпола вставлялись на свое место. Ротные «вахтпарады» собирались у квартиры полкового командира, а уже оттуда маршировали на назначенное в гарнизоне «парадное место», где и строились, как батальон из четырех, шести или восьми взводов с гренADERами (если таковые были) на фланге.

Все свободные от службы офицеры и унтер-офицеры гарнизона в обязательном порядке присутствовали при церемонии, выстраиваясь напротив линии караулов (офицеры в одну шеренгу, за ними — унтер-офицеры).

Старший офицер после этого скакал к командующему парадом и «спрашивал его о повелениях». Командующий мог приказать «вахтпараду» пройти церемониальным маршем.

«Гаубтвахта» (главный караул) перемещался на правый фланг парада, его место занимали гренADERы, после чего начинался марш «гауптвахта», а за ней другие караулы). На этом церемония заканчивалась, и караулы расходились к назначенным местам.

Для солдат и офицеров, заступающих в караул, были описаны, пожалуй, все возможные варианты действий и даже образцы рапортов, подаваемых старшими по караулу.

Сложны и разнообразны были обязанности часовых. Им полагалось «ничего не делать, ружье из рук не выпускать, не садиться, не напиваться пьяным, не спать, с постов не сходить; ночью в 50 шагах от себя откликать» [20, с. 140]. Они должны были содержать свои посты в чистоте, оберегать их от беспорядка, шума и пожара. В обязательном порядке часовые отдавали честь офицерам, воинским командам или «знатным особам», задерживали приблизившихся к посту незнакомых офицеров, солдат, «пьяных или безумных» нарушителей. В военное время они вообще не допускали к себе никого, кроме дозоров и патрулей.

Следя за временем, часовые кричали барабанщикам, когда пора бить утреннюю или вечернюю зори (вечерняя зоря билась в 8 часов с середины сентября до середины марта, а в другое время — от 9 до 10 часов).

Все это было чрезвычайно сложно для молодых солдат, и юзтому на ответственные посты, особенно у оружия или знамен, полагались только старослужащие.

Помимо караулов, в гарнизоне выделялись дозоры (рунды) для поддержания порядка и для проверки постов. Один из дозоров (в военное время — два) состоял из капитана, унтер-офицера и двух солдат главного караула. Начальниками двух других дозоров были специально назначенные в гарнизоне офицеры; от караула к караулу их сопровождали унтер-офицер и два солдата.

При встрече дозора и караула следовала церемония отдачи пароля, причем офицер караула упирал в грудь дозорного офицера эспонгон (унтер-офицер — алебарду), а тот, в свою очередь, упирал в грудь караульного офицера шпагу.

Паролем служило название города, сменяемое ежедневно после развода. В военное время отдавался и лозунг (имя какого-либо святого).

Подробно описывалась церемония отдания пароля. В 11 часов утра офицер главного караула собирал в круг майоров полков, адъютантов и дежурных штаб-офицеров и говорил пароль. Этот круг охранялся расставленными часовыми (унтер-офицер и 8 рядовых), держащими ружья на караул.

За час до вечерней зари майор в полку отдавал пароль адъютантам, фельдфебелям и унтер-офицерам пикета и караулов. Собирая в круг караулы, унтер-офицеры передавали пароль им.

Разместившись в деревне, батальон выделял гауптвахту из 40 человек с пушками и патронными ящиками и два поста (поручик и 30 рядовых) на въезде и выезде из деревни. Поперек дороги ставились сцепленные оглоблями телеги. Между постами в защищенных местах дежурили часовые, кричавшие ночью каждые четверть часа: «Кто идет?»

При остановках на походе солдаты клали ружья на землю и не имели права отлучаться от них; лишь команды со специально выделенными унтер-офицерами шли за водой, да и то, если она была недалеко.

Лагерь разбивался по-прежнему в одну или в две линии полков. В каждой роте полагалось иметь две унтер-офицерские палатки, 22 палатки для рядовых и две пирамиды для ружей. Ротные офицеры жили в одной палатке позади своих рот, командир батальона — за серединой батальона, унтер-штаб (4 палатки) располагался за первым батальоном. Перед центром батальона в землю втыкались свернутые знамена; по обеим сторонам от них, также в одну линию, офицеры втыкали эспон-тоны; позади знамен на подставках помещались барабаны. За 300 шагов от главной линии выдвигались полевые (перед фронтом) и палочные (за фронтом) караулы, которые разбивали свои палатки и выставляли цепь парных часовых. Если неприятель был близко, то в каждом полку выделялись пикеты, люди в которых находились в постоянной готовности.

Пикеты (форпосты) выходили за линию лагеря за час до темноты и возвращались в 8 часов утра, если не было особого распоряжения. Если существовала вероятность нападения противника, то в лагере наряжался резерв, всегда готовый к бою.

Все караульные полка проверялись рундами — полковником, майором и двумя обер-офицерами. В батальоне ставились часовые: по одному перед ружьями, перед знаменами, перед палаткой командира батальона, на обоих флангах батальона.

По часовым у генеральских палаток можно было узнать чин военачальника: у фельдмаршальской палатки стояли двое часовых с ружьями у ноги; у генерал-аншефа - двое часовых, один из которых держал ружье у ноги, а другой - на плече; у генерал-поручика - один часовой с ружьем у ноги; у генерал-майора - один часовой с ружьем на плече. Часовые у знамен и у палаток командиров батальонов держали ружья у ноги, прочие часовые — на плече.

Когда лагерь был разбит, то от каждого батальона выделялся «деташмент» (отряд) с офицером и четырьмя унтер-офицерами для собирания дров, соломы для палаток, а также за водой. Нижние чины отряда, одетые в камзолы и фуражные шапки, с тесаками, строились в 3 шеренги; офицер делал переключку и вел их за собой. В лагере солдатам запрещалось заходить в расположение других полков.

После вечерней зари младшим офицерам нельзя было отлучаться от батальона, шуметь и играть в карты. Солдаты ложились спать после захода солнца или сразу после зари.

В полдень в лагере раздавалась пальба — это разом разряжались все не выстрелившие на учениях или в бою ружья. В другое время стрельба (кроме учений и погребений) запрещалась, а виновных в незапланированных выстрелах рядовых прогоняли сквозь строй.

С 5 до 9 часов утра проводились учения рекрутов, от часа до трех пополудни — учения барабанщиков. Батальонные учения в лагере назначались дважды в неделю, но не более, чем четвертой частью батальона. Из лагеря высылались «отдельные посты». Если посты подвергались нападению, то им предписывалось удерживаться на месте до последней возможности. В случае, если офицер, командовавший отступившим постом, не мог доказать необходимость отступления, то он лишался чинов и «чести». Офицерам постов запрещалось сдаваться в плен.

В походе каждый полк выделял авангард и арьергард: в мирное время — по одному поручику, по 2 унтер-офицера, по 1 барабанщику и по 36 рядовых; в военное время — «смотря по обстоятельствам». Полковая походная колонна строилась из взводов или полувзводов, солдаты несли ружья, как им удобно, офицеры (кроме одного в батальоне) садились на лошадей. Полковой обоз двигался между последним взводом и арьергардом, повозки размещались по номерам рот. По бокам колонны шли патрули с офицерами.

На походе нижние чины надевали чехлы на некоторые предметы обмундирования; зачехлялись знамена. Но зато, если на мути следования попадался город, то все приводили себя в порядок, чехлы прятались, «обоз и бабы» высылались вперед отдельно. Полк проходил по улицам молодецким маршем: нижние чины держали ружья на плече, а офицеры, также идя пешком, брали эспонтоны «с поля».

Обычной нормой для движения пехоты было 20 верст в день, 100 верст в неделю (с двумя дневками). А. В. Суворов не придерживался этих правил: в 1798 г. за 18 дней армия прошла 500 верст всего лишь с двумя дневками, уставших солдат везли на телегах. Совершенно невероятным и страшным по своей губительности стал марш-бросок, сделанный в мае 1799 г. при Треббии, когда за 36 часов полки почти бегом прошли 80 верст под палящим солнцем, усеивая дорогу упавшими от изнеможения солдатами. В ротах к моменту вступления в бой не было и 40 человек, но время было выиграно - сражение закончилось победой союзников (русских и австрийцев). По-прежнему про должалась безуспешная борьба с обозами. Для обеспечения маршей во время войны положено было до минимума сократить количество повозок; оставляли лишь одну карету

для раненых и больных офицеров и 1—2 хлебные повозки на роту (в зависимости от количества людей), остальные тяжести перевозились на вьючных лошадях.

Едва ли это выполнялось: в поход 1798 г., например, капитан гренадерского Розенберга (Московского) полка Грязев взял охотничьих собак и своего крепостного человека, многие офицеры везли «с собой своих жен, вообще обоз был весьма велик» [74, с. 28]. В сентябре 1799 г. перед Швейцарским походом весь колесный обоз пришлось отделить от армии, продовольствие предполагалось перевозить во вьюках; так как австрийцы не обеспечили доставку мулов, то под вьюки были взяты казачьи лошади. Только через 2 месяца армия соединилась со своими обозами.

Вообще, в 1799 г. русским войскам пришлось столкнуться со сложнейшими проблемами в снабжении: природная стихия здесь объединилась с происками коварных союзников. Розенберг, выступивший на помощь Австрии в 1798 г., вынужден был на полтора месяца задержать движение полков, ибо австрийцы отказывались должным образом обеспечить солдат. Они предлагали выдавать в день по фунту хлеба, в то время как, по словам Розенберга, русский солдат и «по мирному положению получал три фунта хлеба в день и по полтора гарнца круп в месяц...» [74, с. 24]. Павел полностью поддержал требования командующего, и Австрия вынуждена была уступить. Нижние чины с недоверием взирали на выдаваемый пшеничный хлеб, и действительно, оказалось, что он мало подходит для походных условий: в Альпах белые сухари сгнили, солдаты и офицеры вынуждены были довольствоваться выкапываемыми кореньями, сыром («который нашим русским совсем был не по вкусу, и многие из гренадер его не ели...» [74, с. 98]), изредка перепавшим мясом и даже кожей животных. Уже упомянутый нами Грязев вспоминал, что кожу «рогатой скотины... нарезали небольшими кусками, опаливали на огне шерсть, обернувши шомполом, и таким образом обжаривая воображением, ели полусырую» [74, с. 98].

Так же бедствовали и полки корпуса Римского-Корсакого: «У нас никогда не было хлеба; иногда солдаты по целым дням не имели крошки еды во рту. Им давали едва ли и половинную порцию каши, а говядину за все... время они ели только раз..., солдаты выкапывали картофель, бродили шайками по окрестным деревням и производили грабежи» [29, с. 29].

По установленному же Уставом порядку в обозе должно было перевозиться продовольствия на 6 дней, солдат нес в шнапзаке запас на 3 дня. При полку также разрешалось содержать маркитантские повозки (одну для офицеров и по одной для роты); всех приезжающих с провиантом разрешено было пропускать в лагерь.

Несколько улучшилась система денежного довольствия. Жалование комплектных офицеров повышалось; полковник теперь получал 900 руб., капитан и штабс-капитан — 340, подпоручик и прапорщик — 200. Оклады нижних чинов различались довольно значительно: от 8 руб. у рядового до 37 руб. 26 коп. у фельдфебеля. Павел строго запретил делать какие-либо вычеты из солдатских окладов под страхом лишения чинов и увольнения со службы.

Естественная набожность солдат и офицеров подкреплялась распоряжениями Устава. Все чины обязаны были исповедоваться и причащаться не реже раза в год; не реже двух раз в неделю (в воскресенье и в среду) они присутствовали на обедне. В гарнизоне церковь посещалась всеми свободными от караулов чинами с офицерами; дабы солдаты не покидали церковь до конца службы, у дверей становилось два унтер-офицера с алебардами. Походная церковь в лагере разворачивалась у «штабных» палаток. Довольно оригинально подходили к соблюдению поста. Например, перед великим постом появлялись приказы полковых командиров, подобные следующему приказу по Лейб-гренадерскому полку: «Говеть... ротам — на нижеследующих неделях, а именно: на первой всему унтер-штабу и роте Его Величества, на второй — майора Коптева и капитана Василевского, на третьей — капитана Коняева и подполковника Ершова, на четвертой — роте моей, и капитана Поздеева, на пятой — капитана Удома и Выдрина, на шестой — майора Трофимова и артиллерии; для чего и подать полковому священнику по прежним формам в всех чинах именные списки» [6, л. 16]. Военнослужащие, придерживающиеся иной веры, могли посещать свои храмы; препятствий здесь не чинилось.

Продолжая практику, установленную еще А. В. Суворовым при Екатерине, Павел учредил лазареты при каждом полку и при отдельных батальонах и ротах. Заболевших «прилипчивыми болезнями» велено было изолировать от других. Офицеры должны были смотреть, чтобы люди «не объедались» и «не напивались». В холодное время года для часовых на караулах требовалось содержать шубы и теплые сапоги.

Лекари и другие медицинские чины в полки назначались теперь не иначе, как после экзамена Медицинской коллегии.

Отставленных от службы нижних чинов, прослуживших 25 лет или получивших увечье, оставляли на инвалидном содержании. Они могли заниматься ремеслом, оседая в городах, либо продолжать привычную военную жизнь в инвалидных ротах.

В Уставе четко оговаривались даже почести, отдаваемые при погребении воинских чинов. Так, для сопровождения тела генерал-майора выделялся батальон с тремя пушками, для полковника — 400 человек, для подполковника — 300, для майора — 200, для капитана — 12 гренадеров и 120 мушкетеров, для поручика — 60, для прапорщика — 40, для унтер-офицера — 30 и для рядового — 20 солдат [20, с. 187—189].

* * *

Минуло XVIII столетие... Оно дало России сильнейшие вооруженные силы, способные сражаться с регулярным и иррегулярным противником в любых природных условиях. Ядром армии, несомненно, стала окончательно сформировавшаяся многочисленная пехота. Несмотря на ряд заимствований иностранного опыта, она была самобытна и оригинальна; все современники находили, что ни одна страна не располагала столь грозной боевой силой.

Грядущий век готовил русским пехотинцам новые испытания, но до тех пор, пока техника не стала играть определяющей роли на полях сражений, штыки принесли Отечеству немало побед.

Гатчинские войска, 1786—1796 гг.

Рядовой гренадерского батальона майора Эртеля; рядовой мушкетерского батальона майора Мартенса; рядовой егерской роты; рядовой и обер-офицер гренадерского батальона Его Высочества, 1795.

Лейб-гвардия, 1797—1800 гг.

Гренадер и барабанщик Преображенского полка, обер-офицер Семеновского полка, гренадерский унтер-офицер Измайловского полка, мушкетерский унтер-офицер Семеновского полка.

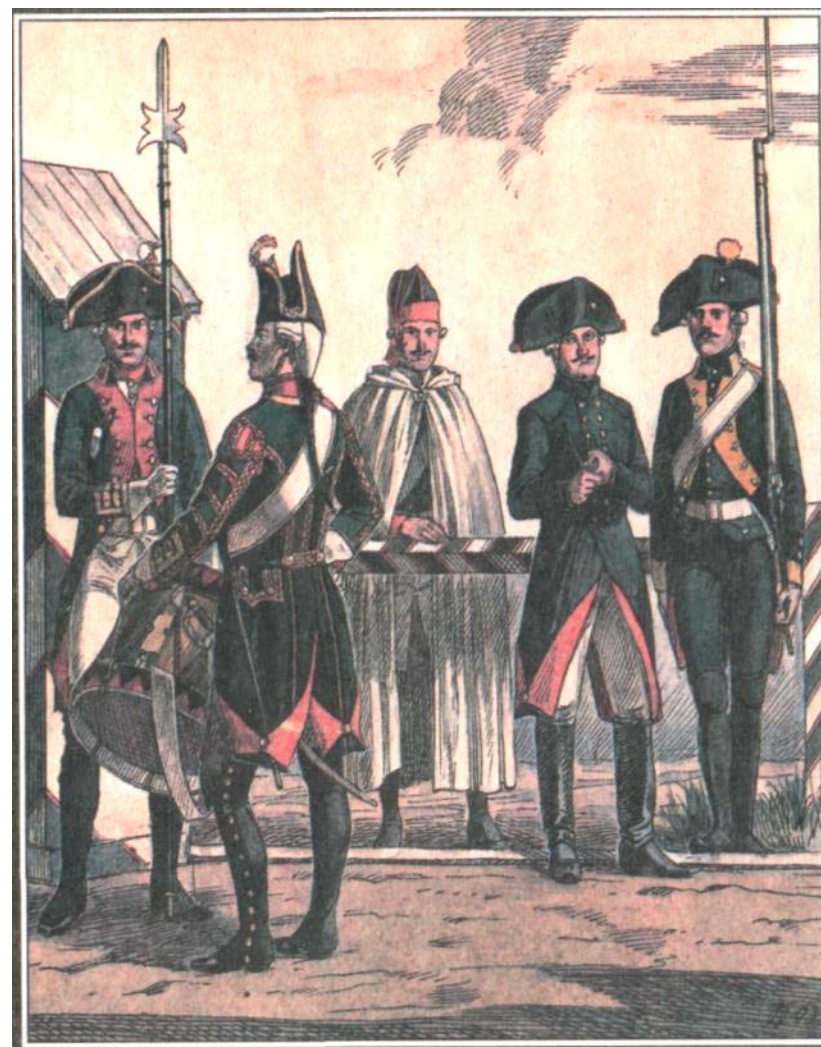
Лейб-гвардия, 1797—1800 гг.

Мушкетер Измайловского полка, штаб-валторнист, рядовой и обер-офицер егерского батальона.

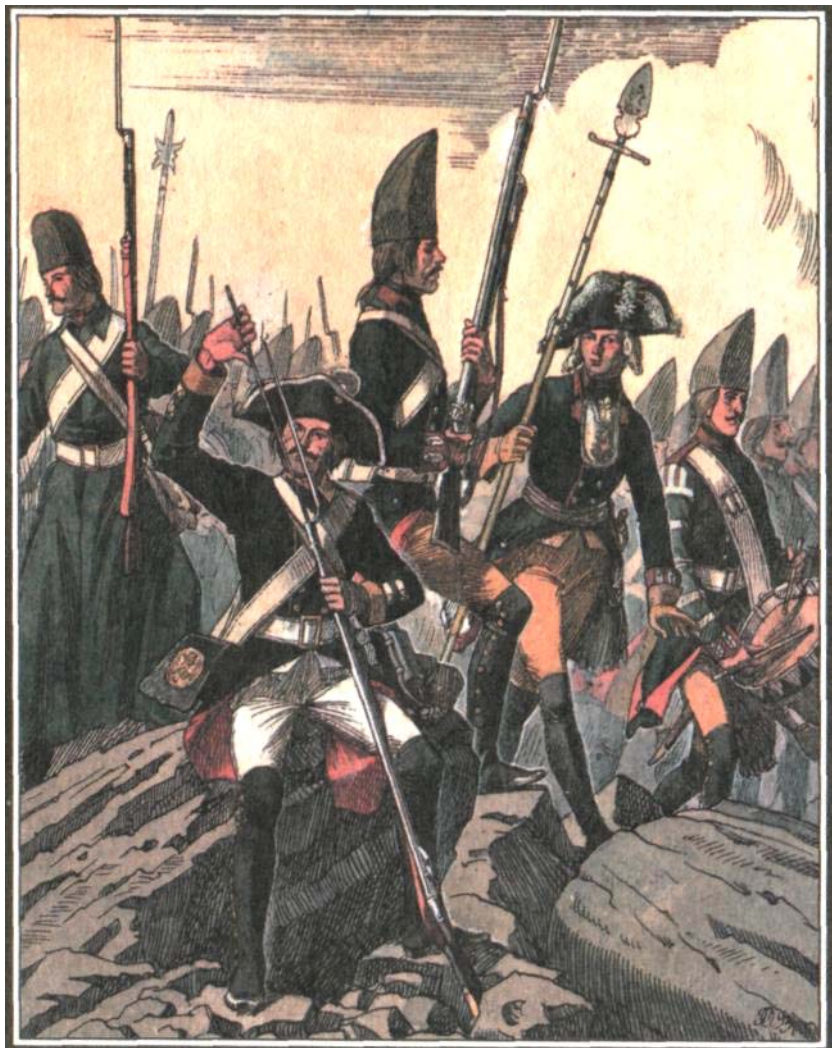
1797—1801 гг.

Штаб-офицер мушкетерского Архарова 1-го полка, фурьер Ярославского мушкетерского полка, унтер-офицер флигель-роты Лейб-гренадерского полка, фузелер Павловского гренадерского полка, мушкетер Нашебургского мушкетерского полка.

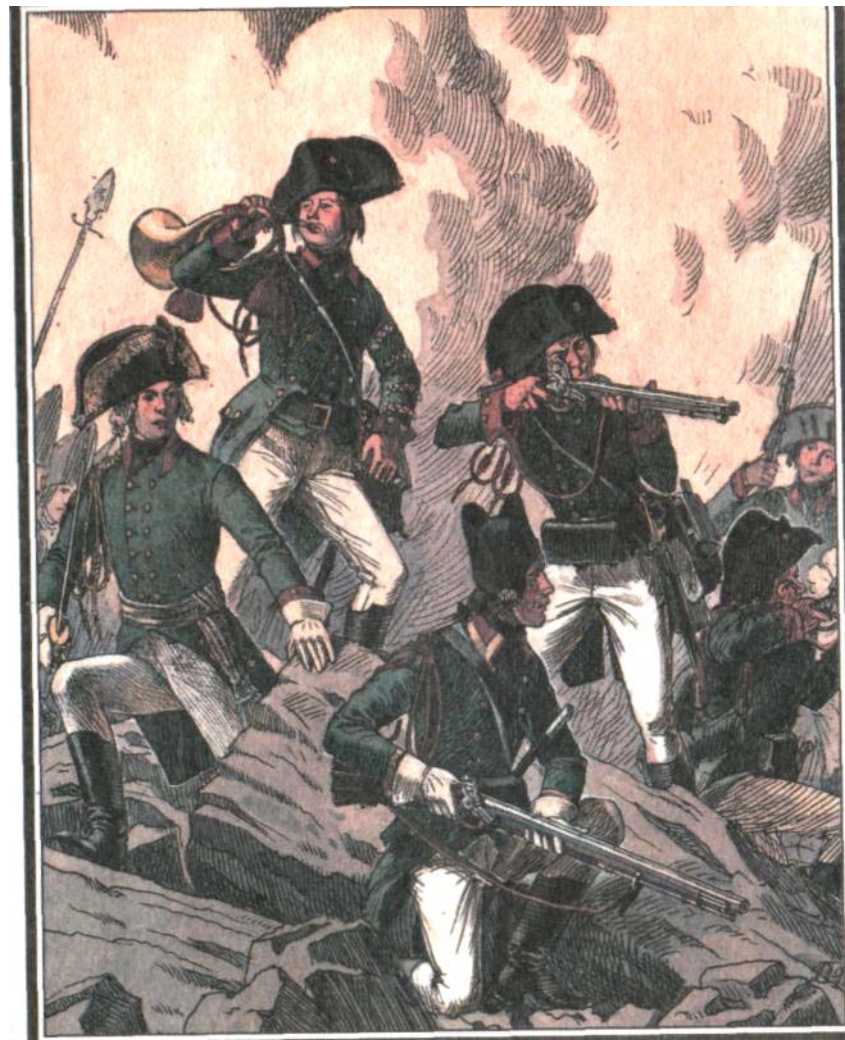
1797-1801 гг.

Мушкетерский унтер-офицер Кексгольмского мушкетерского полка, полковой барабанщик Новоингерманландского мушкетерского полка, рядовой армейской пехоты в епанче и фуражной шапке, нестроевой, рядовой Кронштадтского гарнизонного полка.

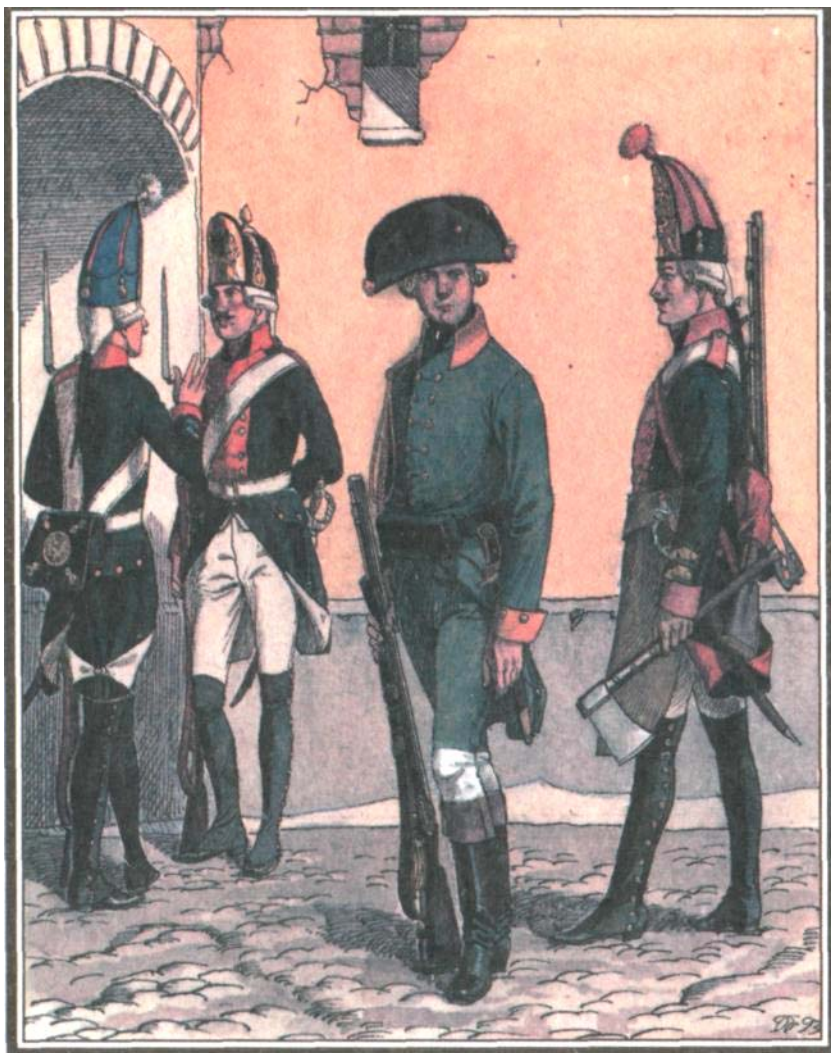
1797-1801 гг.

Фузелер гренадерского полка в шинели, рядовой Бутырского мушкетерского полка, гренадер, обер-офицер и ротный барабанщик гренадерских рот Московского гренадерского полка.

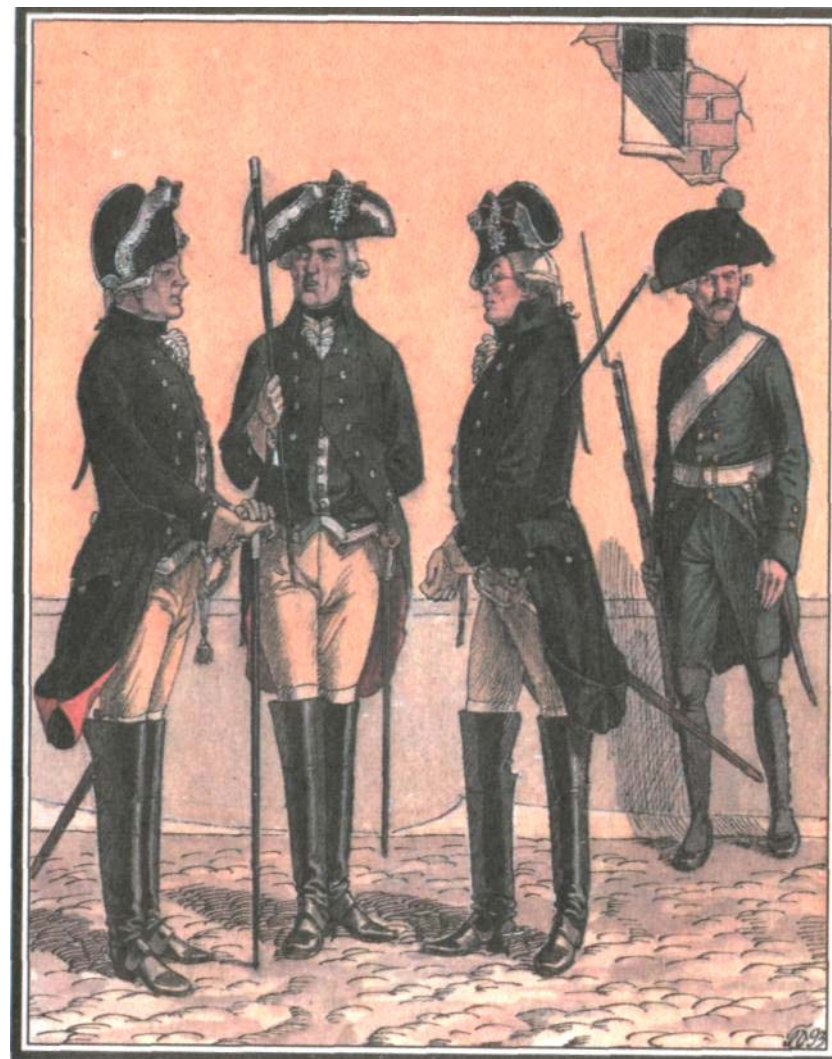
1797-1801 гг.

Обер-офицер, валторнист, унтер-офицер и рядовые 7-го егерского полка в сражении с французами у «Чертова моста».

1797—1801 гг.

Гренадер 2-го Адмиралтейского и фузелер 7-го флотского батальонов, рядовой лейб-гвардии Егерского батальона (конец 1800 - начало 1801), фрунтовой мастерской гренадерских рот Кексгольмского мушкетерского полка.

1797—1801 гг.

Квартирмейстер, аудитор и лекарь армейской пехоты; рядовой инвалидных рот (служащий инвалид).

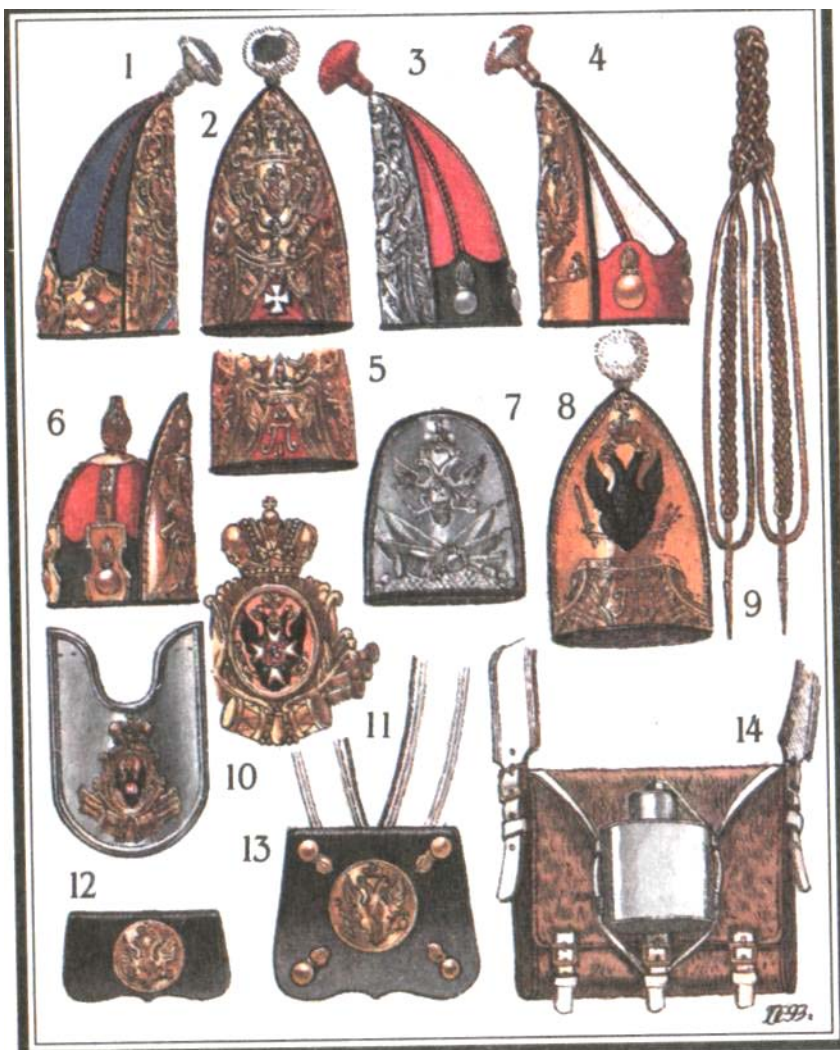
Лейб-гвардия, 1800—1801 гг.

Обер-офицеры Преображенского и Измайловского полков, рядовой Семеновского полка, обер-офицер и рядовой гарнизонного батальона.

Лейб-гвардия, 1800—1801 гг.

«Флейщик» Преображенского полка, рядовой Преображенского и унтер-офицер Измайловского полков, штаб-офицер Семеновского полка.

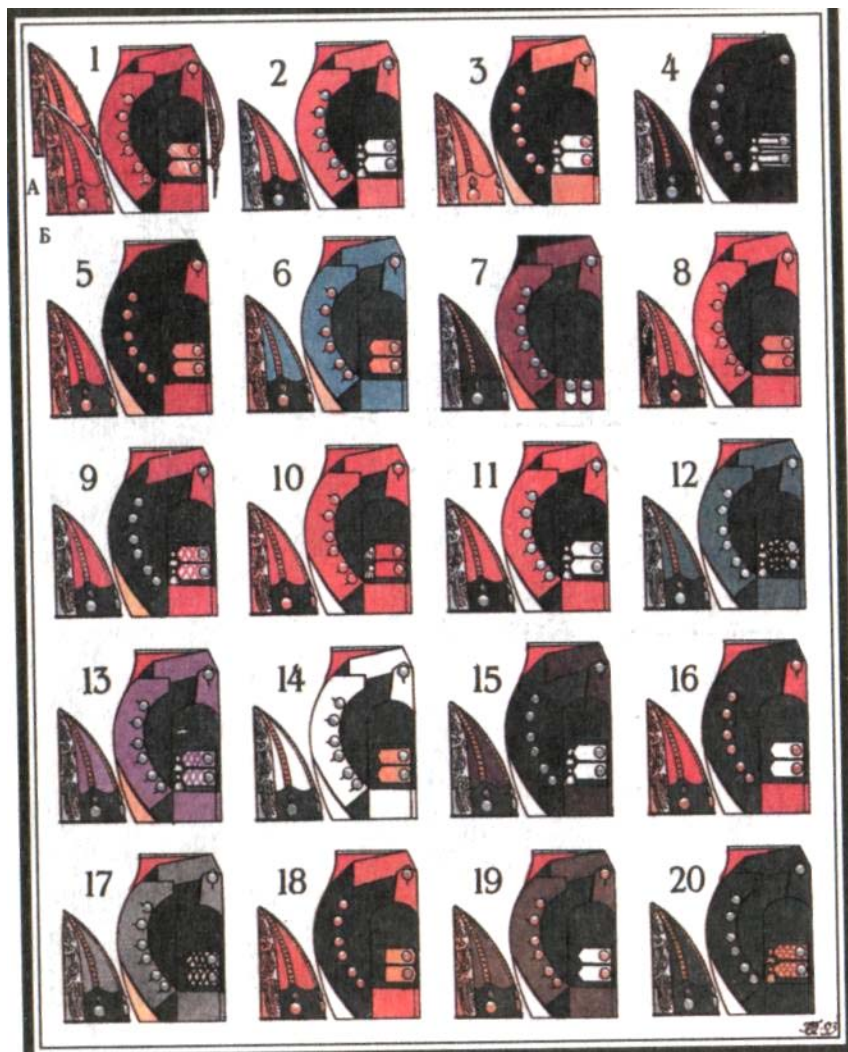
1797-1801 гг.

Гренадерские шапки: гвардейская, 1797—1798 (1); гвардейская, 1798—1800 (2); армейская (3), гвардейская, 1800—1801 (4); Лейб-гренадерского (5) и Павловского (8) полков. Фузелерные шапки гренадерских полков: Киевского (6), Екатеринославского (7). Аксельбант (9). Офицерский нагрудный знак (10), медальон гвардейского офицерского знака (11). Гренадерские подсумок (12) и патронная сума (13). Ранец (14).

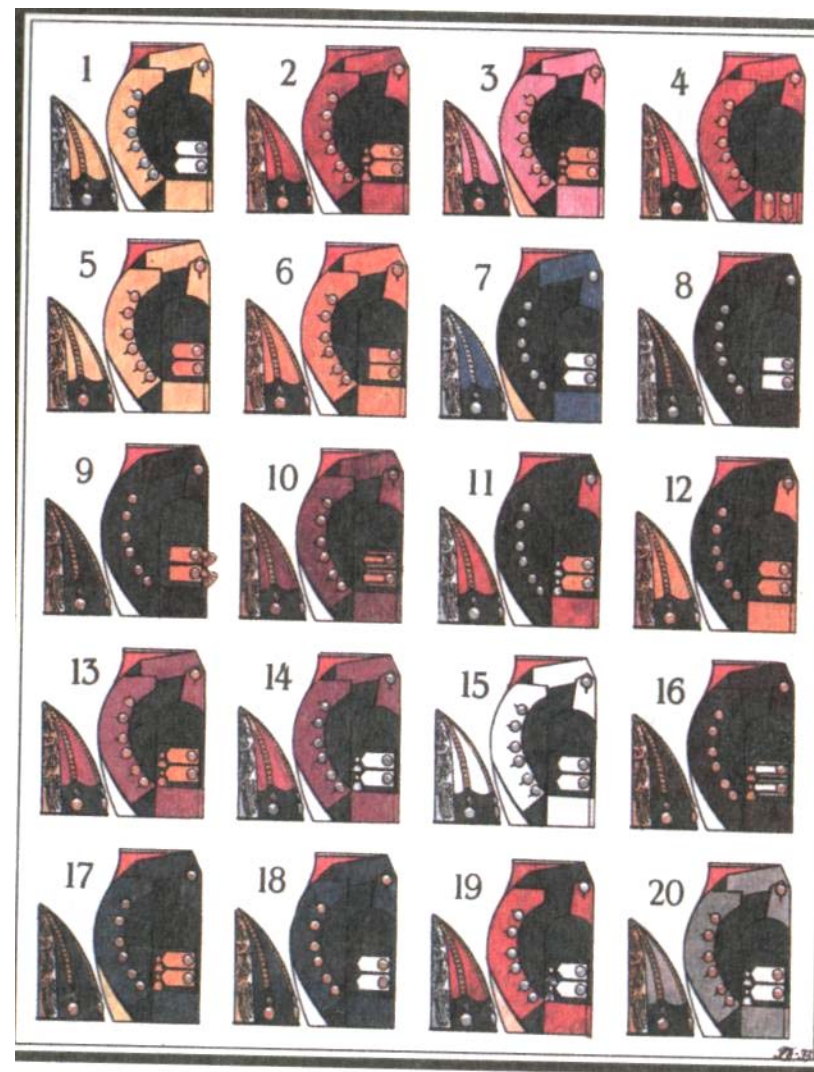
Лейб-гвардия, 1796—1801 гг.

Отличия по батальонам полков, 1800—1801: Преображенского, с 1-го по 5-й батальон (1), Семеновского, с 1-го по 3-й батальон (2), Измайловского, с 1-го по 3-й батальон (3). Офицерский шарф (4). Обшлаг с клапаном офицерского гвардейского мундира, 1796—1797 (5); офицерский мундир Преображенского полка (с марта по конец 1800) (6). Офицерский гвардейский чепрак (7). Офицерское шитье (конец 1800) полков: Преображенского (8), Семеновского (9), Измайловского (10).

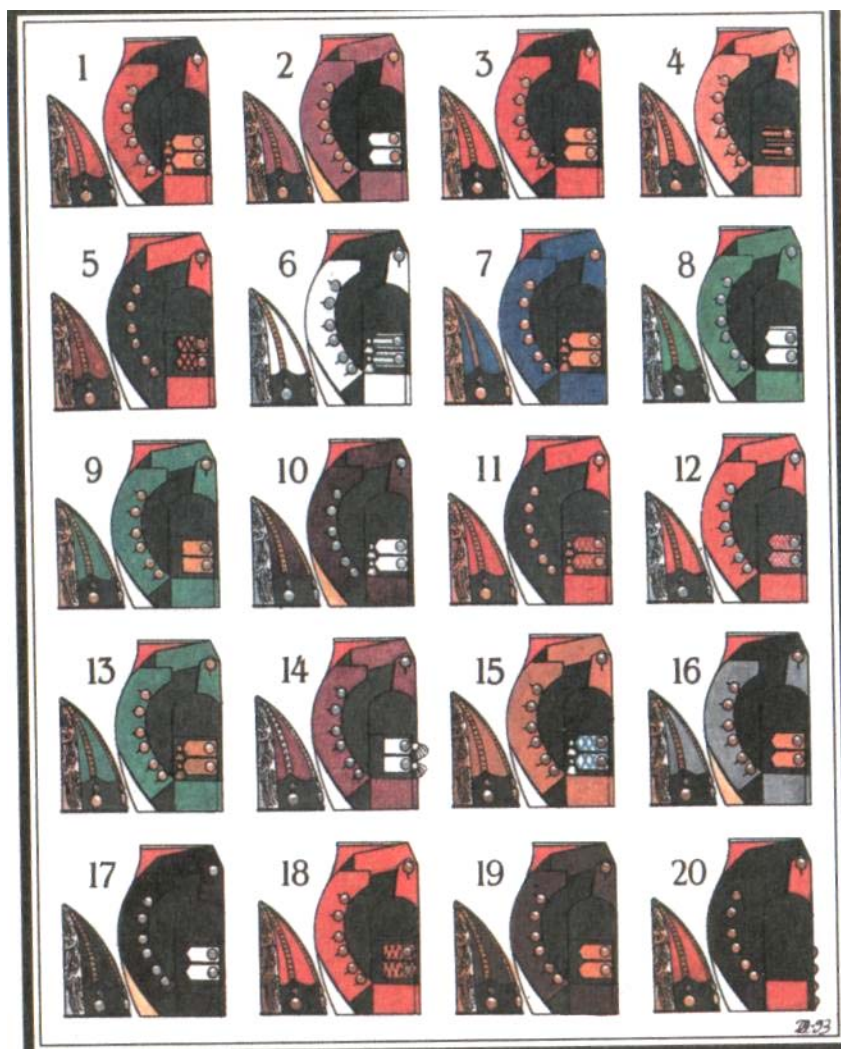
Полки армейской пехоты, 1797 г.

Гренадерские полки: Лейб-гренадерский (1) (гренадерские шапки: А - флигель-роты, Б - прочих рот), Астраханский (2), Екатеринославский (3), Кавказский (4), Киевский (5), Малороссийский (6), Московский (7), Павловский (8), Санкт-Петербургский (9), Сибирский (10), Таврический (11), Фанагорийский (12), Херсонский (13). Мушкетерские полки: Азовский (14), Алексопольский (15), Апшеронский (16), Архангелогородский (17), Брянский (18), Бутырский (19).

Мушкетерские полки (1796—1801 гг.).

Белозерский (1), Великолукский (2), Витебский (3), Владимирский (4), Воронежский (5), Выборгский (6), Вятский (7), Днепровский (8), Екатеринбургский (9), Елецкий (10), Кабардинский (11), Казанский (12), Кексгольмский (13), Козловский (14), Курский (15), Ладужский (16), Московский (17), Муромский (18), Нарвский (19), Нашебургский (20).

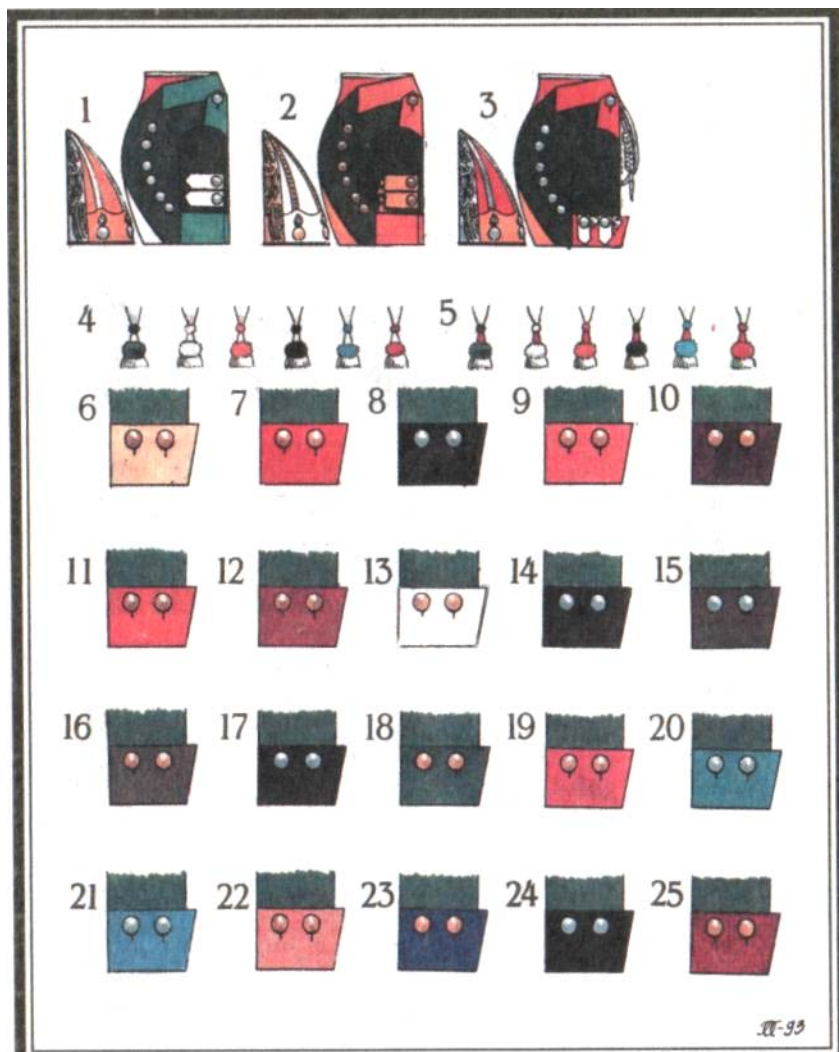
Мушкетерские полки, 1796—1801 гг.

Невский (1), Нижегородский (2), Низовский (3), Новгородский (4), Новоингерманландский (5), Орловский (6), Пермский (7), Полоцкий (8), Псковский (9), Ревельский (10), Ростовский (11), Рыльский (12), Рижский (13), Рязанский (14), Севастопольский (15), Селенгинский (16), Смоленский (17), Софийский (18), Староингерманландский (19), Старооскольский (20).

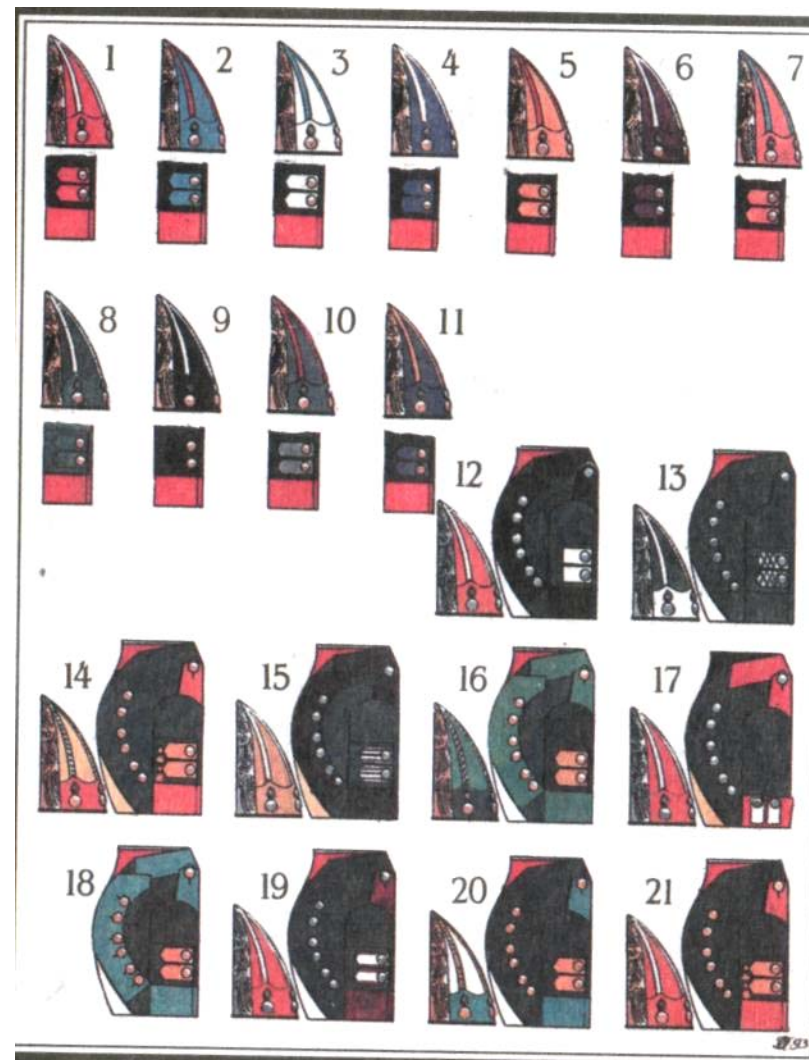
Мушкетерские полки, 1796—1801 гг.

Суздальский (1), Севский (2), Тамбовский (3), Тифлиский (4), Тобольский (5), Томский (6), Троицкий (7), Тульский (8), Углицкий (9), Уфимский (10), Черниговский (11), Ширванский (12), Шлиссельбургский (13), Ярославский (14), Архарова 1-го (15), Берга (16), Бранта (17), Лейтнера (18), Маркловского 1-го (19).

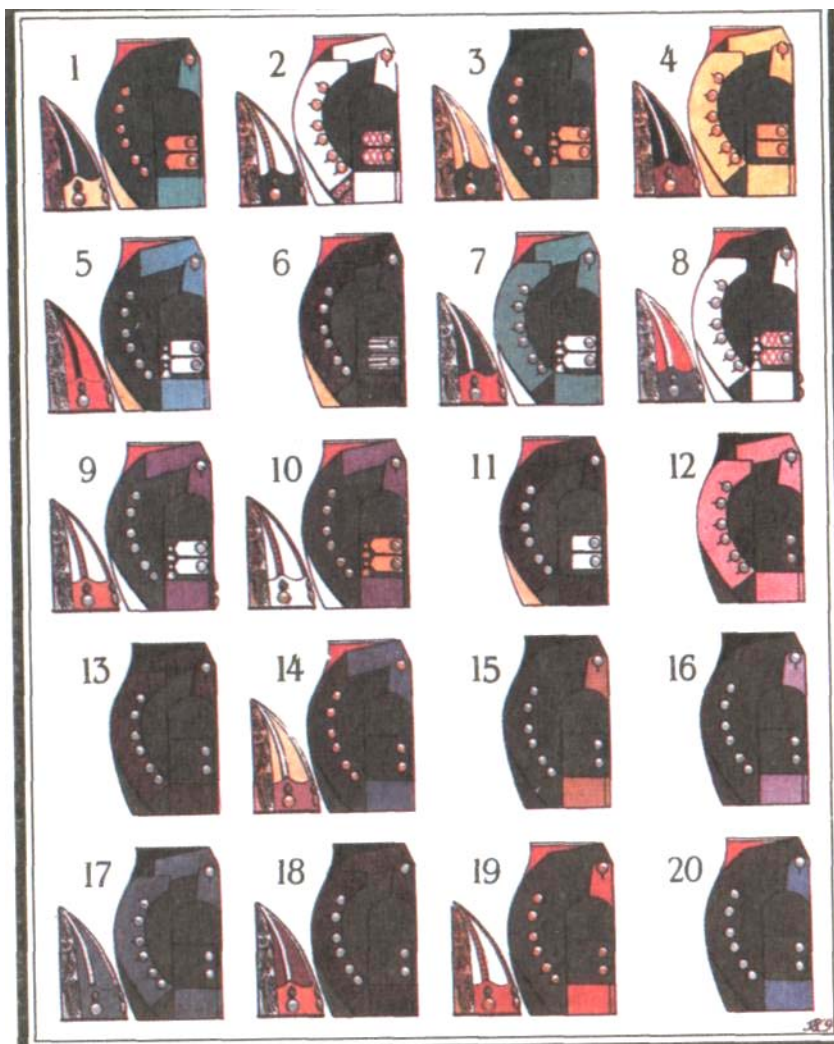
Армейская пехота, 1797 г.

Мушкетерские полки: Миллера 1-го (1), Павлуцкого (2), Ушакова 1-го (Сенатский) (3). Ротные отличия по темлякам в мушкетерских и гренадерских полках армейской пехоты: в 1-м батальоне (4), во 2-м батальоне (1-е роты в каждом батальоне гренадерские) (5). Егерские полки с 1-го по 20-й (6—25).

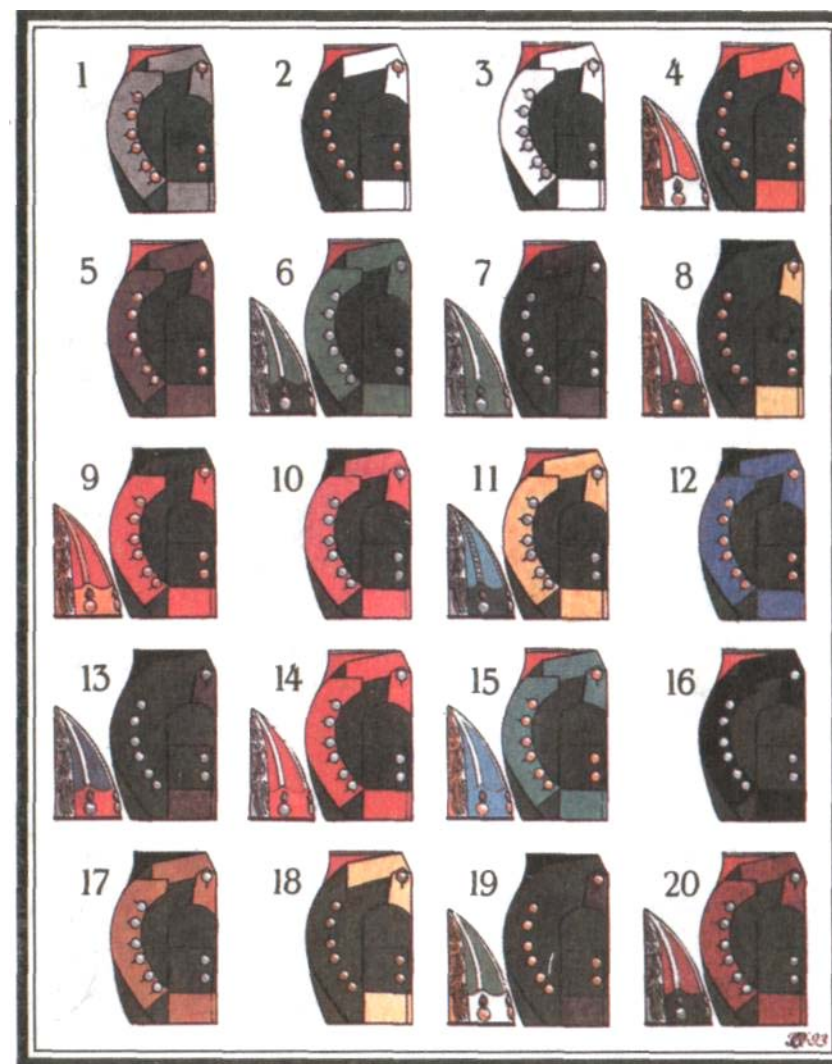
Армейская пехота, 1797 г.

Адмиралтейские и флотские батальоны: 1-й Адмиралтейский майора Гаврилова (1), 2-й Адмиралтейский подполковника Мертенса (2), 1-й флотский майора Жегалова (3), 2-й флотский майора Салтыкова (4), 3-й флотский майора Герценберга (5), 4-й флотский майора Горохова (6), 5-й флотский майора Титова (7), 6-й флотский майора Качалова (8), 7-й флотский майора Чаплина 1-го (9), 8-й флотский майора Чаплина 2-го (10), 9-й флотский майора Стрельникова (11). Полевые гарнизонные полки, 1797—1800: Архангелогородский (12), Выборгский (13), Динаминдский (14), Иркутский (15), Казанский (16), Киевский (17), Московский (18), Оренбургский (19), Невельский (20), Рижский (21).

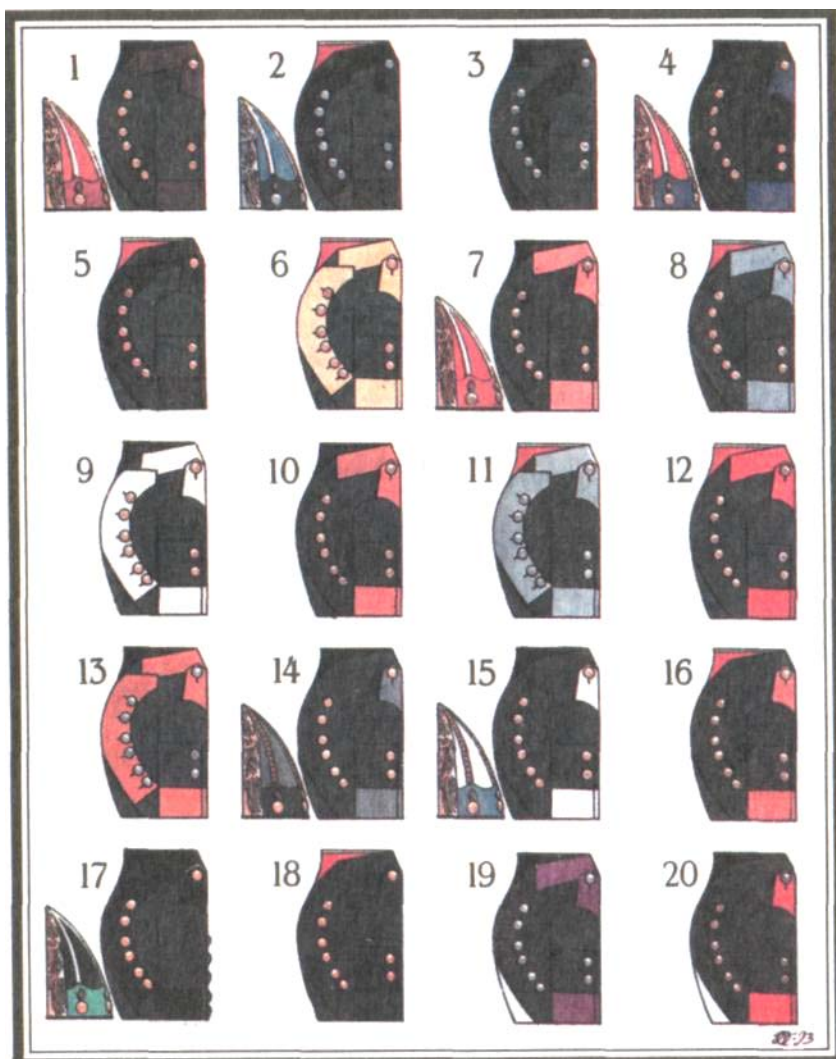
Гарнизонная пехота, 1797 г.

Полевые гарнизонные полки: Рогервикский (Балтийский) (1), Санкт-Петербургский (2), Селенгинский (3), Смоленский (4), Таганрогский (5), Тобольский (6), Фридрихсгамский (7), Николаевский, с 1798 (8), Роченсальмский, с 1798 (9), Севастопольский, с 1798 (10), Никитинский, с 1798 (11). Внутренние гарнизонные полки: Азовский (12), Александровский (13), Аренсбургский (14), Астраханский (15), Бахмутский (16), Бийский (17), Верхнеуральский (18), Вильманstrandский (19), Витебский (20).

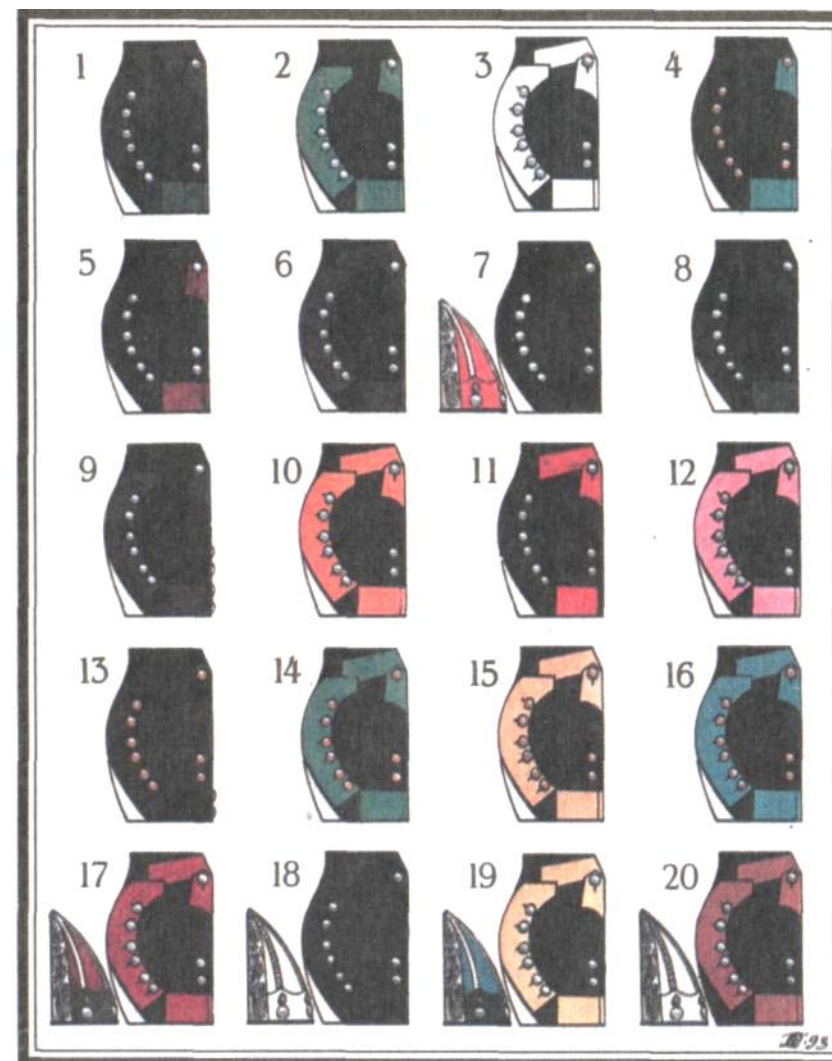
Внутренние гарнизонные полки, 1797 г.

Владимирский (1), Воронежский (2), Дмитриевский (3), Динабургский (4), Елизаветградский (Херсонский) (5), Звериноголовский (6), Кексгольмский (7), Кизильский (8), Кизлярский (9), Кирилловский (Судакский) (10), Кронштадтский (11), Могилевский (12), Моздокский (13), Нарвский (14), Нейшлотский (15), Нижегородский (16), Никитинский (Балаклавский) (17), Нижегородский (18), Озерный (Орский) (19), Омский (20).

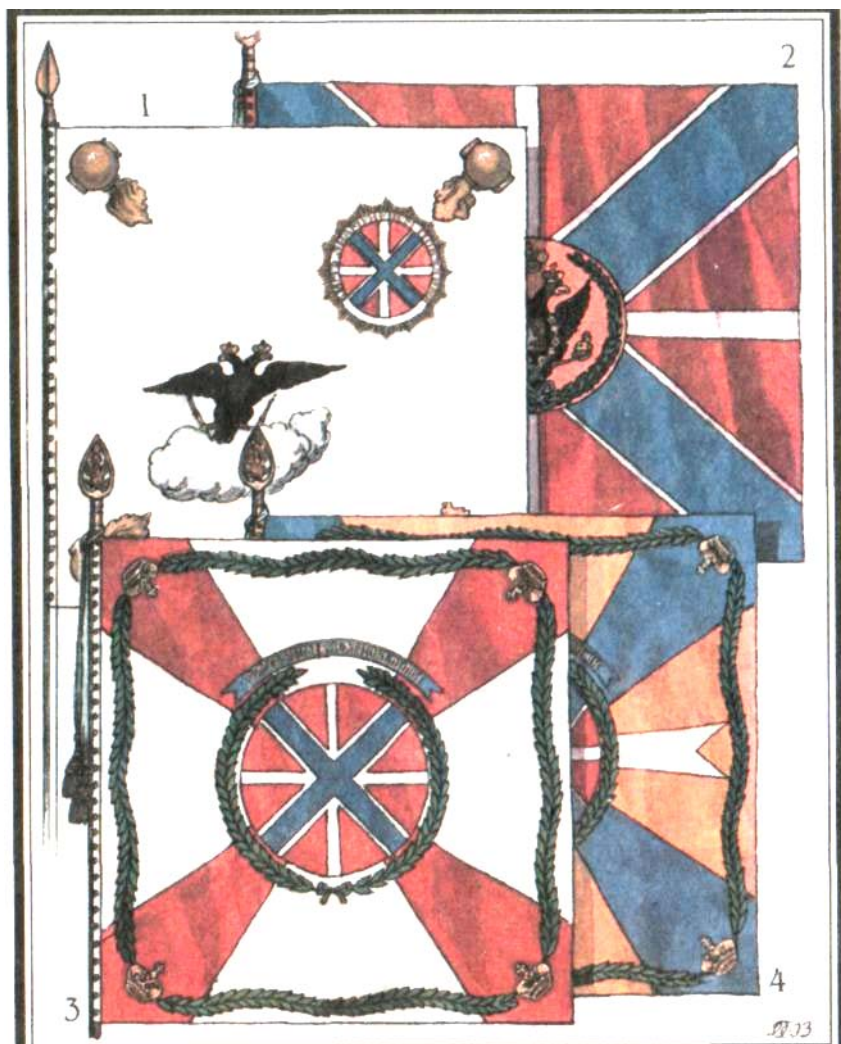
Внутренние гарнизонные полки, 1797 г.

Перекопский (1), Перновский (2), Петровский (3), Петропавловский (4), Полоцкий (5), Саратовский (6), Семипалатинский (7), Сенненский (Псковский) (8), Симбирский (9), Ставропольский (10), Старобыховский (11), Тамбовский (12), Тверской (13), Томский (14), Троицкий (15), Царицынский (16), Шлиссельбургский (17), инвалидные роты (18).
Гарнизонные полки, 1800—1801: Болотникова (19), Булгакова (20).

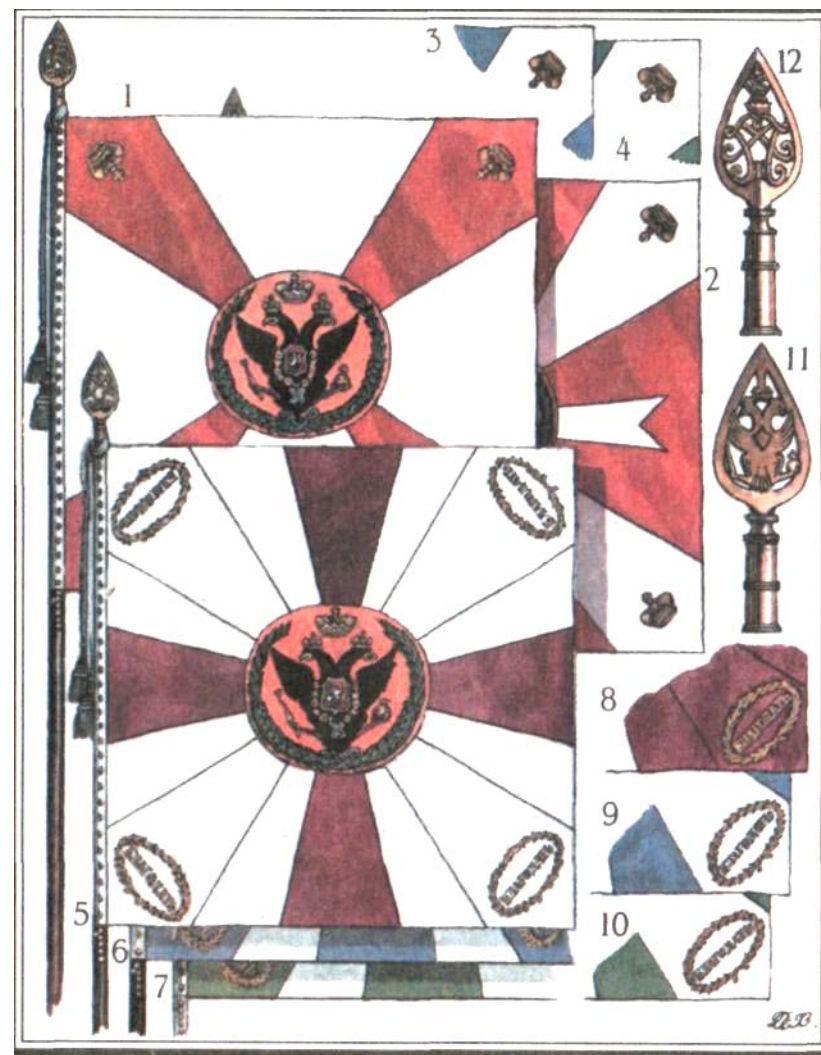
Гарнизонные полки, 1797 г.

Врангеля (1), Гогеля 1-го (2), кн. Вяземского (3), гр. Кастро-Лацерда (4), Лебедева (5), Лещано (6), гр. Ливена 1-го (7), Львова 1-го (8), Лютова (9), Маркловского 2-го (10), Маса (11), Ольвинцева (12), Плуталова (13), Пушина 1-го (14), Раутеншерн (15), Рейхенберга (16), Ретюнского (17), Сомова (18), Уколова (19), Гоголева (20) (18-20 - расцветки гренадерских шапок неизвестны).

1786—1799 гг.

Знамя гатчинских войск (1), кайзер-флаг гатчинских войск (2), 1786—1796; белое полковое знамя лейб-гвардии Преображенского полка, образца 1796 (3), цветное батальонное знамя лейб-гвардии Семеновского полка, образца 1796 (Мальтийский крест был нашит на полотнище с 1798) (4).

1798—1799 гг.

Знамена лейб-батальонов лейб-гвардии Преображенского полка, образца 1798: белое (1), цветное (2); цветные знамена лейб-батальонов полков лейб-гвардии, образца 1798: Семеновского (3), Измайловского (4); белые знамена полков лейб-гвардии, образца 1799: Преображенского (5), Семеновского (6), Измайловского (7); цветные знамена полков лейб-гвардии, образца 1799: Преображенского (8), Семеновского (9), Измайловского (10). Навершия: образца 1797 (11), образца 1798 (12).

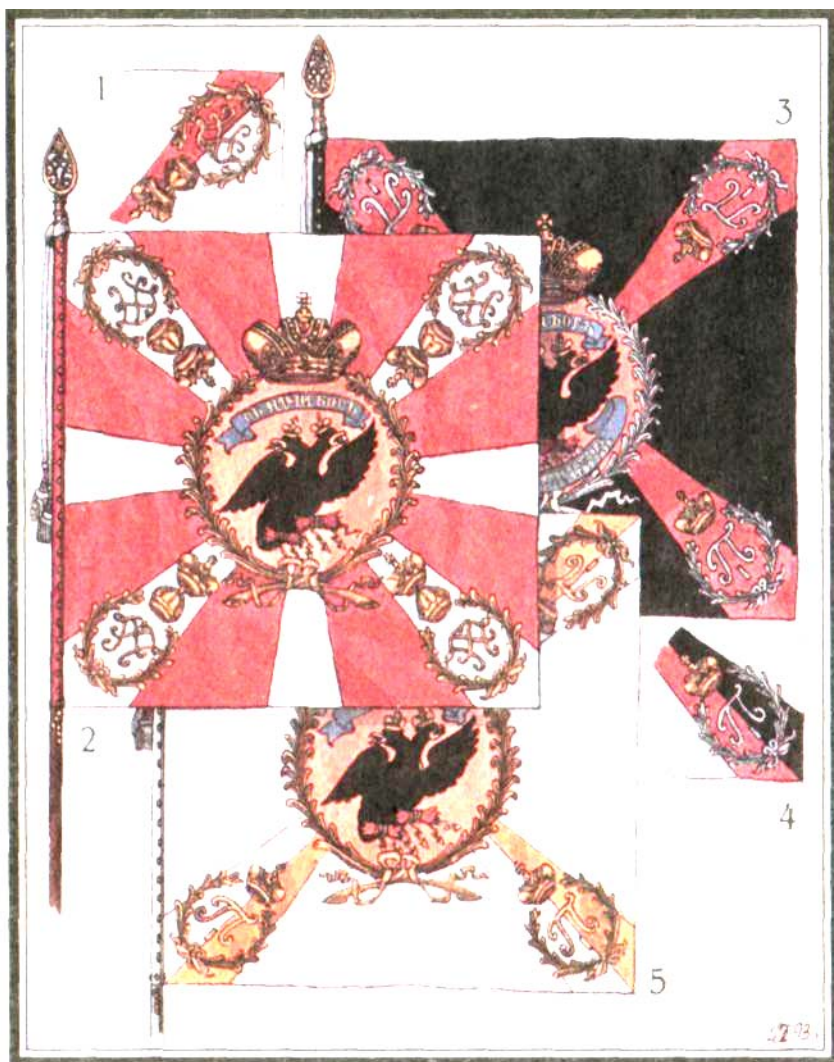
Знамена армейской пехоты, образца 1797 г.

Белое знамя Черниговского мушкетерского полка (1), цветное знамя Бутырского мушкетерского полка (2), цветное знамя мушкетерского Маркловского полка (3), цветное знамя Екатеринославского гренадерского полка (4).

Знамена армейской пехоты образца 1797 г.

Цветное знамя Малороссийского гренадерского полка (1), цветное знамя Смоленского гарнизонного полка (2), цветное знамя Тамбовского мушкетерского полка (3), цветное знамя Динабургского гарнизонного полка (4).

Знамена образца 1800 г.

Знамена полков лейб-гвардии: белое (1), цветное (2). Знамена Московского гренадерского полка: цветное (3), белое (4). Белое знамя Смоленского мушкетерского полка (5)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Предлагаемые читателю приложения составлены авторами и редакцией для облегчения работы с книгой. Все даты приводятся по старому стилю. Приложение 2 дано наиболее близко к тексту оригинала. В приложении 3 названия полков приведены в хронологическом порядке по первому территориальному названию. За недостатком места в него не включены временные части и отдельные батальоны.

В книге также можно встретить следующие аббревиатуры:

ИМАИМ — исторические материалы Артиллерийского Исторического музея;

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской Империи;

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Приложение 1

СПИСОК УПОМИНАЕМЫХ ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЯ

1 дюйм = 2.5 см

1 фут = 12 дюймов = 30.5 см

1 сажень = 7 футов = 213.4 см

1 верста = 500 саженей = 10670 см

1 вершок = 4,4 см

1 аршин = 16 вершков = 71 см

1 золотник = 4.25 г

1 фунт (торговый) = 96 золотников = 409.50 г 1 гарнец = 3.28 литра

Приложение 2

ШТАТНОЕ РАСПИСАНИЕ ПОЛКОВ ПЕХОТЫ

Штаты армейских фузелерных полков (ПСЗРИ. Том XLIII. Часть I. Книга штатов. СПб., 1830)

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	ШТАТ 1711 го- да № 2319	ШТАТ 1720 года № 3511
Полкового штаба:		
полковник		1
подполковник		
майор		
квартирмейстер		
адъютант	—	
аудитор		
обозный		
лекарей (все иностр.)		
писарей		
профосов		
комиссаров	—	
провиантмейстеров	—	
поп	—	
фискал	—	
подъячих	—	2
В ротах:		
капитанов	8	8
поручиков	8	8
подпоручиков	8	8
прапорщиков	8	8
сержантов	8	8
фурьеров	8	8
подпрапорщиков	8	8
каптенариусов	8	8
капралов	48	48
рядовых	1120	1152
Нестроевых:		
писарей	8	8
гобоистов (в т. ч. «флейщиков»)	8	8
барабанщиков	16	16
цирюльников	—	8
лекарей	8	—
профосов	8	8
кузнецов	8	4
денщиков	86	—
слесарей	8	4
плотников	8	8
извозчиков	86	—

Штаты полевого пехотного полку. 1732 год (РГВИА.
Ф. 23. Оп. 1. Д. 113. Л. 106)

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В мирное время	В военное время
Полкового штаба:		
полковник		
полполковник		
премьер-майор		
секунд-майор		
из числа капитанов		
Унтер-штаб:		
квартирмейстер (поруч. ранга)		
квартирмейстер (полпоруч. ранга)		
полковой обозный (прапорщ. ранга)		
аудитор (подпоруч. ранга)		
комиссар		
поп		
лекарь		
полковой писарь		
полковой барабанщик		
полковой профос		
подьячие	2	2
гобоистов иноземцев	1	1
гобоистов русских	6	6
профосов	2	2
Ротного прима-плана:		
капитанов	7	7
поручиков	8	8
полпоручиков	7	8
прапорщиков	8	8
сержантов	16	16
каптенариусов	8	8
подпрапорщиков	4	4
фурьеров	8	8
капралов	32	32
ротных писарей	8	8
пирульников	8	8
барабанщиков (в т. ч. 2 «флейщика»)	24	24
солдат	1152	1280
слесарей	2	2
кузнецов	4	4
плотников	8	8
извозчиков	24	50
денщиков (при штаб- и обер-офицерах)	56	57

Штаты гвардейской пехоты на 1731 год (РГВИА.
Ф. 2583. оп. 1, д. 161 М/Ф)

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	Полк Преобра- женский	и лейб-гвар Семеновский	или Измайловский
Полкового штаба:			
полковников	1	1	1 *
подполковников	2	2	2
премьер-майоров	2	1	1
секунд-майоров	2	2	2
Унтер-штаба:			
полковой квартирмейстер	1	1	1
адъютант	2	2	2
аудитор	1	1	1
комиссар (прапорщик)	1	1	1
полковой секретарь	1	1	1
полковой писарь (сержант)	4	3	2
цалмейстер	1	1	1
писарей обераудиторских	2	—	—
писарей провиантмейстерских	4	3	3
писарей комиссарских	17	12	12
священник	1	1	1
штаб-лекарь	1	1	1
лекарей	2	1	1
капельмейстер	1	1	1
полков, барабанщик	1	1	1
гобоистов российских	16	16	16
гобоистов иностранцев	2	2	2
полковой обозный	1	1	1
полковой профос	1	1	1
слесарей русских	7	5	5
слесарей иностранцев	1	1	1
кузнецов русских	8	5	5
кузнецов иностранцев	1	1	1
плотников	17	12	12
токарей	1	—	—
коновалов	2	1	1
церковников	1	1	1
дьячков	2	2	2
Ротного прима-плана:			
капитанов	9	6	6
капитан-поручиков	7	6	6
поручиков	16	12	12
подпоручиков	16	12	12
прапорщиков	16	12	12
сержантов	50	36	36
каптенариусов	17	12	12
подпрапорщиков	8	6	6
фурьеров	17	12	12
капралов	68	—	—
бомбардиров	36	—	—
бомбардир-кадетов	36	—	—
гренадеров	25^	192	192
мушкетеров	2304	1728	1728
барабанщиков	47	33	33
флейщиков	4	3	3
фельдшеров	17	12	12
летописец	1	----	----
профосов	4	3	3
писарей	17	12	12
лекарских учеников	16	12	12

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	Полк Преобра- женский	и лейб-гвар Семеновский	или Измайловский
Полкового штаба:			
шеф	1	—	—
полковников	1		
подполковников	1		
премьер-майоров	1		
секунд-майоров	2		
Унтер-штаба:			
полковой квартирмейстер	1		
адъютант	3		2
аудитор	1		
строевой писарь	1		
писарей	6	4	4
священник	1		
штаб-лекарь	1		
лекарей	2		
подлекарей	3	2	2
полковой барабанщик	1	1	1
гобоистов	9	9	9
ложных мастеров или учеников слесарей или учеников гевальди- геро сержантского чина, из рядо- вых заслуженных стариков, коим в обер-офицеры не идти	3	2	2
профосов	3	2	2
живодеров из солдат штрафных	1	1	1
церковников	2	2	2
Ротного прима-плана:			
капитанов	18	12	12
поручиков	18	12	12
подпоручиков	26	14	14
прапорщиков	10	10	10
фельдфебелей	18	12	12
сержантов	44	23	23
каптенариусов	18	12	12
фан-юнkerов или подпрапорщиков	10	10	10
фурьеров	18	12	12
капралов	108	72	72
гренадеров в т. ч. 6 плотников	1200	300	300
мушкетеров	1200	1200	1200
барабанщиков	44	26	26
флейщиков	26	14	14
фульшеров	18	12	12
сверх комплекта гренадер	48	12	12
сверх комплекта солдат	48	12	12

Штаты Московского и С.-Петербургского легионов
№ 13.365. 3 октября 1767 года
(ПСЗРИ. Том XLIII. Часть первая, книга штатов. СПб., 1830)

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В Гренадерском батальоне	В Мушкетерском батальоне
Полкового штаба:		
подполковник		
премьер-майор		
Унтер-штаба:		
квартирмейстер		
адъютант		
комиссар		
лекарь		
подлекарь		
провиантмейстер (серж, чина)		
обозный (серж, чина)		
надзиратель за больными (серж.)		
батальонный писарь		
писарей	2	2
слесарей		
ложников		
плотников	6	6
погонщиков	10	10
профосов	1	1
Ротного прима-плана:		
капитанов	6	6
поручиков	6	6
подпоручиков	6	6
прапорщиков	6	6
сержантов старших	6	6
сержантов младших	12	12
каптенариусов	6	6
подпрапорщиков	6	6
фурьеров	6	6
капралов	24	24
флейщиков	6	6
цирюльников	6	6
барабанщиков	12	12
гренадеров (по 136 в роте)	816	—
мушкетеров (по 126 в роте)	—	756
егерей (по 10 в роте)	60	60
погонщиков	24	24

Штаты пехотных полков. № 011.735.14. 3 января 1765 г. Штаты пехотных полков, сформированных в Сибири. № 11.979. 29 ноября 1765 г. (ПСЗРИ. Том XLIII. Часть первая. Книга штатов. СПб., 1830)

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В мушкетерском и гренадерском полках
Полкового штаба:	
полковников	1
подполковников	1
майор-премьер	1
майор-секунд	1
Унтер-штаба:	
квартирмейстер	1
адъютант	1
комиссар	1
аудитор	1
поп	1
лекарь	1
подлекарей	2
провиантмейстер (серж, чина)	1
обозный (серж, чина)	2
надзиратель над больными (серж, чина)	2
полковой писарь	1
писарей	4
писарей-комиссарских	1
писарей-провиантмейстерских	1
капельмейстеров	1
музыкантов	— (в Сибирских полках 7)
церковников	2
профосов	4
Ротного прима-плана:	
капитанов	12
поручиков	12
подпоручиков	20
прапорщиков	4
сержантов старших	12
сержантов младших	24
каптенариусов	12
подпрапорщиков	12
фурьеров	12
капралов	48
цирюльников	12
барабанщиков	24
флейщиков	12 (в Гренадерском 13)
музыкантов	
гренадеров	1632 (в Гренадерском) и 272 (в мушк.)
мушкетеров	1360 (в Мушкетерском)
мастеровых	12
слесарей иноземцев	1
ложников	1
кузнецов	1
плотников	12
погонщиков	63
Для полковой артиллерии:	
сержантов	1
капралов	1
канониров и фузелеров	32

Штаты пехотных полков. № 18.308. 5 января 1798 г. (ПСЗРИ. Том XLIII. Часть первая. Книга штатов. СПб., 1830)

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	Гренадер-ский	Мушкетер-ский	Егерский
полковников	1	1	1
полковой командир	—	—	1
подполковников	1	1	—
батальонных командиров	—	—	—
майоров	3	3	—
капитанов	6	6	8
поручиков	12	12	10
подпоручиков	16	16	12
прапорщиков	10	10	—
младших унтер-офицеров	96	96	—
гренадеров	276	276	—
мушкетеров	—	1380	—
фузелеров	1380	—	—
рядовых	—	—	640
полковой барабанщик	1	1	—
штаб-волторнист	—	—	1
волторнистов	—	—	20
музыкантов	7	7	—
барабанщиков	37	37	—
флейщиков	4	4	—
полковой квартирмейстер	1	1	—
аудитор	1	1	1
священник	1	1	1
церковник	2	2	2
лекарей	1	1	1
подлекарей	2	2	2
лазаретных служащих	12	12	10
фельдшеров	12	12	10
вагенмейстеров	1	1	1
ложников	1	1	1
ему учеников	2	2	1
ружейных мастеров	1	1	1
ему учеников	2	2	1
коновал	1	1	1
кузнецов	4	4	2
плотников	12	12	6
профос	1	1	1

Штаты гвардейских пехотных полков и батальонов
№ 18577. 10 июля 1798 года
(ПСЗРИ. Том XLIII. Часть первая. Книга штатов. СПб., 1830)

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	Преобра-женский	Семеновский и Измайловский	Егерь-ский ба-тальон
Шеф:			
Его Императорское Величество	1	1	—
генералов	5	3	1
полковников	10	6	1
капитанов	10	6	1
штабс-капитанов	15	9	2
поручиков	25	15	3
подпоручиков	30	18	4
прапорщиков	30	15	3
фельдфебелей	25	15	3
портупей-юнкеров	—	—	3
портупей-прапорщиков	25	15	—
юнкеров	—	—	6
подпрапорщиков	50	30	—
младших унтер-офицеров	200	120	30
гренадер старшего оклада	500	400	—
гренадер младшего оклада	800	400	—
мушкетер старшего оклада	750	500	—
мушкетер младшего оклада	1320	880	—
рядовых старшего оклада	—	—	105
рядовых младшего оклада	—	—	195
мастеровых фрунтовых	25	15	—
полковой барабанщик	1	1	—
штаб-волторнист	—	—	1
волторнистов	—	—	9
музыкантов	5	5	—
барабанщик гренадер	31	15	—
барабанщик мушкетер	48	32	—
флейщиков	20	10	—
пиковой квартирмейстер	1	1	—
аудитор	1	1	3
священник	1	1	—
церковник	2	2	—
штаб-лекарь	1	1	—
лекарей	5	3	1
подлекарей	5	3	1
лазаретных служащих	25	15	3
фельдшеров	25	15	3
вагенмейстеров	1	1	1
ложников	1	1	1
ему учеников	5	3	1
ружейных мастеров	1	1	1
ему учеников	5	3	1
коновалов	1	1	—
кузнецов	10	6	2
плотников	25	15	3
профосов	1	1	1

ПОЛКИ РОССИЙСКОЙ ПОЛЕВОЙ ПЕХОТЫ В XVIII в.

Аджеруцкий пехотный полк — сформирован в 1726 г. в Низовом корпусе в Персии; 7.11.1732 г. переименован в Нава-гинский пехотный, в 1734 г. возвращен в Россию; 29.11.1745 г. включен в штат; 6.07.1790 г. расформирован и использован при формировании нового Санкт-Петербургского гренадерского полка.

Азовский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Казани из даточных людей как солдатский полковника Матвея Трейдена; с 1708 г. — Азовский; с 16.02 по 13.11.1727 г. именовался 2-м Рязанским; в 1762 г. — генерал-майора князя Любомирского; 31.11.1798 — генерал-майора Ребиндера; 3.11.1799 — генерал-майора Селехова.

Алексеевский пехотный полк — сформирован 7.05.1731 г. при создании Закамской ландмилиции из однодворцев и служилых людей Казанской губернии; 8.11.1780 г. — поименован полевым; в 1784 г. переименован в Алексопольский мушкетерский; в 1798 г. — генерал-лейтенанта Гогенмейстера; 26.06.1800 г. — генерал-майора Ловейки.

Архангелогородский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Казани из даточных людей как солдатский полковника Захария Елизаровича Кро (Кроча); в 1705 г. назывался Санкт-Петербургским обер-комендантским; с 1708 г. — Архангелогородский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 2-й Новгородский; в 1762 г. — генерал-майора Штофельна; 31.11.1798 г. — генерал-майора барона Дельгама; 28.06.1709 г. — генерал-майора графа Каменского 2-го.

Астаринский пехотный полк — сформирован 26.02.1726 г. в Низовом корпусе в Персии; 7.11.1724 г. — переименован в Низовской пехотный; в 1734 г. возвращен в Россию; 29.11.1745 г. включен в штат; с 25.04 по 05.07.1762 г. — генерал-майора Ренненкамфа; 31.11.1798 г. — генерал-майора Львова 1-го; 16.01.1799 г. — генерал-майора Барановского 2-го; 28.01.1801 — генерал-лейтенанта графа Шембека.

Астрабатский пехотный полк — сформирован в 1724 г. в Низовом корпусе в Персии; 7.11.1724 г. — переименован в Апшеронский пехотный; в 1734 г. возвращен в Россию; 29.11.1745 г. включен в штат; с 24.05 по 05.07.1762 г. — генерал-майора Брахвелта; 31.11.1798 г. — генерал-майора Ми-лорадовича.

Астраханский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Москве Преображенской комиссией как солдатский полковника Александра Александровича Гордона; в 1708 г. — Астраханский солдатский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 2-й Санкт-Петербургский; в 1762 г. — генерал-аншефа графа Диверта; в 1784 г. расформирован, мушкетерские роты вместе с ротами Томского полка пошли на укомплектование Кавказского мушкетерского полка.

Астраханский гренадерский полк — сформирован 14.01.1785 г.; 10.05.1790 г. преобразован в Тираспольский пехотный; 16.05.1790 г. назван Гренадерским легкой пехоты; 1.08.1790 г. переименован в Днепропетровский Приморский гренадерский; 27.07.1794 г. расформирован, батальоны пошли на укомплектование Черноморского гренадерского корпуса.

Астраханский гренадерский полк — сформирован 4.06.1790 г. в армии князя Потемкина из Вологодского пехотного полка и двух рот Ингерманландского полка с добавлением рекрутов; 31.11.1798 г. — гренадерский генерал-майора Бороздина 1-го; 19.02.1798 г. — гренадерский генерал-лейтенанта наследного принца Мекленбургского.

Бакинский пехотный полк — сформирован в 1724 г. в Низовом корпусе в Персии как заштатный; 5.06.1734 г. возвращен в Россию; 5.02.1743 г. направлен на укомплектование флота.

Белгородский пехотный полк — сформирован в 1697 г. из солдат Преображенского и Семеновского полков как выборный солдатский генерала Христофора Регимана; 1708 г. — Белгородский солдатский; с 16.02 по 19.11.1727 г. — 1-й Калужский; 14.07.1731 г. расформирован.

Белевский пехотный полк — сформирован 15.01.1731 г. как конный Украинский ландмилиции; 15.12.1763 г. — пехотный полк; с 8.11.1770 г. причислен к полевым пехотным полкам; 31.11.1798 г. — генерал-майора Мажурова 1-го.

Белозерский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Казани из даточных людей как солдатский полковника Ивана (Иоганна) Бернера; с 1708 г. — Белозерский солдатский; с 1727 г. — Копорский гарнизонный.

Белозерский пехотный полк — сформирован в 1708 г. как гренадерский генерала Аникиты Ивановича Репнина из гренадерских рот Бутырского, Белгородского, Невского, Переяславского, Тверского, Шлиссельбургского, Ямбургского, Нижегородского, Нарвского, Киевского, Ярославского полков дивизии Репнина; с 1708 г. — гренадерский Петра Эдмонт Лессия (Ласси); 10.05.1725 г. переименован в пехотный; 16.02.1727 г. — 1-й Смоленский; 11.11.1727 г. — Белозерский пехотный; в 1762 г. — генерал-майора Ширингера; 10.04.1797 г. — генерал-лейтенанта Будкевича; 30.04.1799 г. — генерал-майора Кульнева; 13.05.1799 г. — генерал-майора Седморацкого.

Белорусский егерский корпус - сформирован в 1784 г. из людей разных полевых полков и гарнизонов; с 29.11.1796 г. расформирован, из его людей набраны 11-й и 12-й Егерские батальоны.

Брянский пехотный полк - сформирован в 1723 г. как конный Украинский ландмилиции полковника Иваненкова; 11.11.1727 г. — назван Брянским; в 1763 г. превращен в пехотный; 8.11.1770 г. причислен к полевым полкам; 31.10.1798 г. - генерал-майора Олсуфьева; 24.09.1800 г. - генерал-майора Лидерса.

Бугский егерский корпус — сформирован в 1784 г. из составленных в Харькове 1-го и 2-го Егерских, 2-го Белорусского и 4-го Харьковского полевых батальонов; 29.11.1797 г. расформирован, из его людей набраны 13-й и 14-й Егерские батальоны.

Бутырский пехотный полк — сформирован в 1642 г. как 2-й Московский выборный Алкиеля; в начале XVIII в. назван Бутырским; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 2-й Московский; в 1762 г. — генерал-майора Лопухина; в 1784 г. расформирован, из его людей набран Кубанский егерский корпус.

Бутырский мушкетерский полк - сформирован 29.11.1796 г. из полевых батальонов Оренбургского корпуса; 31.01.1797 г. переименован в Молодо-Баденский; 20.06.1799 г. - генерал-майора Белецкого; 16.09.1800 г. - генерал-майора Мольникина.

Великолукский пехотный полк — сформирован в 1699 г. как солдатский полковника Николая фон Вердера; в 1708 г. назван Луцким; с 1710 г. — Великолукский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — Тульский; в 1762 г. — генерал-майора Ляпунова; 31.11.1798 г. - генерал-майора Глазова 1-го; 21.11.1799 г. - генерал-майора Вяткина; 19.01.1800 г. — генерал-майора Кастеллия.

Владимирский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Москве из даточных людей как солдатский полковника Томаса Балсировича Юнгера; с 1708 г. — Владимирский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 1-й Пермский; 31.11.1798 г. — генерала-от-ин-фантерии графа Гудовича 2-го; 8.06.1800 г. — генерала-от-ин-фантерии Розенберга.

Вологодский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Новгороде из вольницы и даточных людей Новгородского разряда как солдатский полковника Романа Виллимовича Брюса; с 1708 г. — Вологодский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 2-й Костромской; в 1762 г. — генерал-майора принца Карла Курляндско-го; 4.06.1790 г. расформирован и обращен в Астраханский гренадерский полк.

Воронежский пехотный полк - сформирован в 1700 г. в Москве Преображенской комиссией как солдатский полковника Федора (Фридриха) Николаевича Балка; с 1708 г. - Воронежский; с 16.02 по 13.11.1727 г. - 5-й Московский; в 1768 г. - генерал-фельдмаршала принца фон Голштейна; 31.11.1798 г. - генерал-майора фон Экельна; 29.01.1799 г. — генерал-майора Арсеньева 2-го.

Выборгский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Новгороде из вольницы и даточных людей Новгородского разряда как солдатский полковника Ивана Кулома; с 1712г. — Выборгский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 2-й Калужский; в 1762 г. — генерал-поручика Пальменбаха; 31.11.1798 г. — генерал-майора Эссена 3-го; 18.08.1800 г. — генерал-майора Ганжи 2-го.

Вятский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Казани из даточных людей как солдатский полковника Павла (Пауля) Павловича Бернера; с 1708 г. — Вятский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 2-й Переяславский; в 1762 г. — генерал-майора Маслова; 26.11.1798 г. — генерал-майора Самарина 2-го; 18.02.1799 г. — генерал-майора фон Мантейфеля.

Галицкий пехотный полк - сформирован в 1704 г. в Нижнем Новгороде из городских солдат, их детей и церковных причетчиков; с 1708 г. — Галицкий; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 3-й Новгородский; 14.07.1731 г. расформирован.

Гирканский пехотный полк - сформирован в 1724 г. в Низовом корпусе в Персии как заштатный; 7.11.1732 г. переименован в Сулакский; в 1733 г. расформирован.

Дагестанский пехотный полк - сформирован в 1724 г. в Низовом корпусе в Персии как заштатный; в 1734 г. возвращен в Россию; 05.02.1743 г. обращен на укомплектование флота.

Дербентский пехотный полк - сформирован в 1724 г. в Низовом корпусе в Персии как заштатный, в 1734 г. возвращен в Россию; 5.02.1743 г. направлен на укомплектование флота.

Днепровский пехотный полк - 3.10.1769 г. как Московский легион в составе гренадерского и трех мушкетерских батальонов; 16.01.1775 г. легион расформирован и из половины его составлен Днепровский пехотный полк; 31.11.1798 г. - генерал-майора Арбенева; 24.11.1799 г. - генерал-майора Вязмитинова; 19.05.1800 г. — генерал-майора Кононовича 1-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г. как батальон из людей Финляндского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Сутгофа; 8.03.1800 г. расформирован.

2-й Егерский полк — сформирован 29.1.1796 г. как батальон из людей Финляндского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Михельсона 2-го; 10.08.1800 г. полковника Штедера; 4.09.1800 г. — генерал-майора Михельсона 2-го.

3-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г. как батальон из людей Финляндского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Гвоздева.

4-й Егерский полк — сформирован 29.1.1796 г. как батальон из людей Эстляндского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Баркляя-де-Толли.

5-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г. как батальон из людей Эстляндского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — майора Воробьева; 06.03.1799 г. — генерал-майора Титова 2-го; 27.07.1800 г. — полковника Иванова; 18.12.1800 г. — генерал-майора князя Волконского 3-го; 20.12.1800 г. — генерал-майора фон-Бранде.

6-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г. как батальон из людей Эстляндского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Фока 1-го; 03.01.1800 г. — генерал-майора Алфимова.

7-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г. как батальон из людей Лифляндского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора князя Багратиона; 09.06.1800 г. — полковника графа Ивелига 3-го.

8-й Егерский полк — сформирован 29.1.1796 г. как батальон из людей Лифляндского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Чубарова; 13.05.1799 г. — генерал-майора Миллера.

9-й Егерский полк — сформирован 29.1.1796 г. как батальон из людей Екатеринославского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-лейтенанта Грам-сдорфа; 09.07.1800 г. — полковника Приуды.

10-й Егерский полк — сформирован 29.1.1796 г. как батальон из людей Екатеринославского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Майнова; 6.03.1799 г. — генерал-майора Вейдемейра.

11-й Егерский полк — сформирован 29.1.1796 г. как батальон из людей Белорусского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — полковника Иванова; 17.12.1799 г. — генерал-майора Маркова.

12-й Егерский полк — сформирован 29.1.1796 г. как батальон из людей Белорусского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — полковника Беллы.

13-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г. как батальон из людей Бугского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Кошкина; 27.09.1799 г. — генерал-майора Гангеблова.

14-й Егерский полк — сформирован 29.1.1796 г. как батальон из людей Бугского егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Багговута; 27.07.1800 — полковника князя Вяземского.

15-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г. как батальон из людей Таврического егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Куприна; 27.11.1798 г. — генерал-майора Драшкевича; 15.12.1800 г. — полковника Штедера.

16-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г. как батальон из людей Таврического егерского корпуса; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Насокина; 27.11.1798 г. — генерал-майора Веревкина; 04.07.1799 г. — генерал-майора Лейхнера; 15.12.1800 г. — генерал-майора Штемпеля.

17-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г. как батальон из людей Кавказского и Кубанского егерских корпусов; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Лихачева.

18-й Егерский полк — сформирован 29.1.1796 г. как батальон из людей Кавказского и Кубанского егерских корпусов; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Лазарева.

19-й Егерский полк — сформирован в 1785 г. как 1-й Сибирский егерский батальон; 29.11.1796 г. переформирован в 19-й Егерский батальон; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора барона Гильденшольда; 13.04.1800 г. — генерал-майора князя Орбелиана; 08.05.1800 г. — генерал-майора Воейкова.

20-й Егерский полк — сформирован в 1785 г. как 2-й Сибирский егерский батальон; 29.11.1796 г. переформирован в 20-й Егерский батальон; 17.05.1797 г. переименован в полк; 31.10.1798 г. — генерал-майора Шишкова; 30.05.1800 г. — полковника Корнищова.

Екатеринбургский мушкетерский полк — сформирован 29.11.1796 г. из сибирских полевых батальонов; 31.11.1798 г. — генерал-майора Певцова.

Екатеринбургский гренадерский полк — сформирован 30.03.1756 г. из гренадерских рот третьих батальонов Самогитского, Рязанского, Низовского, Выборгского, Псковского, Бутырского, Шлиссельбургского, 2-го Московского, Троицкого и Апшеронского пехотных полков как 3-й

Гренадерский; 13.03.1762 г. преобразован в мушкетерский; 25.03.1762 г. - генерал-аншефа графа Румянцева; 05.07.1762 г. - снова 3-й Гренадерский; 14.01.1785 г. переименован в Екатеринославский гренадерский; 11.01.1798 г. - Псковский гренадерский; 31.11.1798 г. - генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена 1-го; 24.10.1799 г. - генерал-майора Палицына.

Екатеринославский егерский корпус — сформирован в 1787 г. из 1-го и 2-го Черноморских полевых батальонов; 29.11.1796 г. расформирован, из его людей набраны 9-й и 10-й Егерские батальоны.

Елецкий пехотный полк — сформирован 15.01.1731 г. как конный Украинской ландмилиции; в 1763 г. превращен в пехотный; с 08.11.1770 г. причислен к полевым полкам; 1.02.1798 г. — генерал-майора Вадковского; 15.10.1799 г. — генерал-майора де-Жерве; 30.10.1799 г. — генерал-майора Ви-товта; 04.07.1800 г. — генерал-майора Ефимовича.

Зинзилинский пехотный полк — сформирован в 1724 г. в Низовом корпусе в Персии как заштатный; 7.11.1732 г. — переименован в Астраханский; в 1733 г. расформирован.

Ивангородский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Казани как солдатский полковника Андрея (Генриха) Ивановича Митчеля; с 1708 г. — Ивангородский пехотный; в 1712 г. расформирован.

Ингерманландский пехотный полк — сформирован в 1703 г. в Санкт-Петербурге из отборных солдат различных полков как солдатский ингерманландского губернатора фельдмаршала князя Александра Даниловича Меншикова; с 1704 г. — Ингерманландский солдатский, с 16.02 по 13.11.1727 г. — 1-й Санкт-Петербургский; в 1762 г. — генерал-поручика Мельгунова; в 1791 г. переименован в Старо-Ингерманландский; 18.11.1798 г. — генерал-майора фон Клугена; 2.03.1799 г. — генерал-майора Штейн-геля; 01.08.1799 г. — генерал-майора графа Разумовского; 05.02.1800 г. — генерал-майора Энгельгарда.

Кавказский гренадерский полк — сформирован в 1784 г. из рот Астраханского и Томского полков как Кавказский мушкетерский; 03.08.1795 г. преобразован в гренадерский; 31.1.1798 г. — генерал-лейтенанта графа Мокова; 10.11.1798 г. — генерал-майора Тучкова 2-го.

Кавказский егерский корпус — сформирован в 1784 г. из Белорусского, Горского, Кабардинского и Свияжского егерских батальонов; 29.11.1796 г. — расформирован и вместе с Кубан-

ским корпусом направлен на формирование 17-го и 18-го Егерских батальонов.

Казанский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Москве как солдатский полковника Ивана (Иоганна) Виллимовича фон Дельдена; с 1708 г. назван Казанским; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 1-й Рязанский; в 1762 г. — генерал-майора князя Голицына; 31.11.1798 г. — генерал-лейтенанта Киселева; 24.02.1799 г. — генерал-майора Бризимена фон Неттина; 2.03.1799 г. — генерал-лейтенанта Кнорринга 2-го.

Каргопольский пехотный полк — сформирован в 1706 г. в Санкт-Петербурге из людей стрелецких полков Стрекалова, Сухарева, Елганинова, Батурина и части людей стрелецких полков Ф. М. и М. Г. Баншевых; в 1713 г. расформирован.

Кексгольмский пехотный полк — сформирован в 1710 г. из гренадерских рот Архангелогородского, Владимирского, Выборгского, Куликова, Пермского, Смоленского, Троицкого, фон Фих-генгейма, Чемесова, Белозерского, Санкт-Петербургского полков корпуса П. М. Апраксина как гренадерский 2-й дивизии; в 1725 г. гренадерский Зыкова; с 16.02 по 13.11 именовался 2-м Ярославским; с 11.11.1727 г. — Кексгольмский солдатский; в 1762 г. — генерал-майора Сиверса; 20.08.1798 г. — генерал-майора Сухова; 4.12.1800 г. — генерал-майора Вердеревского.

Кергеруцкий пехотный полк — сформирован в 1724 г. в Низовом корпусе в Персии как заштатный; 7.11.1732 г. переименован в Сальянский; в 1734 г. возвращен в Россию; 05.02.1743 г. направлен на комплектование флота.

Кескерский пехотный полк — сформирован 26.02.1726 г. в Низовом корпусе в Персии как заштатный; 7.11.1732 г. переименован в Кавказский; в 1733 г. расформирован.

Киевский гренадерский полк — сформирован в 1700 г. в Москве из даточных людей как солдатский полковника Виллима Виллимовича фон Дельдена; в 1708 г. — Киевский солдатский; с 16.07 по 13.11.1727 г. — Суздальский; в 1762 г. — генерал-аншефа князя Голицына; 14.01.1785 г. назван Гренадерским; 24.11.1798 г. — генерала-от-инфантерии Беклешова; 7.06.1799 г. генерал-майора Пассека.

Козловский пехотный полк — сформирован 15.01.1731 г. как конный Украинский ландмилиции; в 1763 г. превращен в пеший; 8.1.1770 г. причислен к полевым полкам; 3.12.1796 г. переименован в Старо-Баденский; 20.06.1799 г. — генерал-майора Волконского 2-го; 25.12.1800 г. — генерал-майора Макшеева.

Колыванский мушкетерский полк — сформирован 20.08.1798 г. в Коломне из рекрутов как мушкетерский генерал-майора Миллера 1-го; 29.03.1801 г. — переименован в Колыванский мушкетерский.

Копорский пехотный полк — сформирован в 1703 г. в Казани из стрельцов и других служилых людей Казанского приказа как солдатский полковника Афанасия Скрипицына; с 1708 г. — Копорский солдатский; с 16.02 по 13.11.1727 г. 2-й Тверской; в 1762 г. — генерал-майора фон Шливена; в 1784 г. переименован в Витебский; 31.1.1798 г. — генерал-майора Острожского; с 16.02.1800 г. — генерал-майора Кассаговского; 4.03.1801 г. — генерал-майора Эмме; 5.03.1801 г. — генерал-майора Мусина-Пушкина.

Кубанский егерский корпус — сформирован в 1784 г. из людей Селенгинского и Бутырского полков; 29.11.1796 г. расформирован и вместе с Кавказским егерским корпусом направлен на формирование 17-го и 18-го Егерских батальонов.

Куринский пехотный полк — сформирован 26.02.1726 г. в Низовом корпусе в Персии как заштатный; в 1734 г. возвращен в Россию; 29.11.1745 г. включен в штат; в 1762 г. — генерал-майора Бенкендорфа; в 1784 г. переименован в Тифлисский; 31.11.1798 г. — генерал-майора Стремоухова; 8.10.1800 г. — генерал-майора Леонтьева.

Курский пехотный полк — сформирован в 1723 г. как конный полк Кичига Украинской ландмилиции; 11.11.1727 г. назван Курским; в 1763 г. превращен в пеший, 8.11.1770 г. причислен к полевым полкам; 31.11.1798 г. — генерал-лейтенанта Пришибы-шевского.

Ладожский пехотный полк — сформирован в 1708 г. из гренадерских рот Белозерского, Лефортовского, Вятского, Киевского, Саксонского, Ростовского, Тобольского, Олонецкого, Ко-порского и Ивангородского полков дивизии А. А. Вейде как гренадерский полковника Юрия Ивановича Буша; в 1725 г. переименован в Ладожский Людвиг Николая фон Аларта 1-й гренадерский; 10.05.1725 г. преобразован в пехотный; с 16.02 по 11.11.1727 г. — 1-й Новгородский, в 1762 г. — генерал-фельдмаршала графа фон Миниха; 31.1.1798 г. — генерал-лейтенанта Катенина; 05.04.1800 г. — генерал-майора Сухина 2-го.

Лейб-гвардии Егерский полк — сформирован 9.11.1796 г. из команд егерей при лейб-гвардии Семеновском и Измайловском полках и роты егерей подполковника Рачинского из Гатчинского гарнизона как батальон; 10.05.1806 г. переименован в полк.

Лейб-гвардии Семеновский полк — сформирован в 1692 г. из «потешных солдат» в селе Семеновском под Москвой как гвардейский солдатский; 9.11.1796 г. в состав полка вошел 2-й его императорского высочества великого князя Александра Павловича и 6-й майора Недоброва батальоны Гатчинского гарнизона;

17.03.1800 г. — лейб-гвардии его императорского высочества Александра Павловича.

Лейб-гвардии Измайловский полк — сформирован 12.08.1730 г. в селе Измайлово под Москвой из людей ланд-милицких однодворческих полков как гвардейский пехотный; 9.11.1796 г. в полк вошли 3-й его императорского высочества великого князя Константина Павловича и 5-й майора Малюгина батальоны Гатчинского гарнизона; 17.03.1800 г. — лейб-гвардии его императорского высочества Константина Павловича; 28.05.1800 г. — лейб-гвардии его императорского высочества Николая Павловича.

Лейб-гвардии Преображенский полк — сформирован в 1692 г. из «потешных солдат» в селе Преображенском под Москвой как гвардейский солдатский; 26.12.1741 г. гренадерская рота названа Лейб-компанией и отчислена от полка; 9.11.1796 г. в состав полка вошли 1-й и 4-й батальоны Гатчинского гарнизона; в марте 1800 г. лейб-гвардии его императорского величества.

Лейб гренадерский полк — сформирован 30.03.1756 г. из гренадерских рот третьих батальонов Киевского, Казанского, Нижегородского, Черниговского, Суздальского, Муромского, Кег-сгольмского, Архангелогородского и Вологодского пехотных полков и назван 1-м Гренадерским; в 1762 г. разделен на 1, 2 и 3-й Гренадерские батальоны; в 1763 г. снова сведен в один полк; 10.07.1775 г. за отличия, проявленные в войне против турок, назван лейб гренадерским.

Ленкоранский пехотный полк — сформирован 26.02.1726 г. в Низовом корпусе в Персии как заштатный; 7.11.1732 г. переименован в Нашебургский; в 1734 г. возвращен в Россию; 29.11.1745 г. включен в штат; с 25.04 по 5.07.1762 г. генерал-майора Лебея; 31.10.1798 г. — генерал-майора Кропотова; 5.11.1799 г. — генерал-майора Вилембахова; 24.12.1800 г. — генерал-майора Ермолова.

Лефортовский пехотный полк — сформирован в 1642 г. как 1-й Московский выборный; с конца XVII в. переименован в Лефортовский солдатский; с 11.11.1727 г. — 1-й Московский; в 1762 г. — генерал-майора Племянникова; 14.01.1785 г. назван Московским гренадерским; 08.09.1791 г. — расформирован и причислен к Екатеринославскому гренадерскому полку.

Литовский егерский корпус — начал формироваться 3.08.1795 г.; 29.11.1796 г. — расформирован.

Лифляндский егерский корпус — сформирован в 1784 г. из людей различных полевых полков и гарнизонов; 29.11.1796 г. расформирован, из его людей набраны 7-й и 8-й Егерские батальоны.

Малороссийский гренадерский полк — сформирован 14.01.1785 г. в армии князя Потемкина из рекрутов трех малороссийских губерний как 10-й Гренадерский; 20.10.1786 г. — назван Малороссийским; 16.05.1790 г. переформирован в кон-но-гренадерский Военного ордена.

Мизандрский пехотный полк — сформирован в 1724 г. в Низовом корпусе -в Персии; с 07.11.1732 г. переименован в Ставропольский; в 1733 г. расформирован.

Московский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Москве из вольницы как солдатский полковника Карла Густава Ивановича Эваницкого; с 1708 г. — Московский; с 16.02 по 11.11.1727 г. — 2-й Московский; в 1762 г. — Королевско-Прусский пехотный, затем генерал-майора князя Репнина; 14.01.1785 г. — Московский пехотный; 31.11.1798 г. — генерал-лейтенанта Фенша.

Московский гренадерский полк — сформирован 15.05.1790 г. в Москве из третьего батальона Тенгинского полка, чинов Московских гарнизонных батальонов и рекрутов; 12.04.1791 г. назван Московским гренадерским; 31.11.1798 г. — генерала-от-ин-фантерии Розенберга; 8.06.1800 г. — генерал-майора Карла Мек-ленбургского.

Муромский пехотный полк — сформирован в 1708 г. из гренадерских рот Великолукского, Вятского, Воронежского, Нарв-ского, Пермского, Рязанского и Черниговского полков дивизии Энзберга как гренадерский генерала Николая Энзберга; 19.11.1712 г. — гренадерский Кампенгаузена (4-й Гренадерский); 10.05.1725 г. — пехотный того же имени; 16.02.1727 г. — 2-й Смоленский; 13.11.1727 г. — Муромский пехотный; в 1762 г. — генерал-майора Верпеса; 31.11.1798 г. — генерал-майора Маслова; 16.11.1798 г. — генерал-майора Шиллинга 2-го; 17.11.1798 г. — генерал-майора Титова; 18.11.1798 г. — генерала-от-инфантерии де Лассия; 27.11.1798 г. — генерал-майора Маркова 1-го; 24.10.1799 г. — генерал-майора Алексева; 26.10.1799 г. — генерал-майора По-вало-Швейковского 2-го; 23.09.1800 — генерал-майора Петровского.

Навагинский мушкетерский полк — сформирован 20.08.1797 г. в Москве из рекрутов как мушкетерский генерал-майора Павлуцкого; 14.12.1798 г. — генерал-лейтенанта графа Ивелига 1-го; 15.12.1799 г. — генерал-майора Рунича 1-го; 29.03.1801 г. — Навагинский мушкетерский.

Нарвский пехотный полк — сформирован в 1704 г. в Москве из вольницы и даточных людей как солдатский генерал-поручика Адама Андреевича фон Шокобека; с 1708 г. — Нарвский сол-

датский; с 16.02 по 6.11.1727 г. — 1-й Владимирский; с 25.04 по 05.07.1762 г. — генерал-майора Христофора фон Эссена; 31.11.1798 г. генерал-майора Ротгофе.

Нашебургский пехотный полк — сформирован 26.02.1726 г. в Низовом корпусе в Персии как Ленкоранский заштатный; 7.11.1732 г. переименован в Нашебургский; в 1734 г. возвращен в Россию; 29.11.1745 г. включен в штат; с 25.04 по 05.07.1762 г. — генерал-майора Лебеля; 31.10.1798 г. — генерал-майора Кропотова; 5.11.1799 г. — генерал-майора Вилемба-хова; 24.12.1800 г. — генерал-майора Ермолова.

Невский пехотный полк — сформирован 12.07.1706 г. в Санкт-Петербурге из рекрутов и солдат регулярных полков; с 1708 г. — Невский; с 16.02 по 6.11.1727 г. — 2-й Владимирский; 31.10.1798 г. — генерал-лейтенанта князя Волконского 1-го; 25.01.1800 г. — генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го.

Нижегородский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Москве из даточных людей как солдатский полковника Евстафия Мартиновича Больмана; с 1708 г. — Нижегородский солдатский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 3-й Переяславский; с 25.04 по 05.07.1762 г. — генерал-майора Якова Брандта; 31.10.1798 г. — генерал-лейтенанта Самарина 1-го; 1.10.1799 г. — генерал-майора Хитрова.

Новгородский пехотный полк — сформирован в феврале 1700 г. в Москве из даточных людей как солдатский полковника Николая Николаевича Балка; с 1708 г. — Новгородский солдатский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 1-й Белгородский; с 25.04 по 05.07.1762 г. — генерал-поручика Панина; 31.10.1798 г. — генерал-лейтенанта графа Шембека; 24.04.1799 г. — генерал-майора Фертча.

Новоингерманландский пехотный полк — сформирован 20.08.1790 г. в армии князя Потемкина из двух батальонов упраздненного Херсонского полка и мушкетерского батальона премьер-майора Ермолина; 21.10.1798 г. — генерал-майора барона Розена.

Ново-Тульский пехотный полк — сформирован 29.05.1789 г. в армии князя Потемкина как Тульский пехотный полк, для отличия от старого Тульского полка назван Ново-Тульским; 7.01.1790 г. расформирован и направлен на формирование Херсонского полка.

Орловский пехотный полк — сформирован 4.04.1723 г. как конный полк Львова Украинской ландмилиции; с 11.11.1727 г. — Орловский; в 1763 г. превращен в пехотный; 8.11.1770 г. причислен к полевым полкам; 31.10.1798 г. — генерал-майора Мансурова 2-го; 18.12.1799 г. — генерал-майора Брунова.

Олонецкий пехотный полк — сформирован в 1697—1698 гг. из стрельцов Казанского приказа как жилой солдатский полковника Александра Виллимовича Шарфа; с 1708 г. — Олонецкий солдатский; в 1712 г. расформирован.

Олонецкий мушкетерский полк — сформирован 20.08.1798 г. в Угличе из рекрутов как мушкетерский генерал-майора Бранта; 22.04.1799 г. — генерал-майора Меркулова; 14.12.1800 г. — генерал-майора Кашкина; 29.03.1801 г. — Олонецкий мушкетерский.

Павловский гренадерский полк — сформирован 19.11.1796 г. из двух батальонов и двух рот запасного батальона Московского гренадерского полка; 31.10.1798 г. — назван гренадерским генерал-майора Эмме; 8.04.1800 г. — генерал-майора Кербица.

Пермский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Казани из даточных людей как солдатский полковника Ивана (Иоганна) Ивановича Англера; в 1708 г. — Пермский солдатский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 8-й Московский; с 25.04 по 05.07.1762 г. — генерал-майора Салтыкова; 31.10.1798 г. — генерал-майора Пушина 2-го; 3.01.1800 г. — генерал-майора фон Гортунга; 11.12.1800 г. — генерал-лейтенанта фон Риттера.

Переяславский пехотный полк — сформирован в 1704 г. в Нижнем Новгороде из рекрутов и казаков низовых городов как солдатский Алексея Яковлевича Топоркина; с 1708 г. — Переяславский солдатский; в 1709 г. участвовал в бою под Лесной; в неудачном бою у местечка Верник был разбит и взят в плен; через полгода бежал из плена и принял участие в Полтавской битве, после которой был расформирован.

Полоцкий пехотный полк — сформирован 16.01.1775 г. из половины Санкт-Петербургского легиона, учрежденного 2.09.1769 г.; 31.11.1798 г. — генерал-майора Сказина; 7.05.1799. — генерал-майора Тинкова.

Полтавский мушкетерский полк — сформирован 20.08.1798 г. в Твери из рекрутов как мушкетерский генерал-майора Маркловского 1-го; 6.1.1800 г. — генерал-майора князя Горчакова 3-го; 13.11.1800 г. — генерал-майора Аникеева; 29.03.1801 г. — Полтавский мушкетерский.

Псковский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Москве из даточных людей как солдатский полковника Иоганна Мевса; с 1708 г. — Псковский солдатский; с 25.04 по 6.07.1762 г. — генерал-майора Ивана Нумерса; 31.10.1798 г. — генерал-фельдмаршала князя Репнина; 26.11.1798 г. — генерал-майора Маркова; 27.11.1798 г. — генерала-от-инфантерии де Лассия; 26.10.1799 г. — генерала-от-инфантерии Голенищева-Кутузова.

Ранокучий пехотный полк — сформирован 26.02.1726 г. в Низовом корпусе в Персии; 7.11.1732 г. переименован в Кабардинский; в 1734 г. выведен в Россию; 29.11.1745 г. включен в штат, 31.10.1798 г. — генерал-майора Арсеньева 1-го; 17.12.1799 г. — генерал-майора Кохиуса; 29.01.1800 г. — генерал-майора Гулякова.

Ревельский пехотный полк — сформирован 6.03.1775 г. из гренадерского и 1-го мушкетерского батальонов Санкт-Петербургского легиона, образованного 2.09.1769; 31.10.1798 г. — генерал-майора Хотупцева.

Ростовский пехотный полк — сформирован в феврале 1700 г. в Казани из вольницы как солдатский полковника Кашпира (Каш-пара) Андреевича Гулица (Гулца); в 1708 г. — Ростовский солдатский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 7-й московский; в 1762 г. — генерал-майора Храповицкого; 31.10.1798 г. — генерал-лейтенанта Римского-Корсакова; 24.10.1799 — генерал-майора Повало-Швейковского 2-го; 26.10.1799 г. — генерал-майора Колокольцева.

Рыльский мушкетерский полк — сформирован 29.11.1796 г. из Оренбургских полевых батальонов; 31.10.1798 г. — генерал-майора Бахметьева 1-го.

Рязанский пехотный полк — сформирован 15.01.1731 г. как конный Украинский ландмилиции; 15.12.1763 г. превращен в пеший; 8.11.1770 г. причислен к полевым полкам; 31.10.1798 г. — генерал-майора Седморацкого; 13.05.1799 г. — генерал-лейтенанта графа Ланжерона.

Рязанский пехотный полк — сформирован в 1703 г. в Москве из вольницы и посадских людей как солдатский полковника Данилы Ивановича Купера; 10.03.1708 г. назван Рязанским; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 6-й Московский; с 25.04 по 05.07.1762 г. генерал-майора графа Федора Остермана; 31.11.1798 г. — генерала-от-инфантерии Голенищева-Кутузова; 26.10.1798 г. — генерал-майора Алексева.

Ряжский пехотный полк — сформирован в 1724 г. в Низовом корпусе в Персии как заштатный; 7.11.1732 г. переименован в Каспийский; в 1733 г. расформирован.

Саксонский пехотный полк — сформирован в 1703 г. как солдатский генерал-поручика Иоганна Рейнгольда фон Паткуля под командой полковника Самуила де Ренцеля; в 1706 г. — в Саксонии в составе «помощного корпуса», разбитого под Фрауш-тадтом; 21.06.1707 г. в Люблине из уцелевших людей семи солдатских и двух стрелецких полков, составивших отряд, пробившийся под командой де Ренцеля после капитуляции Саксонии к своим, образован новый полк под названием Саксонский или

«Ренцелев»; 16.02.1727 г. переименован в 1-й Тверской гренадерский; 13.11.1727 — Суздальский пехотный; с 25.04 по 6.07.1762 г. — генерал-майора фон Дунтена; 31.11.1798 г. — генерал-майора Глазова 2-го; 27.04.1800 г. — генерал-майора Лихачева 2-го; 12.01.1800 г. — генерал-майора Шеншина.

Саратовский мушкетерский полк — сформирован 20.08.1798 г. в Ярославле из рекрутов как мушкетерский генерал-майора Лейтнера; 29.12.1800 г. — генерал-майора Несвета-ева; 29.03.1801 г. назван Саратовским мушкетерским.

Святоиколаевский гренадерский полк — сформирован 6.07.1790 г. в армии князя Потемкина из двух батальонов расформированного Санкт-Петербургского гренадерского полка, 8.09.1790 г. причислен к Екатеринославскому гренадерскому полку.

Севский пехотный полк — сформирован 4.04.1723 г. как конный полк Карамзина Украинской ландмилиции; 11.11.1727 г. назван Севским, 15.12.1763 г. превращен в пеший; 8.11.1770 г. причислен к полевым полкам; 31.10.1798 г. — генерал-майора Тучкова 1-го.

Селенгинский пехотный полк — сформирован 26.11.1763 г. из рекрутов; в 1784 г. расформирован и направлен на создание Кубанского егерского корпуса.

Селенгинский мушкетерский полк — сформирован 29.11.1796 г. из сибирских полевых батальонов; 31.10.1798 г. — генерал-майора Скобельница; 2.11.1799 г. — генерал-майора фон Дистерло 2-го; 4.11.1799 г. — генерал-майора Талызина 3-го; 27.08.1800 г. — генерал-майора Купферш-мита.

Сенатский полк — сформирован 27.01.1800 из Сенатского батальона; 28.01.1800 г. мушкетерский генерал-майора Мартен-са; 2.02.1800 г. — генерал-майора Ушакова; 29.03.1801 — Литовский мушкетерский.

Сибирский гренадерский полк — сформирован в 1700 г. в Москве из даточных людей как солдатский полковника Ирика Григорьевича фон Вердена; 10.03.1708 г. назван Сибирским пехотным; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 3-й Московский; с 23.04 по 5.07.1762 г. генерал-поручика князя Долгорукова; 14.01.1785 г. преобразован в гренадерский; с 31.10.1798 г. — генерал-майора Ляпунова; с 31.03.1800 г. — генерал-майора Бахметьева 3-го.

Симбирский пехотный полк — сформирован в 1708 г. из рекрутов набора Преображенского приказа как солдатский Андрея Кашпаровича (Кашпиновича) Гулица (Гулца); в 1708 слит с полком И. И. Лесли и стал называться Симбирским солдатским; в 1712 г. расформирован.

Смоленский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Москве из даточных людей как солдатский полковника Тихона Христофоровича Гундермарка; 10.03.1708 г. назван Смоленским солдатским; 16.02 по 13.11.1727 г. — 4-й Московский; с 25.04 по 5.07.1762 г. — генерал-майора Фулертон; 31.10.1798 г. — генерал-лейтенанта Повало-Швейковского 1-го; 10.09.1800 г. — генерал-лейтенанта Бороздина 1-го; 6.10.1800 г. — генерал-майора Репнинского.

Софийский пехотный полк — сформирован в 1784 г. из двух батальонов Конторы строения домов и садов; с 31.11.1798 г. назван мушкетерским генерал-майора Дохтурова; 22.07.1800 г. — генерал-майора Гавро; с 01.01.1801 г. — генерал-майора Нечаева.

Санкт-Петербургский пехотный полк — сформирован в 1703 г. в Санкт-Петербурге как солдатский подполковника Николая Андреевича Нейтерта (Нетерта, Нейдгарта); с 1708 г. — Санкт-Петербургский солдатский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 2-й Пермский, в 1762 г. — генерал-поручика графа Чернышева; 14.01.1785 г. превращен в гренадерский; 6.07.1790 г. расформирован.

Санкт-Петербургский гренадерский полк — сформирован 29.08.1790 г. соединением Навагинского полка с одним батальоном Тенгинского полка; 31.11.1798 г. — генерал-майора князя Голицына 2-го; 24.03.1800 г. — генерал-майора князя Волконского 3-го; 3.05.1800 г. — генерал-майора Сафонова; 2.01.1801 г. генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена 1-го.

Старооскольский пехотный полк — сформирован 15.01.1731 г. как конный Украинской ландмилиции; 15.12.1763 г. превращен в пеший; 8.11.1770 г. причислен к полевым полкам; 31.10.1798 г. — генерал-лейтенанта Козлова; 3.12.1800 г. — генерал-майора Быкова.

Таврический гренадерский полк — сформирован 30.03.1756 г. из гренадерских рот третьих батальонов Санкт-Петербургского, Новгородского, Сибирского, Азовского, Воронежского, Белозерского и Ладожского полков как 2-й Гренадерский; 13.03.1762 г. преобразован в мушкетерский; 25.04.1762 г. — генерал-майора Михаила Измайлова; 14.12.1763 г. — 2-й Гренадерский; 14.12.1785 г. — Таврический; 31.10.1798 г. — генерала-от-инфантерии Бенкендорфа; 13.09.1799 г. — генерал-майора Завали-шина; 14.09.1800 г. — генерал-майора Данзаса. Таврический пехотный полк — сформирован 21.09.1777 г. в новоприобретенных от Турции крепостях Керчи и Еникале из занимавших их гарнизонов как пехотный; 23.06.1783 г. назван Таврическим; в 1784 г. — Севастопольский; 31.10.1798 г. — генерала-от-инфантерии графа Каховского; 13.02.1800 г. — генерал-майора Сербина.

Таврический егерский корпус — сформирован в 1784 г. из Днепровского, Бугского, Финляндского и Моздокского егерских батальонов; 29.11.1796 г. — расформирован, из его людей набраны 15-й и 16-й Егерские батальоны.

Тамбовский пехотный полк — сформирован 15.01.1731 г. как конный Украинской ландмилиции; 15.12.1763 г. превращен в пехотный; 8.11.1770 г. причислен к полевым полкам; 31.10.1798 г. — генерал-лейтенанта Ферштера.

Тверской пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Москве из вольницы как солдатский полковника Карла-Петра Андреевича (Генриховича) Девсона (Девесона, Девсена); с 1708 г. — Тверской солдатский; в 1715 г. расформирован.

Тенгинский пехотный полк — сформирован 26.02.1726 г. в Низовом корпусе в Персии; в 1734 г. возвращен в Россию; 29.11.1745 г. включен в штат армии; 6.07.1790 г. расформирован и направлен на составление нового Санкт-Петербургского гренадерского полка.

Тенгинский мушкетерский полк — сформирован 27.11.1796 г. в Санкт-Петербурге из лучших людей пяти гарнизонных батальонов как мушкетерский генерала-от-инфантерии Архарова 1-го; 14.09.1797 г. — генерал-майора графа Эльмита; 10.03.1800 г. — генерал-майора Фомина; 1 1.03.1800 г. — генерал-лейтенанта Бороздина 1-го; 3.05.1800 г. — генерал-майора князя Горчакова 3-го; 18.06.1800 г. — генерал-майора Куприянова 2-го; 26.09.1800 г. - генерал-майора фон Гриенталя; 27.10.1800 г. - генерал-майора князя Щербатова; 29.03.1801г. - Тенгинский мушкетерский.

Тобольский пехотный полк — сформирован в 1703 г. в Москве из вольницы и посадских людей как солдатский генерала князя Аникиты (Никиты) Ивановича Репнина; 10.03.1708 г. назван Тобольским; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 2-й Углицкий; в 1762 г. — генерал-майора Кашкина; 31.10.1798 г. — генерал-лейтенанта барона Ферзена; 14.01.1801 г. — генерал-майора Горина.

Томский пехотный полк — сформирован 27.11.1763 г. в Сибири, в 1784 г. расформирован и направлен на создание Кавказского (позже — гренадерского) полка.

Томский мушкетерский полк — сформирован 29.11.1796 г. из Екатеринбургского и Семипалатинского Сибирских полевых батальонов (образованных в 1775 г. из легких полевых команд и Закамской ландмилиции); с 31.10.1798 г. - генерал-майора графа Ивелича 1-го; 14.12.1798 г. — генерал-майора Павлуцкого; 2.11.1799 г. - бригадира Лаврова; 15.11.1800 г. - генерал-майора графа Тизенгаузена; 16.10.1800 г. — генерал-майора князя Вяземского.

Троицкий пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Москве из даточных людей как солдатский полковника Матвея Ивановича Фливерка; с 1708 г. назван Троицким солдатским; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 1-й Костромской; с 23.04 по 5.07.1762 г. — генерал-поручика Фаста; 31.11.1798 г. — генерал-майора Бороздина 2-го.

Тульский пехотный полк - сформирован 6.03.1775 г. из двух батальонов бывшего Московского легиона (учрежденного 3.08.1769 г.); 31.10.1798 г. - генерал-майора Тыртова; 9.01.1800 г. - генерал-майора Дренделя.

Углицкий пехотный полк — сформирован в 1708 г. из гренадерских рот Казанского, Псковского, Сибирского, Новгородского, Московского, Каргопольского и Устюжного полков дивизии Л. Н. фон Аларта как гренадерский полковника Бильса (или 1-й гренадерский); 16.02.1727 г. — 1-й Ярославский; 6.11.1727 г. - Углицкий пехотный; с 25.04 по 6.07.1762 г. - генерал-майора Сиверса; 31.11.1798 г. — генерал-майора Коновницына; 2.11.1798 г. — генерал-майора Корфа; 20.02.1800 г. — генерал-майора барона Герздорфа.

Украинский мушкетерский полк - сформирован 20.08.1798 г. в Костроме из рекрутов как мушкетерский генерал-майора Берха; 7.02.1800г. - генерал-майора Баклановского; 29.03.1801 г. - Украинский мушкетерский.

Устюжский пехотный полк — сформирован в 1702 г. из стрелецкого И. Г. Озерова полка как солдатский Ивана Григорьевича Озерова; с 1702 г. назван Устюжским солдатским; в 1712 г. расформирован.

Уфимский мушкетерский полк — сформирован 29.11.1796 г. из Оренбургских полевых батальонов; 31.10.1798 г. — генерал-лейтенанта графа Ланжерона; 4.02.1799 г. — генерал-майора Энгельгардта; 18.10.1799 г. — генерал-майора Вердеревского; 19.05.1800 г. — генерал-майора Цибульского.

Фанагорийский гренадерский полк — сформирован 30.03.1756 г. из гренадерских рот третьих батальонов Ростовского, Пермского, Ингерманландского, Астраханского, 1-го Московского, Тобольского, Великолукского, Кабардинского, Копорского и Владимирского полков как 4-й Гренадерский; в 1762 г. разделен на 4, 5 и 6-й Гренадерские батальоны; в 1762 г. эти батальоны сведены обратно в один полк; 14.01.1785 г. — Фанагорийский; с 25.05.1790 г. - Малороссийский; с 31.10.1798 г. - генерал-майора Радта; 19.11.1800 г. - генерал-майора Берха.

Фанагорийский гренадерский полк — сформирован 25.05.1790 г. в армии князя Потемкина из отчисленных гренадерских рот Новгородского, Ингерманландского, Смоленского, Витебского, Апшеронского, Углицкого, Днепропетровского, Архангелогородского, Тульского, Черниговского и Вологодского полков; 31.10.1798 г. — генерал-майора Жеребцова, 27.09.1779 г. — генерал-майора Мамаева.

Финляндский егерский корпус — сформирован в 1784 г. из людей разных полевых полков и гарнизонов; 29.11.1796 г. расформирован, из его людей набраны 1, 2 и 3-й Егерские батальоны.

Херсонский пехотный полк — сформирован 19.05.1784 г. в Харькове из некомплектных 2-го и 3-го Харьковских и 1-го и 3-го Белорусских полевых батальонов как Херсонский пехотный; 17.01.1790 г. расформирован.

Херсонский гренадерский полк — сформирован 17.01.1790 г. из двух батальонов Астраханского гренадерского и Ново-Тульского полков и назван Херсонским пехотным; 17.07.1790 г. преобразован в гренадерский, с 31.10.1798 г. — генерал-лейтенанта Галберга; 6.11.1798 г. — генерал-майора Титова.

Черниговский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Москве из вольницы как солдатский полковника Виллима Ивановича фон Швейдена; 10.03.1708 г. — Черниговский солдатский; с 16.02 по 13.11.1727 г. — 1-й Углицкий; с 25.04 по 5.06.1762 г. — генерал-майора Александра Бибикова; с 31.10.1798 г. — генерал-майора Эссена 1-го; с 30.10.1799 г. — генерал-майора де Жерве; с 2.11.1800 г. — генерал-лейтенанта Эссена 1-го.

Шлиссельбургский пехотный полк — сформирован в 1702 г. как солдатский Тихона Христофоровича Гундертмарка из части людей одноименного полка формирования 1700 г. (см. Смоленский пехотный полк) и солдатского полка Матвея Ивановича Трендена; 10.03.1708 г. назван Шлиссельбургским; с 16.02 по 6.11.1727 г. — Великолуцкий; с 25.04 по 05.07.1762 г. — генерал-майора Карла фон Розена; 31.10.1798 г. — генерал-майора Измайлова.

Ширванский пехотный полк — сформирован 9.06.1724 г. в Низовом корпусе в Персии из роты гренадерского полка Зыкова, четырех рот Казанского и Азовского полков в крепости Баку; в 1734 г. возвращен в Россию; 29.11.1745 г. включен в штат; с 25.04 по 5.07.1762 г. генерал-майора Бахмана; 31.10.1798 г. — генерал-майора князя Горчакова; с 1.11.1798 г. — генерал-лейтенанта Нефедьева; 13.08.1800 г. — генерал-майора князя Волконского 3-го; 15.10.1800 г. — генерал-майора Лаврова.

Эстляндский егерский корпус — сформирован в 1788 г. из мещан и поселян казенного ведомства; 29.11.1796 г. расформирован, из его людей набраны 4, 5 и 6-й Егерские батальоны.

Ямбургский пехотный полк — сформирован в 1705 г. как солдатский полковника Якова Юрьевича Вестова (Веста); с 1708 г. — Ямбургский солдатский полк; в 1712 г. расформирован.

Ярославский пехотный полк — сформирован в 1700 г. в Москве из вольницы как солдатский полковника Ивана (Иоганна) Ивановича Трейдена; с 1708 г. — Ярославский солдатский; с 16.02 по 6.11.1727 г. — 1-й Переяславский; в 1780 г. переформирован прибавлением Николаевского гренадерского батальона (сформированного в 1788 г. из команд разных полевых полков армии князя Потемкина) в Николаевский Приморский гренадерский; 27.07.1794 г. расформирован и направлен на формирование Черноморского гренадерского корпуса.

Ярославский пехотный полк — сформирован 6.07.1790 г. из двух батальонов упраздненного Санкт-Петербургского гренадерского полка; 31.10.1798 г. — генерал-майора Дурасова; с 11.10.1799 г. — генерал-майора Ласунского 1-го.

СПИСОК ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

Адольский Григорий (кон. XVIII—первая пол. XIX в.) — живописец, работал вместе с Осипом Калугиным и Максимом Воронским во дворце императора Петра I в Санкт-Петербурге.

Алексей Михайлович (1629—1676) — царь с 1645 г., отец Петра I и Ивана V.

Анна Иоанновна (1693—1740) — императрица с 1730 г., герцогиня Курляндская с 1710 г., дочь Ивана V.

Апраксин Федор Матвеевич (1661 —1728) — граф, генерал-адмирал, президент Адмиралтейской коллегии, член Верховного тайного совета, ближайший сподвижник Петра I.

Бибиков Иван — в 1796 г. командир Козловского пехотного полка.

Бирон Карл Магнус (1684—1746) — барон, генерал-аншеф, старший брат Эрнста, фаворита императрицы Анны Иоанновны.

Бруин (Брейн) Корнелий (Корнелис) де (1652—после 1711) — живописец; совершая путешествие в Индию и Цейлон, в 1701 — 1708 гг. побывал в России, оставив об этом подробное описание со множеством иллюстраций.

Вейде Адам Адамович (1667—после 1720) — генерал-аншеф, президент Воинской коллегии, автор первого петровского Воинского устава, сподвижник Петра I.

Витворт (Уитворт) Чарльз — с 1704 по 1711 г. английский посланник при русском дворе.

Вюртембергский Евгений (1788—1857) — принц, генерал от инфантерии, на русской службе с 1797 г., младший брат императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I.

Гизен (Гюйсен) Генрих фон (ум. в 1740) — барон, дипломат, секретарь А. Д. Меншикова.

Голицыш Михаил Михайлович (1675—1730) — князь, генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии, член Верховного тайного совета, ближайший сподвижник Петра I.

Головин Автоном Михайлович (1667—1720) — боярин, гене-рал-от-инфантерии, с 1700 по 1718 г. был в шведском плену, ближайший сподвижник Петра I.

Гордон Петр Иванович (Джон-Патрик) (1635—1699) — шотландец на русской службе, генерал, ближайший сподвижник и "учитель в воинском искусстве Петра I.

Грязев Николай — в 1799—1800 гг. будучи капитаном Московского гренадерского полка, участвовал в последней кампании А. В. Суворова, о чем оставил дневник.

Державин Гавриил Романович (1743—1816) — великий русский поэт XVIII в., один из основоположников современного стихосложения.

Долгоруков Сергей Николаевич (1770—1829) — князь, гене-рал-от-инфантерии, автор «Хроники Российской императорской армии», изданной в 1797 г.

Екатерина I Алексеевна (1684—1727) — императрица с 1721 г., правила страной с 1725 г., вторая жена Петра I, мать Елизаветы Петровны.

Екатерина II Великая (1729—1796) — императрица с 1762 г., урожденная София-Фредерика Амалия, принцесса Ангальт-Церб-стская, в 1745 г. вышла замуж за великого князя Петра Федоровича, наследника российского престола.

Елизавета Петровна (1709—1761) — императрица с 1741 г., цесаревна, дочь Петра I и Екатерины I.

Зубов Алексей Федорович (1682—1751) — гравер, один из лучших учеников А. Шхонебека, начальник Санкт-Петербургской гравировальной мастерской.

Иоанн VI Антонович (1740—1764) — император с 1740 г., сын герцога Антона Ульриха Брауншвейг-Мекленбургского и Анны Леопольдовны, племянницы императрицы Анны Иоанновны, свергнут в 1741 г. Елизаветой Петровной, заточен в тюрьму в Шлиссельбурге, где впоследствии убит.

Карл XI (1655—1697) — король шведский с 1660 г., отец Карла XII.

Керхен (Кирхен) Марк Богданович фон — генерал, командир Преображенского полка в период Северной войны.

Константин Павлович (1779—1831) — цесаревич с 1799 г., генерал-инспектор кавалерии, сын Павла I и брат Александра I.

Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813) — светлейший князь Смоленский, генерал-фельдмаршал, выдающийся полководец, сподвижник А. В. Суворова.

Лонжерон Александр Федорович (1763—1831) — граф, гене-рал-от-инфантерии, в русской службе с 1790 г., выходец из Франции.

Ласси Петр Петрович (1678—1751) — генерал-фельдмаршал, на русской службе с 1700 г., выходец из Ирландии.

Левенгаупт Адам-Людвиг (1659—1719) — граф, шведский генерал-лейтенант, с 1709 г. находился в русском плену.

Лефорт Франц Яковлевич (1656—1699) —> генерал-адмирал, в России с 1675 г., друг и любимец Петра I, выходец из Швейцарии.

Людовик XIV (1638—1715) — король Франции с 1643 г.

Манштейн Христофор Герман (1711 —1757) — генерал-майор прусской службы, с 1736 по 1744 г. служил в России в качестве адъютанта Б. Миниха,

Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — светлейший князь Римской империи, герцог Ижорский, генералиссимус, сенатор, президент Военной коллегии, член Верховного тайного совета, фаворит Петра I и Екатерины I.

Миних Бурхард Христофор (1683—1767) — граф, генерал-

фельдмаршал, президент Военной коллегии, премьер-министр, датчанин, в России с 1721 г.

Михаил Федорович (1596—1645) — царь с 1613 г., первый из династии Романовых, отец Алексея Михайловича.

Огильви Георг Венедиктович (р. в 1644) — генерал-фельдмаршал, шотландец, в России с 1704 по 1706 г., сподвижник Петра I.

Олиц Петр Иванович (ум. в 1771) — генерал-аншеф, сподвижник П. А. Румянцева.

Панин Петр Иванович (1721 —1789) — граф, генерал-аншеф, сподвижник П. А. Румянцева.

Петр I Великий (1672—1725) — царь с 1682 г. (совместно с Иваном V), император с 1721 г., знаменитый полководец и выдающийся монарх, коренным образом преобразовавший Россию.

Петр II Алексеевич (1715—1730) — император с 1727 г., сын царевича Алексея Петровича, умер от оспы.

Петр III Федорович (Карл Петер Ульрих) (1728—1762) — император с 1761 г., сын царевны Анны Петровны и герцога Голштинского Карла Фридриха, свергнут с престола собственной женой и убит.

Павел I Петрович (1754—1801) — император с 1796 г., сын Петра III и Екатерины II, убит заговорщиками в Михайловском замке в Санкт-Петербурге.

Племянников Петр Григорьевич (ум. в 1773) — генерал-аншеф, сподвижник П. А. Румянцева.

Потемкин - Таврический Григорий Александрович (1739—1791) — светлейший князь Римской империи, генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний, фаворит Екатерины II, выдающийся военный и государственный деятель.

Репнин Аникита Иванович (1668—1726) — князь, генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Лифляндии, президент Военной коллегии, сподвижник Петра I.

Репнин Василий Аникитич (ум. 1748) — князь, генерал-аншеф, генерал-фельдцейхмейстер, шеф Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса.

Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753—1840) — генерал-от-инфантерии, сподвижник А. В. Суворова.

Ришелье Арман-Жан дю Плесси (1585—1642) — герцог и кардинал, выдающийся государственный деятель Франции, друг и советник короля Людовика XIII.

Розенберг Андрей Григорьевич (1740—1813) — генерал-от-инфантерии, Смоленский военный губернатор, командующий русским корпусом в Италии в 1799 г., сподвижник А. В. Суворова.

Росс Карл Густав — шведский генерал-майор, в 1709 г. при Полтаве был командующим 3-й пехотной колонны армии Карла XII.

Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826) — граф, член

императорского совета, генерал-от-инфантерии, Московский главнокомандующий, фаворит Павла I.

Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796) — граф, генерал-фельдмаршал, знаменитый полководец эпохи Екатерины Великой.

Савойский Евгений (1663—1736) — принц Кариньянский, знаменитый австрийский полководец, президент гофкригсрата Священной Римской империи.

Святослав Игоревич (ум. в 972) — великий князь Киевский с 945 г. (приблизительно), знаменитый былинный полководец, разгромивший Хазарский каганат, совершавший походы на Волжскую Булгарию, Болгарию и Византию, погиб в бою с печенегами.

Стенбок Магнус (1663—1717) — граф, шведский генерал, сподвижник Карла XII, в 1713 г. попал в плен к датчанам, отвезен в Копенгаген, где и умер в тюрьме.

Суворов Александр Васильевич (1730—1800) — граф Рымник-ский, князь Итальянский, генералиссимус, знаменитый полководец и выдающийся государственный деятель.

Суворов Василий Иванович (1705—1775) — генерал-аншеф, сенатор, генерал-губернатор Кенигсберга, отец знаменитого полководца.

Трубецкой Иван Юрьевич (1667—1750) — князь, генерал-фельдмаршал, сенатор, сподвижник Петра I.

Тучков 2-й Сергей Алексеевич (1767—1839) — генерал-лейтенант, сподвижник А. В. Суворова и М. И. Кутузова.

Фермор Виллим Виллимович (1702—1771) — граф Римской империи, генерал-аншеф, начал службу адъютантом Б. Миниха, с 1758 по 1760 г. главнокомандующий русскими войсками, сподвижник Салтыкова.

Фридрих II Великий (1712—1786) — король Прусский с 1740 г., знаменитый полководец XVIII в., противник России в Семилетней войне.

Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784) — граф, генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии, друг и доверенное лицо великого князя Петра Федоровича.

Шереметев Борис Петрович (1662—1719) — граф с 1706 г., генерал-фельдмаршал, виднейший из сподвижников Петра I.

Штейнау Адам Генрих (ум. в 1712) — граф, генерал-фельдмаршал саксонской и коронной польской службы, сподвижник короля Августа Сильного, союзника Петра I.

Шувалов Петр Иванович (1710—1762) — граф, генерал-фельдцейхмейстер, впоследствии фельдмаршал, выдающийся военный и государственный деятель эпохи Елизаветы Петровны.

Эреншельд Нильс (1674—1728) — шведский штурмбанхт (контрадмирал).

Юль Юстус (1664—1715) — датский адмирал, с октября 1709 г. по лето 1712 г. был посланником в России, о чем оставил записки.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

Авангард — передовой отряд армии.

Аксельбант — наплечное украшение в виде сплетенных шнуров.

Артикул — статья, часть воинского устава, а также оружейные приемы.

Атлас — вид шелковой материи, плотная ткань с лоском.

Батарейный замок — наиболее распространенный в XVIII в. вид кремневого замка. Свое название получил от соединенных в одну деталь батареею, огнива и крышки пороховой полки.

Беленый ремень (амуниция) — кожаный ремень, выкрашенный в белый цвет с помощью мелового раствора.

Вердепомовый цвет — светло-зеленый.

Верблюжий цвет — серо-коричневый (цвет верблюжей шерсти).

Воинская арматура — старинное название всех предметов вооружения и снаряжения воина в XVIII в.; этим термином часто называли различные декоративные композиции из оружия и предметов военного снаряжения.

«Всевидящее око» — промысел божий, всеведение; в иконописи символически изображалось как око в лучах, часто заключенное в треугольник; с начала XVIII в. появляется в отечественной военной и государственной символике.

Выборный полк — термин XVII в., обозначавший воинскую часть, набравшую из лучших солдат.

Галун — плетеная или тканая тесьма, применявшаяся при отделке одежды и снаряжения.

Гусар — в XVI в. самоназвание воина мадьяро-сербской конницы; в XVIII—XIX вв. солдат легкой кавалерии, одетый и вооруженный на венгерский манер.

Аефиля — узкое место, горный проход; с точки зрения тактики XVIII в. — местность, не позволяющая развернуть войска в боевую линию или использовать сомкнутый строй.

Дротик — первоначально легкое метательное копье; в XVIII в. этот термин часто применялся к металлическому наконечнику знаменного древка.

Егерь — синоним охотника или лесника; в армии XVIII в. так называли солдат, обученных меткой стрельбе и рассыпному строю.

Епанча — верхняя одежда, широкий плащ без рукавов, часто с большим круглым воротником, который можно было использовать как капюшон.

Единорог — русское орудие, сочетавшее в себе свойства пушки и гаубицы, способное стрелять ядрами и гранатами.

Железный цвет — ярко-синий (один из оттенков железа).

«Зубок свиной» — давящий инструмент, использовавшийся в работах по коже; изготавливался из коренного зуба свиньи.

Иноземного строя войска (полк) — термин, относившийся к вновь набранным, обученным иностранными офицерами на европейский манер войскам.

Кадет — воспитанник военной школы.

Камка — вид шелковой материи, китайская ткань с разводами.

Кампания — подразделение, соответствующее по численности роте.

Капрал — младший командир, равный по чину современному ефрейтору.

Капральство — кроме прямого смысла, воинское подразделение под командой капрала, в XVIII в. часто обозначало артель-группу солдат, имевших общий котел, палатку и ведущих совместно хозяйство.

Карабинер — солдат, вооруженный карабином (укороченным ружьем).

Каразея — редкая, грубая шерстяная материя, идущая на подкладку мундира.

Китайка — простая бумажная ткань, первоначально мутно-желтого цвета.

Китовый ус — роговые пластины из пасти кита, использовавшиеся для изготовления каркасов, в частности для гренадерских шапок.

Кроат — солдат иррегулярных пограничных сербо-хорватских формирований австрийской армии.

Когорта — римское название воинского подразделения, численностью близкого к батальону XVIII в.

Кокарда — матерчатый бант на шляпе, служивший знаком принадлежности к войскам какого-либо государства.

Ландмилиция — территориальное ополчение; в XVIII в. поселенные пограничные войска, получившие по сравнению с казаками регулярное устройство.

Легион — римское название крупного самостоятельного армейского подразделения; в XVIII в. название специальной воинской части, представлявшей из себя отдельный корпус, имевший в составе все роды оружия, т. е. пехоту, кавалерию и артиллерию.

Лядунка — небольшой патронташ, патронная сума кавалериста.

Магистр ордена — высший чин средневековой военнр-духовной организации.

«Марш» — барабанный сигнал, обозначавший начало движения.
Маркигант — торговец, следовавший за армией, сбывая войскам съестные и другие припасы.

Милиция — ополчение граждан, собираемое в случае военной опасности.

Мушкетон — короткое крупнокалиберное ружье для стрельбы картечью.

Недоросль — юноша; в XVIII в. — молодой дворянин, не достигший по возрасту срока воинской повинности.

Новоприборный (полк) — вновь набранный, заново сформированный, вновь созданный полк.

Огниво — деталь кремневого замка, при ударе о которую курок высекает искру.

Однодворцы — в XVIII в. сословие лично свободных земледельцев, образовавшееся из дворян и «детей боярских» (см. «сын боярский»), утративших свои поместья.

Ольстра — кобура для пистолета, обычно употреблялась в кавалерии.

Палуба — крытая повозка артиллерийского обоза.

Партикулярный — гражданский, штатский и т. д.

Петлица — первоначально обшивка из галуна вокруг петли для пуговицы, в XVIII в. один из популярнейших типов украшения военного костюма.

Пикет — пост караула.

Пицаль — старинное длинноствольное огнестрельное оружие,

Плюмаж — украшение из перьев, идущее по краю полей шляпы, также бахромы из шерсти или конского волоса по краю козыря шапки.

Подсошка — подставка для мушкета в XVII в.; в Европе называлась фуркет, в России использовалась редко, обычно заменялась бердышом.

Позитура — воинская выправка, позиция строевого упражнения.

Позумент — галун из металлической нити.

Померанцевый (цвет) — красно-оранжевый (цвета апельсина).

Пороховая натруска — небольшой сосуд со специальным приспособлением, служивший солдату для насыпания пороха на полку ружейного замка.

Портище — мера количества, обычно обозначавшая отрез ткани или комплект фурнитуры (около дюжины или немного более пуговиц и т. д.) для нашивки на одежду.

Порты — в XVIII в. старинное название рубахи и штанов из грубого домотканого холста.

«Поход» — барабанный сигнал, игравшийся при выступлении и движении войск.

Пуховая шляпа — шляпа из фетра, сваленного из суконного очеса (пуха).

Плюсовый (цвет) — черно-коричневый (цвет блохи).

Развод — церемония распределения солдат на отряды для несения службы; так, например, при разводе караула происходило деление (развод) на гауптвахту (главный караул), пикеты (отдельные посты) и т. д.

Ранжир — чин, ранг, степень или порядок построения воинского подразделения; первоначально название доски, по которой выравнивали солдат.

Рекрут — новобранец.

Ретирада — отступление, отход.

Рогатка — полевое переносное ограждение против кавалерии в виде скрепленных копий, соединенных в линию на одном бруске.

Рогатина — короткое копье с большим наконечником, в XVIII в. использовалось при охоте на крупного зверя (кабана, медведя и т. п.).

Роспуски — открытая повозка артиллерийского обоза.

Рунд — поверка, обход караулов.

«С поля» — термин, противоположный по значению выражению «в поле»; обозначал действие с каким-либо предметом. Например, носить шляпу «с поля» значило надевать ее поперек, алебарда и эспонтон брались «с поля» вниз наконечником, а знаменем салютовали «с поля», наклоня его не прямо перед собой, а вбок.

Светло-железный (цвет) — темно-шаровый (оттенок железа). Стрелец — в XVII—XVIII вв. воинское сословие, составлявшее иррегулярную пехоту.

Султан — украшение на головном уборе из перьев или конского волоса в виде стоячей кисти.

Сюртук — в XVIII в. повседневный вид мундира, заменявший в бытовой обстановке строевой кафтан; отличался большим многообразием форм.

«Сын боярский» — первоначально младший дружинник в русском войске; к XVII в. воинское сословие, составлявшее вместе с мелким дворянством поместную конницу.

Темляк — украшение на эфесе холодного оружия в виде петли из тесьмы или кожи с кистью на конце.

«Уборный» сержант — гвардейский сержант, несший караульную службу при парадных выходах российской императрицы.

Урядник — старинное название младшего командира; в XVIII в. сохранилось в казачьих войсках.

Фламы — аппликации на углах знаменного полотнища в виде языков пламени.

Финифть — обозначение любых цветных деталей на металлических деталях обмундирования.

Фурк — небольшая повозка артиллерийского обоза.

Флигельман — правофланговый солдат, по которому прочие выполняют строевые упражнения.

Цирюльник — парикмахер, в XVIII в. в войсках нестроевой солдат, выполнявший обязанности фельдшера.

Шаржировать — заряжать ружье.

Шеф полка — воинский чин, обычно генерал, ответственный за этот полк, иногда и командующий им.

Шлаг — старинная ручная граната.

Шнапзак — сухарный мешок.

Штиблеты — накладные голенища с боковыми застежками, из полотна, кожи или сукна.

Штоф — вид шелковой материи, плотная ткань, обычно с узорами и разводами.

Яхонтовый (цвет) — темно-фиолетовый (цвета голубого рубина).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованные источники

1. РГВИА. Ф. 12. Оп. 11. Д. 16.
2. РГВИА. Ф. 12. Оп. П. Д. 1377.
3. РГВИА. Ф. 15. Оп. 1/128. Св. 46.
4. РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1171.
5. РГВИА. Ф. 32. Оп. 1/120. Д. 105.
6. РГВИА. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 16.
7. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 440 (м/ф).
8. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 602.
9. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 613.
10. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 16560 (м/ф).

Опубликованные источники

11. Суворов А. Ф. Из материалов, опубликованных в связи со 150-летием со дня смерти. М., 1951.
12. Суворов А. В. Сборник документов. Т. I. М., 1949.
13. Болотов А. Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова 1737—1796. Т. 1. Тула, 1988.
14. Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584—1725. Вып. 2. Б. м. Б. г.
15. Военные уставы Петра Великого: Сборник документов. М., 1946.
16. Воинский устав, составленный и посвященный Петру Первому Генералом Вейде в 1698 г. СГ16., 1841.
17. Генералиссимус Суворов: Сборн. документов и материалов. М., 1947.
18. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 гг. // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993.
19. Донесения и другие бумаги чрезвычайного посла английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 гг. // Сборн. Русск. Историч. Общ. СПб., 1884. Т. 39.
20. Его Императорского Величества Воинский Устав о Полевой Пехотной службе. Смоленск, 1797.
21. Желябужский И. А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I. М., 1985.
22. Журнал или поденная записка Петра Великого. Ч. I. СПб., 1770.
23. Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990.

24. Записки Густава Фон-Штрاندмана. 1771 г. // Русская Старина, 1884. Кн. VII.
25. Записки Манштейна о России. СПб., 1875.
26. Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейг-ского резидента Вебера // Русский Архив. 1872. Стб. 1098.
27. Записки Юста Юля // Русский Архив. 1892. Кн. 2.
28. Из бумаг графа Румянцева за 1760 год // Военный сборн. 1909. № 8.
29. Из записок фельдмаршала Ф. В. Сакена. 1799 // Русский Архив. 1900. Кн. 1.
30. К истории Семилетней войны. Записки пастора Теге // Русский Архив. 1864. Кн. II, 12.
31. Корб И. Г. Дневник путешествия через Московию (1698 и 1699). СПб., 1906.
32. Лонжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская Старина. 1895. Кн. LXXXII, LXXXIII, LXXXIV.
33. М. И. Кутузов: Сборн. документов. Т. 1. М., 1950.
34. Мнение князя Потемкина об обмундировании войск // Русский Архив. 1888. Кн. 3.
35. Моро-де-Бразе. Записки бригадира Моро-де-Бразе // Пушкин А. С. Поли. соб. соч. М., 1950. Т. 10. С. 293—339.
36. Мосолов С. И. История моей жизни. Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мосолова // Русский Архив. 1905. Кн. 1—3.
37. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 3. СПб., 1895.
38. Письмо вояжира из Риги // Архив Князя Воронцова. Царствование Елизаветы Петровны. Кн. 6. М., 1883.
39. ПСЗРИ. Том XLIII. Ч. 1. 1830. Книга штатов. Отд. 1. Кн. 12. 494.
40. Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно. М., 1955.
41. Превратности судьбы // Русский Архив. 1898. Кн. 1.
42. Турецкая война при императрице Анне: Современная рукопись // Русский архив. 1878. Кн. 1.
43. Фельдмаршал Румянцев: Сборн. документов и материалов. М., 1947.
44. Энгельгардт Л. Н. Записки // Русские мемуары. Избр. стр. XVIII в. М., 1988.
45. Юношеские воспоминания принца Евгения Вюртембергского // Русский Архив. 1878. Кн. 1. Работы.

Монографии и статьи

46. Азанчевский 1-й. История Преображенского полка. М., 1859.
47. Бобровский П. О. История 13-го Лейб-Гренадерского Эриксонского Его Величества полка за 250 лет. Т. 1—3. СПб., 1892.

48. Бобровский П. О. История Лейб-Гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб., 1900.
49. Бобровский П. О. История Лейб-Гвардии Преображенского полка. Т. 1. Прил. I. СПб., 1900.
50. Богуславский Л. А. История Апшеронского полка. 1700—1892. Т. 1. СПб., 1892.
51. Бородин М. Русская армия при Екатерине II. Военно-исторические заметки // Военный сборник. 1909. № 8.
52. Васильев А. А. О составе русской и шведской армии в Полтавском сражении // Военно-историч. ж-л. 1989. № 7.
53. Гулевич С. А. История 93-го пехотного Иркутского Его Императорского Высочества Великого князя' Михаила Александровича полка. 1783—1913 гг. СПб., 1914.
54. Звегинцов В. В. Знамена и Штандарты Русской Армии от XVI в. до 1914 г. Париж, 1963.
55. Звегинцов В. В. Русская Армия. Ч. 1—3. Париж, 1970.
56. Зезюлинский Н. К родословной 34 пехотных полков Петра I. Пг., 1915.
57. Из прошлого. Исторические материалы Лейб-Гвардии Семеновского полка. СПб., 1911.
58. Историческое обозрение Лейб-Гвардии Измайловского полка. 1730—1850. СПб., 1850.
59. История Лейб-Гвардии гренадерского полка. М., 1887.
60. Карпущенко С. В. О мундирном довольствии русских артиллеристов в Северной войне 1700—1721 гг. // Сборн. ИМАИМ. Вып. 5. Л., 1990.
61. Канунников А. Положить левую руку на Евангелие // Родина. М., 1993. № 12.
62. Керсновский А. А. История русской армии. В 4 т. Т. 1. М., 1992.
63. Летин С. А. Гвардия Петра Великого 1702—1725 гг. // Орел. № 1. Л., 1992.
64. Летин С. А. Мундиры русского генералитета 1745—1764 // Цейхгауз. № 1. М., 1991.
65. Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992.
66. Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV—XVIII веков. М., 1992.
67. Масловский Д. Ф. Материалы к истории военного искусства в России. Вып. 3. СПб., 1891.
68. Масловский Д. Ф. Русская армия в семилетнюю войну. Вып. 1—3. СПб., 1886—1891.
69. Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен Императора Петра Великого и Императрицы Елизаветы. М., 1883.
70. Матвеев В. Русский военный оркестр. М., 1965.
71. Мышлаевский А. 3. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 гг. СПб., 1896.

72. Мышковский Е. В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны 1700—1721 гг. // Сборн. ИМАИМ. Вып. 4. Л., 1959.

73. Николаев Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. 1—3. СПб., 1898—1902.

74. Орлов Н. А. Поход Суворова в 1799 г.: По зап. Грязева. СПб., 1898.

75. Попов Н. Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Т. 1. М., 1902.

76. Пузыревский А. А. Развитие постоянных регулярных армий в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889.

77. Пузыревский А. А. Начало постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого // Военный сборн. 1889. № 1.

78. Рабинович М. А. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. № 59. М., 1956.

79. Рабинович М. А. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I: Сборн. ст. М., 1973.

80. Рабинович М. А. Полки петровской армии 1698—1725. Кратк. справочн. М., 1977.

81. Русская армия в конце XVIII века: Каталог выставки. Звенигород, 1990.

82. Семека С. М. Медицинское обеспечение русской армии во время Семилетней войны 1756—1763 гг. // Очерки истории военной медицины в России. Т. 4. М., 1951.

83. Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России 1725—1825. М., 1991.

84. Столетие Военного Министерства. Главный штаб. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. Ч. I. Кн. I. Отд. I. СПб., 1902.

85. Столетие военного Министерства. Главный штаб. Образование (обучение) войск. Ч. I. Кн. II. Отд. III. СПб., 1903.

86. Сыромятшикова И. С. История прически. М., 1983.

87. Чичерин А. К. История Лейб-Гвардии Преображенского полка. 1683—1883 гг. Т. I. СПб., 1883.

СОДЕРЖАНИЕ ОТ АВТОРОВ

5

ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ К СЛАВЕ

7

МЕЖВРЕМЕНЬЕ

65

РЕФОРМЫ «ЗОЛОТОГО ВЕКА»

123

«ОДНООБРАЗНАЯ КРАСИВОСТЬ»

193

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Список упоминаемых единиц измерения

253

2. Штатное, расписание полков пехоты

254

3. Полки Российской полевой пехоты в XVIII в.

262

4. Список имен, упоминаемых в тексте

282

5. Краткий словарь понятий и терминов

286

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

291